

Воронежский институт МВД России

**ОХРАНА И ЗАЩИТА ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ**

Монография

**Воронеж
2016**

ББК 67.41
О-92

Коллектив авторов: Зражевская Т.Д., — введение, 2.1, заключение;
Киричек Е.В., —1.1, 2.2, 3.1, 3.2;
Кирнос А.В., —1.2, 2.1;
Колесников В.А. —1.2, 2.1;

*Рецензенты: профессор кафедры теории и истории государства и права
Воронежского государственного университета д-р юрид.
наук, профессор Ю.В. Сорокина;
начальник экспертно-правового управления аппарата
Уполномоченного по правам человека в Российской
Федерации канд. юрид. наук С.В. Сабаева*

Охрана и защита прав и свобод человека в Российской Федерации :
О-92 монография / Т.Д. Зражевская [и др.]. — Воронеж : Воронежский ин-
ститут МВД России, 2016. — 255 с.

ISBN 978-5-88591-488-8

В монографии на основе комплексного анализа рассмотрены современные доктринальные, историко-правовые, конституционно-правовые, международно-правовые и организационно-правовые аспекты охраны и защиты прав человека и гражданина.

Предназначена для юридических факультетов образовательных организаций высшего профессионального образования, а также для всех интересующихся проблемами правового регулирования в области прав человека.

О 1203021100-37 49(II)-16
221-16

ББК 67.41

ISBN 978-5-88591-488-8© Воронежский институт МВД России, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Права человека: важнейшие концептуальные подходы	
1.1. Права человека: понятие, сущность, специфика классификации	7
1.2. Становление и эволюция концепта прав человека	35
Глава 2. Современные международно-правовые и конституционно-правовые основы прав человека	
2.1. Современная система международно-правовых стандартов в области прав человека	86
2.2. Специфика современного конституционно-правового закрепления прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.....	127
Глава 3. Современный организационно-правовой механизм обеспе- чения, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в Россий- ской Федерации	
3.1. Конституционно-правовой анализ понятий «обеспечение», «реализация» («осуществление»), «охрана» и «защита» в контексте прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.....	187
3.2. Особенности конструирования организационно-правового механизма обеспечения, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации.....	209
Заключение	251

Введение

Права и свободы человека как с позиции их теоретических разработок в социальных науках вообще (и в юриспруденции в особенности), так и с точек зрения целенаправленного правового регулирования и обладающей реальным показателем законности юридической практики имеют давнюю и сложную историю.

Конституция Российской Федерации в статье 2 гласит: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью. Признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина — обязанность государства».

Вообще, в современном Основном законе государства традиционно закрепляется совокупность прав человека, определённых в нормах международного права и общепризнанных мировым сообществом, минимум социальных благ и свобод, необходимых для достойного существования любого физического лица, находящегося на территории данного государства.

Ситуации, при которых не соблюдаются права и свободы человека и гражданина, могут быть весьма разнообразными. Они возникают в результате юридических конфликтов (ввиду тех или иных правонарушений, совершения субъектами права действий, по своей юридической сущности отклоняющихся от требований правовых норм, но правонарушениями не являющихся).

Кроме того, достаточно часто возникает необходимость в ограничении прав и свобод субъектов ввиду необходимости осуществления уполномоченными органами и должностными лицами публичной власти превентивного государственного принуждения.

Во всех подобных случаях вопросы охраны и защиты прав и свобод граждан имеют первостепенное значение, независимо от того, носят ли социальные взаимодействия физических и юридических лиц частно-правовой или публично-правовой характер.

Авторы исходили из того, что любые исследования правовой материи должны носить комплексный характер. Анализ доктрины общей теории права, трудов отечественных и зарубежных учёных, разработок теории конституционного права, действующих и утративших юридическую силу нормативных правовых актов, обзор соответствующих международно-правовых стандартов, а также видовое разнообразие общественных отношений, непосредственно связанных с охраной и защитой прав и свобод человека, дали основания авторам построить своё исследование в рамках трёх глав.

В первой главе «Права человека: важнейшие концептуальные подходы» авторы строят исследование, отталкиваясь как от общетеоретических правовых позиций, так и от историко-правового обзора исследуемых общественных отношений, весьма широко используя при этом метод сравнительного правоведения. В указанной части работы авторы анализируют понятия

прав человека, раскрывают их сущность и исследуют разнообразные варианты их классификации. Здесь же раскрываются вопросы становления и эволюции концепта прав человека. При этом исследуются как доктринальные разработки юридических и иных общественных наук, так и источники права применительно к условиям различных типов социокультур в аграрную и индустриальную эпохи.

Вторая глава «Современные международно-правовые и конституционно-правовые основы прав человека» предполагает детальное рассмотрение современной системы международно-правовых стандартов в области прав человека, оценку степени соответствия указанным стандартам национального законодательства и исследование особенностей закрепления прав и свобод человека и гражданина в современной России на уровне норм конституционного права.

Третья глава «Современный организационно-правовой механизм обеспечения, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации» представляет собой дальнейшее углубление вопросов конституционно-правовых основ прав человека, охарактеризованных в предыдущей главе. Соответствующие материалы охватывают обзор термина «организационно-правовой механизм» в современных исследованиях отечественных авторов, разработку теории организационно-правового механизма охраны и защиты прав и свобод субъектов, характеристику элементов указанной юридической конструкции. Кроме того, производится подробная оценка особенностей юридического содержания понятий «охрана прав и свобод» и «защита прав и свобод», их теоретических и законодательных сходств и различий.

Особенностью монографии является преимущественное исследование заявленной темы с материально-правовых, а не процессуальных позиций. Авторы полагают такое положение дел оправданным. Прежде всего это обусловлено тем, что, в основном, базовые конституционные положения об охране и защите прав и свобод человека и гражданина имеют иную (помимо конституционно-правовой) отраслевую конкретизацию на уровне законов и подзаконных нормативных правовых актов.

Поэтому детальное исследование процессуальных механизмов, при помощи которых осуществляется защита прав и свобод субъектов, например, в рамках стадий уголовного процесса, при разрешении различных споров частно-правового характера (недолжное исполнение договорных обязательств, причинение внедоговорного вреда), при разрешении трудовых споров, при разрешении конфликтов в общественных отношениях, в которых граждане реализуют свои субъективные публичные права, руководствуясь нормами административного права (дела, связанные с обжалованием действий и решений органов и должностных лиц публичной власти, защитой прав участников производства по делам об административных правонарушениях, разрешение вопросов, связанных с конфликтными ситуациями в

государственно-служебной сфере и т.п.) — задача наук уголовного, гражданского, трудового, административного права и иных отраслевых юридических наук.

Определение общетеоретических основ охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, изучение данных общественных отношений с позиций историко-правовой динамики, международного права, науки национального публичного права (ведущее место в котором занимает теория права конституционного) неоднократно подвергались аналитическому рассмотрению в юридической литературе.

Эти вопросы в разные временные периоды исследовали отечественные ученые: С. С. Алексеев, О. С. Йоффе, В. С. Нерсисянц, В. В. Лазарев, М. В. Баглай, О. Е. Кутафин, Н. В. Витрук, Ю. А. Тихомиров, Н. И. Матузов, Г. Ф. Шершеневич, Б. С. Эбзеев, Н. М. Коркунов, Е. А. Лукашева, Б. А. Успенский, Ю. М. Лотман, А. Х. Саидов, А. С. Мордовец, А. Ю. Григоренко и ряд других.

Значителен вклад в исследование проблематики теоретического признания, государственного правового регулирования и фактической обеспеченности защитой прав человека следующих зарубежных учёных-философов, юристов, социологов, политологов: Г. Кленнер, Г. Дж. Берман, Дж. Дьюи, Ф. А. Хайек, Ф. Фукуяма, Д. Х. Хэллоуэлл, Ла Босси де Э. и др.

Работы этих учёных использованы при проведении данного исследования.

Представляется, что научно-обоснованные выводы, представленные в монографии, смогут поспособствовать совершенствованию не только отечественной доктрины и юридической практики в сфере охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, но и улучшению характеристик таких базовых направлений деятельности органов государственной власти, как законотворчество, правосудие и государственное управление.

Авторы не претендуют на безапелляционность сделанных выводов и будут благодарны за все конструктивные критические замечания в адрес работы.

Глава 1

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА: ВАЖНЕЙШИЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ПОДХОДЫ

1.1. Права человека: понятие, сущность, специфика классификации

Термин «права и свободы человека и гражданина» в науке и практике употребляется достаточно часто. Трудно найти ученого-юриста, который в той или иной мере не затрагивал бы это понятие. Такое частое обращение формирует мнение о его достаточной изученности. Вместе с тем это далеко не так.

Исследование научной литературы по различным отраслям права и юридической практики свидетельствует о том, что в определении сущности «прав и свобод человека и гражданина» среди ученых и практиков нет единства. Они определяют их по-разному: как права, возможности, ценности, правомочия, потенции действий человека, как меру юридически возможного поведения и т. д.

В известной мере такая ситуация явилась следствием нарушения принципа преемственности при реализации коренных преобразований в общественной и государственной жизни. «В каждой стране, — указывает Ю. А. Тихомиров, — меняются государства со своими элементами, и подчас оказывается трудно определить меру сохраняемого «старого» и меру устанавливаемого «нового»¹. Данное обстоятельство, безусловно, осложняет разработку общей теории прав человека.

Вместе с тем это не означает, что российское общество и государство развиваются (в области прав и свобод человека и гражданина) «хаотично». В тексте действующей Конституции Российской Федерации, иных нормативных правовых актах, научной литературе можно рассмотреть государственные цели и приоритеты в этом направлении, однако в данном случае понадобятся определенные герменевтические (интерпретационные, истолковывающие) навыки.

Любая наука, нормы, практическая деятельность людей требуют правильного использования слов и словосочетаний, точной терминологии. Необходимо, чтобы слово или словосочетание, даже знак препинания правильно отражали существующую действительность. В этом состоит суть и квинтэссенция герменевтического подхода.

Очевидно, что все эти подходы не претендуют на истину в последней инстанции, вместе с тем они являются следствием рассмотрения данного явления через призму интересов представителей различных научных школ. В связи с этим нельзя не согласиться с каждой из существующих позиций, ибо

¹ Тихомиров Ю. А. Государство на рубеже столетий // Государство и право. — 1997. — № 2. — С. 27.

в их индивидуальном творческом подходе непременно содержатся некоторые элементы того объемного содержания, которым обладает понятие «права и свободы человека и гражданина».

Представляется правильной позиция Н. Н. Моисеева, который резко отрицательно относится к «теории универсализации» прав человека, якобы одинаково пригодных для населения всей планеты. Это такая же иллюзия, как и представление о возможности однозначной интерпретации представлений о добре и зле. Попытки унификации понятия прав человека говорят лишь о незрелости нашей планетарной цивилизации или, лучше сказать, цивилизаций, непонимании того общего процесса самоорганизации, которым определяется развитие общества¹.

Права и свободы человека и гражданина имеют существенное значение для понимания современного общества, государства и права, особенно в условиях всеобщей модернизации. История человечества обоснованно рассматривается как борьба за утверждение прав и свобод человека и гражданина. Если в недавнем прошлом их определяли в качестве конституционных, основных, субъективных, то в настоящее время в научной литературе все чаще используют формулировку «права и свободы человека и гражданина» либо «основные (конституционные) права и свободы».

Признанные государством права и свободы человека и гражданина подразумевают определенную юридическую возможность выбора варианта поведения. Следовательно, «возможность» представляет собой исходный структурный элемент, дающий первоначальное представление о правах и свободах человека и гражданина. В правовом общении имеющиеся у индивида права и свободы всегда ассоциируются с наличием у него предоставленных законом возможностей².

Концепт возможности позволяет не только обнаружить наиболее значимое свойство прав и свобод человека и гражданина, но, что самое главное, способствует интерпретации понятия, правильно отражающего их действительную природу. Поэтому, хотя в отечественной литературе и существуют различные подходы к определению сущности прав и свобод человека и гражданина, вместе с тем их понятие единогласно определяется через категорию возможности. В свое время В. М. Чхиквадзе обоснованно отмечал, что «понятие субъективного права можно определить через категорию возможности, которая, будучи обеспечена необходимыми средствами, в любое время может быть реализована»³.

Более плодотворным для анализа термина «права и свободы человека и гражданина» является другая существенная черта возможности. Чтобы

¹ Моисеев Н. Н. Судьба цивилизации. Путь разума. — М., 1998. — С. 104—109.

² См.: Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России : учебное пособие. — М., 1997. — С. 130.

³ Чхиквадзе В. М. Государство, демократия, законность. Ленинские идеи и современность. — М., 1967. — С. 339.

стать реальностью, превратиться в действительность, возможность должна проявиться в активной, целенаправленной деятельности человека и гражданина. Для трансформации возможности в действительность, достижения поставленных целей из множества дозволенных и допустимых законодательством Российской Федерации вариантов поведения человек избирает такой, который, по его представлению, более качественно обеспечивает нужные ему результаты.

Сегодня абсолютное большинство государств мира, в т. ч. и Россия, в своих конституциях содержат перечень прав и свобод человека и гражданина, отражающих положения международных актов по правам человека, таких как Всеобщая декларация прав человека от 10 декабря 1948 г.¹, Международный пакт о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г.², Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г.³ и т. д. В совокупности с иными, установленными на внутригосударственном уровне, они предстают в виде прав и свобод человека и прав и свобод гражданина той или иной страны, учитывая и воплощая ее естественно-историческую и национальную специфику, особенности экономического, социального, политического, культурно-духовного характера.

Несмотря на частое тождественное употребление понятий «права» и «свободы», между ними имеются все же достаточно серьезные различия. Данный вопрос в отечественном правоведении является дискуссионным. Как отмечает В. Д. Карпович, понятия «право» и «свобода» являются в значительной степени синонимами; то и другое — субъективное право и свобода человека или гражданина⁴. Вместе с тем следует согласиться с В. В. Лазаревым, который считает, что в различии «права» и «свободы» заложен глубокий смысл. ««Свобода» — это есть самостоятельное поведение носителя свободы, которое должно иметь адекватную форму пользования ею. Свобода человека обеспечивается государством, но не регламентируется им. «Право» (в субъективном смысле) — это четко очерченная государством возможность свободного поведения в тех рамках, которые определены законом»⁵. Так, в ст. ст. 2, 17, 18 и других Конституции РФ речь идет о правах и свободах. Резонно возникает вопрос о признаках, отличающих права человека от его свобод. Следует особо отметить, что по своей юридической сущности и системе гарантий права и свободы тождественны. Они определяют обеспечиваемые государством социальные возможности

¹ Российская газета. — 1998. — 10 дек.

² Ведомости Верховного Совета СССР. — 1976. — № 17. — Ст. 291.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12. — С. 1—5.

⁴ Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В. Д. Карповича. — М. : Юрайт-М; Новая правовая культура, 2002. — С. 259.

⁵ См.: Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев. — М. : Спарк, 2001. — С. 253.

человека и гражданина в различных сферах, т. е. аналогия определяется через правовую возможность.

Что касается различий, то ««права» свидетельствуют о возможности получения каких-либо социальных благ, а «свободы» — о возможности избежать определенных ограничений со стороны государства»¹. Термин «свобода» демонстрирует достаточно широкие возможности индивидуального выбора, не устанавливая границы реального его результата: «каждому гарантируется свобода совести, вероисповедания...» (ст. 28 Конституции РФ); «каждому гарантируется свобода мысли и слова» (ст. 29 Конституции РФ); «каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию» (ст. 37 Конституции РФ). Термин «право», напротив, определяет конкретное поведение человека по его реализации (например, право участвовать в управлении делами государства (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ), право избирать и быть избранным (ч. 2 ст. 32 Конституции РФ)).

Дифференциация понятий «право» и «свобода» имеет важное практическое значение. Если государство в своей конституции провозгласило «право», значит оно ответственно за его обеспечение, а в случае наделения субъектов «свободой» — государство реализует функции контроля, для того чтобы эту «свободу» индивид не мог использовать во вред другим лицам, обществу и государству².

Свобода индивидов и свобода их воли — понятия идентичные. В праве «воля» — это свободная воля, если она соответствует норме и противостоит беззаконию. «Волевой» характер права обусловлен именно тем, что оно (право — это форма свободы человека и гражданина, т. е. свобода их волеизъявления. Итак, правовой порядок, дозволения, обязательства, запреты, ответственность — необходимые условия свободы. Человечество, к сожалению, не придумало какой-либо иной формы выражения свободы и своего бытия, кроме юридической (правовой). «Люди свободны в меру их равенства и равны в меру их свободы. Неправовая свобода, свобода без всеобщего масштаба, единой меры, без права — это не свобода, это идеология элитарных привилегий»³.

Советская юридическая наука этому вопросу уделяла немалое внимание, и он получил значительную разработку. Выводы, однако, делались на базе классово-материалистической методологии и лишь применительно к правам, предоставляемым законами «социалистического государства» своим гражданам и лицам, пребывающим на его территории. В условиях

¹ Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России : учебное пособие. — С. 133—134.

² См.: Головистикова А. Н., Грудцына Л. Ю. Права и свободы человека. Трактровка свободы как важнейшего принципа права // Адвокат. — 2006. — № 7. — С. 26—31.

³ См.: Гурлев А. В. Право человека на достойную жизнь как основная ценность социального государства. — СПб., 2001. — С. 47.

признания в Российской Федерации естественно и неотъемлемо присущих индивиду прав и свобод на уровне международно-правовых стандартов закономерно предполагается учет названного фактора при современных взглядах на основные классификации субъективных прав и свобод. Соответственно, для индивида (физического лица) они сегодня предстают, прежде всего, как права человека и как права гражданина.

Такое деление возникло давно и не в одночасье, о чем свидетельствует хотя бы название известной французской Декларации прав человека и гражданина 1789 г. Сохранилось оно и в подавляющем большинстве деклараций и конституций. Однако, несмотря на то, что эти два понятия контекстуально взаимосвязаны, их содержание не идентично. Права человека происходят из естественного права, а права гражданина — из позитивного, хотя и те и другие носят неотъемлемый (неотчуждаемый) характер. Права человека являются первичными (исходными), они принадлежат всем индивидам с момента рождения независимо от принадлежности к гражданству определенного государства, а права гражданина закрепляются за лицом только в силу его принадлежности к государству (гражданство). Таким образом, гражданин любого государства обладает всем комплексом общепризнанных прав человека¹, а также всеми правами гражданина, признаваемыми в данном государстве.

В юридической литературе высказано мнение, согласно которому права человека носят двойственный характер, они «соединяют в себе как субъективные права, так и международные морально-правовые стандарты. Права человека, содержащиеся в международных документах, но не вошедшие в национальную систему права, не являются субъективными правами граждан конкретного государства. Вместе с тем субъективные права, не носящие всеобщего характера (например, права должностных лиц), не выступают как права человека»².

Права гражданина являются по своей сути своеобразным ограничителем равенства между людьми, поскольку их лишаются лица, проживающие в государстве, но не имеющие его гражданства. Эти права обычно предоставляют гражданам возможность участия в государственных делах, в выборах органов государственной власти, допуска к государственной и муниципальной службе и т. д. Следовательно, индивиды, не имеющие гражданства, такими правами в данном государстве не обладают. Такой подход, признаваемый международным сообществом, объясняется правомерным желанием каждого государства предоставить указанные права только лицам, имеющим устойчивую правовую связь с государством и в полной мере способным исполнять конституционные обязанности. Это не означает, что лица

¹ См.: Саидов А. Х. Общепризнанные права человека / под ред. И. И. Лукашука. — М. : МЗ ПРЕСС, 2002. — 267 с.

² Суркова В. В. К вопросу о двойственном характере прав человека // Власть силы и сила власти : сб. науч. тр. — М., 1996. — С. 62.

без гражданства не несут никаких обязанностей. На них распространяются, например, обязанности соблюдать конституцию и законы, платить налоги и сборы и др.

Некоторыми правами наделяются исключительно граждане по соображениям общенародных интересов (например, в Российской Федерации право частной собственности относится к категории прав человека (ст. 35 Конституции РФ), а право частной собственности на землю — только прав граждан (ст. 36 Конституции РФ)) или в силу особенностей некоторых гарантий (Российская Федерация гарантирует защиту и покровительство за пределами страны только своим гражданам (ч. 2 ст. 61 Конституции РФ)).

В связи с этим конституции зарубежных государств, следуя международно-правовой терминологии, говоря о правах человека, используют слова «каждый имеет право...», «каждый может...», «каждому гарантируется...», «никто не может быть лишен...», «все» и т. д. Права человека подразумеваются и в тех случаях, когда в тексте конституций закрепляется обезличенная обязанность государства что-то «гарантировать», «признавать», «охранять» или «защищать». Когда же речь идет о правах, предоставляемых только лицам, имеющим гражданство данного государства, то употребляется четкая формулировка «граждане имеют право», «гражданин вправе» и т. д. Следовательно, за терминологическим различием стоит различие правового статуса, то есть объема прав и обязанностей человека и гражданина.

Возрождение идеи соотношения понятий «права человека» и «права гражданина» связано, по мнению А. С. Мордовца, с реабилитацией в российской науке естественно-правовой теории, повышением статуса концепции правового государства и гражданского общества¹.

В Конституции РФ (во всех статьях главы 2 «Права и свободы человека и гражданина») последовательно различаются права и свободы по указанному выше принципу. Это также находит свое выражение в формулировках статей. Там, где речь идет о правах и свободах человека, Конституция РФ использует формулировки: «каждый имеет право» (ст. 20, ч. 1 ст. 22, ст. 23 и т. д.), «каждый вправе» (ч. 1 ст. 26), «каждый может» (ч. 2 ст. 27), «каждому гарантируется» (ст. 28, ч. 1 ст. 29, ч. 1 ст. 44, ч. 1 ст. 46) и т. д. Использование таких формулировок подчеркивает признание указанных прав и свобод за любым человеком, находящимся на территории России, независимо от того, является ли он гражданином Российской Федерации, иностранным гражданином или лицом без гражданства.

Наряду с этим в ст. ст. 31—33, 36 сформулированы права, принадлежащие только гражданам Российской Федерации. Это главным образом по-

¹ Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав и свобод человека и гражданина. — Саратов, 1996. — С. 25.

литические права (право собраний, митингов, демонстраций; право участвовать в управлении делами государства; избирать и быть избранным¹; право равного доступа к государственной службе; право на участие в управлении правосудия; право на обращение). Однако ст. 36 закрепляет социально-экономическое право частной собственности на землю только за гражданами и их объединениями.

Итак, важнейшие отличительные черты закрепленных в Конституции РФ основных прав и свобод состоят в том, что они принадлежат человеку от рождения, носят естественный характер, выступают в качестве высшей социальной ценности, являются непосредственно действующими, признаются, соблюдаются и защищаются государством, соответствуют международным стандартам².

Рассматривая понятие прав и свобод человека и гражданина вообще и конституционных в особенности, необходимо также указать, в чьих целях они осуществляются. Цель выражается в интересах человека и гражданина и придает правам и свободам социальную определенность, т. е. указывает на те общности людей, в интересах которых используется то или иное конституционное право или свобода. Важность прав и свобод человека и гражданина состоит не в их существовании, а в той мере, в какой они служат удовлетворению реально существующих потребностей людей и их интересов.

Это своего рода телеологический подход — целевое объяснение сущности конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Для достижения поставленных целей права и свободы предстают как особый социальный инструмент. Аналогично тому, как о характере всякого инструмента судят по его назначению, так и о естестве прав и свобод можно составить истинное представление, зная, чьим интересам они служат.

Каждое право человека, — отмечает Ф. М. Рудинский, — «принадлежит отдельной личности, неотъемлемо от нее и не может быть отчуждено каким-либо способом. Но вместе с тем, вся система прав человека имеет ве-

¹ Согласно ст. 12 Федерального закона «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) «иностранные граждане в Российской Федерации не имеют права избирать и быть избранными в федеральные органы государственной власти, органы государственной власти субъектов Российской Федерации, а также участвовать в референдуме Российской Федерации и референдумах субъектов Российской Федерации». Вместе с тем, «постоянно проживающие в Российской Федерации иностранные граждане в случаях и порядке, предусмотренных федеральными законами, имеют право избирать и быть избранными в органы местного самоуправления, а также участвовать в местном референдуме». См.: Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3032; 2014. — № 30 (ч. 1). — Ст. 4233.

² См.: Матузов Н. И. Теория и практика прав человека в России // Правоведение. — 1998. — № 4. — С. 25—26

личайший социальный смысл. В сущности, это способы защиты человечества от многочисленных угроз его существованию. По своему социальному назначению права человека — средства защиты, с помощью которых человечество стремится отразить разного рода угрозы (термоядерной катастрофы, роста международной преступности и наркомании, голода и нищеты и т. д.)¹.

Члены гражданского общества, граждане государства пользуются правами и свободами как в личных, так и в общественных интересах. Особенно отчетливо этот аспект проявляется в конституционных (основных) правах и свободах. Поэтому при правильном формулировании этого понятия нельзя не учесть указанное положение в его определении.

Требуют дополнительной аргументации используемые в Конституции Российской Федерации понятия «основные» и «конституционные» права и свободы. Как представляется, основные права и свободы человека и гражданина — это права и свободы конституционные. К такому выводу можно прийти, сопоставив некоторые статьи Конституции Российской Федерации, например ст. 17 и ст. 55. Так, в ч. 1 ст. 55 Конституции Российской Федерации закреплено, что «перечисление в Конституции Российской Федерации основных прав и свобод не должно толковаться как отрицание или умаление других общепризнанных прав и свобод человека и гражданина». В ч. 2 ст. 17 Конституции Российской Федерации речь идет о том, что «основные права и свободы человека неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Согласно ч. 1. ст. 17 Конституции Российской Федерации «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с настоящей Конституцией». Все это позволяет сделать вывод о том, что основные права и свободы человека и гражданина по своей сути являются конституционными.

Как видится, при определении сущности конституционных прав и свобод человека и гражданина акцент необходимо делать на их ценностную природу. Это есть аксиологический подход, в основе которого лежит ценностное их восприятие, а критерием истинности выступают общечеловеческие начала.

«Ценность — указывает Н. С. Бондарь, — понятие универсальное и многомерное, оно охватывает все области и уровни социальной жизнедеятельности, в том числе находящиеся в сфере конституционного воздействия»². Формирование ценностных подходов к тому или иному правовому

¹ Рудинский Ф. М. Универсальная концепция прав человека и современная Россия // Право и права человека. Кн. 1 / отв. ред. Л. И. Глухарева. — М., 1998. — С. 39.

² Бондарь Н. С. Аксиология судебного конституционализма: конституционные ценности в теории и практике конституционного правосудия. Серия «Библиотечка судебного конституционализма». Вып. 2. — М. : Юрист, 2013. — С. 13—14.

явлению требует его качественной оценки с учетом всего диапазона полезности, необходимости и целесообразности. «Конституционные ценности — не только общетеоретическая, доктринально-гносеологическая категория, но это и категория действующего права»¹.

Как справедливо отмечает Д. В. Пожарский: «Своим лидерством в иерархии правовых ценностей права человека в немалой степени обязаны либеральной правовой идеологии, существенно повлиявшей на развитие политической и правовой системы России благодаря интеграционным процессам»².

Также в науке неоднократно высказывалась мысль об обязательном включении в определение «конституционные права и свободы человека и гражданина» указания на необходимость их охраны, защиты, гарантирования. Суть данного подхода заключается в том, что права человека и гражданина только тогда превращаются в реальную ценность, когда они надежно охраняются, защищаются и гарантируются. Этот аспект нашел свое отражение в работах Ю. В. Анохина, В. Н. Бутылина, П. П. Глущенко, И. В. Гончарова, А. С. Мордовца, А. В. Стремоухова и др.

Ценностью философская наука признает «сложившуюся в условиях цивилизации и непосредственно переживаемую людьми форму их отношения к общезначимым образцам культуры и к тем предельным возможностям, от осознания которых зависит способность каждого индивида проектировать будущее, оценивать «иное» и сохранять в памяти прошлое»³.

Ценностью является то, что имеет для человека важное значение, особую значимость. Так, согласно Аристотелю, ценность — это «хвалимое благо»⁴.

«Общечеловеческие ценности» универсальны, они стоят выше интересов отдельных людей, различных классов и социальных групп (общностей). Иначе они и не могли бы служить прочными ориентирами, с которыми следует соразмерять любые человеческие действия и намерения. В историческом процессе развития человечества «общечеловеческие ценности» не создаются искусственно, но открываются в этом процессе, интегрируясь в культуру народа⁵.

В силу поступательного развития всего человечества, общей гуманистической направленности, бережного отношения к вековым традициям

¹ Там же. — С. 17.

² Пожарский Д. В. О некоторых проблемах реализации охранительной функции Российского государства в современных условиях // Труды Академии управления МВД России. — 2010. — № 4 (16). — С. 11.

³ Современный философский словарь. — Лондон — Париж — Москва, 1998. — С. 1001.

⁴ Аристотель. Соч. в 4 томах. — М.: Мысль, 1984. — Т. 4. — С. 300—301.

⁵ См.: Глобальные проблемы и общечеловеческие ценности. — М., 1990. — С. 10.

народов категория «общечеловеческие ценности» перевоплотилось в современном мире в универсальное средство определения уровня цивилизованности государства.

Таким образом, «общечеловеческие ценности» отличаются от прочих ценностей тем, что выражают интересы человеческого рода, свободные от различных политических, экономических, национальных, религиозных предрассудков, и в этом качестве выступают императивом развития человеческой цивилизации. Любая ценность означает положительную значимость явления и исходит из интересов отдельного человека и гражданина.

Конечно, важную роль в формировании и утверждении идеологии «общечеловеческих ценностей» имеет концепция естественных прав человека. Концептуальное понятие естественного права неразрывно связано с естественными правами человека. Сами эти категории имеют одно исходное начало. Поэтому можно говорить, что индивид имеет право на право, на обладание правами. Каждый человек, определяя и выбирая ценности, придает им разумную значимость, т. е. выстраивает в заранее заданной иерархической системе. При таком подходе возникает вопрос: существуют ли вечные ценности? Ответ на этот вопрос можно найти в работах В. Виндельбанда, который считает, что общечеловеческие ценности предполагают осмысление единства человеческого рода, есть такие абсолютные ценности, которые значимы для всего человеческого рода, без них единство человечества не было бы столь тотальным¹.

В юриспруденции понятие «ценность» не занимает места, соответствующего его реальной значимости. В отечественной юриспруденции существуют различные точки зрения относительно понятия «ценность», которые можно сгруппировать следующим образом: Ценность — это: 1) способность, потенциальная функция (В. М. Баранов, И. Л. Петрухин); 2) явления, возникающие в результате взаимодействия особых свойств предметов объективной действительности и направленные на них потребности, интересы субъекта (Л. С. Мамут); 3) убеждение, интерес, представление субъекта (Ю. А. Демидов); 4) само функционирование предмета в качестве средства удовлетворения потребности, т. е. его реальная значимость (П. М. Рабинович, Н. Неновски); 5) предмет, явление, материальное или идеальное по своему субстрату, обладающее способностью удовлетворять потребность (В. Н. Кудрявцев, А. Ф. Черданцев, Ф. Н. Фаткуллин, Л. Л. Чулюкин)².

Исходя из сказанного, первое место в системе общечеловеческих ценностей должно быть предоставлено именно правам и свободам человека и гражданина.

¹ Виндельбанд В. Избранное. Дух истории. — М., 1995. — С. 676.

² См.: Мишина И. Д. Нравственные ценности в праве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 1999. — 27 с.

«Права человека должны считаться священными, каких бы жертв ни стоило это господствующей власти. Здесь нет середины, и нельзя измышлять среднего, прагматически обусловленного права... всей политике следует преклонить колени перед правом», — писал И. Кант¹.

Само понятие естественности и неотъемлемости конституционных прав и свобод человека и гражданина уже давно вышло за пределы внутригосударственной компетенции. Это означает, что они должны быть обеспечены любому человеку, где бы он ни жил².

По мнению А. А. Юнусова, права человека являются высоконравственной этической категорией, которая берет свое начало с уважения человека к самому себе, с умения понимать окружающих, особенно в нашей многонациональной и многорелигиозной стране. Права и свободы человека и гражданина являются определенным нормативным измерением его социальной и культурной деятельности и выступают как одна из величайших культурных ценностей³.

Аналогичный подход отражен в работах ряда других отечественных ученых (В. Д. Зорькин, Л. С. Мамут, В. С. Нерсисянц, В. А. Туманов), которые права человека рассматривают как явление нравственного или социально-психологического, педагогического, воспитательного характера, как политический или конкретно-исторический феномен.

Естественно, что приоритетным в исследовании сущности конституционных прав и свобод человека и гражданина является аксиологический подход. Аксиологическое измерение социокультурного пространства включает рассмотрение ценностей в культурном контексте, едином в своем многообразии. В рамках данного подхода конституционные права и свободы выступают не просто как идея или принцип, но как действительная цель и движущий мотив поведения человека и гражданина, т. е. ценность, благо.

Аксиологический подход должен, в конечном счете, показать ценность права, его, по выражению И. А. Ильина, «духовную самоочевидность для отдельного индивида»⁴. Поэтому не случайно одним из основных вопросов аксиологии права вообще и прав и свобод в частности, является вопрос о соотношении личности и права, о том, каким образом правовые установления становятся личными мотивами поведения человека и гражданина.

Социальная действительность имеет свое ценностное содержание, воплощенное в различные нравственные, правовые и политические формы. Истинно правовое мировоззрение нельзя свести лишь к нормам и знаниям о

¹ Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. Т. 1. — М., 1994. — С. 461.

² Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. — М. : Международные отношения, 1991. — С. 8—9.

³ См.: Юнусов А. А. Общетеоретические проблемы обеспечения прав человека в современной России: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2005. — С. 20.

⁴ Ильин И. А. О сущности правосознания. — М., 1993. — С. 35.

них. Оно предполагает оценки и ценностное видение прав, свобод и нравственности. При этом первичной в духовном смысле по отношению к правам и свободам является нравственность: невозможна оценка правовых явлений вне вечных нравственных ценностей, идеалов. Таким образом, правовые знания всегда так или иначе соединены с нравственностью, иногда в скрытом виде. Такой подход к правам и свободам приобретает особую актуальность в периоды духовного кризиса, утраты ценностных, культурных ориентиров.

27 декабря 2012 г. по предложению Российской Федерации Советом ООН по правам человека была принята резолюция «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества», в которой отмечается, что понимание и уважение традиционных ценностей способствует поощрению и защите прав человека и основных свобод. Особую роль в утверждении этих ценностей играют семья, общество и образовательные учреждения. К мировому сообществу обращен призыв укреплять эту роль. Несмотря на открытый диалог России, учет конструктивных предложений ряда государств, против проекта проголосовали, в частности, США и Европейский Союз (Австрия, Бельгия, Польша, Румыния, Норвегия и др.). Негативная реакция данных стран, их неготовность к сотрудничеству и безосновательные аргументы против проекта резолюции вызывают недоумение. Это свидетельство отказа данных государств от подхода к правам человека на основе традиционных ценностей. Уместно в данном случае привести позицию представителя Норвегии, который, голосуя против Резолюции, отметил, что в международном праве нет однозначного понимания «традиций» и «ценностей». Эти понятия могут быть использованы в ущерб правам человека. Такую позицию поддержала и Австрия, выступая от лица всего Европейского Союза. Как представляется, данный подход и в целом западноевропейская концепция прав человека вряд ли может лечь в основу национальной политики России¹.

Представляется правильной позиция Министерства иностранных дел Российской Федерации в отношении того, «что ни одно государство или группа государств не имеет права монополизировать толкование норм в области прав человека. Попытки продвинуть под видом универсального стандарта его одностороннюю интерпретацию пагубно сказываются на отношении

¹ См.: Семенова Н. С. Роль образования в области прав человека в предупреждении межнациональных конфликтов // Актуальные проблемы гармонизации межнациональных отношений на муниципальном уровне : сборник трудов научно-практической конференции. — М. : Юрист, 2013. — С. 162—169.

людей к самой концепции прав человека, делают ее чуждой целым обществам и слоям населения. С другой стороны, доктрина прав человека только выиграет, если впитает в себя элементы различных культур»¹.

Отношение государства, его органов к правам и свободам человека и гражданина является своего рода индикатором природы существующего политического строя. «И пока права и свободы человека и гражданина не на бумаге, а на деле не приобретут приоритет, не станут высшей ценностью, не будут выступать ограничителем всевластия государства, общество не может быть охарактеризовано как гражданское, а государство — демократическое и правовое»².

Вместе с тем это не говорит о том, что прав и свобод не существует. Они есть. Другое дело, как они претворяются в жизнь и обеспечен ли процесс их реализации.

Несомненно, важнейшая роль в обеспечении конституционных прав и свобод человека и гражданина принадлежит государству и праву. Однако наличие правовых норм, закрепляющих возможность человека и гражданина на беспрепятственное пользование этими правами и свободами, вовсе не означает, что каждому человеку и гражданину автоматически гарантируется их реализация.

Для этого требуется не только провозглашение в Конституции РФ прав и свобод человека и гражданина, но и их материализация — действительное получение того блага, которое составляет содержание данного права, т. е. его реализация.

К сожалению, сегодня все еще имеют место массовые нарушения прав и свобод человека и гражданина. Сказанное подтверждают статистические данные об основных показателях деятельности прокуратуры Российской Федерации. Так, в 2016 г. восстановлены нарушенные права сотен тысяч человек. В процессе надзора за исполнением законов в сфере соблюдения прав и свобод человека и гражданина прокуратурой выявлено нарушений закона — 3 164 209 (в 2015 г. — 3 199 913); выявлено незаконных правовых актов — 213 960 (в 2015 г. — 220 340); принесено протестов — 211 243 (в 2015 г. — 217

¹ См.: Сообщение для СМИ о принятии Советом ООН по правам человека российского проекта резолюции «Поощрение прав человека и основных свобод благодаря более глубокому пониманию традиционных ценностей человечества: примеры наилучшей практики» [Электронный ресурс] // Официальный сайт Министерства иностранных дел Российской Федерации. — URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/FD74E649332CFF3644257A86005BCDC8 (дата обращения: 4.12.2016).

² Лукашева Е. А. Эффективность юридических механизмов защиты прав человека: политические, экономические, социально-психологические аспекты // Конституция Российской Федерации: совершенствование механизмов защиты прав человека. — М., 1994. — С. 35.

787); направлено исков, заявлений в суд — 572 435 (в 2015 г. — 633 402); внесено представлений — 428 834 (в 2015 г. — 418 517); предостережено лиц о недопустимости нарушения закона — 61 309 (в 2015 г. — 64 640)¹.

Все это говорит о несовершенстве существующих правовых механизмов, в т. ч. организационно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина, о необходимости их системной модернизации.

На начальном этапе законодателю необходимо закрепить такие понятия как: «конституционные права и свободы человека и гражданина», «обеспечение прав и свобод», «реализация (осуществление) прав и свобод», «охрана прав и свобод», «защита прав и свобод», «признание прав и свобод», «соблюдение прав и свобод». Это можно сделать посредством принятия отдельного федерального закона, например «О государственной политике Российской Федерации в сфере обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина», либо путем внесения изменений в уже действующие, например в Федеральные конституционные законы «О Конституционном Суде Российской Федерации»², «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации»³ и т. д. Отсутствие таких законодательных мер, как видится, является просчетом законодателя, который не считал необходимым ни в одном законе дать определения рассматриваемым понятиям, хотя практика такого рода у законодателя имеется. Например, в Федеральном законе «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.)⁴ дается определение основных понятий, используемых в документе, среди которых «иностранный гражданин», «лицо без гражданства», «миграционная карта», «вид на жительство» и др. (ст. 2). И этот просчет, вероятно, не случаен. Ведь закрепление в нормативном правовом акте нормы-дефиниции должно означать тот факт, что явление, которое она характеризует, нашло в нем полное отражение.

Другой проблемой конституционных прав и свобод является отношение к ним самих граждан, порой незаслуженно, как представляется, называющих многие правовые явления этой сложной юридической конструкции фикциями, мифологическими явлениями и т. д. Видимо таково морально-

¹ Статистические данные об основных показателях деятельности органов прокуратуры Российской Федерации за 2013 г. [Электронный ресурс] // Официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации. — URL: <http://genproc.gov.ru/stat/data/1162324/> (дата обращения: 12.01.2017).

² О Конституционном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 № 1-ФКЗ (в ред. от 4 июня 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 13. — Ст. 1447; 2014. — № 23. — Ст. 2922.

³ Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 26 февраля 1997 № 1-ФКЗ (в ред. от 12 марта 2014 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 9. — Ст. 1011; 2014. — № 11. — Ст. 1088.

⁴ Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3032; 2014. — № 30 (ч. 1). — Ст. 4233.

нравственное состояние нашего общества. А, как известно, каково это морально-нравственное состояние, таково и право.

Более того, необходимо отметить, что там, где на общегосударственном уровне, на уровне единой для всех людей системы социальных норм наличествует то, что созвучно правам и свободам человека и гражданина — там они реально есть и процесс их реализации гарантирован. А называть эти правовые явления мифами, фикциями, патологиями — ненормально, а также бестактно, аморально, контрпродуктивно.

Все это позволяет сделать вывод о том, что не нужно двигаться «в сторону деградации, в сторону превращения общества в примитивное сборище, — и ограничиваться сколь угодно справедливыми констатациями не совершенства российской правовой действительности»¹.

Таким образом, руководствуясь аксиологическим и телеологическим подходами, раскрывающими ценностно-целевую сущность конституционных прав и свобод человека и гражданина, их понятие видится возможным определить следующим образом:

Конституционные права и свободы — это закрепленные в Конституции Российской Федерации, гарантированные государством нормативно-доктринальные ценности, обеспечивающие каждому человеку и гражданину равные возможности свободно и самостоятельно избирать вид и меру своего поведения в соответствии со своими способностями и интересами.

Соответственно, признаками конституционных прав и свобод человека и гражданина являются следующие: 1) закреплены в Конституции РФ — основном законе государства; 2) нормативно-доктринальный характер конституционных прав и свобод человека и гражданина (ценностей) как категорий (величин) наиболее высокого, конституционного уровня. Это особенно важно, т. к. нередко приходится сталкиваться (в частности Конституционному Суду РФ) с ситуациями, когда возникают противоречия между представлениями о различных конституционных правах и свободах (ценностях), да и сами эти ценности могут восприниматься как внутренне противоречивые, поэтому задача преодоления противоречий и коллизий, обеспечения баланса может касаться не только буквы, но и духа самой Конституции РФ; 3) гарантируются государством; 4) неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения; 5) являются непосредственно действующими, т. е. для пользования конституционными правами и свободами не требуется в качестве обязательного условия принятия дополнительных конкретизирующих отраслевых правовых норм; 6) определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием; 7) обеспечивают

¹ Зорькин В. Д. В хаосе нет морали. Смута основана на лжи. И рождает ложь. Этим она отличается от позитивных революций // Российская газета. — 2012. — 11 дек.

каждому человеку и гражданину равные возможности свободно и самостоятельно избирать вид и меру своего поведения в соответствии со своими способностями и интересами.

Рассмотренные подходы в исследовании конституционных прав и свобод человека и гражданина, разумеется, не являются безоговорочно аксиоматичными; для кого-то они являются спорными (дискуссионными).

Вместе с тем безукоризненным, как представляется, является лишь то, что если Российской Федерации и необходима национальная идея, то нет ничего более мудрого, разумного и полезного, чем провозглашение в качестве таковой всемерного уважения достоинства человека и гражданина, обеспечения их конституционных прав и свобод. У государства нет и не может быть более важной, более насущной задачи, чем эта. Более того, решение этих и других проблем, позволит государственной власти сплотить народ и направить его энергию в сознательное, созидательное русло, а удовлетворяя интересы каждого конкретного человека и гражданина, повышая их благосостояние, она добьется эффективного и поступательного развития нашей страны в сторону благополучия, процветания и цивилизованности.

Анализ, изучение конституционных прав и свобод человека и гражданина в их системном виде имеет прямой практический смысл. Во-первых, при всем многообразии прав и свобод он позволяет адекватно раскрывать их единство, внутреннее содержание, взаимообусловленность, роль в общественных процессах, значение в удовлетворении жизненных потребностей и интересов каждого человека и гражданина в отдельности. Во-вторых, та или иная выделяемая группа прав и свобод не абстрагируется искусственно от других, но дает возможность проанализировать особенности опосредованных ею многочисленных благ, выявить закономерности юридического закрепления определенной совокупности прав и свобод. В-третьих, правильная классификация их важна для всесторонней разработки вопросов их реализации, конкретизации и повышения эффективности исполнения правогазантирующих функций обязанными компетентными субъектами. Искращения в классификации способны негативно сказаться на исследованиях в данной области.

То, что права и свободы человека и гражданина не представляют собой хаотичный набор или произвольный перечень социально-юридических возможностей, является аксиоматичным. Само формирование системы прав и свобод в целом происходило обоснованно и закономерно под влиянием объективных и субъективных факторов общественного развития в границах основных внутренних и внешних связей. Большинство существующих сегодня конструкций рассматриваются как вполне устоявшиеся. Они нашли воплощение при построении международного и во многих странах национального законодательства, регулирующего правовое положение человека и гражданина. При этом, безусловно, имеют место и особенности в комбина-

циях (классификациях) прав и свобод, что вызвано различиями в их концепциях, официальных мировоззренческих позициях и т. д. Между тем, справедливо подчеркивается учеными-юристами, здесь требуется взаимодействие: внутригосударственные системы должны согласовываться с международной, а последняя, продолжая развиваться, должна совершенствоваться с учетом новых достижений в системах прав человека всех стран мира¹.

Права человека имеют сложную структуру: существуют определенные различия в понятиях «права человека» и «права гражданина», «права» и «свободы» человека, «основные (конституционные)» и «иные» права человека, «позитивные» и «негативные», «права индивида» и «коллективные права», «права российских граждан», «иностранных граждан» и «лиц без гражданства», «материальные» и «процессуальные» права. Права человека различаются по времени возникновения («поколения прав человека»), по сферам жизнедеятельности — личные (гражданские), политические, экономические, социальные и культурные права и свободы. Некоторые авторы выделяют также экологические², процессуально-охранительные³ в числе личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина.

Данная структура прав и свобод достаточно четко прослеживается и по содержанию современного российского конституционного и иного законодательства, в том числе и законодательства субъектов Российской Федерации, регулирующего правовое положение человека и гражданина. С теми или иными модификациями она обычно рассматривается довольно подробно в юридической учебной и научной литературе, не вызывая принципиальных разногласий в вопросе признания или непризнания тех или иных прав и свобод вообще.

Наряду с делением прав и свобод на «права и свободы человека» и «права и свободы гражданина», другой наиболее общей классификацией является деление всех прав на негативные и позитивные. В основу данной классификации положена фиксация в них негативной и позитивной сторон свободы. В негативном значении под свободой понимается отсутствие принуждения, каких-либо ограничений по отношению к индивиду, а в позитивном — свобода выбора, а самое главное, способность человека к достижению своих целей⁴.

В соответствии с этим негативные права очерчивают круг обязанностей государства и других лиц воздерживаться от тех или иных действий по

¹ См.: Права человека. История, теория и практика. — М., 1995. — С. 60.

² См.: Российское законодательство: проблемы и перспективы. — М., 1995. — С. 260; Бринчук М. М. Экологические права граждан: условия и гарантии реализации // Социальное государство и защита прав человека : сб. статей. — М., 1994. — С. 102—107.

³ См.: Ростовщиков И. В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР. — М., 1979. — С. 109—110.

⁴ См.: Институт прав человека в России / Г. Н. Комкова [и др.]. — Саратов, 1998. — С. 55—56.

отношению к человеку/гражданину. Они обеспечивают автономию индивида от государственного вмешательства в некоторые наиболее значимые для человека сферы его жизнедеятельности. Эти права считаются основополагающими. Государство признает за индивидом определенную сферу отношений, которая отдана на его усмотрение и не может быть объектом притязания государства. Негативные права — это основа индивидуальной свободы. К ним относятся права личной свободы (неприкосновенность личности и жилища, тайна переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений и др.). Осуществление этих прав не зависит от ресурсов государства.

Типичным примером юридического закрепления этой группы прав и в целом негативного подхода к правам человека является Билль о правах, который представляет собой десять первых поправок к Конституции США 1789 г. Так, первая поправка гласит: «Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии или запрещающего ее свободное вероисповедание, либо ограничивающего свободу слова или печати, либо право народа мирно собираться и обращаться к правительству с петициями об удовлетворении жалоб»¹. Термин «не должен» содержался почти во всех статьях Билля. Практически все содержание Билля о правах направлено на ограждение личности от различного рода несправедливых и нежелательных посягательств со стороны государства².

В отличие от негативных прав, позитивные права закрепляют обязанности государства, организаций и индивидов предоставить человеку/гражданину те или иные блага, содействовать в практическом осуществлении своих прав и свобод. Это, например, право на образование, на материальное обеспечение по возрасту, по болезни, в случае потери кормильца, право на достойный жизненный уровень и др. Осуществление позитивных прав невозможно без наличия у государства достаточных ресурсов.

Как известно, основные фундаментальные права и вытекающие из них иные права и свободы обеспечивают различные сферы жизнедеятельности человека и гражданина: личную, политическую, социальную, экономическую, культурную. В соответствии с этим они и разграничиваются по категориям и наименованиям.

Применительно к отдельным странам классификации прав и свобод человека и гражданина приобретают более четкий и организованный характер. Это выражается в объективной взаимосвязи, неразрывности реально существующих и адекватно теоретически формулируемых их различных видов.

¹ Конституции зарубежных государств : учебное пособие / сост. В. В. Маклаков — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2001. — С. 359.

² См.: Алебастрова И. А. Основы американского конституционализма. — М., 2001. — С. 160.

Помимо изначального разграничения субъективных прав на права человека и права гражданина самое общее их деление определяется принадлежностью лица к конкретному государству — в данном случае к Российской Федерации. Следовательно, различаются права граждан Российской Федерации, иностранных граждан, лиц без гражданства, лиц с двойным гражданством. Ю. В. Герасименко отмечает, что «во взаимоотношениях с российским государством каждая конкретная личность выступает в одном из трех правовых состояний — гражданства, безгражданства и иностранства»¹. При этом юридические возможности лиц, не являющихся гражданами России, находящихся на ее территории, зависят от срока пребывания — постоянно или временно.

Согласно Федеральному закону от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (в ред. от 21 июля 2014 г.) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации»² постоянно проживающими считаются те, кто получил разрешение и вид на жительство, выданное органами внутренних дел (ст. 8). Названной категории лиц предоставляется в Российской Федерации национальный режим, что, согласно Конституции РФ (ч. 3 ст. 62), означает уравнивание в правах и обязанностях с российскими гражданами, за исключением законодательно оформленных изъятий, общепринятых в мировой практике (в избирательных правах, замещении должностей на государственной службе и пр.). По сути, все далее рассматриваемые главные группы прав, как, впрочем, и любые иные, могут анализироваться в контексте специфики их проявления для иностранных граждан и лиц без гражданства в сопоставлении с российскими гражданами.

Здесь же заметим, что видится неверной позиция, согласно которой правовой статус личности (права, свободы, обязанности и др.) по принципу ее принадлежности к государству выступает не только в трех названных бесспорных категориях, но и как статус лиц, получивших убежище³. Дело в том, что подобные лица, при всей исключительности их юридического положения, выступают прежде всего и не иначе как иностранные граждане с присущим им правовым статусом на территории России. Это явствует из ч. 1 ст. 63 Конституции Российской Федерации, других нормативных правовых актов и общепризнанных принципов и норм международного права. Например, в соответствии с Указом Президента Российской Федерации от 21 июля 1997 г. № 746 (в ред. от 12 июля 2012 г.) «Об утверждении Положения о порядке предоставления Российской Федерацией политического

¹ Герасименко Ю. В. Конституционно-правовой статус лиц, не являющихся гражданами Российской Федерации: вопросы теории и практики : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 2003. — С. 105.

² Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3032; 2014. — № 30 (ч. 1). — Ст. 4233.

³ Комаров С. А. Личность в политической системе российского общества (политико-правовое исследование). — Саранск, 1995. — С. 20, 27.

убежища»¹ «политическое убежище предоставляется Российской Федерацией иностранным гражданам и лицам без гражданства с учетом государственных интересов Российской Федерации на основании общепризнанных принципов и норм международного права в соответствии с Конституцией Российской Федерации и Положением о порядке предоставления Российской Федерацией политического убежища». Основания и порядок признания беженцем и вынужденным переселенцем на территории Российской Федерации определяется Конституцией Российской Федерации, федеральными законами², общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации.

Классификация всех прав и свобод человека и гражданина, так же как и их отраслевая классификация, не имеет автономного характера, а определяется научной дифференциацией права в целом.

Говоря о роли и месте конституционных прав и свобод, необходимо отметить, что в соответствии с существующим в теории и практике делением отраслей права на три главных части, права и свободы обычно подразделяют на три группы: 1) основополагающие (ведущие); 2) материальные; 3) процессуальные³.

К основополагающим (ведущим) правам и свободам человека и гражданина относятся те, которые закрепляются нормами конституционного права. Их отличительная особенность состоит в том, что они фиксируют основополагающие (общие) нормы, регулирующие отношения между обществом и индивидом, государством и человеком/гражданином. Материальные права и свободы закрепляются такими отраслями, как административное, трудовое, экологическое, гражданское, семейное, уголовное право, а процессуальные — соответственно, нормами гражданского, уголовного, арбитражного процессуального права.

Правовые нормы по характеру выполняемых ими функций принято разделять на материальные и процессуальные. Лишь некоторым отраслям соответствуют процессуальные формы (уголовно-процессуальная, гражданско-процессуальная и др.). Во многих таких отраслях, как конституционное, трудовое, экологическое право, наряду с нормами материального права содержатся также и процедурные нормы. Нормы процессуального права в

¹ Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 30. — Ст. 3601; 2012. — № 29. — Ст. 4073.

² О беженцах : закон РФ № 4528-1 от 19 февраля 1993 г. (в ред. от 2 июля 2013 г.) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. — 1993. — № 12. — Ст. 425; 2013. — № 27. — Ст. 3477; О вынужденных переселенцах : закон РФ от 19 февраля 1993 г. № 4530-1 (в ред. от 25 ноября 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — № 52. — Ст. 5110; 2013. — № 48. — Ст. 6165.

³ Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. — М., 1997. — С. 163.

большем или меньшем числе имеются в каждой из указанных отраслей материального права. Отсюда нормы этих отраслей права закрепляют как материальные, так и процессуальные права и свободы человека и гражданина.

Аналогично нормам материального и процессуального права организуются права и свободы. Считается, что к числу материальных прав и свобод относятся те из них, которые закрепляют за человеком и гражданином возможность удовлетворять свои потребности, пользоваться предоставленными обществом и государством различными социальными благами. Главное их функциональное предназначение в единой системе прав и свобод выражается в констатировании тех благ, которыми индивид имеет возможность пользоваться (право, свобода). В отличие от этого к категории процессуальных прав и свобод следует отнести те из них, которые реализуют функцию обеспечения материальных прав и свобод, их защиту от возможных нарушений, а также восстановление, если они нарушены. Иначе говоря, они определяют процесс, процедуру их осуществления.

Таким образом, принятое деление прав и свобод российских граждан на материальные и процессуальные имеет важное значение не только в теоретическом, но и в практическом плане. Что касается теоретического значения такой дифференциации, то оно заключается в более глубоком понимании механизма правового положения (статуса) человека и гражданина, обнаружении особенностей отдельных категорий прав и свобод, определении их назначения во всей комплексной системе прав и свобод.

В этой системе отчетливо проявляются две большие группы прав и свобод человека и гражданина — конституционные (основные)¹ и иные (закрепленные в текущем законодательстве, отраслевые)². Такое деление обусловлено особым социальным содержанием конституционных прав и свобод, наивысшим уровнем их юридического оформления, местом и ролью по отношению к другим правам и свободам. Конституционные права и свободы являются основными, прежде всего в силу их особой значимости практически для всех лиц без исключения, а также потому, что определяют они наиболее существенные, коренные, принципиальные связи и отношения между обществом и индивидом, государством и человеком/гражданином. Эти отношения и связи предопределены признаваемым властью всеобъемлющим статусом человека и гражданина в сфере индивидуальной свободы, в сфере собственности, производства, обмена, распределения и потребления соответствующих благ, в сфере культуры, духовной, политической и общественной жизни³.

¹ В Конституции РФ понятия «основные права» и «конституционные права» используются как идентичные (для сравнения ст. 55 и ст. 125).

² См.: Конституция. Закон. Подзаконный акт. — М., 1994. — С. 26, 46—54; Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. — М., 1999. — С. 135.

³ См.: Эбзеев Б. С. Конституция. Демократия. Права человека. — М., 1992. — С. 130—150.

В Конституции Российской Федерации 1993 г. в отличие от конституций советского периода, в которых соответствующие главы закрепляли атрибутику — «основные права» и «основные обязанности», глава вторая называется «Права и свободы человека и гражданина». Ныне, видимо, разработчики действующей Конституции Российской Федерации в определении наименования упомянутой главы следовали не сущностным характеристикам закрепленных в ней прав и свобод, а эталонам международных документов. И во Всеобщей декларации прав человека 1948 г., и в международных пактах 1966 г. акцент делается на права и свободы человека. Этим самым как бы подчеркивается их общий признак, который может интерпретироваться как «основные» права и свободы, или, иначе, «права человека и основные его свободы».

Более того, в самом тексте Конституции Российской Федерации довольно часто встречается такое их определение. Так, например, в ст. 17 Конституции Российской Федерации применительно к неотчуждаемым правам и свободам человека и гражданина употребляется термин «основные».

На это утверждение со всей определенностью указывал М. С. Строгович. По его мнению, «обе эти группы прав личности неотделимы друг от друга: в более широком плане одно и то же право формулируется как конституционное, основное, а в более конкретизированном, детализированном виде оно же находит выражение в соответствующей отрасли права»¹ (например, право на жилище — в жилищном кодексе, неприкосновенность личности — в уголовном и уголовно-процессуальном кодексах и т. д.).

Считается, что существует целый ряд причин, по которым одни права и свободы закрепляются конституционно, другие — в текущем законодательстве. К причинам закрепления их в Конституции Российской Федерации принято относить:

1) значимость этих прав и свобод для человека и общества. В Конституции Российской Федерации закрепляются те права и свободы, которые жизненно необходимы и в наибольшей степени социально значимы для каждого конкретного человека и гражданина, общества и государства;

2) исходный, прирожденный и неотъемлемый характер принадлежащих человеку и гражданину прав и свобод. Статья 17 Конституции Российской Федерации устанавливает, что «основные права и свободы человека и гражданина неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения». Именно такие права и свободы закрепляются на конституционном уровне;

3) верховенство конституционных (основных) прав и свобод, означающее, что все иные права и свободы в той или иной сфере общественной жизни (трудовые, социальные и т. д.) являются производными;

¹ См.: Строгович М. С. Проблемы советского социалистического государства и права в современный период. Теоретические вопросы социалистической законности. — М., 1959. — С. 94.

4) принадлежность основных прав и свобод каждому человеку, либо каждому гражданину. Все иные (не основные) права и свободы, устанавливаемые нормами других отраслей права, кроме конституционного, увязываются с обладанием лицом различными статусами — покупателей и продавцов, рабочих и служащих, предпринимателей, истцов и ответчиков и т. д.;

5) всеобщность основных прав, свобод и обязанностей, т. е. они равны и едины для всех без исключения, соответственно, для каждого человека либо для каждого гражданина. Признавая то или иное право основным, государство исходит из возможности осуществления его всеми;

6) основные права, свободы и обязанности не приобретаются и не отчуждаются по воле гражданина, принадлежат ему в силу гражданства, неотделимы от его правового статуса и могут быть утрачены только вместе с прекращением его гражданства;

7) обеспечиваются особой правовой охраной и защитой: конституционные нормы, закрепляющие права и свободы человека и гражданина, не могут быть изменены в рамках действующей Конституции Российской Федерации, без принятия новой;

8) они действуют на всей территории государства¹.

Итак, основные (конституционные) права и свободы, будучи частью целостной системы прав и свобод, занимают в ней особое место. Их значимость (ценность) выходит за рамки одной отрасли, в т. ч. и за рамки конституционного права. Они как бы органически, в части или всецело, проникают в содержание прав и свобод каждой из отраслей российского права. Большинство конституционных прав и свобод в социально-экономической сфере (право собственности (ст. 35, ч. 2 ст. 8 Конституции Российской Федерации), свобода труда (ст. 37 Конституции Российской Федерации) и др.) составляют основу имущественных и трудовых прав и свобод. Без значительной части конституционных прав и свобод не может признаваться полноценной система субъективных прав и свобод человека и гражданина в области управления обществом и государством. Одни и те же конституционные права, свободы и обязанности могут быть составляющими нескольких отраслевых систем, например, право частной собственности (ст. 35 Конституции Российской Федерации).

Конституционным правам и свободам человека и гражданина присущи высокая стабильность регламентации, фундаментальность содержания, гарантированность всеми внутригосударственными средствами с признанием международной юрисдикции. Данные права и свободы составляют юридическую базу правового положения (статуса) человека и гражданина в государстве и в сочетании с другими общественно-политическими факторами наглядно свидетельствуют о степени его цивилизованности и развития.

¹ См.: Конституционное право : учебник / отв. ред. А. Е. Козлов. — М., 1996. — С. 70—71; Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России. — 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2002. — С. 254—258.

Как видится, все права и свободы человека и гражданина, провозглашенные в Конституции Российской Федерации, целесообразно подразделить на две группы:

1. Конституционные права и свободы человека и гражданина (личные (гражданские); политические; социально-экономические и культурные; права и свободы в сфере правосудия).

2. Конституционные права и свободы должностных лиц органов государственной власти и органов местного самоуправления, которые наделяются ими в случае назначения/избрания на соответствующую должность (например, Президент Российской Федерации «имеет право председательствовать на заседаниях Правительства Российской Федерации» (п. «б» ч. 1 ст. 83), «Президент Российской Федерации вправе приостанавливать действие актов органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации в случае противоречия этих актов Конституции Российской Федерации и федеральным законам, международным обязательствам Российской Федерации или нарушения прав и свобод человека и гражданина до решения этого вопроса соответствующим судом» (ч. 2 ст. 85), «Право законодательной инициативы принадлежит Президенту Российской Федерации, членам Совета Федерации, депутатам Государственной Думы ...» (ч. 1 ст. 104), органы местного самоуправления имеют права в пределах вопросов местного значения и т. д.).

В неразрывной связи и взаимодействии с конституционными (основными) находятся отраслевые права человека и гражданина. Конституционные, образуя юридическую базу для всех отраслевых, выступают для них, как уже отмечалось, определяющими, обладают по отношению к ним высшей юридической силой. В свою очередь, закрепленные в текущем законодательстве права при необходимости конкретизируют, развивают конституционные. Подобная практика призвана служить гарантией полноты и правомерности реализации последних, в частности тех, которые касаются вопросов государственного участия в получении гражданами материальных благ (заработная плата, пенсии, пособия, жилище и др.), охраны здоровья населения и т. д. Тем самым никак не умаляется значение конституционных прав и свобод, имеющих в Российской Федерации прямое действие, а следовательно, используемых индивидом вполне законно и при отсутствии детализации текущим нормотворчеством.

Отраслевые права в большей мере дополняют конституционные еще и потому, что нормы Конституции Российской Федерации о правах и свободах человека и гражданина вовсе не призваны охватить полностью правомочия человека и гражданина во всем многообразии общественных отношений. Здесь отраслевые права существуют самостоятельно, параллельно с конституционными, но, безусловно, в контексте их общегуманистических

начал. В качестве примера можно привести развернутый перечень важнейших прав граждан в производственной сфере, закрепленный в трудовом законодательстве.

Конституционные права и свободы человека и гражданина весьма неоднозначны по социальному назначению и содержанию, в первую очередь по видам благ, лежащих в их основе, по характеру потребностей и интересов, удовлетворяемых посредством их реализации. Соответственно сложилась классификация прав и свобод на личные (гражданские) (право на жизнь (ст. 20 Конституции Российской Федерации); на охрану достоинства (ст. 21 Конституции Российской Федерации); неприкосновенность личности (ст. 22 Конституции Российской Федерации), жилища (ст. 25 Конституции Российской Федерации), частной жизни (ч. 1 ст. 23 Конституции Российской Федерации); тайна переписки, телефонных переговоров, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23 Конституции Российской Федерации); свобода передвижения и выбора места жительства (ст. 27 Конституции Российской Федерации), совести (ст. 28 Конституции Российской Федерации), мысли и слова (ст. 29 Конституции Российской Федерации) и др.); политические (право избирать и быть избранным во властные структуры (ч. 3 ст. 32 Конституции Российской Федерации), на равный доступ к государственной службе (ч. 4 ст. 32 Конституции Российской Федерации), на объединение (ст. 30 Конституции Российской Федерации), мирные собрания, митинги, демонстрации (ст. 31 Конституции Российской Федерации) и др.); экономические (право частной собственности (ст. 35 Конституции Российской Федерации), на предпринимательскую деятельность (ст. 34 Конституции Российской Федерации), на труд, на трудовые споры, включая забастовку, на отдых (ст. 37 Конституции Российской Федерации), жилище (ст. 40 Конституции Российской Федерации) и др.); социальные (право на охрану семьи, охрану материнства и детства (ст. 38 Конституции Российской Федерации), охрану здоровья (ст. 41 Конституции Российской Федерации), на социальное обеспечение (ст. 39 Конституции Российской Федерации), благоприятную окружающую среду (ст. 42 Конституции Российской Федерации) и др.); культурные (право на образование (ст. 43 Конституции Российской Федерации), на участие в культурной жизни, на пользование результатами научного и культурного прогресса; свобода литературного, художественного научного, технического и других видов творчества, право на охрану авторских интеллектуальных интересов (ст. 44 Конституции Российской Федерации) и др.). В таком пятизвенном виде они перечислены уже в названиях международных пактов о правах человека 1966 г.

Данная структура прав достаточно четко прослеживается и по содержанию современного российского конституционного и текущего законодательства, в том числе и законодательства субъектов Российской Федерации, регулирующего правовой статус человека и гражданина. Следует заметить, что основные законы некоторых субъектов федерации, появившиеся еще до

принятия Конституции Российской Федерации 1993 г., уже содержали указание на подобную классификацию. В частности, согласно ст. 30 Конституции Республики Татарстан «граждане обладают всей полнотой личных, политических, социально-экономических и культурных прав и свобод», предусмотренных настоящей Конституцией¹. Все это не могло не повлиять на перечень, классификацию и содержание прав и свобод человека и гражданина в принятых после 1993 г. конституциях и уставах многих субъектов федерации. С теми или иными изменениями она (названная классификация) обычно подается и рассматривается в научной и учебной юридической литературе, не вызывая принципиальных разногласий в вопросе признания или непризнания тех или иных прав и свобод вообще. Порой в качестве самостоятельных не воспринимаются культурные права, социальные объединяются с экономическими, гражданские именуются личными², а некоторые авторы выделяют экологические³. Например, Л. Д. Воеводин в соответствии с тем, что «человек и гражданин во всех сферах их жизни стоит в центре единства и дифференциации прав, свобод и обязанностей», выделяет следующие виды прав, свобод и обязанностей человека и гражданина:

«1) в сфере личной безопасности и частной жизни (личные (гражданские) права и свободы);

2) в области государственной и общественно-политической жизни (политические права и свободы);

3) в области экономической, социальной и культурной деятельности (экономические, социальные и культурные права и свободы)»⁴.

Характерно, что все еще дискуссионной остается проблема определения места в системе прав и свобод человека и гражданина тех, которые направлены на охрану других его прав и свобод. Речь идет о правах на судебную защиту, обращение в межгосударственные правозащитные органы, возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, квалифицированную юридическую помощь, право обвиняемого на защиту, право осужденного на пересмотр приговора и др. Представляется небезосновательным мнение о выделении указанных весьма специфических прав в самостоятельную группу, наряду с личными (гражданскими), политическими, социальными и иными. Думается, подчеркивая специфику этой

¹ Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. (в ред. от 22 июня 2012 г.) // Республика Татарстан. — 2002. — 30 апр.; 2012. — 26 июня.

² Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право Российской Федерации. — М., 1995. — С. 197.

³ См.: Российское законодательство: проблемы и перспективы. — М., 1995. — С. 260; Бринчук М. М. Экологические права граждан: условия и гарантии реализации / Социальное государство и защита прав человека : сб. статей. — М., 1994. — С. 102—107.

⁴ Воеводин Л. Д. Юридический статус личности в России. — М., 1997. — С. 184.

группы прав, их можно квалифицировать как процессуально-охранительные в числе личных (гражданских) прав индивида¹ или как права и свободы человека и гражданина в сфере правосудия² (ч. 4 ст. 32 и ст. ст. 45—54 Конституции Российской Федерации). Близкая по смыслу точка зрения уже высказывалась в юридической литературе. Среди личных предлагалось, например, выделять конституционные процессуальные права³.

Наряду с общими правами человека и гражданина существует множество специальных, зависящих от социального, имущественного, служебного и др. положения, пола, возраста лица, а также других факторов и обстоятельств. Выделяются, к примеру, права рабочих, служащих, женщин, детей, предпринимателей, потребителей, несовершеннолетних, пенсионеров, ветеранов, беженцев, вынужденных переселенцев, иностранных граждан и т. д. Обычно такого рода права вносят конкретизацию и дополнения в общие права и свободы человека и гражданина, устанавливают необходимые льготы и преимущества. Иногда они ориентированы принципиально на правоохрану (права Уполномоченного по правам человека, права сотрудников тех или иных правоохранительных органов и др.).

По глубине конкретизации специальные права сами могут различаться. Так, в области государственной службы можно назвать права президента, министра, депутата, руководителя федеральной службы или федерального агентства, военнослужащего, сотрудника полиции, налогового инспектора и т. д. В свою очередь, права названных и других лиц детализируются по сфере деятельности, уровню должностного положения и др. Практически все специальные права в демократически устроенном обществе так или иначе направлены на реализацию принципов свободы, справедливости, взаимответственности личности и государства, достижение равенства граждан перед законом, поддержку социально незащищенных слоев населения, обеспечение эффективного государственного управления, включая правоохранительную деятельность.

Встречаются права, которые для определенной категории лиц, по сути, являются следствием ограничения общих прав и свобод человека и гражданина. Это, к примеру, права тех, к кому применена мера пресечения либо мера уголовной ответственности. Так, осужденные к лишению свободы пользуются общегражданскими правами (человека и гражданина) с ограничениями, установленными для них федеральным законодательством, а также вытекающими из приговора суда и режима отбывания наказания.

¹ См.: Ростовщиков И. В. Обеспечение прав и свобод личности в СССР: вопросы теории. — Саратов, 1988. — С. 40—41.

² См.: Киричѐк Е. В. Особенности конституционно-правового закрепления прав и свобод человека и гражданина в сфере правосудия // Судебная практика в Западной Сибири. — 2011. — №3 (7). — С. 140—148.

³ См.: Масленников В. А. Конституционные права и обязанности граждан СССР. — М., 1979. — С. 109, 110.

Вместе с тем осужденные, находясь в исправительных учреждениях (колониях, тюрьмах и др.) согласно Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (в ред. от 23 июня 2014 г.) (гл. 13)¹, пользуются только им присущими специальными правами: иметь свидание, получать посылки и передачи, покупать товары в магазине на территории данных учреждений, вести переписку, хранить литературу, кратко-срочно выезжать за их пределы и пр. По отбытии срока наказания всякие ограничения в общих правах и свободах отпадают и автоматически утрачиваются названные особые права.

Таким образом, классификация прав и свобод человека и гражданина имеет важное значение, особенно при изучении связанных с тем или иным правовым институтом проблем. Тем более, что происходящее постоянно расширение круга конституционных прав и свобод требует их определенной группировки. Как уже отмечалось ранее, классификация может осуществляться по различным основаниям, однако необходимо иметь в виду, что она нередко весьма условна, ибо оказывается, что одно и то же право, одна и та же свобода могут одновременно принадлежать к двум и более классификационным группам. В таких группах в предлагаемых классификациях они относятся к тем (группам), к которым ближе по базовой своей сущности. Учитывая сказанное, необходимо отметить, что все основные права и свободы человека и гражданина можно объединить в группы, а затем, исходя из однородности регулируемых ими сфер общественных отношений, раскрыть их содержание².

Известно, что перечень и содержание конституционных прав и свобод человека и гражданина обусловлены восприятием Россией признанных международным сообществом к концу XX в. неотчуждаемых прав человека; установлением общедемократических прав граждан России, обеспечивающих построение демократического правового и социального государства; уровнем социально-экономического и культурно-духовного развития российского общества в постсоветский период; соотношением интересов ведущих социально-политических сил в России на момент принятия Конституции РФ, в которой, как уже отмечалось, отчетливо выделяются по сферам жизнедеятельности человека и гражданина права и свободы личные (гражданские), политические, социально-экономические и культурные.

Следует заметить, что основные законы некоторых субъектов федерации, появившиеся еще до принятия Конституции Российской Федерации 1993 г., уже содержали указание на подобную классификацию. В частности,

¹ Собрание законодательства РФ. — 1997. — № 2. — Ст. 198; 2014. — № 26 (ч. 1). — Ст. 3369.

² См.: Киричѐк Е.В. Конституционные права и свободы человека и гражданина в России: теория и практика, история и современность, проблемы и перспективы : монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. — Тюмень : филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2014. — 242 с.

согласно ст. 30 Конституции Республики Татарстан граждане республики обладают всей полнотой личных, политических, социально-экономических и культурных прав и свобод, предусмотренных настоящей Конституцией. Все это не могло не повлиять на перечень, классификацию и содержание прав и свобод человека и гражданина в принятых после 1993 г. конституциях и уставах многих субъектов федерации.

1.2. Становление и эволюция концепта прав человека

Права человека — одна из значимых ценностей, кристаллизующих в себе весомую часть интеллектуального богатства гуманитарного мышления, и вместе с тем одна из серьезных проблем социально-культурного и политико-правового развития человечества.

На рубеже XX— XXI вв. проблемы прав человека вошли в число наиболее «модных» тем, как в научном, так и в политическом дискурсах. Особенно заметным это было в отечественном общественном сознании, которое долгие годы в силу объективных причин не могло участвовать в полноценном обсуждении и разработке данной проблематики¹.

При этом существенно усилился апологетический компонент подходов к правам человека, приобрели популярность их трактовки не только как фактора устойчивого развития Российской Федерации², но и как основания для согласования правовых ценностей разных цивилизаций³. Права человека, по мнению А. Х. Саидова, определяют полноценность жизни на планете и служат неотъемлемой частью культуры наций, высшим проявлением нравственно-правовых идеалов человечества⁴. Создание отвечающей современным реалиям доктрины прав человека расценивается весомой частью отечественных теоретиков права как актуальная задача не только теории права, но и всей науки о государстве и праве⁵. Более того, как отмечал В. С. Нерсисянц, право без прав человека так же невозможно, как и права человека без и вне его⁶.

¹См.: Туманова А. С., Киселев Р. В. Права человека в правовой мысли и законотворчестве Российской империи второй половины XIX — начала XX века. — М. : Изд. дом ВШЭ, 2011. — С. 5.

²См.: Лукашева Е. А. Права человека и устойчивое развитие // Права человека: итоги века, тенденции, перспективы. — М. : Норма, 2002. — С. 35—36.

³См.: Саидов А. Х. Цивилизационная теория прав человека // Права человека и современное государственно-правовое развитие. — М. : Институт государства и права РАН, 2007. — С. 127.

⁴См.: Саидов А.Х. Международное право прав человека. — М., 2002. — С. 18.

⁵См.: Лапаева В.В. Формирование доктрины защиты прав личности как актуальная задача теории права // Российское правосудие. — 2006. — № 4. — С. 14—30; Права человека : учебник / отв. ред. Е.А. Лукашева. — 2-е изд. — М. : Норма, 2009. — С. 12.

⁶См.: Нерсисянц В. С. Права человека в истории политической и правовой мысли (от

Подобные трактовки, безусловно, имеют полное право на существование, но, к сожалению, нельзя не отметить и порожденных подобной апологетикой определенных перекосов в осмыслении многотрудной истории концептуального оформления и практической реализации прав человека.

Исходя из представляющегося им бесспорным тезиса о вечности проблемы прав человека¹, некоторые авторы пытаются найти элементы их оформления в глубине тысячелетий. Так, А. В. Пеньковская даже претендует на исследование «основных правовых документов первобытнообщинного строя»². Нередки и попытки фиксации «национальных приоритетов» в зарождении прав человека, иногда доводимые до бескомпромиссных высказываний, как, например: «в любом случае, это исторический факт, что первый указ о правах человека был издан в Иране ахеменидским царем Курушем»³, или демонстрация особой роли в фиксации «понятия и признаков прав человека на землях Украины такого документа, как присяга гражданина Херсонеса, нормативный акт, который во многом лежал в основе создания союза восточнославянских племен»⁴.

Как представляется, наличие подобных точек зрения — свидетельство недостаточно чёткого понимания определенной частью авторов самой сущности исторического развития прав человека, как в его доктринальной, так и в институциональной и субъективно-прикладной ипостасях, порождающего не совсем корректные экстраполяции современных представлений о правах человека на мировоззрение представителей давно ушедших эпох⁵. К сожалению, имеет место тенденция к чрезмерной идеологизации и политизации проблематики прав человека, ее использованию как инструмента для

древности до Декларации 1789 г.) // Права человека в истории человечества и в современном мире. — М., 1989. — С. 22.

¹ См., напр.: Мазитова И. Р. История защиты прав человека // Вестник ТИСБИ. — 2004. — № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.tisbi.ru/science/vestnik/2004/issue1/ur3.htm> (дата обращения: 24. 06. 2016).

² Пеньковская А. В. История развития правовой охраны основных прав и свобод человека // Вестник Самарской гуманитарной академии. — Серия: Право. — 2013. — № 1(13). — С. 200.

³ Манучихри А. Политическая система Ирана. — СПб. : Петербургское востоковедение, 2007. — С. 106, 107; Дафтари М. Права человека и их международная защита. — Тегеран : Бахман, б. г. — С. 11; Указ Кира Великого — первый в мире манифест по правам человека. — Тегеран : Культурно-издательское предприятие «Пазине». — 1388 г.х. — С. 13, 14.

⁴ Пеньковская А. В. Указ. соч. — С. 203.

⁵ См.: Золотухина Е. Возникновение и развитие идеи прав и свобод человека в России // Управление общественными и экономическими системами: многопредмет. науч. журн. — Орел : Орел-ГТУ, 2010. — № 1 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://umc.gu-unpk.ru/umc/arhiv/2010/1/zolotuhina.pdf>. (дата обращения: 24. 06. 2016).

ведения информационного противоборства, что, безусловно, выводит права человека за пределы сферы собственно научного познания.

Исходя из представляющегося нам объективным взгляда на сложившееся положение дел, следует учесть, что тот стандарт прав человека, который, будучи закрепленным в нормах национального и международного права, в настоящее время претендует на статус общепризнанного, на практике является результатом сложного и неоднозначного эволюционного процесса. Процесс этот характеризуется как локальным накоплением количественных изменений в границах одного и того же подхода к данной проблематике, так и качественными скачками, знаменующими переход к её принципиально новому видению. На каждом этапе своего развития он имел специфические особенности, характерные для конкретных исторических эпох и для разных цивилизационных моделей. И потому осуществляемое с историко-правовых позиций исследование эволюции доктринального оформления прав и свобод человека и формирования институциональных механизмов их охраны и защиты имеет не только исключительно научно-теоретический, но и практико-ориентированный характер, позволяя более рельефно выявить сущность проблем, проявляющихся в данной сфере в современную эпоху постмодерна.

Проблематика прав человека издавна приобрела многомерный, многоуровневый характер, трактуясь с позиций права, политики, религии, этики, философии и т.д.

Концептуальное оформление прав человека объективно имеет весомую философско-антропологическую составляющую. Оно покоится на конкретном мировоззренческом фундаменте, оказывается неразрывно связанным с извечными вопросами о том, что, собственно, мы подразумеваем, употребляя слово «человек», каковы место и роль человека в универсуме, в том числе и перед лицом коллектива себе подобных. Оформление подходов к правам человека — это составная часть долгого и весьма трудоемкого поиска наиболее оптимальных моделей взаимоотношений в социуме, преимущественно в государственно-организованном. При этом речь идет о взаимоотношениях индивидов как с властью, так и между собой. Таким образом, концепция прав человека не является неким искусственным теоретическим конструктом, а непосредственно связана с повседневной практикой, органически переплетается с многогранной жизнедеятельностью социума. Формируясь как реакция на конкретные потребности общественной жизни, представления о правах человека становились своеобразной формой проявления реальных, исторически конкретных проблем и одновременно определенным вариантом их снятия¹, включаясь в общественную культуру как часть

¹См.: Бережнов А. Г. Права личности. Некоторые вопросы теории. — М., 1991. — С. 29.

ее духовно-морального и политико-правового фундамента. Обусловленность решения проблемы прав человека спецификой конкретного типа цивилизационного развития, особенностями определенной эпохи, доминирующих в ней традиций, идей, социальных и политических приоритетов при этом не должна скрывать очевидную взаимосвязь реальных успехов в достижении человеком его прав и свобод как с общим прогрессом всего общества, так и с развитием самого человека как индивидуальности.

Концепция прав человека, безусловно, базируется на юридической основе, оказываясь тесно связанной с развитием нормативно-правовой составляющей, национальный характер которой все более активно дополняется международно-правовым компонентом. Кроме того, как степень, так и характер развитости прав человека зависят от уровня развития права в соответствующем социуме, включая степень реализации одного из основных принципов права, принципа формально-юридического равенства фактически разных людей. Действительно, как в своей доктринально-теоретической основе, так и в непосредственном практическом воплощении любая система права неизбежно включает как юридически оформленную концепцию личности как субъекта прав, так и комплекс соответствующих представлений о ее правах и обязанностях, их гарантиях, варьируемых от примитивных до высокоразвитых. По меткому выражению В. С. Нерсисянца, исторический путь прав человека представляет собой прогрессирующее расширение правового признания в качестве человека тех или иных людей для того или иного круга отношений, обогащение и распространение принципа правового равенства на все более широкий круг людей и отношений¹. Нельзя не замечать и разнообразия подходов к правам человека, которое неразрывно связано с очевидными различиями как в типах правопонимания, так и в разновидностях правовых систем. Последнее неоднократно подчеркивал В. Е. Чиркин, акцентировавший внимание на том, что конкретная модель прав человека есть плод развития определенной правовой системы, один из ее элементов, следующий закономерностям данной системы как таковой и потому понять глубинную сущность прав человека можно, лишь изучив суть самой правовой системы².

Без сомнения, отдельные аспекты того, что мы относим сегодня к правам и свободам, начали осмысливаться и обсуждаться задолго до доктринального оформления концепции прав человека как таковой, да и до появления данного устойчивого словосочетания в каком-либо из национальных языков.

¹ См.: Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства : учебник. — М. : НОРМА—ИНФРА, 1999. — С. 312. Он же Философия права: либертарно-юридическая концепция // Вопросы философии. — 2002. — № 3. — С. 5.

² См.: Права человека в современном мире: новые вызовы и трудные решения / отв. ред. Т. А. Сошникова — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. — С. 10.

Начальные шаги в данном направлении предпринимались еще в ходе выделения человеческого общества из мира природы. Уже в эпоху родового строя были осуществлены первые попытки осмысления самого понятия «человек», самоидентификации, фиксации собственных места и роли во взаимоотношениях с окружающими реалиями. Определяя зарождавшиеся тогда векторы данных процессов, очевидно, следует согласиться с группой авторов, предлагающих акцентировать внимание на начавших формироваться дихотомиях «Свой — Иной (чужой)», «Я — Мы (автономия — зависимость)»¹, истоки которых восходят, по мнению Н. А. Завершинской, к базовым структурам культуры².

Круг антропологических констант, складывавшийся под воздействием естественного стремления защититься от окружавших опасностей, предопределял особенности самоидентификации. Не случайно древнейшие самоназвания многих народов чаще всего переводятся современным термином «люди», тогда как «чужакам», независимо от их возможной внешней похожести, обычно безоговорочно отказывалось в статусе людей, а значит, в сопутствующих ему привилегиях, зачастую включая саму элементарную возможность физически существовать на данной территории. Подобные дискриминационные меры, как это показала М. Дуглас, влекли за собой социальное разделение, в том числе и по гарантированности безопасности и границ поведенческой активности³.

Но вместе с тем и в первобытной культуре, как отмечал К. Леви-Стросс, тотемистические классификации демонстрировали стремление разорвать эту групповую замкнутость и провести в жизнь понятие, приближающееся к «человечеству без границ». Социальный и культурный прогресс постепенно усиливал дифференциацию между соплеменниками и их индивидуализацию, ослаблялись связи с ближними, на место которых

¹См., напр.: Григоренко А. Ю. «Свой — Чужой» в истории религии // Известия РГПУ. — 2012. — № 146. — С. 41—47; Капицын В. М. История, теория и защита прав человека. — М.: Московский университет потребительской кооперации, 2003. — С. 10—12; Маршак А. Л. Социокультурная аутентичность как мировоззренческая основа модификации дихотомии «Свой—чужой» // Поиск: политика, обществоведение, искусство, социология, культура. — 2015. — № 2 (49). — С. 112—117; Мельникова В. Б. Автономия личности: обзор зарубежных подходов к проблематике // Психологические исследования. — 2014. — Т. 7. — № 37. — С. 9.

²Завершинская Н. А. Перформативный механизм конструирования образов своего и чужого в современной культуре // На перекрестке культур: русские в Балтийском регионе. — Ч. 2. — Калининград: Изд-во КГУ, 2004. — С. 15—30.

³См.: Дуглас М. Чистота и опасность. Анализ представлений об осквернении и табу. — М.: Канон-пресс-Ц, Кучково поле, 2000. — 288 с.

начали приходить новые (реальные и идеальные) с более дальними, что проявлялось уже в переходе к соседским общинам¹. Понятие «свой», фиксировавшее, по словам В. М. Капицына, «круг достойных признания»², связанных комплексом внутренних уз и скреп, включавших права и обязанности и защищенных всей силой данного коллектива, перерастало рамки кровнородственных отношений, всё более отчетливо приобретая территориальные границы. Территориальная компонента дихотомии «Свой — Чужой», дополненная и усложненная политической и цивилизационной составляющими, пройдет сквозь тысячелетия, сохранив свою значимость и в наши дни, невзирая на формирование корпуса международно-правовых гуманитарных стандартов, претендующих на экстерриториальный и экснациональный, то есть общечеловеческий, характер.

Параллельно, в ту же эпоху, начали формироваться и первые элементы осмысления принципа равенства людей. Однако это первобытное равенство, характерное для потестарных обществ, было весьма специфическим, не имеющим практически ничего общего с современным подходом к формальному равенству юридически свободных личностей.

Огромные усилия и жертвы, связанные с противостоянием силам природы, порождали природоцентричные ценностные и нормативные системы, образно названные немецким правоведом Г. Кленнером «правом природы»³, а равенство, в конечном счете, оказывалось равенством перед лицами олицетворявших эту природу разнообразных высших сил. Характерной чертой доминировавших тогда синкретичных первобытных правил поведения, определенных А. И. Першицем как мононормы⁴, была жесткая установка на недопустимость предоставления преимуществ одному члену рода над другим. Это приводило к поглощению человека сообществом (первоначально — родом или общиной), к изощенной и жестокой регламентации любых форм деятельности, к застойности и консервативности форм традиций и обычаев, которые закрепляли сформировавшиеся отношения и связи. Как отмечал Т. Штрелов, лично исследовавший социальные связи в австралийском племени аранда, обрядовые традиции и тирания хранивших её стариков сковывали воображение и творчество туземцев, порождали апатию и интеллектуальный застой⁵.

¹См.: Леви-Стросс К. Тотемизм сегодня. — М. : Академический проект, 2008. — 520 с.

²Капицын В. М. История, теория и защита прав человека: — С. 89—90.

³Кленнер Г. От права природы к природе права. — М. : Прогресс, 1988. — 319 с.

⁴Алексеев В. П., Першиц А. И. История первобытного общества. — М., 1990. — С. 287, 288, 346.

⁵См.: Поршнева Б. В. Социальная психология и история. — М., 1966. — С. 197; Strehlov T. G. H. Aranda Traditions. — Carleton, Victoria : Melbourne University Press, 1947. — 181 p.

Именно борьба с этой «тиранией первобытного равенства» и усиливала элементы индивидуалистического начала, во многом концентрировавшегося в окружении военных вождей, а впоследствии — после перехода к производящей экономике, серии разделений труда и нарастающей имущественной дифференциации — и у богатеей прослойки общинников.

Порожденный последствиями неолитической революции переход к государственно-организованным формам общества со временем обнаружил наличие двух разнонаправленных тенденций в развитии взаимоотношений личности и власти. Эти тенденции с определенной степенью условности можно вслед за В. В. Лапаевой и А. И. Оболонским назвать персоноцентричной и системоцентричной¹. При этом персоноцентризм будет трактовать индивида как высшую ценность, тогда как в системоцентризме индивид либо вообще отсутствует, либо рассматривается как нечто вспомогательное, способное принести большую или меньшую пользу лишь для достижения неких надличностных целей².

Именно в степени проявления этих двух тенденций со временем будет все более отчетливо проявляться специфика цивилизационных различий совокупных «Запада» и «Востока». Не менее важными в конечном счете окажутся и различия в вариантах ответа на вопрос об источниках прав человека.

Анализ политико-правовой мысли древневосточных цивилизаций свидетельствует о наличии определённых элементов внимания правителей к проблемам прав и свобод. Так, уже в XXIV в. до н.э., царь Лагаша Уру-нимгина провозглашал установление свободы для собственных подданных посредством применения санкций к недобросовестным сборщикам налогов, защиты сирот и вдов от несправедливости чиновников, запрета на закабаление храмовых слуг жрецами³. Можно вспомнить кодекс Ур-Намму и законы Хаммурапи и упоминавшийся выше указ персидского царя Куруша (Кира). Несомненный интерес в данном контексте представляют и эдикты правителя древнеиндийской империи Маурьев Ашоки, в которых не только провозглашались равенство подданных, веротерпимость, но и формировался институт своеобразных правозащитников — махаматр дхармы, в чьи обязанности входило поддержание справедливости во всех уголках империи⁴.

Но, как представляется, эти и подобные им древневосточные нормативные акты представляли собой октроированные благодеяния, зависевшие

¹ См.: Оболонский А. В. Драма российской политической истории: система против личности. — М., 1994. — С. 9.

² См.: Саблин Д. А. Права человека. — Оренбург : ОГУ, 2004. — С. 16.

³ См.: Белецкий М. Шумеры. Забытый мир. — М. : Вече, 2000. — 432 с.; Foster B. R. Social Reform in Mesopotamia // Social Justice in the Ancient World / K. Irani and M. Silver eds. — Westport, 1995. — P. 169.

⁴ См.: Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. История Индии. — М : Мысль, 1973. — 596 с.; Dhammika S. The Edicts of King Asoka: English Rendering The Wheel Publication №. 386/387. — Kandy Sri Lanka : Buddhist Publication Society, 1993.

от доброй воли конкретного правителя, не сопровождавшиеся сколько-нибудь массовым пониманием самим населением особого статуса подобных актов. Соответственно, они достаточно легко, без серьезного сопротивления со стороны собственных подданных, отменялись теми властителями, которые не разделяли идей своих предшественников, как это сделал, в частности, с законами Урунимгины победивший его Лугальзагеси, а с эдиктами Ашоки — его внук Сампади. Человек же по-прежнему рассматривался преимущественно как неотъемлемая часть определенной социальной группы, принадлежность к которой определяла специфику его бытия, а само это бытие ставилось в зависимость от интересов данной группы.

Взаимосвязь между объемом реальных возможностей и притязаний человека и его принадлежностью к определенному «сообществу своих» достаточно четко просматривалась и в античном мире. Вместе с тем здесь она, начиная с V в. до н. э., стала приобретать принципиально новый характер, первоначально связанный с формированием прав гражданина.

Полисная система, базирующаяся на активно развивавшемся институте личной (частной) собственности, породила новый, нехарактерный для древневосточных цивилизаций институт гражданства. Именно обладание гражданством, тесно связанное с индивидуальной собственностью на землю, предоставляло жителю полиса значительно более широкий набор прав и свобод, в первую очередь — политических: право на участие в управлении полисом, на разработку и коррекцию его законодательства¹. Не случайно именно в полисных условиях зародились такие значимые понятия, как «гражданские права» или «политическая свобода», шло формирование признания равных политических прав за всеми, имеющими статус гражданина.

Понимание юридического статуса полноправного гражданина как статуса члена полисного коллектива, членство в котором, реализуемое в форме гражданства, и обеспечивало это его полноправие, с течением времени все более отчетливо дополнялось признанием за гражданином особых индивидуальных прав, гарантируемых, охраняемых и защищаемых данным коллективом, в том числе и в судебном порядке. Показательна в этом плане речь афинянина Демосфена «Против Мидия о пощечине». Демосфен прямо указал на связь личного достоинства любого гражданина полиса с общим полисным гражданским достоинством, гарантируемым властями полиса и трактуемым как публичная ценность: «...если кто-нибудь из вас до сих пор воспринимал это дело так, будто судебное разбирательство производится в чьих-то частных интересах — пусть ныне его воодушевит мысль, что запрещение кому бы то ни было совершать подобные преступления послужит на благо всему обществу, как если бы решалось дело общегосударственного значения...»².

¹ Включая обжалование уже принятых решений как противозаконных и алгоритмы привлечения к ответственности злоупотребивших властью должностных лиц.

² Демосфен. Речи: в 3 т. — Т. 1. — М., 1994. — С. 66—67.

Политические права и свободы гражданина тесно переплетались с гражданскими правами личности, выходящей из-под контроля старших членов семьи (рода) и приобретающей экономическую самостоятельность, личные имущественные права, право совершения сделок, то есть экономическую независимость как таковую. Ярким ритуалом, иллюстрирующим специфику исторических корней взаимосвязи автономии и зависимости, явился древнеримский обряд вербального контракта — манципации. Более того, сам процесс осмысления прав и свобод в античном мире изначально развивался в рамках комплекса воззрений, обосновывавших особую ценность закона и законности как таковых. Так постепенно закладывалась будущая традиция обоснования неразрывной взаимосвязи господства закона в социуме и прав человека. Первобытное равенство перед высшими силами и древневосточное равенство перед всесилием деспота-правителя начали вытесняться равенством граждан перед законом¹, который, в свою очередь, есть часть права, восходящего не только к божественной справедливости, но и к абстрактному космическому порядку.

Важнейшей вехой на этом пути стала разработка концепции «естественного права». Уже Солон трактовал закон как сочетание права и силы. Гераклит отмечал, что все человеческие законы питаются единым божественным, «который простирает свою власть, насколько желает». Он, по сути, заложил фундамент для развития тех естественно-правовых концепций, которые понимали под естественным правом некую норму разумного начала, подлежащую отражению и выражению в праве позитивном². Демокрит рассматривал государство и закон как нечто искусственное, вторичное по отношению к естественному первоначалу, а потому обусловленное им³. Противопоставление некоего естественного закона, не зависящего от сиюминутных человеческих желаний, обычаям и законодательству отдельных полисов встречается и у Аристотеля⁴. Цицерон дал определение естественного права как разумного положения, соответствующего природе, распространяющегося на всех людей, постоянного и вечного, стоящего над людскими прихотями и волей: «предлагать полную или частичную отмену такого закона — кощунство; сколько-нибудь ограничить его действие не дозволено; отменить его полностью невозможно, и мы ни постановлением сената, ни постановлением народа освободиться от этого закона не можем»⁵.

Весом и вклад римской юриспруденции, не только юридизировавшей положения о субъекте права, о правовых статусах и свободе людей, начавшей

¹ Очень интересную трактовку равенства как числовой по своей природе пропорции, определяющей «надлежащую меру» благ, дали пифагорейцы.

² Цит. по: Материалисты Древней Греции. — М., 1955. — С. 39—52.

³ См.: Лурье С. Я. Демокрит. — Л., 1970. — С. 187—382.

⁴ См.: Аристотель. Афинская полития. — М., 1996.

⁵ См.: Цицерон. О государстве. III, XXII, 33.

трактовать взаимоотношения государства и личности как правоотношения, создавшей учение о справедливом праве¹, но и сформулировавшей саму конструкцию «естественное право». По словам Ульпиана, этому праву природа научила все живое: «ибо это право присуще не только человеческому роду, но и всем животным, которые рождаются на земле и в море, и птицам»².

Характерной чертой развития античной полисной культуры стал расцвет множества разнообразных философских школ, активно осмысливавших, рационализировавших различные социальные проблемы и способствовавших кристаллизации теоретических основ понимания прав и свобод.

Предметом жарких теоретико-философских и политических споров была проблема соотношения интересов коллектива, общественной целесообразности, с одной стороны, и масштабов личной свободы конкретного индивидуума, бывшего его членом, с другой. Сторонниками взгляда на общественное устройство как на, в первую очередь, средство обеспечения безопасности и благоденствия конкретного гражданина были Перикл, Фукидид, Эсхил, Софокл, Диоген и др. В свою очередь, Платон, а, отчасти, и Аристотель, акцентировали внимание на неизбежности и необходимости сохранения социального неравенства и приоритете общего блага перед частными интересами членов коллектива.

По представлениям большинства античных мыслителей, коллектив полноправных граждан был замкнут, элитарен по отношению к своему окружению. Будучи ограничен формальными рамками гражданства, он заведомо исключал из своего состава обширные социальные слои иноплеменников и, тем более, рабов, которым вообще отказывалось в праве не то что быть приравненными к свободным, но и вообще называться людьми. То есть, признанию равенства и полноправия граждан полиса в античную эпоху изначально сопутствовали очевидная ксенофобия и моральное обоснование рабства: «варвар и раб, — писал Аристотель, — по природе своей понятия тождественные»³. Соответственно, государство и право оказывались присущими только политически организованным гражданам полиса, тогда как неполитический тип власти, такой как господство деспота над варварами или господина над рабами делает невозможным и само право, и права индивидов как таковые.

Безусловные инновации в данную сферу внесли воззрения софистов, одними из первых попытавшихся преодолеть противопоставление «своих и

¹ Римские юристы «интерпретировали сложившиеся правовые нормы в духе их соответствия требованиям справедливости (aequitas) и в случае коллизий зачастую изменяли старую норму с учетом новых представлений о справедливости и справедливом праве». (Права человека / под ред. Е. А. Лукашевой. — М. : НОРМА—ИНФРА, 2001. — 573 с. — С. 55.

² Цит. по: Аристотель. Политика. — М., 1911. — С. 408.

³ Аристотель. Политика. — М., 1911. — С.410.

чужих», признавая естественное равенство и свободу всех людей, без исключения. Протагор первым поставил именно человеческое начало в качестве основной меры для естественно-правового: мера всех вещей — человек, существующих, что они существуют, а несуществующих, что они не существуют¹. По мнению Алкидама, «Божество создало всех свободными, а природа никого не сотворила рабом, государство же — результат договора людей между собой»². Соответственно, по словам Гиппия, закон, зависящий от воли людей (а не богов), властвуя над людьми, принуждает ко многому, что противно природе³. Эти идеи развивались и представителями римского стоицизма (Сенека, Эпиктет, Марк Аврелий), которые начали заявлять о естественном равенстве всех людей как по природе, так и перед законом.

Эта юридическая составляющая института равенства все более отчетливо прослеживалась и в римском праве, начиная с формирования процедур эмансипации женщин и вольноотпущенников и заканчивая распространением прав римских граждан на население провинций империи⁴. Таким образом, начал формироваться важнейший магистральный вектор развития: от достоинства человека как частицы рода и семьи через личное достоинство гражданина, признаваемое публичной ценностью, к самоценности достоинства человека как такового, присущего ему в силу специфики его биологического происхождения.

Следующий важный шаг в данном направлении в Европе был совершен в эпохи Средневековья, Возрождения и Реформации. Развивавшееся христианство изначально признавало всех людей братьями, равными перед Богом, а идею Бога — высшим абсолют, перед которым меркнут все прочие установления⁵. При этом сам человек пока понимался не как самодостаточное целое, а как существо, которое, устремляясь к Богу, призвано преодолевать свою греховную сущность и пороки окружающего мира. Соответственно, и общность людей трактовалась как изначально заложенная сопринадлежность единому образу жизни, обусловленному христианским призванием.

¹ Цит. по: Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. — М., 1979. — С. 375.

² Цит. по: История политических и правовых учений : учебник для вузов. — Изд. 2-е / под общ. ред. В. С. Нерсисянца. — М. : НОРМА—ИНФРА, 1998. — С. 47.

³ См. там же. — С. 46.

⁴ Характерны эпизоды из путешествий апостола Павла по восточным провинциям Римской империи, фиксирующие обвинения им как римским гражданином, отстаивающим свои права, представителей местной власти в превышении полномочий (Деяния святых апостолов [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.pravmir.ru/library/readbook/523>. (дата обращения: 24. 06. 2016)).

⁵ Отдельные элементы идей о ценности человеческой жизни, равенстве, запрете посягательств на честь и достоинство человека, неприкосновенности личной собственности и др. обнаруживаются еще в древнеиудейском компоненте христианства. См. соотв. тома 24 томника Танах (Библии): Бытие 1:27, Псалмы 8:5-7; Левит 19:18; 25-10; Выход 12-49; Второзаконие 24:14, 15; Иеремия 34:17.

Формирование морально-правового компонента религиозного сознания обуславливало сложение единых для всех христиан¹ представлений о сущности и достоинстве человека, смысле жизни. Эти представления выражались такими имеющими морально-правовую окраску предписаниями как грех и его искупление, закон Божий и Страшный суд и т.д. В рамках сложнейшего конгломерата религиозных предписаний, морально-ценностных установок, философско-мировоззренческих концепций постепенно выкристаллизовывалась система норм, регулировавших поведение разных слоев средневекового европейского общества.

При этом характерное для западных ветвей христианства выделение в загробном мире помимо рая и ада еще и чистилища, допускало распространение нейтрального варианта поведения, допускавшее загробное спасение после очистительного испытания. Это делало возможным наличие в повседневной жизни широкой полосы нейтрального поведения и соответствующих институтов, не являвшихся ни «святыми», ни «грешными», ни «государственными», ни «антигосударственными»². Учение о чистилище, разработанное Ансельмом Кентерберийским (сер. XI в.), стало, по словам Г. Дж. Бермана, «связующим звеном между теологией и юриспруденцией», а само спасение было объяснено «в терминах юридической сделки»³. Это, в свою очередь, привело к постепенной трансформации идеи равенства людей перед Богом, особенно активно реализуемой в рамках протестантского дискурса. Протестантизм усилил персонцентристское начало в западном христианстве через проповедь идеи личного спасения, вознаграждения конкретного праведника. Это вело к формированию идеологии и психологии индивидуализма⁴, сыгравшей немаловажную роль в рамках развития противопоставления «Я — Мы» и формированию требований прав на свободу вероисповедания в рамках христианства.

Христианский тезис о свободе воли человека, дополненный концептом персонального пути к спасению, способствовал формированию представления об индивидуальном «пространстве свободы» как важной гуманитарной ценности. М. Лютер утверждал: «Ни папа, ни епископ, ни какой бы то ни было человек не имеет права установить ни единую букву над христианином, если не будет на то его собственного согласия»⁵. Еще более активно персон-

¹ независимо от социальных, территориальных и национальных различий.

² Успенский Б. А., Лотман Ю. М. Роль дуальных моделей в динамике русской культуры // Успенский Б. А. Избранные труды. — М., 1996. — Т.1. — С. 339—340.

³ Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. — М., 1994. — С. 175—178.

⁴ Яковлев Е. Г. Искусство и мировые религии. — М., 1985. — С. 217.

⁵ 95 тезисов Лютера // Кареев Н. И. — История Западной Европы в Новое время. Т. 2 — СПб., 1895 [Электронный ресурс]. — Режим доступа:

<http://rushist.com/index.php/kareev-2/1288-tezisy-lyutera> (дата обращения: 24. 06. 2016).

ноцентристское начало развивалось гуманистами эпохи Возрождения: патерналистская зависимость человека от Бога, сюзерена (духовного или светского), корпорации постепенно заменялась приоритетом личной автономии, антропоцентристским гуманизмом, попытками восстановить основные достижения античного понимания человека (хотя и не всегда адекватно). Бывший «раб Божий» теперь трактуется как самоценное деятельное существо, которое, по словам Дж. Бокаччо, «имеет столько, сколько возьмет сам»¹.

Несмотря на постепенную утрату официальным католицизмом эгалитарных черт, характерных для раннего христианства, эта религия всегда сохраняла мощное гуманистическое начало. К Библии и трудам Отцов Церкви регулярно апеллировали сторонники построения такого социального порядка, который защищал бы униженных и оскорбленных, борцы за улучшение положения угнетенных, ограничение деспотизма, за переход от закрепления сословного достоинства к признанию достоинства человека как такового. Характерен тезис из «Двенадцати статей» (1525 г.): «Христос пролитием Своей драгоценной крови освободил и искупил всех нас... не исключая никого. Поэтому соответствует писанию, чтобы мы были и хотим быть свободными»².

Показательны и Вальядолидские дебаты 1550—1551 гг. Один из участников, Х. де Сепульведа, достаточно четко сформулировал подходы «цивилизованного европейца» к «новым чужим», в данном случае аборигенам Нового Света: 1) индейская практика каннибализма и человеческих жертвоприношений — основание для насильственного вмешательства испанцев с целью наказания виновных и спасения невинных жертв; 2) сам Христос через Папу дал испанцам священное право проповеди туземцам праведного Евангелия; 3) будучи по натуре дикими и неспособными самостоятельно управлять своими делами, индейцы должны быть в рабстве или под опекой испанцев. В свою очередь, его оппонент, Х. Лас Касас, доказывал, что индейцы — тоже свободные люди, протестовал против их порабощения, призывал к добровольности крещения³. На практике эпоха Великих географических открытий положила начало колонизации небольшим числом западноевропейских государств населения громадных территорий Африки, большей части Азии и Америк. Экономическим фундаментом для расширения прав и свобод жителей метрополий во многом начала становиться

¹ Цит. по: Полещук В. Теоретические основы современной западной концепции прав человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ofdp.ru/journal/_hr001/index.shtml (дата обращения: 24. 06. 2016).

² Хрестоматия по истории средних веков: под ред. Н. П. Грацианского и С. Д. Сказкина. — Изд. 2-е. — В 3-х т. — Т. III. — М.; Л., 1950. — С. 122—126.

³ Losada Á. Controversy between Sepúlveda and Las Casas // Friede J.; Keen B.. Bartolomé de las Casas in History. Collection spéciale: CER. — DeKalb: Northern Illinois University Press., 1971. — P. 279—309.

сверхэксплуатация населения колониальных и зависимых стран, вплоть до возрождения рабства.

Существенные новшества были привнесены в эпоху европейского Средневековья, Возрождения и Реформации и в юридические аспекты исследуемой нами проблематики. Выход католической церкви из-под контроля светских властей, осуществленный в ходе начатой Григорием VII т.н. Папской революции 1076—1122 гг.¹, привел к формированию самостоятельного канонического права. Канонические принципы, такие как высказанный в XII в. Петром Ломбардским постулат «нет греха, если не было запрета», со временем все больше теряли свою теологическую составляющую.

Противостояние духовной и светской властей вело к десакрализации каждой из них. У. Оккам, определяя первоначальный источник светской власти, высказал тезис: именно люди творили власть; именно народ ее возжелал, именно он ее даровал². Т. Аквинат ввел понятия естественного закона, трактуемого как отражение разумом человека вечного (божественного) разума, и политической монархии, созданной во имя общего блага и основанной на законности. Более того, опираясь на тезис «что не было справедливым, не было законным», он называл оправданным протест подданных против властителя, попирающего справедливость и естественный закон³. Вынужденное сосуществование церковного и светского правопорядков, веры и закона среди прочего закладывало предпосылки для возникновения идеи разделения независимых властей. Важным шагом стало и оформление Аугсбургским мирным договором 1555 г. религиозной свободы по принципу «чья власть, того и вера». Оно ускорило секуляризацию как публичного пространства, так и культуры в целом.

Шел и параллельный процесс: светские государи вели поиск источников своей власти и светского права, которые возвышали бы их над папством. Одним из результатов этого поиска стала разработанная Ж. Боденом концепция государственного суверенитета, который увязывался и с принятием справедливых законов, запрещавших произвольное вмешательство власти в дела «земли», нарушение веротерпимости, взимание налогов без согласия подданных.

Представители гуманистического направления легистской школы (Бомануар и др.), обосновывая значимость абсолютизма, параллельно декларировали равенство всех перед законом, критиковали крепостничество.

¹ См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер. с англ. — 2-е изд. — М. : Изд-во МГУ : ИНФРА—НОРМА, 1998. — С. 93, 94.

² Цит. по: Таранов П. С. Анатомия мудрости: в 2 т. — Т. 2. — Симферополь : Ренеме, 1997 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ulera.net/text-books_author/3993/textbook/11662/taranov_ts/anatomiya_mudrosti_tom_2/read/6/ (дата обращения: 24. 04. 2016).

³ Фома Аквинский. Сумма теологии. Часть I.

Идеи Аквината об иерархии законов были развиты постглоссаторами, заявлявшими о недопустимости применения юристами законов, признанных ими несправедливыми (Р. Луллий)¹.

Светское право также существенно эволюционировало. Основанное на обычном праве раннефеодальное право обусловило новый виток в развитии дихотомий «Свой — Чужой» и «автономия — зависимость» — шло строительство сложных многоуровневых систем сословных прав-привилегий, тесно связанное с борьбой за дополнительные вольности. В формировавшемся городском праве, ганзейском, любекском, магдебургском, шла юридизация выхода из-под контроля светских государей и церкви. Постепенно формировались, нормативно закрепляясь, и представления о расширенном круге «своих» — подданстве в средневековой монархии. В рамках нормативной фиксации локальных (сословных и территориальных) привилегий стали формироваться положения, касающиеся прав широких слоев подданных.

Так, Великая хартия вольностей (1215 г., Англия), помимо статей, закрепляющих свободы баронов и рыцарства, включала и нормы, ограничивавшие произвол королевских чиновников, требования запретить назначение на должности судей, шерифов и констеблей лиц, не знающих или не желающих выполнять законы. Огромное значение имеет и ст. 39 Великой хартии, предусматривающая возможность применения наказания свободных не иначе как по законному приговору равных и по закону страны². Немаловажен и Первый Вестминстерский статут 1257 г., положения которого развивали идеи равенства перед богом и законом³. Определенную роль сыграла Петиция о праве 1628 г., укреплявшая личную неприкосновенность подданных, запрещавшая специальные и подобные им суды, внесудебные репрессии, незаконное налогообложение⁴. В восточноевропейском праве небезынтересен Литовский Статут 1566 г., провозгласивший идеи личной неприкосновенности, равенства и личной ответственности свободных людей перед законом, юридической защиты их прав и др.

Вместе с тем еще раз подчеркнем недопустимость попыток экстраполяции теорий и реалий древности на современное видение прав человека. По замечанию Дж. Доннелли, «традиционные сообщества обычно обладали развитой системой обязанностей, концепциями справедливости, политической

¹ См.: Иоффе О.С. Избранные труды по гражданскому праву [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://civil.consultant.ru/elib/books/3/> (дата обращения: 24. 06. 2016).

² Учет и использование понятия «народный суверенитет» сторонниками децентрализации власти в пользу удельной знати — монархонами (тираноборцами).

³ Гутнова Е. В. Вестминстерские статуты. — М., 1948. — С. 7—29.

⁴ См. Томсинов В. А. Юридические аспекты английской революции 1640—1660 годов. — М. : Зерцало-М, 2010. — С. 70—86.

легитимности и процветания, которые являли собой попытку обеспечить человеческое достоинство, благополучие и достижение успеха в полном отрыве от прав человека. Соответствующие институты и практики скорее представляют альтернативу этим правам, нежели иную их формулировку»¹. Средневековые социумы в массе своей продолжали сохранять замкнутую сословно-корпоративную структуру, церковная контрреформация обозначила начало новых попыток восстановления влияния религиозной догматики на мировоззрение подданных, а политические институты феодальных монархий всё меньше соответствовали объективным требованиям времени.

Это становилось все более очевидным по мере развития товарно-денежных отношений, повлекшего за собой резкий рост экономической значимости новых социальных слоев, формировавшихся в рамках поляризующегося третьего сословия, в первую очередь — буржуазии. Их представители всё отчетливее осознавали необходимость отстаивания личного достоинства, усиления индивидуальной самостоятельности, в первую очередь в распоряжении своими имуществом и способностями.

Все более острые противоречия между экономической ролью новых социальных слоев и их минимальным влиянием на процесс принятия властных решений, между повышением значимости индивидуальной инициативы (в том числе интеллектуальной) и тормозящими её сословно-корпоративными и церковно-теологическими институтами объективно требовали своего разрешения. Осознание все большим числом подданных западноевропейских монархий несправедливости сложившейся ситуации формировало социальный заказ на идейные установки, обосновывающие с новых этико-правовых позиций необходимость радикальных социально-политических перемен.

Кроме того, развитие капитализма резко повышало социальную значимость индивидуальной инициативы, договорных отношений, акцентировавших внимание на проблеме соотношения прав и обязанностей, на единстве нормативного регулирования, особой роли юридических санкций. Это всё больше переводило теорию права из сферы схоластических конструкций в разряд «инструментов регулярного применения», реально влияющих на повседневную жизнь, и намечало, по словам Г. Дж. Бермана, путь западных обществ к господству посредством права и господству права².

Реализации данного процесса объективно способствовало развитие научного знания и мышления, их резко выросшая социальная роль, доходящая до формирования «культа разума», когда само наличие мыслительного процесса становилось лучшим доказательством реальности бытия человека.

¹Donnelly J. Universal Human Rights in Theory and Practice. 2nd ed. — Ithaca and London : Cornell University Press, 2003. — P. 71.

²См.: Берман Г. Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. — М., 1994. — С. 503.

В свою очередь, религия, переставая быть универсальной нормой существования¹, все более отчетливо дробилась на конфессиональные сегменты, превращаясь, с одной стороны, в идеологию, а с другой — в личную веру. Теологическая аргументация уступала место научной, а вера во всеисие Бога — верой во всемогущество разума. Началось формирование юридического мировоззрения, где, по мнению К. Маркса, место догмы, божественного права заняло право человека, а место церкви — государство².

Естественно, что теоретическое осмысление сформировавшихся социально-политических реалий и разработка новых концептуальных построений стали уделом достаточно узкого круга наиболее выдающихся философов. Как верно подметил еще Э. де ла Боэси: «Всегда находится известное число людей, более одаренных от природы, которые ... никогда не могут свыкнуться с порабощением ... никогда не могут забыть о своих естественных правах и не вспоминать о первоначальной природе своих предков»³.

Мыслители эпохи Нового времени, и в первую очередь века Просвещения, активно востребовали идейное наследие своих античных и средневековых предшественников, компилируя и развивая его и, что немаловажно, утилитаризируя, переводя отдельные разрозненные идеи, носящие умозрительный характер, в систематизированные конструкции, превращаемые в идейный фундамент формирующихся идеологий. Говоря о популяризации этих теоретических конструктов, следует учесть огромную роль распространения книгопечатания и формирование все более обширного европейского университетского сообщества, облегчавших оформление, распространение и внедрение в массовое сознание генерировавшихся идей.

Эпоха Нового времени — это период концептуального оформления и нормативного закрепления первого поколения прав человека в их целостной форме, характерной для западноевропейской и производной от нее североамериканской мировоззренческих парадигм. Доктрина прав человека формировалась в рамках противоборства персоноцентричных и системоцентричных подходов при сохранении значимости прежней дихотомии «свой-чужой», и, соответственно, противостояния разных концептов правопонимания, в первую очередь, юснатуралистского и позитивистского⁴.

В наиболее четком виде персоноцентризм мировоззренческих подходов той эпохи проявился в формирующихся идеях либерализма, провозгласившего индивидуальную свободу (личную автономию), достоинства и права личности приоритетными ценностями, а общественный, в т.ч. и госу-

¹ См.: Самович Ю. В. Международный механизм защиты прав и свобод человека: универсальный и европейский аспекты / Екатеринбург: АСПЕ, 1999.

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т. 21. — С. 491, 498.

³ Ла Боэси де Э. Рассуждение о добровольном рабстве. — М., 1952. — С. 21.

⁴ легистского, по типологии В. С. Нерсисянца. См.: Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. — М., 1999. — С. 33.

дарственный, интерес — вторичными, производными. Их виднейшими разработчиками (Дж. Локк, Ш.-Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант, Т. Джефферсон, А. Смит, Дж. Милль, И. Бентам и др.) были сформированы теоретические обоснования тех прав, которые и сегодня весомой частью человечества воспринимаются как священные императивы и нормы взаимоотношений между людьми и властью: прав человека на жизнь, свободу и собственность, сопротивление угнетению. Концептуальным фундаментом либеральных доктрин стали идеи естественного права и общественного договора.

Либеральная доктрина основывалась на новом, демонстративно порвавшем с теологией, философском видении человека. Она исходила из того, что природа (а не Бог), порождающая человека, наделяет его разумом, выделяющим его из животного мира, и определённым набором прав и свобод, изначально присущих ему в силу самой принадлежности к роду человеческому, а потому неотчуждаемых. Именно человеческий индивид оказывается основным и последним в ценностном отношении элементом социальной реальности — «абсолютно самодостаточной (суверенной) единицей, не подлежащей ни какому-либо делению, ни смешению или слиянию с другими»¹. И права человека в собственном смысле этого слова — это права индивидуальные, существующие вне любой формы коллектива и возникшие раньше их. Более того, они имманентны человеку: без их наличия он не в состоянии проявить собственные человеческие качества.

С точки зрения теоретиков формировавшегося либерализма, суверенные индивиды в процессе взаимодействия с себе подобными сформировали новую форму реальности, кардинально отличную от прежнего «природного» состояния — культуру (цивилизацию). Процесс взаимодействия равных от природы в правах индивидов порождает определенный тип взаимоотношений, основанных на взаимном договоре (конвенции), устанавливающем цивилизованные основы общежития. Сам этот договор как раз и базируется на порожденных самим естеством, природой человеческого бытия принципах взаимоотношений между людьми, исходящих из признания приоритета достоинства человеческого индивида. Соответственно, все общественные институты, включая государство, — плоды этого договора и, как это впервые в систематизированном виде продемонстрировал Дж. Локк, должны соответствовать данному предназначению — обеспечению за человеком тех прав, которые ему предначертаны его природой, и формированию социально-политических условий, которые позволяли бы человеку реализовать свои права. При этом государство должно ограничивать свои функции лишь теми, которые не в состоянии реализовать сам индивид и образованные им иные коллективы (гражданское общество), а улучшению социума способствует отмена ограничений на индивидуальную деятельность.

¹ Кырлежев А. Взаимоотношение концепции прав человека и религиозных ценностей [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.religare.ru/2_34218.html (дата обращения: 24. 04. 2016).

В экономическом плане это пытался обосновать А. Смит, заявлявший, что свободный рынок при определённых условиях способен к естественному саморегулированию и порождает большую производительность, что государство должно ограничиваться решением задач, которые нельзя увязать с жаждой прибыли¹, а налоги не должны вредить экономическому росту.

В политико-юридическом плане Руссо сформулировал принципы формально-юридического равенства и народного суверенитета, согласно которому индивиды, добровольно объединившиеся в «политическое целое» — народ, являются высшим источником власти. Локк, Монтескье, Т. Джефферсон акцентировали внимание на необходимости разделения властей как важном принципе построения механизма государства, способствующем минимизации его возможностей нарушить права индивида².

Так формировался важнейший идеологический компонент концепции прав человека, обосновывавший предназначение целого ряда из них необходимостью ограничений, накладываемых на власть с целью обуздания ее стремления к тирании. Важной составляющей первого поколения прав человека становился комплекс политических прав, защищающих свободных индивидов от злоупотреблений власти, светской и религиозной, обеспечивающих реальность выражения их протеста и несогласия: права на политическое участие, свободы слова, мысли, вероисповедания, союзов, собраний.

Уровень законодательной защиты человеческого достоинства и личной автономии, уважения и соблюдения прав человека с этого времени стал важнейшим критерием гуманистической оценки любого государства. Позитивное право, порождаемое государством, с естественно-правовой точки зрения вторично и должно соответствовать естественно-правовому принципу справедливости³. Соответственно, притязания государства по собственному усмотрению определять объем прав и свобод человека, при этом «не считаясь с набором прав, необходимым для нормальной жизнедеятельности индивида»⁴, расценивались как несправедливые и являлись, в случае систематического повторения и иных нарушений, основанием для выступления против него, как индивидуального, так и коллективного.

Торжество либерального вектора видения прав и свобод человека в этот период обуславливалось тем, что именно на почве защиты индивидуальных свобод человека от произвола государства и официальной церкви

¹ Напр.: предотвращение мошенничества, противозаконного применения силы. См.: Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов. — М.: Ось-89, 1997. — 255 с.

² Этот принцип в современной форме (как разделение законодательной, исполнительной и судебной властей) первым сформулировал Монтескье в 1748 г.

³ Типичное для юснатурализма определение права как воли к справедливости (законы, «пожирающие» эту волю, недействительны) дал в начале XX в. Г. Радбрух. См.: Радбрух Г. Философия права. — М.: Международные отношения, 2004. — С. 41—48.

⁴ См.: Общая теория прав человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. — С. 11—13.

формировался негативный консенсус большей части представителей бывшего третьего сословия. Он объединял их в стремлении сломать закостеневшие феодальные социально-политические и правовые институты, не дававшие этим новым акторам возможности получить соответствующие их экономическим возможностям социальные и политические статусы, в том числе ликвидировать феодальные привилегии, цеховые, гильдейские и прочие корпоративные монополии, накладывавшие ограничения на собственность и свободу контрактов. Политический либерализм часто обуславливался прагматическими экономическими мотивами. Постепенно сторонники либеральных доктрин перешли от предложений к требованиям, все более бескомпромиссным.

Безусловной инновацией Нового времени в вопросе о правах человека стал перевод данной проблематики в нормативно-практическую, в том числе конституционно-правовую, плоскость. Первыми актами конституционного характера, посвященными закреплению в Новое время права человека стали принятые в Англии Habeas Corpus Act 1679 г. и Билль о правах 1689 г., дополненные в 1701 г. Актом об устройении.

Но в более целостном виде положения о правах человека стали конституционно оформляться с XVIII в. Лозунги защиты прав и свобод человека, необходимости (и даже обязательности) сопротивления несправедливой власти, попирающей их, оказалась тем идейным знаменем, под которым широкие народные массы и были подняты на великие буржуазные революции. Нормативное оформление этих идей имело свою национальную специфику.

Впервые концепция прав человека нашла свое систематизированное юридическое выражение в Вирджинской декларации прав 1776 г. Но укоренившееся в умах жителей бывших североамериканских колоний недоверие к самому государству, которому якобы «органически присуще стремление к произволу и попранию прав подвластных»¹, привело к тому, что текст Конституции США 1787 г. не включил статей с перечнем неотчуждаемых прав.

Американские федералисты, исходя из юснатуралистского подхода, посчитали, что естественные права человека не нуждаются в позитивном нормативном подтверждении, а их фиксация в случае её трактовки как исчерпывающего перечня может обусловить ущемление прав и свобод, не вошедших в текст Основного закона. Поэтому, по инициативе Дж. Мэдисона, особое внимание было уделено недопущению единоличной концентрации власти — проработке дополняющей разделение властей системы сдержек и противовесов. И лишь после ряда протестов появился на свет Билль о правах

¹ Налицо влияние исторического наследия — в памяти граждан был свеж произвол британской короны в отношении ее политических и религиозных противников. См.: Лукашева Е. А. Права человека. — М. : НОРМА-ИНФРА, 2001. — 573 с. — С. 22.

1791 г. — 10 поправок к Конституции США, сформулированных как максимально ограничивающие власть государства по отношению к индивиду¹: предусматривались свобода вероисповеданий, собраний, слова и печати, права на подачу петиции, на суд присяжных, на ношение оружия, на неприкосновенность личности, жилища, бумаг и имущества, право не свидетельствовать против себя и др. Права и свободы, обязывающие государство воздерживаться от вмешательства в сферы, ими регулируемые, вскоре получили наименование «негативных» и, как уже отмечалось, составили ядро первого поколения прав человека.

Еще дальше пошли французские революционеры, заявившие, что Национальное собрание имеет право говорить от имени всего народа, провозгласившие всеобщее избирательное право (для мужчин), национальное гражданство и принявшие в 1789 г. Декларацию прав человека и гражданина, в которой не только были впервые конституционно закреплены свобода личности, права на собственность, безопасность и сопротивление угнетению, презумпция невиновности, но и нормативно фиксировано само понятие «права человека»².

Начиная с 1774 г. планету потрясли несколько «революционных волн», при этом каждая из последующих делала все более отчетливый акцент на расширении гражданских и политических прав. «Негативные права», составившие первое поколение прав человека³, с течением времени приобретали все более богатое содержание, все шире воплощаясь в судебной и административной практике, в развитии договорных и корпоративных отношений физических, юридических лиц, общественных организаций. Таким образом, уникальный комплекс общественных отношений, порожденных архетипом западноевропейской цивилизации, обусловил формирование «особой модели правовой регламентации социальных связей», в качестве системообразующего элемента которой на определенном этапе развития и стали права человека⁴.

Постепенно личные и политические права начали приобретать юридическую форму не только в актах национального права, но и в документах

¹ Положения о правах человека в 1791 г. частично закреплены и в польской конституции.

² Декларация прав человека и гражданина

³ См.: Головистикова А. Поколения прав человека // Право и жизнь. — 2009. — № 128. — С. 5—9.

⁴ Крупеня Е. М. Политико-правовая активность личности и западноевропейские цивилизационные доминанты // Общественные науки и современность. — 2010. — № 4. — С. 58—59; Рудинский Ф. М. Методологические проблемы науки прав человека // Право и права человека : сб. научн. трудов юр. факультета МГПУ. — Кн. 6. — М., 2003; Честнов И. Л. Мультикультурализм и право // Проблемы Европейской интеграции: правовой и культурологический аспекты : сб. научн. статей. — СПб. : Астерион, 2007. — С. 29—33.

права международного. Ужасы второй мировой войны вновь заставили задуматься о необходимости Международного Билля о правах человека. Первым шагом на пути его оформления стала Всеобщая Декларация прав человека 1948 г., уже на планетарном уровне провозгласившая, что все люди рождаются свободными и равными в собственных достоинстве и правах¹.

Стремительное распространение либеральных идей и базирующегося на них подхода к правам человека отнюдь не означало безусловного торжества персонцентристской парадигмы. Практически сразу же начали возникать и становиться все более очевидными многочисленные противоречия. Социальный оптимизм раннего либерализма, декларировавшего обеспечение индивидуальной свободы и формально юридического равенства как важнейшие инструменты для успешного строительства процветающего общества, основанного на приоритете индивидуальной инициативы и свободного рынка, все более тускнел при соприкосновении теории с повседневной жизненной практикой.

Немаловажную роль в этом сыграла экономическая составляющая либеральной идеологии, умело использованной финансово-промышленными элитами как инструмент для выхода из-под влияния феодального государства и взятия под контроль вновь создаваемого государственного механизма. По верному замечанию Б. Констана, «деньги есть самое опасное оружие деспотизма, вместе с тем и самая крепкая узда для него... богатство есть сила вездесущая, более соотносимая со всеми интересами и оттого гораздо более реальная... от властей можно ускользнуть, обманув их; чтобы добиться милости богатства, ему нужно служить»². Священность права на частную собственность, первоначально бывшая объектом дискуссий среди либералов³, со временем стала непререкаемым постулатом. «Сила денег», умело и активно использующая в своих интересах привлекательные либеральные лозунги, обуславливала все более очевидную ограниченность либеральных теорий.

Отнюдь не ушла в прошлое дихотомия «свой — чужой». Провозглашение лозунга об изначальном равенстве людей и неотъемлемости присущих им прав и свобод парадоксально сочеталось с практикой геноцида краснокожих аборигенов Америки, активным использованием рабского труда

¹ Всеобщая Декларация прав человека

² Констан Б. О свободе у древних в ее сравнении со свободой у современных людей // Полис. — 1993. — № 2. — С. 104.

³ Если у Локка и в Вирджинской декларации право на владение имуществом относилось к числу фундаментальных, то Т. Джефферсон в Декларации независимости США использовал более обтекаемую формулировку «право на стремление к счастью».

чернокожих из Африки, расовой сегрегации, затронувшей и Азию¹, безусловного фактического неравенства в правах по гендерным и социальным основаниям².

Для теоретического обоснования вмешательства в дела «нецивилизованных» народов с середины XIX в. начала использоваться концепция «гуманитарной интервенции». «Вмешательство образованных держав, — отмечал Ф. Мартенс, — по принципу законно в том случае, когда христианское население тех земель ... подвергается варварскому гонению и избиению. В данном случае вмешательство оправдывают общность религиозных интересов и соображения человечности, т. е. начала естественного права, которые вообще определяют сношения образованных народов с необразованными»³. Но анализ реальной практики обусловил вывод британского юриста-международника Я. Браунли: «В действительности ни одна интервенция не происходила в гуманных целях»⁴.

Ограниченность характера либеральных подходов к пониманию проблематики прав человека проявилась, в частности, и в том, что продекларированные ими права не обеспечили защиты большей части граждан, в первую очередь наемных работников, от эксплуатации со стороны собственников и потому — реального социального освобождения. Более того, все более очевидным становился тот факт, что минимизация всяческих ограничений в реализации гражданских прав на практике во многом превращает их в привилегию имущего меньшинства. Весомая же часть граждан в силу ограниченности в материальных, интеллектуальных и временных ресурсах испытывала серьезнейшие затруднения в практическом использовании провозглашенных гражданских и политических прав, что с предельной очевидностью показала череда кризисов рубежа XIX—XX вв. Это породило зарождение в рамках классического либерализма социал-либеральных течений, представители которых (М. Адлер, Дж. Дьюи и др.) заявляли, что справедливая реализация фундаментальных негативных прав невозможна без гарантирования прав позитивных (на образование, равенство экономических

¹ Тезисы о превосходстве англичан над другими народами и о «бремени белого человека» ярко выражены в трудах даже либеральных британских ученых второй половины XIX в. См.: Гелла Т.Н. Империя второй половины XIX века в оценке британской либеральной мысли // Историческая наука на рубеже веков. — Екатеринбург, 2000. — С. 195—199.

² Как минимум, до 1920-х гг. в большинстве даже европейских стран женщины и представители трудящихся «низов» лишались избирательных прав, а их формальное получение отнюдь не делало пассивное избирательное право малоимущих сколько-нибудь реальным.

³ Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. — СПб., 1882. — Т. 1. — С. 297—298.

⁴ Brownlee I. International Law and the Use of Force by States. — Oxford, 1963. — P. 339—340.

возможностей, отдельные виды социального обеспечения и т.д.)¹. Эти течения явно противоречили классическим подходам экономического либерализма, что порождало рост внутренних дискуссий.

С течением времени, по мере завоевания верхушкой бывшего «третьего сословия» важнейших стран Европы лидирующих социально-политических позиций, всё более отчетливо наблюдалось нарастание противоречий внутри него, подвергнувшегося стремительной дифференциации, и усиление охранительно-консервативных тенденций в среде «верхов»², соответственно, сочетаемое с популяризацией эгалитаристских идей среди «низов», усугубленной радикализацией предлагавшихся методов их практической реализации.

Для обновившихся экономических и политических элит на первое место все отчетливее выходила объективная необходимость использовать сформировавшееся национальное государство как инструмент для защиты завоеванных ими позиций, а обновленное право — как важное средство нормативного закрепления и легализации сложившихся общественных отношений. Концепция правового государства, значимую роль в формировании которой сыграли труды И. Канта, Г. Гегеля, Р. фон Моля и ряда иных немецких философов нового времени, порождала и следующее важное следствие: полноценная реализация прав человека связывалась с подчинением индивида праву и обязанностью беспрекословного соблюдения его нормативных установок, фиксированных в законодательстве государства, признаваемого правовым. При этом все более распространявшееся на национальном уровне законодательное регулирование прав человека привело на рубеже XIX и XX вв. к укреплению позиций позитивистской концепции правопонимания и производного от нее видения прав и свобод человека и гражданина.

Представители юридического направления позитивистского подхода (К. Бергбом, Г. Кельзен, О. Конт, А. Меркель, Д. Остин и др.) на рубеже нового и новейшего времени стали трактовать права человека как сформированную государством совокупность правовых норм, которые регламентируют свойства и особенности бытия человека, выражающие его свободу³. Соответственно, именно государство, имеющее монополию на законотворчество (правотворчество), реально определяет объем и содержание прав,

¹ Дьюи Дж. Либерализм и социальные действия // Демократия и XX век : хрестоматия. — Нижний Новгород. — 1997. — С. 55–70

² Существенное влияние на эволюцию либерализма оказала консервативная его критика, сложились даже определенные либерально-консервативные концепции, в которых своеобразно переплелись идеи либерализма и консерватизма.

³ См.: Варламова Н. Ю. Позитивистские трактовки прав человека // Права человека и современное государственно-правовое развитие. — М. : ИГП РАН, 2007 — С. 249—271; Защита прав и гражданских свобод в России: философские, политические и мировоззренческие проблемы : курс лекций / под ред. И. Ю. Сундиева. — М. : ЮИ МВД РФ, 2000. — С. 6.

«даруемых» им индивиду, осуществляя тем самым патерналистские функции по отношению к нему¹.

Суть позитивистской критики юснатурализма емко выразил Б. Н. Чичерин: «Учение о неотчуждаемых и ненарушимых правах человека, которые государство должно только охранять, но которых оно не смеет касаться, есть учение анархическое. ... При таком порядке каждый делается судьей своих собственных прав и обязанностей, начало, при котором общежитие немыслимо. В здравой теории, так же как и в практике, свобода только тогда становится правом, когда она признается законом, а установление закона принадлежит государству»². С позитивистской точки зрения, по меткому замечанию Н.М. Коркунова, «прочный и твердый общественный строй устанавливается лишь тогда, когда будет подчинять себе стремление отдельных личностей с такой же безусловностью и беспощадностью, как законы природы»³. Как подметил американский теоретик современного либерализма Д.Х. Хэллоуэлл, «человек с позитивистской точки зрения вообще не имеет никаких прав, и то, что либералы традиционно именуют «правами», на самом деле — уступки, дарованные государством. ... все они гарантированы существующим законом. ... И, будучи уступками, такие права могут быть отменены либо ограничены в той мере, в какой государство сочтет это необходимым»⁴.

Одно из ключевых требований позитивистского подхода к правам человека — необходимость соблюдения принципа формального равенства. И именно проблемы соотношения формального равенства и фактического неравенства, обусловленного неравномерным распределением собственности и порожденной этой неравномерностью жестокой эксплуатацией человека человеком регулярно порождали социальные протесты, масштабы которых возрастали из века в век. Социальные «низы» требовали, как минимум, законодательного закрепления свободы и уважения человеческого достоинства малоимущих и ограничения власти собственников, а, как максимум, получения политической власти с целью использования государственного механизма для обеспечения справедливого перераспределения собственности и производных от нее социальных благ.

Идущая еще от Т. Гоббса идея об особой роли государства в согласовании индивидуальных интересов и о правах личности как порождении внутригосударственного консенсуса начала приобретать новое видение в рамках обновленных «системоцентристских» концепций, в первую очередь — социалистических. Уже родоначальник термина «социализм» П. Леру⁵

¹ Общая теория прав человека. — М., 1996. — С. 11—13.

² Чичерин Б. Собственность и государство. Ч. 2. — М., 1883. — С. 301—302.

³ Коркунов Н. М. Об общественное значение права. — СПб., 1892. — С. 69.

⁴ Хэллоуэлл Д. Х. Моральные основы демократии. — М. : ППП, 1993. — С. 85.

⁵ Leroux P. De l'individualisme et du socialisme [1834] // Evans D.O. Le socialisme romantique: Pierre Leroux et ses contemporains. — Paris : Riviere, 1948. — P. 223—232.

характеризовал его как концепцию, акцентировавшую внимание на общественном сотрудничестве, в противовес либеральным подходам, считавшим идеалом неограниченную свободу единоличного предпринимательства. «Социализм, таким образом, — по словам М. Туган-Барановского, — противопоставлялся индивидуализму»¹.

Одни из первых требований дополнения уже имевшегося корпуса прав человека социальными правами были выдвинуты чартистским движением английских рабочих. Его программа (1839 г.), не отрицая либеральных прав, в том числе и на частную собственность, требовала справедливой оплаты труда рабочих и их равноправного участия в государственном управлении.

Гораздо более радикальной стала марксистская доктрина, акцентировавшая внимание на историчности и социально-экономической обусловленности прав человека. Определяя свою теорию как «реальный гуманизм», К. Маркс указывал: «Достоинство — есть именно то, что больше всего возвышает человека»². Безусловно, марксизм нес в себе мощный гуманистический заряд, стремясь к благороднейшей цели: формированию общества без не только формального, но и фактического неравенства, в рамках которого «свободное развитие каждого является условием свободного развития всех», а люди станут «господами самих себя — свободными»³. Огромное внимание было уделено марксистами анализу соотношения прав и обязанностей: лишь их неразрывное единство обеспечивает закрепление справедливых социальных отношений, которые исключили бы любые привилегии и дискриминационные ограничения⁴.

Вместе с тем, находясь в русле позитивистских подходов, марксисты еще отчетливее подчиняли право государственной целесообразности. Они заменяли рациональную самооценку права его социально-экономической, классовой детерминацией, понимая государство как аппарат насилия в руках экономически господствующего класса, а право — как его волю, возведенную в закон. Соответственно, личность трактовалась ими как продукт исторически определенной совокупности общественных отношений, а, потому, вопрос о ее правах трактовался, исходя из их социально-экономической обусловленности⁵. «Во все времена существовали ... все виды свободы,

¹ Туган-Барановский М. И. Социализм как положительное учение [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://az.lib.ru/t/tuganbaranowskij_m_i/text_1918_socializm_kak_polozhitelnoe_uchenie.shtml (дата обращения: 24. 06. 2016).

² Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 40. — С. 6.

³ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 19. — С. 230. Не случайно публикации ООН приравнивают «Манифест Коммунистической партии» в 1848 г. по значимости к Декларации независимости США 1776 г. и Декларации прав человека и гражданина 1789 г. См.: Организация Объединенных Наций и права человека. — Нью-Йорк, 1978. — С. III.

⁴ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 23. — С. 28.

⁵ См.: Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. — С. 252, 390.

— писал К. Маркс, — но в одних случаях — как особая привилегия, в других — как всеобщее право»¹.

Законодатель, согласно марксистским подходам, лишь юридически оформляет такие социальные возможности, которые детерминированы уровнем развития общества и не в состоянии «нормативно сконструировать» такие права и свободы, которые бы органично не вытекали из исторически сложившихся общественных отношений. Признавая важность всего комплекса прав человека, марксисты утверждали, что лишь наличие и гарантированность социально-экономических прав формируют реальные условия для эффективного использования прав гражданских и политических. Соответственно, реальные свобода и равенство объективно невозможны в обществе, базирующемся на эксплуатации человека человеком и принудительном труде. Аналогично обстоит дело и с политическими свободами. Так, по мнению В. И. Ленина, «либералу естественно говорить о “демократии” вообще. Марксист никогда не забудет поставить вопрос: “для какого класса?”². Ведь, в частности, «свобода печати во всем мире, где есть капиталисты, есть свобода покупать газеты, покупать писателей... фабриковать “общественное мнение” в пользу буржуазии»³.

Поэтому марксисты объявили невозможным достижение социальной справедливости, реальных свободы и равенства без ликвидации частной собственности⁴ и системы антагонистических социальных классов, основанной на эксплуатации человека человеком. Достижение этого мыслилось возможным не столько реформаторским путем, сколько в ходе нового революционного цикла. Этот цикл связывался с разрушением теперь уже «буржуазных общества и государственности» и в рамках «творчески» трансформировавших марксизм ленинско-сталинских подходов, использования механизма нового государства, первоначально определяемого как «диктатура пролетариата»⁵. При этом еще в 1884 г. Ф. Энгельс писал, что противником взявших власть трудящихся станет «реакционная масса, объединяющаяся вокруг чистой демократии»⁶.

¹ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Т. 2. — С. 145.

² Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 37. — С. 243.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 44. — С. 78—83.

⁴ Эти идеи имели корни еще в Афинах в IV в. до н. э., будучи аллегорически изложенными в комедии Аристофана: «Все сделаться общим должно и во всем пусть участвует каждый.... Мы общественной сделаем землю, Всю для всех, все плоды, что растут на земле, все чем собственник каждый владеет» (Аристофан Женщины в народном собрании // Аристофан. Комедии. — М. : Akademia, 1934, Т. II [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://litlife.club/br/?b=128438&p=8> (дата обращения: 24. 06. 2016).

⁵ См.: Рудинский Ф. Права человека в современном мире (марксистская оценка) // Право и жизнь. — 2000. — № 25 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://pravogizn.h1.ru/KSNews/PIG_100.htm (дата обращения: 24. 06. 2016).

⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч. — Т. 36. — С. 218.

Первая относительно длительная попытка практической реализации марксистско-ленинско-сталинских политических доктрин произошла, как известно, в России. Причины этого, по мнению весомого числа авторов¹, кроются в специфике российского цивилизационного «социокультурного кода», во многом объясняющего и специфику формирования и распространения идей о правах человека и их практической реализации в нашей стране, с древних времен и до наших дней проходивших, по словам А. А. Кара-Мурзы, в пространстве «повышенного исторического риска».²

Уникальность природно-климатических факторов объективно обусловила хронологическую неравномерность производственных процессов, повышенный уровень затратности экономики, невысокую степень соответствия результатов производства затраченным индивидуальным усилиям, долгое доминирование коллективных, общинно-артельных форм организации общежития и труда³.

Весомую роль сыграло небывало высокий и практически перманентный уровень внешней военной угрозы, опасный не только для благосостояния, но и для выживания социума⁴. При этом экспансия с Запада часто шла в формах, аналогичных колонизации «варварских земель»⁵. Все это вынуждало русское общество регулярно функционировать в мобилизационном режиме «осажденной крепости», накладывавшем специфический отпечаток на взаимоотношения в социуме, порождавший его «служилый» характер,

¹ См., напр.: Багдасаров В. Ю. Права человека в российской правовой мысли второй половины XIX – начала XX века: автореф. дис. ... канд. юридических наук. — М., 1995; Глушаченко С. Б. Русские юристы второй половины XIX — начала XX вв. о правах личности и правовом государстве: дисс. ... д-ра юридических наук. — СПб., 2000. Глушкова С. И. Права человека в России: теория, история, практика. — М. : Права человека, 2003; Золотухина Е. К. Права и свободы человека в партийно-политической деятельности российских либералов в 1905—1917 гг. : дис. ... кандидат исторических наук. — Орел, 2010.; Соловьев Э. Ю. Права человека в политическом опыте России [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://iphrras/reform/07.htm> и др. (дата обращения: 24. 06. 2016).

² Русский либерализм. — М., 1996. — С. 360.

³ См., напр.: Милов Л. В. Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. — М. : РОССПЭН, 1998.

⁴ «Всякий другой народ, — писал И. Ильин, — будучи в географическом и историческом положении русского народа, был бы вынужден идти тем же самым путем, хотя ни один из этих других народов, наверное, не проявил бы ни такого благодушия, ни такого терпения... Надо было или гибнуть под вечными набегами ..., или давать им отпор, замирать равнину оружием и осваивать ее» (Ильин И. А. Наши задачи : в 2 т. — М, 1992. — Т. 1. — С. 233).

⁵ Уже с XVI-XVII вв. польские политики сравнивали свои войны с Русью с походами колонизаторов в Африке и Америке, называя русских дикарями, «врагами всего христианского мира». См.: Морозова Л. Е. Два взгляда Сигизмунда III на Русское государство // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия. — М., 2002. — Вып. 2. — С. 133; Мыльников А. Близкие и далекие // Родина. — 2001. — № 1—2. — С. 73.

дополненный регулярным отчуждением большинства населения от собственности¹, подавлением оппозиции, расцениваемой как «пособника иноземного врага», и набором ценностей, во многом не совпадавшим с западноевропейским.

При оценке специфики данного набора следует учесть особую значимость православно-византийской духовной традиции, столетиями определявшей «не только смысл, но и ритм жизни человека с момента его рождения до смерти»² и облегчавшей восприятие складывавшегося системоцентристского механизма взаимоотношений индивидов и власти. На этот процесс повлияла иерархичность Русской православной церкви и ее исторически быстрое переформатирование в один из компонентов государственного механизма, идеологически обслуживавшего существующую власть, что привело к длительному исключению РПЦ из состава субъектов, потенциально способных противостоять формированию жестко централизованной государственной власти.

Православие, в отличие от западных ветвей христианства, отличалось жестким делением сакрального пространства на рай и ад без промежуточных нейтральных сфер, предопределявшим категоричность оценок поведения как индивида, так и власти — только как грешного либо святого. Отношения с Богом определялись не столько «договорной моделью взаимодействия», сколько базирующейся на вере в благодать и милосердие Господа, моделью «вручения себя» ему³. Эта модель, наряду с формированием склонности к смирению и покорности, абсолютизировала моральные ценности в ущерб материальным, активно-достижительным, и объективно затрудняла выделение личности как экономически и политически независимого субъекта.

В рамках господствовавшего соборно-коллективистского подхода общее благо понималось как «некое высшее, господствующее над индивидом начало», во многом относящееся к «божественной сфере»⁴. Право же трактовалось как «доминирующая над человеком форма духовного единения людей на базе правды-справедливости, божественной благодати, христианской этики»⁵. Внешняя форма этого права, формальная законность, могла быть легко отброшена во имя соответствия внутреннему содержанию, зачастую парадоксально сочетавшему приверженность незыблемым установкам справедливости, «жизни по совести» и сиюминутной целесообразностью.

¹ Статус зависел от близости субъекта к вершине иерархической пирамиды. См.: Золотухина Е. К. Возникновение и развитие идеи прав и свобод человека в России.

² Баранов П. П. Философия права в России: традиции и современные проблемы // Вопросы философии. — 2000. — № 1. — С. 8.

³ См.: Лотман Ю. М. «Договор» и «вручение себя» как архетипические модели культуры // Лотман Ю. М. Избр. ст. : в 3 т. — Таллин, 1993. — Т. 3. — С. 345—355.

⁴ См.: Нерсисянц В. С. Проблема общего блага в постсоциалистической России // Российское правосудие. — 2006. — № 4. — С. 8.

⁵ См.: Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. — М. : Российская академия правосудия, 2012. — С. 300.

В подобных условиях государство начинало играть особую роль важнейшего системообразующего элемента не только в организации производства и обеспечении безопасности, внутренней и внешней, но и в регулировании многих иных социально-значимых процессов, в подавляющем большинстве прямо влиявших на повседневное жизнеобеспечение. Это регулирование велось преимущественно посредством мобилизации административного ресурса, при минимальном восприятии блага личности как конечной цели данного процесса.

Пережив ряд радикальных «модернизационных рывков», реализованных посредством небывалого напряжения всех национальных сил, требовавших коллективных усилий, Россия на протяжении большей части своей истории оказывалась в ситуации, когда «персоноцентристский» правовой опыт Европы был хотя и притягивающим, но далеко не всегда востребованным в полном объеме¹. Соответственно, и проблемы права, так или иначе увязанного с индивидуальной свободой, очень часто весьма своеобразно воспринимались российской правовой мыслью и обыденным правосознанием. Складывался специфический тип властвования, при котором государственная пирамидальная система «не только не нуждалась в наличии самостоятельных субъектов, обладающих каким-либо набором прав, но и редуцировала аналогичную социальную структуру, в которой вообще не было места для свободного индивида»². Показателен тезис Г. Ф. Шершеневича: «Не вправе ли общество, представляющее интересы большинства, принести им в жертву интересы меньшинства? Пусть общество не имеет права (не должно) с философской точки зрения индивидуального мировоззрения, но с социологической точки зрения оно всегда так поступало и будет поступать, пока не утратит инстинкт самосохранения»³.

Вышеприведенная совокупность факторов обуславливала формирование весьма характерного отношения населения к государству. Оно является, с одной стороны сакральным, жертвенно-аскетическим, а с другой, патриархально-иждивенческим, предопределявшим завышенные ожидания⁴. Еще более специфичной оказалась персонализация восприятия госу-

¹Нерсисянц В. С. Философия права. — С. 96; Лапаева В. В. Указ. соч. — С. 299.

² Даже занимавший вершину пирамиды монарх, в т.ч. абсолютный, формально являлся «рабом божьим». См.: Золотухина Е. К. Возникновение и развитие идеи прав и свобод человека

³ Шершеневич Г.Ф. Общая теория права. — М., 1910. — С. 148.

⁴ Л.А. Тихомиров отмечал склонность русского человека либо к монархии, либо к анархии, что и вынуждало власть постоянно балансировать между охранительным «сдерживанием» и либеральными реформами (См.: Историография истории России до 1917 года : в 2 т. — М., 2003. —Т. 2. — С. 75—89). Вспомним и концепцию «официальной народности» С. А. Уварова, базис которой — образ России как семьи, в которой правитель выступает в роли отца, а подданные — детей, они делят общую

дарства, когда характер его во многом определялся и тем более воспринимался, не столько через систему государственно-правовых институтов, сколько через специфику конкретной личности, олицетворявшей власть. Это так или иначе связывалось с разрывом, порой, пропастью, возникавшей между персонифицированной властью и обществом¹. При этом в России так и не сформировалась аристократическая оппозиция центральной власти, которая потенциально оказывалась в роли носителя таких типов социальных взаимодействий, которые могли бы при благоприятных обстоятельствах дать начало прообразам личных прав человека.

Анализ специфики отечественного «социокультурного кода» вряд ли позволит согласиться с чрезмерно безапелляционным горьким выводом Е. А. Лукашевой о том, что «основные традиции российской цивилизации, скреплявшие ее в течение столетий, не могут вызывать гордость у ее народа. Прежде всего, антиличностная направленность всей системы, которая отразилась на характере государственности, ее структуре, взаимоотношении человека и власти, пренебрежении к праву, правовом нигилизме, беззакониях»². Проблема, очевидно, не столько в «антиличностном» характере, сколько в сущностно ином подходе к самой личности, полноценное раскрытие которой в конкретных специфических условиях многими не мыслилось вне этой самой системы.

Будучи объективными, отметим, что российская история знает неоднократные попытки формирования оригинальных государственных институтов, основанных на значительно более широком по сравнению с современными им западноевропейскими привлечении населения к управлению (феодальные Новгород и Псков, Земские Соборы и т.д.). Российская правовая система также имела тенденцию к постепенному закреплению института прав человека: от положений Стоглава 1551 г.³, Жалованных грамот Екатерины II и Манифеста от 17 октября 1905 г.

Отечественная политико-правовая мысль также со времен Илариона, представителей ересей стригольников, И. Тимофеева, блестящих мыслителей XIX-XX вв. (Н.А. Бердяева, В. С. Соловьева, П. Н. Новгородцева, Б. Н. Чичерина и др.) демонстрировала небезынтересные результаты в исследовании концептов прав и свобод. Более того, в процессе формирования оте-

судьбу и счастье (Суни Р.Г. Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теории империи // Национализм в мировой истории. — М. : Наука, 2007. — С. 4—24.; Riasanovsky N. Nicholas I and Official Nationality in Russia, 1825—1855. — Berkeley: Univ. of California Press, 1967. — P. 118—119).

¹ Лукашева Е. А. Российская цивилизация и права человека // Права человека перед вызовами XXI века. — М. : РАПН, РОССПЭН, 2012. — С. 129.

² Лукашева Е. А. Российская цивилизация и права человека. — С. 130

³ Стоглав содержит утверждение, что Бог положил всему живому «свой нрав естественный» «себе на послужение» (Емченко Е. Б. Стоглав. — М., 2000. — С. 240).

чественной интеллектуальной традиции осмысления проблематики прав человека был пройден путь от компилятивных заимствований идей западных авторов до оригинальных трудов, дополнивших рецепцию более тщательной разработкой социальных прав («права на достойное существование»)¹.

Но даже либерально ориентированные отечественные мыслители пытались совместить реализацию и защиту прав человека с восприятием в качестве важнейшего инструмента социальных трансформаций государства, а не гражданского общества. В свою очередь, весомая часть государственных деятелей, даже отличавшихся «передовым» мировоззрением, рассматривала права и свободы преимущественно через призму совершенствования государственного управления, обеспечивающего «общее благо», увязывая объем их октроирования с ожидаемой эффективностью управленческих мер и оцениваемой от имени государства «готовностью» общества эти пожалования воспринять².

Характерное для отечественного варианта восприятия прав человека преобладание социально-экономических прав над личными и политическими, принципов имущественного равенства и уравнительного распределения над личной собственностью и частной инициативой³ и повлекло за собой в условиях делегитимации и десакрализации монархии⁴ резкий рост популярности радикально-социалистических идей, все более отчетливо захвативших умы и чувства масс. А отечественный либеральный политический дискурс, видевший идеал в конституционализме европейского образца, оказался не в состоянии отойти от умозрительных конструкций, в том числе идеального правового государства, и не смог ничего противопоставить социалистической доктрине⁵.

В результате дальнейший шаг на пути развития концепта прав и свобод человека в России оказался связан с деятельностью тех политических сил, которые рассматривали сложившийся западный архетип этих прав и свобод

¹ Так, В. С. Соловьев считал, что «принцип права требует ограничить частный произвол в пользу общего блага (Соловьев В. С. *Оправдание добра*. — М., 1996. — С. 395). См.: Аронов Д. В. Эго-экономика в контексте возникновения права на достойное существование в российской либеральной мысли на рубеже XIX-XX вв. // *Управление общественными и экономическими системами : многопредмет. науч. журн.* [Электронный ресурс]. — Орел : ОрелГТУ. 2009. — № 1. — Режим доступа: <http://bali.ostu.ru/umc> (дата обращения: 24. 06. 2016).

² См.: Соловьев Э. Ю. *Права человека в политическом опыте России*.

³ См.: Багдасаров В. Ю. *Указ. соч.* — С. 6; Глушкова С.И. *Указ. соч.* — С. 5.

⁴ Во многом связанной с личной неспособностью Николая II обеспечить бесконфликтную трансформацию стремительно маргинализировавшегося традиционного российского социума в индустриальное общество.

⁵ «Возможно,— отмечал в 1906 г. П. Новгородцев, — ...усмотреть одно общее убеждение, не всегда ясно сознаваемое, но легко отгадываемое в общем настроении эпохи: правовое государство не есть венец истории, не есть последний идеал нравственной жизни» (Новгородцев П. И. *Сочинения*. — М., 1995. — С. 338—339)

как не более чем лозунговые «общедемократические требования», декларируемые как начальный этап в многоуровневом процессе «социалистических преобразований», а в практической деятельности используемые преимущественно в роли агитационно-пропагандистского инструмента для обеспечения более массовой мобилизации общества на противостояние власти.

Как писал Н. Бердяев, рецепция идей демократии «в той прямолинейной и упрощенной форме, которая была у нас принята» была оторвана от идеи прав человека и гражданина, «отвлеченно-демократическая общественная идеология сняла ответственность с личности, с духа человеческого, а потому и лишила личность автономии и неотъемлемых прав»¹. При этом, по верному замечанию Е. Золотухиной, наблюдалось уникальное сходство теоретического фундамента российских консерваторов и радикал-социалистов, совместно исходивших из отрицания неотчуждаемости прав человека и их взаимосвязи с социальной принадлежностью их носителя².

Оценивая специфику советского периода осмысления и практической реализации, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина, по нашему мнению, не следует идти по весьма распространенному в отечественном, преимущественно пропагандистско-публицистическом, дискурсе, пути его упрощения, давая бескомпромиссно крайние оценки, ныне в большинстве своем негативные.

Коммунисты базировали свои представления о правах и свободах преимущественно на позитивистском, последовательно легистском подходе, насытив его социально-классовым содержанием. В советскую эпоху был ярко продемонстрирован релятивизм «социоцентристской» концепции прав и свобод, основанной на соборно-коллективистской парадигме.

С одной стороны, большевикам в XX в. удалось трансформировать доктринальные постулаты классического марксизма, «подстроив их» к ментальным реалиям основной массы россиян. Используя, по словам Н. Бердяева, марксистскую тенденцию «к отчуждению человека в коллектив», они сформировали «тоталитарную религию, религию авторитарного коллективизма»³.

С другой стороны, весомая часть населения страны приспособила свои базовые представления о праве, справедливости, общем благе, свободах и т.д. к идеологии большевизма. Как подчеркивала В. В. Лапаева, «отсутствие в общественном сознании правового стержня в виде идеи формального равенства позволило большевикам увлечь людей идеологемой фактического равенства, в рамках которой равенство в правах подменялось потребительской уравниловкой, всеобщая человеческая солидарность — классовым единством, общее благо — общественными интересами коллектива,

¹Бердяев Н. Судьба России. — С. 212.

² См.: Золотухина Е. Возникновение и развитие идеи прав и свобод.

³ Бердяев Н. — М. : Судьба России. — С. 297. См. подр. : Бердяев Н. М. Истоки и смысл русского коммунизма. — М. : Наука, 1990.; Кара-Мурза С. Г. Русская матрица. Будет ли перезагрузка? — М. : Эксмо, 2011. — 240 с.

право — партийными директивами, справедливость — классовой диктатурой, а свобода — произволом»¹.

Но, по нашему мнению, это «увлечение» было далеко не случайным. Оно оказалось обусловлено самой спецификой проходившего на рубеже XIX—XX вв. перехода общинно-крестьянского, традиционного по своей сути российского общества в индустриальную стадию развития, усугубленного запоздалостью процесса первоначального накопления капитала, происходившего одновременно с его концентрацией в рамках государственно-монополистического капитализма, сочетавшегося с пережитками феодальной сословной структуры.

Великий порыв к свободе и справедливости, достаточно умело и с небывалой жесткостью направленный новой властью в русло коммунистической идеологии, породил потрясший планету энтузиазм народных масс России. Этот энтузиазм позволил обществу вынести огромное напряжение гражданской войны и иностранной интервенции, коллективизации, индустриализации, культурной революции, Великой Отечественной войны и послевоенного восстановления страны, строительства сверхдержавы, рывка в космос. При этом «социалистическое государство» декларировалось в русле аристотелевских и руссоистских идей как наивысшая форма общежития граждан, наилучшим образом отражающая их базовые интересы, реально обеспечивающая их права и свободы и формирующая почву для перехода к бесклассовому общественному самоуправлению, то есть полноценному гражданскому обществу.

Декларируемая и нормативно закрепляемая в последовательно принимавшихся конституциях эволюция этого государства от «диктатуры пролетариата» через «государство трудящихся» к «общенародному государству» сопровождалась фиксацией все более широких прав и свобод.

В политическом плане был реализован широкий, даже специально котируемый, доступ представителей трудящихся к участию в работе всех органов власти, а избирательный возраст понижен до 18 лет². В Конституции СССР 1977 г. впервые появилось понятие «народ», а в качестве главного принципа организации государственной власти провозглашалось полновластие народа, были декларированы принципы уважения прав и свобод человека³.

Именно большевистская концепция права наций (народов) на самоопределение стала началом формирования т.н. «третьего поколения прав че-

¹ Лапаева В. В. Типы правопонимания: правовая теория и практика. — С.313—314.

² В Японии, к примеру, это было реализовано только в 2015 г.

³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических Республик. Принята на внеочередной 7-й сессии Верховного Совета СССР 9-го созыва 7 октября 1977 г. — М.: Политиздат, 1977. — 62 с.

ловека» — коллективных прав, а сама эта формулировка вошла в практически неизменном виде в ст. 1 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.¹

Еще большим был комплекс социально-экономических прав, впервые в мире закрепленных нормативно и составивших ядро т.н. позитивных прав и свобод, в отличие от негативных не противопоставлявшихся государству, а предусматривавших его активную роль в их обеспечении. В 1948 г. важнейшие из них в формулировках, близких к ранее фиксированным в Конституции СССР 1936 г., — право на труд, отдых, социальное обеспечение, образование, достойный уровень жизни и др. — были включены во Всеобщую декларацию прав человека, а в 1966 г. именно инициатива социалистических стран позволила реализовать принятие вышеупомянутого Международного пакта².

Это обусловило активизацию закрепления социальных прав в законодательстве весомого числа государств планеты и разработки доктрины социального государства, в качестве основной цели которого выдвигалось обеспечение комплекса прав и свобод второго поколения для формирования условий устойчивого социального развития³. Неолиберальные идеи исходили теперь из необходимости социальных реформ для «выравнивания» неравенства и преодоления «крайностей индивидуализма». Социально-экономические и культурные права, формулы «социальная функция собственности» или «собственность обязывает» были закреплены в конституции Франции с 1946 г., Италии — с 1947 г., ФРГ — с 1949 г. и т.д.⁴ В современных конституциях развитых государств права и свободы человека не только декларируются — в них содержатся конкретные гарантии их реализации, юридические обязательства государства по обеспечению прав и свобод.

Вместе с тем социоцентризм советского варианта позитивистского подхода отличался доминированием постулатов об однопорядковости категорий «права» и «обязанности» как октроированных государством и, соответственно, об обусловленности прав человека его обязанностями, социальной ответственностью и т.д. Так, ст. 50 Конституции СССР 1977 г. закрепляла гарантированность свободы слова, печати, собраний, уличных шествий

¹ Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

² США, подписавшие Пакт в 1977 г., не ратифицировали его до настоящего времени.

³ Еще при жизни Маркса появились труды, доказывавшие, что концепт правового государства не исключает, но требует устранения социальной несправедливости, борьбы с эгоизмом, защиты обездоленных (Л. Штейн); обосновывалась прямая связь ограничения индивидуализма с идеей правового государства (Ф. Лассаль).

⁴Обратим внимание и на то, что Конституция ФРГ в целом базировалась на позитивистском подходе к правам человека. См.: Современные зарубежные Конституции. — М., 1992.

и демонстраций «в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя». В свою очередь, советскими учеными указывалось, что приобретение гражданами своих прав происходит «в интересах общественных, в целях осуществления своих обязанностей»¹. Подобный подход имел давние благородные традиции идеологии «службы народу и Отечеству»: еще П. А. Столыпин заявлял: «Родина требует себе служения настолько жертвенно чистого, что малейшая мысль о личной выгоде омрачает душу и парализует работу»².

Но в конкретных советских условиях практические возможности реализации всего действительно впечатлявшего комплекса нормативно закрепленных прав и свобод оказались существенно ограничены. Они приобретали фиктивность и декоративность в связи с переходом реального контроля над «коллективными» собственностью и властью в руки все более сужавшегося слоя партийно-государственной номенклатуры, возглавляемого единоличными политическими лидерами разной степени харизматичности. Этот слой, присвоив себе право фиксировать цели, приоритеты и направления общественного развития, начал монопольно определять саму суть понятия «общественное благо», превращая формально полноправных граждан социалистического общества в лишенные практически всякой автономии и личной неприкосновенности «винтики» государственной машины. Механизма, на словах призванного защищать их права, свободы и законные интересы, а на деле подмявшего их под себя.

Нацеленность «русской души» на соборно-коллективистские нравственно-религиозные ценности в руках манипуляторов массовым сознанием³ постепенно существенно трансформировалась и повлекла за собой серьезные деформации традиционной нравственности, религиозно-этических установок, правопонимания, в том числе и представления о правах и свободах.

Ликвидация частной собственности привела к искаженному развитию гражданского общества, сужению возможностей выбора форм, сфер и характера деятельности индивидов, обеднению духовного выбора, минимизации свободы убеждений, мнений, совести. Сильное государство, осуществляя плановое регулирование мобилизационной экономики, теми же методами начало проводить регламентацию прочих сфер поведения населения страны, регулируя потребности, вкусы, интересы, пристрастия, стандартизируя их, жестко пресекая все то, что не вписывалось в комплекс идеологи-

¹ См.: Малицкий А. Советская конституция. 2-е изд. — Харьков: Юридическое издательство НКЮ, 1925. — С. 48; Туманова А. С. Права человека в правовой мысли и законодательстве Российской империи второй половины XIX — начала XX века. — С. 62.

² Слуга народа. Петр Аркадьевич Столыпин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.library.fa.ru/exhib.asp?id=2> (дата обращения: 24. 06. 2016).

³ См. подр.: Кара-Мурза С. Г. Манипуляция сознанием. — М. : Эксмо, 2002. — 864 с.

чески догм, также постепенно менявшихся. При этом идеологический мо-
низм, нетерпимость к альтернативным подходам, апологетика своего уче-
ния как «единственно верного», а общественного и государственного строя
— как «наиболее передового» со временем приходили во все большее про-
тиворечие с окружавшими реалиями. Ситуацию дополнительно усугубило
все более отчетливое перерождение весомой части номенклатуры, на словах
провозглашавшей верность коммунистическим социоцентристским идеа-
лам, а своим повседневным поведением демонстрировавшей всё более от-
кровенные проявления социального эгоизма.

В конечном счете именно стремление весомой части номенклатуры
трансформировать контролируемую ей «общенародную собственность» в
собственность частную и стало одним из мощных рычагов, обеспечивших
крушение «советского проекта» в 1989—1991 гг. Но это стремление к де-
струкции прежней системы было бы маргинализировано, если бы не оказа-
лось поддержано широкими слоями граждан. И вновь в качестве идейного
фундамента для повышения массовости противостояния власти были
успешно использованы лозунги обеспечения фундаментальных прав и сво-
бод человека и гражданина. И точно так же, как после крушения феодаль-
ных систем, распад советской системы ознаменовался законодательным за-
креплением классического набора гражданских и политических прав и сво-
бод, характерных для персонцентристской парадигмы. Первоначально это
было реализовано в Декларации прав и свобод человека и гражданина, при-
нятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г.¹ В 1993 г. эти права
получили более глубокое развитие в Конституции Российской Федерации².

Опыт стран «реального социализма», казалось бы, показал, что пред-
ложенный марксистской политико-правовой мыслью «путь к свободе» ока-
зался лишь новой «дорогой к рабству». «Коллективная свобода, — писал
Ф. А. фон Хайек, — это не свобода каждого члена общества, а ничем не
ограниченная свобода планирующих органов делать с обществом всё, что
они пожелают. Это смешение свободы с властью, доведённое до абсурда»³.

Либерально-демократические идеи и связанные с ними персоно-цен-
тристские трактовки прав человека, постепенно начавшие восстанавливать
свое влияние еще в 1940-е гг., к концу XX в. достигли небывалого расцвета:
соответствующие формулировки оказались закреплены в конституциях
большинства провозгласивших себя демократическими государств, активно
закрепляются в текущем законодательстве и массовом сознании. «Западная

¹ Ведомости СНД и ВС РСФСР. — 1991. — № 52. — Ст. 1865.

² Конституция Российской Федерации 1993 г. // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

³ Хайек Ф. А. фон. Дорога к рабству. — М. : Новое издательство, 2005. — С. 160.

модель прав человека, — по словам Л. И. Глухаревой, — сыграла роль гуманистического катализатора мира»¹ Начались процессы «размывания» традиционных структур и ценностных стереотипов в неевропейских социумах². Во многих странах были сформированы внутригосударственные механизмы защиты прав человека, включившие в себя как разветвленные системы органов правосудия, юстиции, прокуратуры, так и институты омбудсменов, сети неправительственных правозащитных организаций. Серьезно расширилось и международное признание прав и свобод человека, были разработаны основы режима их международной защиты, международными организациями накоплен опыт правозащитной деятельности. Эти успехи породили излишне оптимистические оценки дальнейших перспектив в данной сфере, изложенные, в частности, Ф. Фукуямой³. Однако в реальности распространение западноевропейской социокультурной матрицы на другие части Европы, а затем и на иные континенты оказывается далеко не «бравурным маршем».

Явившись составной частью многоуровневого общепланетарного процесса глобализации, оно оказалось сопряжено с огромным количеством проблем.

Философско-идеологический компонент этих проблем точно подметил греческий эксперт К. Дузинас. Он писал, что политический либерализм, преуспев в продвижении прав человека, был менее успешен в философском объяснении их природы и определении цели, для достижения которой они человеку нужны⁴. Современное развитие концепции прав человека, по мнению ряда экспертов, все более очевидно «отстает от тех стремительных изменений, которые происходят на глобальном, региональном и национальном уровнях»⁵. Глобализация, породившая необходимость согласования прав индивида с правами всего человечества, обусловила существенные затруднения в переосмыслении, взаимоувязке и действии «практически всех основных прав, в связи с чем права человека приобрели значимость самостоятельной глобальной проблемы, занимающей специфическую нишу в расширенном каталоге глобальных проблем»⁶.

¹ Глухарева Л. И. Права человека в современном мире: социально-философские основы и государственно-правовое регулирование. — М., 2003. — С. 190.

²См.: Формация или цивилизация? (Материалы «круглого стола»). — С. 45.

³См.: Фукуяма, Ф. Конец истории и последний человек. — М.: АСТ, 2007. — 588 с.

⁴ Douzinas C. The End of Human Rights: Critical Legal Thought at the Turn of the Century. — Oxford and Portland, England — USA : HartPublishing, 2000. — P. 3.

⁵ Моисеенко О. И. Современная позиция Русской Православной Церкви по вопросам прав и свобод человека // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. — 2009. — № 3. — Т. 15. — С. 276—280.

⁶ Глухарева Л. И. Современные проблемы теории прав человека. — М., 2004. — С. 51; См. также: Марченко М. Н. Государство и право в условиях глобализации. — М.: Проспект, 2009. — 400 с.

С точки зрения И. А. Умновой, в настоящее время в развитие и даже в какой-то мере на смену либерально-демократической концепции, в т. ч. ее неолиберальным учениям, со всей очевидностью приходят новые концепции, среди особенностей которых выделяются: 1) поиск компромисса между правами, свободами человека и другими высшими ценностями¹; 2) яркая выраженность их правозащитного характера и нацеленность на противодействие глобальным вызовам и угрозам человечеству; 3) расширение круга субъектов права; 4) попытки выдвижения принципиально новых критериев определения и оценки благ и ценностей².

Доминирующая концепция прав человека, претендуя на универсализм и противопоставляя себя разнообразным теориям, провозглашающим национальную или культурную исключительность, по-прежнему несет в себе «родимые пятна» идеологии либерального индивидуализма, к тому же за последние годы утерявшей связь с христианской религиозно-этической традицией, опору на ее нравственные ценности. Распространение ее норм в регионах с иными социокультурными основами и правовыми системами порождает проблемы их типологической совместимости, вызывает неоднозначные реакции, в наиболее крайних проявлениях доходящие до открытого неприятия³. Дихотомия «свой — чужой», детерминирующая политическое поведение, в том числе и на уровне макрополитики, в XXI вв. не только не ослабла, но, напротив, укрепила свои значимость и силу. В частности, преимуществами глобализации значительно более успешно пользуются наиболее развитые страны, тогда как в развивающихся странах накапливается потенциал недовольства, потенциально способный поставить под угрозу весь сформировавшийся миропорядок.

Универсализация прав человека оказалась парадоксальным образом совмещена с их регионализацией: ряд социумов открыто желает сохранять свои индивидуальные особенности и самоидентичность, в том числе посредством сохранения обусловленного историко-культурными особенностями собственного особого подхода к правам человека. А это стало приводить к существенным модификациям сущности и иерархии прав человека, переосмыслению ряда фундаментальных прав и связанных с ними понятий, в том числе, таких как тайна частной жизни или собственность.

Современный список прав человека, как отмечает британский специалист Л. Фридман, «составленный, скажем, во Франции, может отличаться от списка в Финляндии или Японии. Более того, типичный список, состав-

¹ безопасность, мир, устойчивое развитие, коллективная солидарность и др.

² Умнова И. А. Современные концепции прав человека в международно-правовом и конституционном измерениях // Омбудсмен. — 2012. — № 2. — С 6—11.

³ Муромцев Г. И. Права человека: культурно-исторический аспект // Права человека в современном мире: новые вызовы и трудные решения : материалы международной научной конференции. — М. : Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2014. — 382 с.

ленный сегодня, совершенно очевидно будет отличаться от того списка, который бы в свое время составили Джон Локк или Томас Джефферсон»¹. При этом очевидна тенденция к переосмыслению этих прав с учетом существующих в неевропейских социумах традиционных ценностно-мировоззренческих, политических и культурных подходов². В частности, в системе «азиатских ценностей» свобода уступает порядку и дисциплине и, соответственно, политические и гражданские права отходят на второй план³. В свою очередь, африканские эксперты акцентируют внимание на ответственности, самоограничении личности, уважении и взаимности⁴.

Современные эксперты открыто говорят о нескольких глобальных моделях прав человека⁵. В частности, по мнению В. Е. Чиркина, среди таковых можно выделить мусульманскую, тоталитарно-социалистическую и либерально-полусоциальную капиталистическую, каждая из которых имеет собственные подходы к регулированию равенства (равноправия), личных, политических и социально—экономических прав человека⁶.

Мусульманская модель имеет давние исторические традиции и, по мнению Л. Р. Сюкияйнена, «исламская концепция прав человека в значительной мере мыслится в качестве альтернативы либеральным взглядам»⁷. Эта модель имеет как минимум два типичных варианта: классический мусульманский фундаментализм (В Саудовской Аравии, Брунее, Иране) и его «смягченный» вариант, характерный для стран, в большей мере испытавших влияние европейской колонизации (Сирия, Египет, Ирак). Однако все

¹ Friedman L.M. The Human Rights Culture: A Study in History and Context. — New Orleans, Louisiana: QuidProBooks, 2011. — P. 3; Соболева А. Четыре измерения будущего прав человека [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://russian-council.ru/inner/?id_4=2162#top—content (дата обращения: 24. 06. 2016).

² См.: Brems E. Human Rights: Universality and Diversity. — Martinus Nijhoff Publishers, 2001; Donnelly J. The Relative Universality of Human Rights // Human Rights Quarterly. — 2007. — Vol. 29. — P. 281—306; Sabat S. Human Rights in Indian Culture: A Bird's Eye View // International Journal of Human Rights. — 2008. — Vol. 12. — P. 143—156.

³ Первым премьер-министром Сингапура Ли Куан Ю была сформулирована следующая структура ценностей: порядок и гармония вместо свободы и равенства, самопожертвование и кооперация вместо независимости личности, приверженность общим догмам вместо свободомыслия. См.: Taylor Ch. Conditions of an Unforced Consensus on Human Rights // The East Asian Challenge for Human Rights / Bauer J., Bell D. (eds.). — Cambridge, 1999. — P. 122—144

⁴ См.: Osiatyński W. Human Rights and Their Limits. — Cambridge University Press, 2009. — P. 151.

⁵ См., напр.: Carpizo J. The Current Tendencies of Human Rights // California Western International Law Journal. — 1993. — № 2. — P. 376.

⁶ См.: Чиркин В. Е Три современные глобальные модели основных прав человека // Права человека в современном мире: новые вызовы и трудные решения. — С. 19.

⁷ См.: Сюкияйнен, Л. Р. Ислам и права человека в диалоге культур и религий. — М., 2014 [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <https://www.hse.ru/pubs/share/direct/document/135016974> (дата обращения: 24. 06. 2016).

вариации объединяет установка на то, что фундаментом права должна быть Божественная воля, выраженная в Коране и Сунне, а не субъективные интересы и желания¹. Поэтому, в Конституции Ирана 1979 г. содержится немало количество цитат из Корана, а ст. 2. Конституции Египта 2014 г. гласит: «Принципы исламского шариата являются главным источником законодательства»². Мусульманское право призвано детально регулировать как внешнее поведение правоверных, так и внутреннюю мотивацию, лежащую в основе его постулатов³. Осуществление его норм — религиозная обязанность.

Мусульманским правом сформирована иерархия из пяти ключевых ценностей: религия, жизнь, разум, продолжение рода, человеческое достоинство, собственность⁴. Соответственно, по мнению мусульманского правоведа Маджида Хаддури, можно фиксировать пять предусмотренных исламом базовых прав: на персональную безопасность, уважение чести и достоинства, равенство, братство и на справедливое правосудие⁵. Обеспечение прав мусульман — прерогатива религиозной общины. В свою очередь, по мнению исламского эксперта А. Саида, ислам фиксирует обязанность государства укреплять человеческое достоинство и снимать препятствия усилиям индивидов, направленных на достижение счастья⁶.

Вместе с тем в исламе присутствуют положения об изначальном неравенстве правоверных и иноверцев, мужчин и женщин. При этом любое право расценивается не с позиций личных прерогатив, учитывая те ценности и интересы, на реализацию которых и направлено использование данного права.

Соответственно, обязанности доминируют над правами — права часто формулируются через обязанности (собственные или иных лиц)⁷. Налицо довлениe общества над индивидами, которым остается минимум пространства для самореализации. Предполагается сознательное и добровольное подчинение индивида коллективу и, соответственно, личностно ориентированный подход — рассмотрение прав человека как его притязаний к власти — в контексте исламского социокультурного архетипа расценивается как разновидность посягательства на фундаментальные религиозные догмы.

¹ Сюкияйнен Л. Р. Указ. соч.

² Конституция Египта. Январь 2014 // Конституции государств (стран) мира [Электронный ресурс]. — Режим доступа : <http://worldconstitutions.ru/?p=1013> (дата обращения: 24. 06. 2016).

³ См.: Сюкияйнен Л.Р. Мусульманское право. — М., 1986. — С. 47.

⁴ См.: Afshari R. Essay on Islamic Cultural Relativism in the Discourse of Human Rights // Human Rights Quarterly. — 1994. — Vol. 16. — P. 235.

⁵ См.: Khadduri M. Human Rights in Islam // The Annals. — 1946. — № 243 (January).

⁶ См.: Said A. A. Human Rights in Islamic Perspectives // Pollis and Schwab. — 1980.

⁷ Право на жизнь — это обязанность сохранения и защиты жизни, право на отдых — обязанность предоставлять отдых, для того чтобы не изнурить себя чрезмерными усилиями.

Но одновременно у конкретного правоверного в мирских взаимоотношениях имеется достаточно широкий набор индивидуальных прав — действует принцип дозволения — отсутствие однозначного ответа на конкретный вопрос в нормах шариата предполагает относительную свободу выбора конкретного варианта поведения¹.

Среди самих исламских теологов-правоведов нет единства в отношении степени возможного сближения мусульманской и классической моделей прав человека. Оценки колеблются от декларирования их большой близости² до констатации существенных противоположностей³. Вместе с тем на международном уровне представители исламских государств обращают внимание на затруднительность полной имплементации мусульманским миром классической концепции прав человека. Так, с точки зрения весомого числа участников форума «Диалог цивилизаций» (Ливан, 2001 г.), Всеобщая декларация прав человека «разработана ...почти без участия православия, без участия мусульманской цивилизации. Поэтому мусульманские страны были вынуждены принять специальную Исламскую декларацию прав человека. Коллективные права Всеобщей декларации прав человека построены на атомистической теории западной цивилизации, и абсолютизация индивидуальных прав в конечном итоге приводит к нарушению прав человека, потому что, если отдельный человек страдает, страдает в итоге вся община, страдает все государство»⁴.

Но и в самом «евроатлантическом ядре» концепции прав человека стремительные изменения, вызванные постмодернистской перестройкой его социально-экономического и культурного обликов, усугубленной массовой миграцией в регион носителей иных социокультурных архетипов, порождают существенное размывание ее фундаментальных устоев.

Обсуждение концептуальных основ прав человека в начале XXI в. вновь привело к пониманию необходимости переосмысления мировоззренческого базиса данного понятия, связанного с фундаментальными вопросами о том, что есть человек и каковы его природа и призвание в этом мире. И единства в этих вопросах по-прежнему не наблюдается. Это ярко проявилось при осмыслении проблем биоэтики: подготовленная и принятая Советом Европы в 1997 г. Конвенция Овьедо⁵ была подписана лишь 18 из 46 государств — его членов.

¹ См.: Жданов Н. В. Исламская концепция миропорядка. — М., 1991. — С. 103—110; Schacht J. An Introduction to Islamic Law. — N.-Y. : Clarendon Press, 1964.

² См.: Khalid I. Human Rights in Islamic Law // Review of the International Commission of Jurists. — 1974. — № 12 (June).

³ См.: Mahmood Abedin Sa. Women in Search of Equality, Development and Peace // Journal of Muslim Minority Affairs. — 1996. — Vol. 16. — № 1.

⁴ Россия и Совет Европы: 5 лет вместе : международная конференция. — М., 2001. — С. 243.

⁵ Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины

Рост обеспокоенности граждан в связи с обострением проблем экстремизма и терроризма влечет за собой изменения в их восприятии гражданских и политических прав, они сознательно идут на их ограничение государством во имя декларируемого обеспечения личной безопасности. Показательным, в этом плане стало принятие в США после событий 11 сентября 2001 г. «Патриотического акта»¹, предоставившего государственным органам США новые полномочия по надзору за гражданами, ряд из которых, по мнению правозащитников, позволяет заявлять о нарушении 4-й поправки к Конституции².

Порожденные глобализацией структурные изменения в экономике вновь ставят на повестку дня вопрос о социально-экономических правах, возможности реализации которых начинают ограничиваться под предлогом сохранения конкурентоспособности экономики и, соответственно, самих рабочих мест. Следует учесть, что в весомом числе конституций эти права формулируются в виде «социальных целей», «принципов политики», которые трудно, а иногда и невозможно обеспечить посредством судебных исков³.

При этом, по словам польского эксперта В. Осятынського, идет переформулирование «прав как потребностей», когда в развитых странах у части населения наблюдается формирование таких социальных ожиданий, которые далеко не всегда связаны с производительностью труда, иными объективными критериями и во многом реализуются за счет глобального перераспределения труда, очевидного нарастания эксплуатации населения развивающихся стран⁴. В свою очередь, в наиболее бедных странах первичные потребности, в том числе в пище и воде⁵, оказываются более понятны и приоритетны, нежели, например, потребность в свободе слова. Это лишь один из

¹ Акт «О сплочении и укреплении Америки путём обеспечения надлежащими средствами, требуемыми для пресечения и воспрепятствования терроризму» (Uniting and Strengthening America by Providing Appropriate Tools Required to Intercept and Obstruct Terrorism Act of 2001, [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://epic.org/privacy/terrorism/hr3162.html> (дата обращения: 24. 06. 2016)).

² Президент США Б. Обама, после того как общественности в 2013 г. стала доступна информация об организации широкомасштабной прослушки граждан, отказался извиняться, заявив: «Безопасность и личная информация не могут быть отделены друг от друга на 100%, каждый должен это понимать». См.: Секретная операция США «Призма» проверяет границу между безопасностью и конфиденциальностью [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://russian.people.com.cn/95181/8282956.html> (дата обращения: 24. 06. 2016).

³ В ч. 2 ст. 59 Конституции Албании 1988 г. прямо указано: «Добиваться социальных целей непосредственно через суд нельзя». Конституция Республики Албания от 21.10.1998 [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/const/albania/albani—r.htm (дата обращения: 24. 06. 2016).

⁴ См.: Osiatyński W. Human Rights and Their Limits. — P. 144—187.

⁵ Право на воду ныне уже включено в список прав человека. См.: Соболева А. Четыре измерения будущего прав человека.

многих наблюдаемых сегодня признаков продолжения деления прав человека на «права для себя» и «права для других», чреватые их обесцениванием.

Большой комплекс проблем порожден становлением нового, по определению, данному директором Комиссии ЮНЕСКО по правам человека и мира К. Васаком, «третьего поколения прав человека»¹: права на развитие, мир, благоприятную окружающую среду, права народов на самоопределение и ряда иных. Этот комплекс прав, характерный именно для глобализующегося человечества, в своей совокупности является коллективными правами, само признание которых вступает в определенное противоречие с характеристикой первых двух поколений фундаментальных прав человека как индивидуальных. Ведь сама суть персонифицированной модели прав человека изначально предполагает трактовку индивида как самоценного «атома», то есть некоего неделимого целого, защищенного от любых попыток его подчинить и, тем более, поглотить, совершаемых со стороны любых коллективов. Но современная тенденция развития связана со все большим распространением правовых гарантий группам, признаваемым находящимися в уязвимом положении: инвалидам, женщинам, коренным народам, мигрантам и т.д. Отдельным индивидам становится все труднее обеспечивать защиту прав и индивидуальной свободы в условиях значительно большей эффективности групповых действий. Поэтому вполне реальна ситуация, когда на первое место среди прав, воспринимаемых массовым правосознанием как реально защищаемые, вместо индивидуальных придут те права, реализацию которых можно обеспечить лишь в сформированной по соответствующему признаку группе².

Сложнейшей проблемой становится позитивная дискриминация, то есть преимущества, предоставляемые определенным социальным группам, выделяемым по разнообразным критериям, но признаваемым обездоленными, в том числе выделение разнообразных квот³. В настоящее время активное лоббирование интересов отдельных «меньшинств» тоже приводит к парадоксальной по сути ситуации, когда стремление «защитить права угнетенных меньшинств» все более очевидно перерождается в ограничение во имя их интересов прав, свобод и законных интересов традиционного социального большинства. Запрет на дискриминацию людей по какому-либо признаку, долгое время бывший идеологическим императивом классической концепции прав человека, начинает оборачиваться распространением

¹ Vasak K. Pour une troisieme generation des droits de l'homme // Studies and essays on International humanitarian law and Red Cross principles / ed. by C. Swinarski. — Hague, 1984. — P. 837, 839.

² профессиональному, этническому, религиозному, культурному, половому и т.д.

³ Компенсационная дискриминация фиксирована в законодательстве целого ряда развитых государств. В частности, в Нидерландах, она затрагивает квотирование рабочих мест для представителей разных меньшинств.

попыток дискриминировать тех, кто пытается отстаивать традиционные ценности.

Последнее приобретает особую значимость при анализе эволюции культурных прав, по самой своей сути носящих смешанный, и индивидуальный и коллективный характер. Но совершенно очевидны различия в их оформлении и защите при возникновении двух различных и вместе с тем ныне весьма актуальных ситуаций. С одной стороны, — очевидная необходимость охраны и защиты культурных прав тех малых народов, которые расположены на своих исконных местах проживания. С другой — требования к признанию культурной самобытности замкнутых групп мигрантов, перемещенных в во многом чужеродную им социокультурную среду современных европейских стран (включая и европейскую Россию). В последней ситуации претензии на культурное своеобразие и требования их повсеместно уважать могут столкнуться с недовольством и сопротивлением доминирующего социокультурного большинства.

Не менее актуальной является и проблема роли и места государства в охране и защите прав и свобод человека. Национальное государство к началу XXI в. практически перестало быть единственным субъектом, который бы монопольно интегрировал интересы соответствующего социума, в том числе и в правозащитной сфере: защита прав человека окончательно перестала рассматриваться исключительно как внутреннее дело государства. Интернационализация механизма обеспечения прав человека повлекла за собой его определенную деэтактизацию, проявляющуюся в появлении возможностей для установления внешнего контроля за соблюдением прав человека в конкретном государстве со стороны международного сообщества, дополненного внутренним контролем со стороны институтов гражданского общества, и неправительственных правозащитных организаций.

Это, безусловно, важный шаг на пути пресечения нарушений прав и свобод на местах, творимых под прикрытием демагогии о невмешательстве во внутренние дела. Но вместе с тем данный процесс порождает проблему реального соотношения принципа уважения прав и свобод человека с таким общепризнанным принципом международного права, как уважение государственного суверенитета. «Сугубо традиционные понятия суверенитета, — отмечал Генеральный секретарь ООН К. Аннан, — более не могут оправдать надежд всех народов на обретение ими основных свобод»¹. Однако подобная бескомпромиссная риторика уже критикуется руководителями даже тех государств, которые традиционно составляли ядро носителей классической парадигмы прав человека. В частности, премьер-министр Великобритании Д. Кэмерон публично поддерживал идеи о необходимости пересмотра акта о правах человека, содержащего обязанности государства соблюдать

¹ Аннан К. Проблема вмешательства. Выступления Генерального секретаря Организации Объединенных Наций. — Нью-Йорк, 1999. — С. 37—40.

соответствующие международные конвенции, и объяснял это тем, что Европейским судом по правам человека «решения, принимаемые на местном уровне, должны восприниматься с должным уважением»¹. Государственный суверенитет, как это доказывает британский эксперт Дж. Коэн, далек от признания его отжившей конструкцией: для эпохи постмодерна характерно сложение новых форм суверенитета, формирующихся в ходе демократизационных процессов, гуманитарных интервенций и результирующих их оккупаций, санкций против отдельных режимов².

Ситуацию еще больше усугубляет нарастающее стремление вновь использовать концепцию прав человека в качестве инструмента для политических манипуляций³. Крушение просоветского «социалистического блока»⁴ вкупе с развертыванием глобализационных процессов было воспринято достаточно большой частью «евроатлантических» политических элит как основания для завершения формирования монополярного мира на условиях «асимметричной взаимозависимости»⁵. «Коллективный Запад», имея менее 15% населения Земли, взял под контроль более 70% мировых ресурсов⁶ и, невзирая на публичную риторику о свободе конкуренции и равенстве возможностей, стремится закрепить и упрочить существующее «статус-кво».

Это вновь обостряет проблему соотношения декларируемых общечеловеческих норм и ценностей и прагматичных экономических и политических интересов. Наблюдается тенденция к новой, теперь уже глобальной сегрегации народов планеты на «просвещенный демократический золотой

¹ Кэмерон: Страсбург искажает концепцию прав человека [Электронный ресурс]. — Режим до-

ступа: http://www.bbc.com/russian/international/2012/01/120125_cameron_human_rights_warning (дата обращения: 24. 06. 2016). Его поддержал член Высокого суда Великобритании лорд Хофман: «Тот факт, что десять первоначальных членов Конвенции подписались под своим пониманием прав человека, нисколько не значил, что пониматься и применяться такие права будут одинаково... Если бы даже судьи Европейского суда и были всемогущи, осознавая интересы жителей Великобритании лучше, чем мы сами, то было бы так же недопустимо с точки зрения конституционного права отдавать те решения, которые мы здесь обсуждаем, на откуп иностранного суда» (Британия откажется от прав человека? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.politonline.ru/comments/9396.html> (дата обращения: 24. 06. 2016)).

² Cohen J. L. Globalization and Sovereignty: Rethinking Legality, Legitimacy and Constitutionalism. — Cambridge : Cambridge University Press, 2012. — 442 p.

³ О проблеме использования идеологических аспектов в исследованиях прав человека, см., напр.: Human Rights: Politics and Practice / edited by Michael Goodhart. — Oxford, New York : Oxford University Press, 2009. — 455 p.; An Introduction to International Human Rights Law / edited by A. R. Chowdhury, J. H. Bhuiyan. — Leiden, Boston: Brill, 2010. — 294 p.

⁴ отнюдь не означающее крушения социалистической системы и ее подхода к правам человека как таковой, что демонстрирует опыт Китая, Вьетнама, Кубы и т.д.

⁵ См.: Панарин А. С. Искушение глобализмом — М. : ЭКСМО-Пресс, 2002. — 416 с.

⁶ Чешков М. Глобализация: сущность, нынешняя фаза, перспективы // Pro et Contra. — 1999. — Т. 4. — № 4. — С.114.

миллиард» и «новую варварскую периферию». Ставится под вопрос одно из величайших завоеваний христианского и просвещенческого гуманизма — принцип единой общечеловеческой судьбы, причем это делается в русле декларативной заботы о повсеместном соблюдении прав человека.

Американский эксперт У. Волдорф осторожно заметил: «Страны либеральной демократии, преследующие национальные интересы и вместе с тем отстаивающие концепцию прав человека, в той или иной ситуации могут манипулировать ситуацией во внешней политике, латентно используя неправительственные правозащитные организации и членов парламента, и через них критиковать правительства других стран»¹.

В реальности ситуация оказывается еще более сложной. Важную роль в разработке концепции широкомасштабного политико-идеологического «наступления Запада в сфере прав человека»² сыграл бывший советник президента США по вопросам внешней политики З. Бжезинский, указавший в ряде своих трудов рубежа 1960—70-х гг.: «Гуманизм, ядро марксизма, может быть исходным пунктом критики современной советской системы»³. Активизация правозащитного дискурса как инструмента глобальной политики на государственном уровне была реализована в 1970-е гг. президентом США Дж. Картером и практически сразу же при Государственном департаменте было образовано Ведомство прав человека и гуманитарных вопросов⁴. В 1974 г. вышло постановление Конгресса о необходимости учета США положения с правами человека в иных странах при проведении внешней и торговой политики. В свою очередь, крушение советского блока было активно использовано для использования лозунгов о правах человека для дестабилизации тех политических режимов, которые не вписывались в формируемый монополярный миропорядок⁵.

Характерной чертой «правозащитного дискурса» как инструмента для решения прагматических задач стало активное использование методики

¹ Walldorf W. Just Politics: Human Rights and the Foreign Policy of Great Powers [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.foreignaffairs.com/authors/c-william-walldorf-jr (дата обращения: 24. 06. 2016).

² См.: Chomsky N.. Human Rights and American Foreign Policy. — Nottingham, 1978. — 90 p.

³ Brzezinski Z. Between Two Ages, America's Role in the Technotronic Era. — New-York, 1973. — P. 142. Бжезинский, по мнению ряда исследователей, сыграл координирующую роль в работе т.н. трилатеральной комиссии, разрабатывавшей обновленную глобальную стратегию доминирования (См.: Dyke Vernon van. Human Right, the United States and World Community. — New-York, 1970. — 292 p.)

⁴ См.: Foreign Affairs, July 1978, p. 821; Vogelgesang S. What price principle? – US Policy on Human Rights. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.foreignaffairs.com/articles/29530/sandra-vogelgesang/what-price-principle-us-foreign-policy-on-human-rights (дата обращения: 24. 06. 2016).

⁵ См.: Evans T. US Hegemony and the Project of Universal Human Rights. — Palgrave Macmillan, UK, 1996. — 244 p.; Bricmont J., Johnstone D. Humanitarian Imperialism: Using Human Rights to Sell War. — N.Y : Montly Review Press, 2006. — 192 p.

двойных стандартов, когда публичная «демонизация» одного политического режима, становившегося объектом массовой пропагандистской атаки с обвинениями в массовых нарушениях прав человека, сочеталась с относительно толерантным отношением к сходным нарушениям в других государствах, обострение отношений с которыми было нецелесообразным¹. Теоретическим обоснованием данной политики часто являлся тезис о необходимости дифференцированного подхода к странам, где права человека нарушаются эпизодически, а где — массово, причем степень этой массовости оценивают сами западные лидеры. «Я абсолютно не согласен с тем, что дискуссии по... правам человека исключают близкие отношения с Китаем», — заявлял в 2015 г. Д. Кэмерон, — все эти вопросы можно обсуждать только при условии крепкого партнерства и близких отношений»². Его оппонент-лейборист Ф. Гамильтон прокомментировал: «Я шокирован тем, что мы приносим в жертву наши ценности в области прав человека, демократии и свободы слова исключительно ради торговли»³.

Характерной чертой современного использования прав человека как инструмента политических манипуляций стала активизация силовых конфронтационных мер против государств, власти которых обвинялись в нарушениях прав человека. Возрождены концепции «гуманитарных интервенций»: французский политик Б. Кушнер в 1987 г. писал, что для защиты прав человека демократические государства не только имеют право, но и обязаны вмешиваться в дела иностранных государств, невзирая на их суверенитет⁴.

Практическая реализация этих интервенций показала существенное падение правозащитной роли ООН. Как образно подметила А. Соболева, «на фоне множащихся, как грибы после дождя, международных конвенций, договорных органов по мониторингу за соблюдением положений этих конвенций, международных судов, отчетов международных организаций, комиссаров и докладчиков по правам человека в самых разных областях» планета столкнулась с всплеском терроризма, случаев геноцида и массовых этнических чисток, бесчеловечных пыток, в том числе и в американских тюрьмах, «чрезвычайных выдворений» из аэропортов и других примеров нарушения фундаментальных прав, которыми грешат многие современные государства⁵. Вопиющими примерами стали прямые вооруженные вторжения

¹ Отметим, что терпимость к конкретному режиму часто зависит еще и от его способности нанести неприемлемый ущерб в случае начала вооруженного конфликта, особенно с применением оружия массового уничтожения.

² Евроньюс [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://ru.euronews.com/2015/10/22/britain-and-china-sign-landmark-nuclear-deal>

³ Кэмерона обвиняют в низкопоклонстве перед Китаем [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2015-10-21/1_cameron.html (дата обращения: 24. 06. 2016).

⁴ См.: Kouchner B. Bettati M. Le devoir d'ingerence: peut-on les laisser mourir? — Paris : Denoel, 1987. — 300 p.

⁵ См.: Соболева А. Указ. соч.

без санкции Совета Безопасности ООН в Ирак (1998 г.), Югославию (1999 г.).

Весомое число экспертов выступает с критикой гуманитарных интервенций, обращая внимание как на произвольный характер их проведения, ставящий под сомнение их легитимность¹, так и на то, что «масштаб возможности злоупотребления таким правом в целях предосторожности ставит под сомнение смысл его существования»².

Действительно, политика гуманитарных интервенций «в целях защиты прав и свобод и установления демократии» на деле обернулась гибелью и страданиями тысяч простых людей, якобы ради защиты которых эти интервенции и были организованы. Кроме того, практика Афганистана, Косова, Ирака, Ливии показала, что результатом подобных мер оказывается отнюдь не формирование демократических режимов, соблюдающих права и свободы человека и гражданина, а рост деструктивных и асоциальных явлений, доводящих социумы до полного хаоса, порождающих волны беженцев и дестабилизирующих ситуацию в других регионах планеты. И тем более циничным выглядит мнение одного из известных демократов и правозащитников, бывшего президента Чехии В. Гавела: «Во вторжении НАТО в Косово имеется элемент, в котором никто не может сомневаться: воздушные атаки, бомбы не вызваны материальной заинтересованностью. Их характер — исключительно гуманитарный: главную роль играют принципы, права человека, которые имеют приоритет даже над государственным суверенитетом. Это делает вторжение в Федерацию Югославия законным даже без мандата ООН»³. По сути, В. Гавел стал родоначальником весьма одиозной дефиниции «гуманитарные бомбардировки».

К сожалению, подобная риторика характерна и для некоторой части отечественного правозащитного сообщества, для которой характерна уникальная избирательность своей деятельности по защите прав человека. Активность критической позиции в отношении нарушений прав человека в конкретных государствах, в том числе и России, оказывается прямо пропорциональна степени оппозиционности их режимов политическому курсу, проводимому США. Симптоматичен ответ одного из известных представителей данного сообщества, в свое время занимавшего пост Уполномоченного по правам человека в РФ, С. А. Ковалева на вопрос о «поведении»

¹ Британский политолог Д. Чендлер называет процесс принятия подобных решений «законотворчеством элитной группы западных государств» См.: Chandler D. From Kosovo to Kabul: human rights and international intervention. — London : PlutoPress, 2002. — 268 p.; Лабюк О. Ответственность по защите» и право на вмешательство [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.intertrends.ru/eighteenth/007.htm> (дата обращения: 24. 06. 2016).

² Malanczuk P. Humanitarian Intervention and the Legitimacy of the Use of Force. — Amsterdam : Het Spinhuis, 1993. — 69 p. — P. 27; British Yearbook of International Law. — 1986. — № 57. — P. 614.

³ Havel V. Moi aussi je me sens albanais // Le Monde. — 1999. — 29 avril.

участников вышеупомянутого Косовского кризиса 1998—1999 гг.; «Лучше всех себя вели США и КЛА¹, а хуже всех — Сербия и Россия»². Не менее показательна и реакция еще одного представителя того же сообщества Л. Радзиховского: «Если парламент Великобритании примет подобное решение о денонсации Акта о правах человека, то... это станет серьезнейшим международным прецедентом», так как «на Британию, как на становой хребет и европейской юриспруденции, и всегда задающую тон в области прав человека и демократии смотрит весь мир, равняясь по ней», при этом пояснил, что в ряде критических для страны ситуаций это вполне обоснованно и даже необходимо³. Не менее четко были расставлены акценты и В. И. Новодворской: «Назначить Соединенные Штаты главой правозащитного сообщества, как бы членом коллектива Хельсинкской группы, а всем правозащитникам готовить для них материал: какие нарушения прав человека на Кубе, в Северной Корее, в Иране. А они будут выбирать, с кого начать в следующий раз»⁴.

Такие подходы, к сожалению, не способствуют укреплению общего позитивного имиджа российского сегмента правозащитного движения, отталкивают часть граждан страны от участия в правозащитной деятельности и в конечном счете могут способствовать дискредитации самой идеи защиты прав человека. Социологические опросы, проведенные, кстати, при содействии Агентства США по Международному Развитию, в 2010 г. в нескольких регионах России, показали, что в целом менее 20% опрошенных назвали деятельность правозащитных организаций в защите прав граждан эффективной, при этом 23% порекомендовали им заниматься проблемами граждан, а не своими⁵.

¹ Армия Освобождения Косова.

² См.: Попов О. А. Защитники прав человека или «агенты глобализма»? (Часть 2) [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.polemics.ru/articles/?articleID=2376&hideText=0&itemPage=1> (дата обращения: 24. 06. 2016). Учтем, что в 2016 г. активизировалась работа по созданию специального трибунала по расследованию обвинений в адрес Армии освобождения Косова, в сентябре главным прокурором этого суда назначен американский юрист Д. Швендиман Создается новый суд по военным преступлениям в Косове [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <https://news.mail.ru/politics/24544433/?frommail=1>; Швендиман именован за главного тужиоца суда за ОВК [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.rts.rs/page/stories/ci/story/134/hronika/2442680/svendiman-imenovan-zalavnog-tuzioca-suda-za-ovk.html> (дата обращения: 24. 06. 2016).

³ Британия откажется от прав человека? [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.politonline.ru/comments/9396.html> (дата обращения: 24. 06. 2016).

⁴ См.: Мир не стал бы протестовать, если бы мировой порядок поддерживали инопланетяне. // Новое Время». — 2003.— № 18—19. — С. 12—17.

⁵ Граждане России и их права: приоритеты, отношение и опыт (Нижегородская, Новосибирская и Воронежская области и Пермский край): базовое социологическое исследование. 2010. — С. 36, 38. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: http://www.prpc.ru/archiv/100310_6.pdf (дата обращения: 24. 06. 2016).

Подобная ситуация выглядит вдвойне угрожающей в связи с тем, что распад СССР и формирование рыночной экономики в Российской Федерации породили целый ряд новых проблем, связанных с реализацией, охраной и защитой прав и свобод человека и гражданина в нашей стране. Процесс интеграции прав человека в отечественное политико-правовое и социокультурное пространство оказался весьма непростым. Актуальным осталось мрачное пророчество Дж. Оруэлла: «Возврат к свободному рынку для большого количества людей станет ещё большей тиранией, чем тирания государства, так как она будет более безответственной»¹.

Современные проблемы России, как верно подметила Е.А. Лукашева, коренятся как в просчетах реформаторов рубежа XX-XXI вв., так и в многовековых традициях, и потому, «было бы наивно предполагать, что, провозгласив права человека высшей ценностью, объявив Россию демократическим правовым и социальным государством, можно в кратчайшие исторические сроки сформировать то, на что у европейской цивилизации ушли века»². Поэтому, несмотря на серьезные успехи в нормативном закреплении прав и свобод и формировании комплекса современных институтов, направленных на их охрану и защиту, по-прежнему продолжает оставаться весьма значимым тезис, фиксированный еще в Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г.: «Невежество, забвение прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств»³.

¹ Orwell G. Review of the Road to Serfdom by F.A. Hayek, etc. // As I Please, 1943—1945: The Collected Essays, Journalism & Letters. Vol 3 . — D. R. Godine, 2000. — 436 p.; Цит. по: Crick B. In Defense of Politics. — London : Penguin, 1993. — P. 198.

² Лукашева Е.А. Российская цивилизация и права человека. — С.130.

³ Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 г. // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. — М., 1989.— С. 26—29.

Глава 2

СОВРЕМЕННЫЕ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ И КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

2.1. Современная система международно-правовых стандартов в области прав человека

Международно-правовую сущность института защиты прав человека недопустимо рассматривать вне контекста анализа взаимоотношений индивида и государства, так как международное право длительное время развивалось в русле классической позитивистской доктрины, которую достаточно рельефно выразил в своем фундаментальном трактате Л. Оппенгейм: «Поскольку право наций — это главным образом право, действующее в отношениях между государствами, постольку государства являются единственными субъектами права наций... Но каково нормальное положение отдельных лиц в рамках международного права, если они не являются его обычными субъектами? Ответ может состоять в том, что, вообще говоря, они являются объектами права наций»¹. Таким образом, государства — участники международных правоотношений исходили из того, что вопросы обеспечения субъективными правами являются предметом национальной суверенной юрисдикции². Государство обеспечивает защиту прав своих граждан, а также лиц, находящихся под его покровительством, на основании собственного законодательства. Роль международного права сводится лишь к эпизодическому и попутному влиянию на национальные законы в данной области посредством формулирования международных обязательств государств отнюдь не в гуманитарной сфере. Что касается фиксированного в актах современного международного права каталога прав и свобод человека, то его формирование тесно связано с постепенным доктринальным и конституционным признанием автономии и суверенной самоценности человеческого существа, а также юридического партнерства общества и государства вследствие глубоких перемен, происходивших на протяжении столетий всемирной истории и отражавших, по словам Гегеля, «прогресс в сознании свободы, прогресс как в смысле познания объективной истины, так и внешней объективации достигнутых ступеней познания свободы в государственно-правовых формах»³.

Большую часть истории международного права относительно защиты субъективных прав индивидов составляют спорадические нормы межгосударственных соглашений. Древность и Средневековье (V в. до н.э. — XVI в.)

¹ Oppenheim L. 1 International Law (Eighth Edition by Lauterpacht H.). — Vol. I. Peace. — London: Longmans, Green & Co. — 1955. — P. 636—639.

² См.: Права человека : учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. — М., 2009. — С. 460.

³ Гегель Г.В.Ф. Соч. — М. ; Л., 1934. — Т. 8. — С. 98 — 99.

стали временем появления представлений (несмотря на господствовавшую в это время ксенофобию) о вынужденной для государства необходимости защиты прав отдельных индивидов, а также об обязанности своими практическими действиями гарантировать их соблюдение. Так, в частности государство пребывания принимало на себя обязательство обеспечивать неприкосновенность и исключительные права иностранных послов, а также торговцев, представлявших особый интерес с точки зрения инвестирования местной экономики. Впрочем, «международные гарантии» прав этих индивидов так или иначе были опосредованы «государственными интересами». Так, например, Законы Ману (II век до н.э.) провозглашали: «Войсковеряется полководцу..., казна и (управление) государством — царю, мир и его противоположность (война) зависят от посла»¹. Чаще всего местные власти устанавливали наказание для своих подданных, причинивших вред иностранцу, пользовавшемуся особым положением.

Исключением из общего правила были некоторые договоры между государствами Древней Эллады, которые в силу специфики античного греческого мира содержали гарантии отдельных прав человека. Так, в описанном Аристотелем античном межгосударственном договоре, все лица, переехавшие на постоянное место жительства из Афин в Элевсин и наоборот, сохраняли право на посещение родины во время мистерий².

В период Нового времени тезис об обязанности государства вплоть до начала военных действий защищать права своих подданных перед угрозой их нарушения со стороны другого государства получил новые доктринальные и международно-правовые опоры. В то же время в XVII—XIX вв. окончательно благодаря усилиям «отца международного права» Г. Гроция оформилась естественно-правовая по своей сути концепция о возможности т.н. «гуманитарной интервенции», т. е. одностороннего начала «справедливой» войны во имя защиты «чужих подданных, если над ними творят явное беззаконие»³. При этом необходимо отметить, что данная форма международно-правовой защиты прав отнюдь не являлась единственной и исключительной, как отмечают некоторые авторы⁴. В частности, входивший в систему Ветсфальского мирного договора 1648 г. Оснабрюкский договор между Священной Римской империей и Швецией содержал определенные

¹ Хрестоматия по истории государства и права: История государства и права зарубежных стран: Т.1. Древний Восток. Античность. Средние века / сост. Ю. А. Иванов, А. В. Киринос, В. А. Колесников. — Воронеж : Издательство Воронежского государственного университета, 1999. — С. 36.

² Аристотель. Афинская полития. — М. : Соцэкгиз, 1936. — С.53.

³ Гроций Г. О праве войны и мира. Три книги. — М., 1956. — С. 562—563.

⁴ См. напр.: Епифанов А.Е. К вопросу о влиянии международного права на формирование механизмов защиты прав и свобод человека (вопросы теории и истории) // Вестник ЮУрГУ. — Серия: Право. — 2015. — Т. 15. — № 2. — С. 16.

гарантии религиозной свободы и равноправия христианских церквей¹. На Венском конгрессе 1815 г. была принята рекомендательная Декларация, осуждающая работорговлю². В то же время нельзя согласиться с весьма категоричными выводами некоторых современных ученых о том, что этот документ стал «первой попыткой поставить международное право на защиту прав человека»³. Правда, нормы, включавшиеся в международные акты Нового времени, преимущественно имели характер декларативных принципов⁴, создавая специфические международные гуманитарные прецеденты.

В период с середины XIX в. вплоть до Первой мировой войны параллельно развивались две тенденции. С одной стороны, участились случаи применения военных способов привлечения к ответственности государств, нарушающих или не соблюдающих права иностранцев. Так, например, в 1850 г. Великобритания блокировала Грецию для защиты двух своих подданных. Со второй половины XIX в. в среде юристов-международников преобладала «точка зрения о законности вмешательства в дела других государств и правомерности интервенции по мотивам «гуманности» для защиты основных прав и свобод человека...»⁵. Правда, в основном имелась в виду возможность применения «гуманитарной интервенции» в отношении т.н. «нецивилизованных народов», подвергавших «варварскому гонению и избиению» христианское население⁶. Некоторые исследователи развития международного права во второй половине XIX в. указывали на то, что единственным правомерным основанием осуществления «гуманитарной интервенции» является согласованная коллективная позиция группы государств в целях защиты общих для всего человечества интересов⁷.

В то же время отдельные ученые, как, например, англичанин Я. Броунли, наблюдая развитие международных отношений в эту эпоху, приходили к выводу, что в реальности европейские военные интервенции в «не-

¹ Хрестоматия по истории международных отношений / сост. Д. В. Кузнецов. В 5-ти книгах. [Электронный ресурс] Книга 3. Новое время. — Благовещенск : Благовещенский государственный педагогический университет, 2013. — С. 6—7. — URL: <http://istfil.bgpu.ru/> (дата обращения: 30.12.2016).

² Там же. — С. 210—211.

³ Тимченко Л. Д., Кононенко В. П. Становление принципа уважения прав человека в международном и национальном праве // Российский юридический журнал. — 2011. — № 4. — С. 94.

⁴ См.: Баскин Ю. Я., Фельдман Д. И. История международного права. — М. : Международные отношения, 1990. — С. 96—97.

⁵ Общая теория прав человека / рук. авт. колл. и отв. ред. д-р юрид. наук Е. А. Лукашева. — М. : НОРМА, 1996. — С. 419.

⁶ См., напр.: Мартенс Ф. Современное международное право цивилизованных народов. Т.1. — С.-Пб. : Тип. М-ва пут. сообщ. (А. Бенке), 1904. — С. 298; Захаров Н. А. Курс общего международного права. — Петроград: Д.П. Вейсбрут, 1917. — С. 134 и др.

⁷ См., напр.: Лист Ф. Международное право в систематическом изложении: пер. с нем. — Юрьев (Дерпт) : Тип. К. Маттисена, 1917. — С. 87.

цивилизованном мире» в подавляющем большинстве не носили «гуманитарного» характера¹. В связи с этим особую позицию выражали те юристы-международники, которые заявляли, что основной санкцией, применяемой к государству, нарушающему права собственных граждан, является разрыв с ним всяческих отношений, но не вмешательство «силой оружия в его внутренние дела»².

Второй тенденцией в развитии международно-правового регулирования и доктринального обеспечения защиты прав человека к началу Первой мировой войны стала интенсификация в условиях постоянно возрастающей международной напряженности правотворческого процесса в отношении покровительства жертвам вооруженных конфликтов. Доктринальное положение о том, что естественные права «должны быть уважаемы как в мирное, так и в военное время» сформировал швейцарский ученый И. Блюнчли³. Однако несравненно большую роль в идеологической подготовке европейского общественного мнения к мысли о необходимости принятия международных актов по защите прав личности в условиях вооруженных конфликтов сыграли швейцарские активисты А. Дюнан, Г. Муанье, Г.-А. Дюфур, Л. Монуар, Т. Монуар и др. Книга А. Дюнана о человеческих страданиях во время войны 1859 г. в Ломбардии⁴ стала программным призывом к формированию в будущем комплекса норм, известных в настоящее время как международное гуманитарное право. В итоге правила ведения войны и защиты жертв вооруженных конфликтов были систематизированы в Женевских конвенциях 1864, 1906, 1929 гг., Гаагских конвенциях 1899 и 1907 гг. Были приняты некоторые акты в области запрета отдельных видов оружия (например, Санкт-Петербургская декларация «Об отмене употребления взрывчатых и зажигательных пуль» 1868 г.)⁵.

К началу Первой мировой войны был накоплен некоторый опыт по заключению международных договоров в области защиты против религиозной нетерпимости (например, Версальский договор 1871 г., акты Берлинского конгресса 1878 г., акты по Конго 1885 г. и др.). Парижская конвенция 1883 г. и Берлинская конвенция 1886 г. сформулировали принципиальные

¹ Brownlie I. International law and the use of force by states. — Oxford : Clarendon Press, 1963. — P. 339-340.

² Гефтер А. Европейское международное право / пер.: К. Таубе; предисл. Ф. Ф. Мартенс — Санкт-Петербург : Тип. В. Безобразова и Комп., 1880. — С. 99.

³ Блюнчли И. Современное международное право цивилизованных государств, изложенное в виде кодекса : пер. со 2-го немецкого издания / пер.: А. Лодыженский, В. Ульяницкий. — М. : Тип. Индрих, 1876. — С. 316.

⁴ Дюнан А. Воспоминание о битве при Сольферино / пер. с фр. — 3-е изд. — М. : Международный Комитет Красного Креста, 2009. — 818 с.

⁵ См.: Хенкерс Ж.-М., Досвальд-Бек Л. Обычное международное гуманитарное право. Т.1: Нормы / пер. с англ. — М. : Международный Комитет Красного Креста, 2006. — 108 с.

направления обеспечения индивидуальных прав промышленной и интеллектуальной собственности¹.

После окончания Первой мировой войны произошел качественный скачок в прогрессивном развитии норм международного права, посвященных проблемам защиты прав человека, обусловленный радикальными социальными изменениями первых двух десятилетий XX в. Некоторые авторитетные исследователи утверждают, что межгосударственное сотрудничество в области прав человека берет свое начало только после Первой мировой войны, да и то лишь в очень узкой сфере обеспечения прав национальных меньшинств². Более взвешенной, на наш взгляд, представляется точка зрения, согласно которой «в этот период появляются первые конвенции, в которых государства брали обязательства друг перед другом в отношении своих граждан»³.

Версальский мирный договор с Германией 28 июня 1919 г., который иногда характеризуется в литературе как один из «актов всемирно-исторического значения на пути к международному признанию прав человека»⁴, наметил в общих чертах институт международной уголовной ответственности за массовые нарушения прав человека в условиях вооруженного конфликта, утвердил Международную хартию труда и учредил Международную организацию труда (МОТ).

МОТ стала, по сути, первой межгосударственной организацией, главной задачей которой являлась защита важнейших социальных прав⁵, в рамках которой были учреждены административные элементы контрольного механизма в области прав человека. На это, в частности, указывает не изменившаяся до настоящего времени ст. 24 Устава (Конституции) этой организации, регулирующая процедуру «приглашения» правительства соответствующего государства к даче заявления по факту жалобы профсоюза, поданной в Международное бюро труда⁶.

¹ Валеев Р. М., Курдюков Г. И. Международное право. Особенная часть : учебник для вузов. — М. : Статут. — С. 16.

² См.: Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. — М. : Юрид. лит., 1991. — С. 27; Павлова Л. Современная концепция прав и свобод человека и ее трактовка Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. // Белорусский журнал международного права. — 1998. — № 5. — С. 6.

³ Нефедов Б. И. От прав и свобод человека — к статусу человека: необходимость изменения концептуальных подходов // Международное публичное и частное право. — 2007. — № 5. — С. 11.

⁴ Международная и внутригосударственная защита прав человека : учебник / под ред. Р. М. Валеева. — М. : Статут, 2011. — С. 439.

⁵ Таганкина Н. Международно-правовая регламентация прав и свобод человека // Права человека : учеб. пособие. — М. : Моск. Хельсинк. группа, 2012. — С. 45.

⁶ ILO Constitution // International Labor Organization [Электронный ресурс]. — URL: http://www.ilo.org/dyn/normlex/en/f?p=1000:62:0::NO:62:P62_LIST_EN-TRIE_ID:2453907:NO#A24 (дата обращения: 26.12.2016).

Многочисленные конвенции МОТ вместе с некоторыми другими международно-правовыми актами (например, Бернской конвенцией о запрещении ночного труда женщин 1906 г., Конвенцией о борьбе с торговлей женщинами и детьми 1921 г., Конвенцией о рабстве 1926 г. и др.), принятыми в первой половине XX в., заложили основу для индивидуализации понимания международной защиты прав и свобод человека. В 20-е гг. XX в. даже возникли достаточно радикальные по своей сути концепции о том, что субъектом международного права является не государство, а индивид¹.

Межвоенный период был отмечен резким возрастанием интереса к международно-правовым гарантиям прав наций и народов, что объяснялось существенными изменениями границ государств на основании мирных договоров 1919 г. и необходимостью исключить разрушительное воздействие «национального вопроса» на новую систему международной стабильности. Как справедливо отмечают некоторые исследователи, «своевременное закрепление статуса этнических меньшинств помогало избежать повода для интервенции со стороны государства, где данная этническая группа находилась у власти или составляла большинство населения и для нее была небезразлична участь своих соплеменников»².

Была предпринята попытка создать систему межгосударственных актов, в которую входили 5 специальных договоров о меньшинствах (с Польшей, Чехословакией, Югославией, Румынией, Грецией), 4 мирных договора со специальными разделами о меньшинствах (с Австрией, Болгарией, Венгрией и Турцией), 6 односторонних деклараций (Албании, Ирака, Латвии, Литвы, Эстонии, Финляндии), а также Польско-Данцингская конвенция, Мемельская конвенция и Германско-польская конвенция о Верхней Силезии. Эти документы содержали международные обязательства по обеспечению минимального списка прав национальных меньшинств, а также иных этнических образований, прежде всего в области использования родного языка, развития самобытной культуры и образования и т.д. Так, например, польское правительство обязалось «предоставить всем жителям Польши полную и совершенную защиту их жизни и их свободы без различия происхождения, национальности, языка, расы или религии» (ст. 2 Малого Версальского трактата от 28 июня 1919 г.)³. Гарантом исполнения обязательств по защите прав национальных меньшинств выступала созданная на основе Версальского договора Лига наций, в рамках которой был предусмотрен механизм

¹ См.: Таганкина Н. Указ. соч. — С. 45.

² Нурумов Д. И. Становление и развитие международной системы защиты прав человека : автореф. дис... канд. юрид. наук. — М. : МГИМО (У) МИД Российской Федерации, 2000. — С. 12—13.

³ Ключников Ю. В., Сабанин А. В. Международная политика новейшего времени в договорах, нотах и декларациях. От империалистической войны до снятия блокады с Советской России. — М. : Издание Литиздата НКВД, 1926. — Ч. II. — С.43.

обращения с жалобами в Совет этой организации и Постоянную палату международного правосудия.

Соглашения о правах национальных меньшинств 20-х гг. XX в. не были совершенны как с точки зрения содержания норм, в которых не было последовательного закрепления принципа недискриминации, так и в отношении юридической действительности, поскольку государства предпочли не брать на себя обязательств в данной сфере перед Лигой Наций. Кроме того, как справедливо отмечают некоторые исследователи, механизм контроля и наблюдения со стороны этой организации тоже не отличался высокой эффективностью¹. В итоге в 30-е гг. данная система договоров рухнула в новых геополитических условиях, в которых не было места для «гуманитарной интервенции», но открылся широчайший простор для военной оккупации и гуманитарной катастрофы. В то же время проблема исполнения международных обязательств перед Второй мировой войной, как известно, касалась не только прав национальных меньшинств, но и других договоров, прежде всего в области военной безопасности.

Таким образом, по итогам состояния международно-правового регулирования защиты прав и свобод человека в первой половине XX в. можно согласиться с утверждением Ю. В. Самович о том, что на этом этапе не было основы для разработки общих принципов такого юридического регулирования на международном уровне, однако «очевидной стала необходимость постоянного международного контроля над государственными средствами обеспечения прав и свобод человека»².

Современный этап эволюции международно-правового регулирования вопросов защиты прав и свобод человека начался после окончания Второй мировой войны, и его характерные черты являются как следствием объективной логики гуманистических тенденций в цивилизационном развитии, так и атрибутом геополитической модели, сложившейся после образования ООН и в настоящее время хаотично модифицирующейся в контексте кризисных международных реалий. Это неизбежно приводит к необходимости рассматривать данный этап с двух позиций: с одной стороны, выясняя основные юридические параметры системы международных стандартов в области прав человека; с другой стороны, анализируя степень и характер воздействия на нее периодически осложняющейся во второй половине XX — начале XXI в. международной политической ситуации.

Формально-юридическое признание мировым сообществом прав человека как высшей ценности цивилизации выразилось после окончания Вто-

¹ См.: Ковалев А. А. Международная защита прав человека : учебное пособие. — М. : Статут, 2013. — С. 66.

² Самович Ю. В. Международный механизм защиты прав и свобод человека (Универсальный и европейский аспекты) : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.10. — Екатеринбург, 1999. — С. 3.

рой мировой войны в разворачивании с созданием ООН комплексного международного правотворческого процесса в данной сфере. В принятом в 1945 г. Уставе ООН впервые в истории принципиально сформулировано требование многостороннего межгосударственного сотрудничества в сфере прав человека. Среди основных причин создания ООН, зафиксированных в Преамбуле Устава 1945 г., важное место занимает возрожденное утверждение веры в основные права человека, в достоинство и ценность человеческой личности, в равноправие мужчин и женщин, в равенство больших и малых наций, а также содействие социальному прогрессу и улучшению условий жизни при большей свободе¹.

Практически с самого начала формирования под эгидой ООН системы международного права одним из ее структурных оснований стал принцип уважения прав человека. В Уставе ООН он прямо не указывается в качестве общего принципа международного права. Однако п. 3 ст. 1 Устава провозглашает в качестве одной из целей ООН осуществление международного сотрудничества «в поощрении уважения к правам человека и основным свободам для всех, без различия расы, пола, языка и религии». В ст. 55 данная цель трансформирована в обязательство ООН содействовать «всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод для всех, без различия расы, пола, языка и религии». В Декларации ООН о принципах международного права 1970 г., в разделе «Принцип равноправия и самоопределения народов» особо отмечается, что «каждое государство обязано содействовать путем совместных и самостоятельных действий всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод в соответствии с Уставом»².

В 50—60-х гг. в международно-правовой науке разгорелась дискуссия о юридической природе норм Устава ООН о правах человека, в ходе которой сформировались две противоположные точки зрения. Согласно первой³, уважение прав человека сформулировано в Уставе, являющемся по форме многосторонним договором, как международное обязательство государств — членов ООН по отношению ко всем лицам, находящимся под их юрисдикцией. Вторая точка зрения исходила из трактовки Устава как доку-

¹ Устав Организации Объединенных Наций // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.un.org/ru/sections/un-charter/preamble/index.html> (дата обращения: 12.12.2016).

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций. Принята резолюцией 2625 (XXV) Генеральной Ассамблеи ООН от 24 октября 1970 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/intlaw_principles.shtml (дата обращения: 12.12.2016).

³ См., напр.: Lauterpacht H. International law and Human Rights. — N.Y., 1950; Brownlie I. *Op. cit.*; Островский Я. А. ООН и права человека. — М., 1968 и др.

мента, содержащего обязательства государств, признавших его юридическую силу, по отношению к ООН, включая и реализацию одной из целей ее создания — «поощрения уважения к правам человека»¹.

В то же время неоспоримым фактом является колоссальное ускорение после вступления в силу Устава ООН международного правотворчества в сфере прав человека, что современные ученые совершенно справедливо считают одним из самых значительных достижений развития современного права². С этого времени международная защита прав человека приобретает системный характер и, по мнению известного отечественного юриста-международника А. П. Мовчана, состоит в формировании рекомендаций относительно того, какие права и свободы подлежат универсальному уважению и соблюдению; разработке международных договоров о правах человека, которые содержат соответствующие юридические обязательства государств; создании специального международного контрольного механизма в области прав человека³.

В Заключительном акте СБСЕ 1975 г. среди десяти системообразующих принципов международного права уже прямо упомянут принцип уважения прав человека и основных свобод, включая свободу мысли, совести, религии и убеждений. Государства, подписавшие этот программный для формирования международной правовой политики документ, выразили намерение к поощрению и осуществлению полного реестра фундаментальных индивидуальных прав, а также прав национальных меньшинств. В целом можно согласиться с современной трактовкой данного принципа, которая предполагает «широкое признание наличия у государства триады обязательств в сфере прав человека: обязательство уважать, обязательство обеспечивать и обязательство защищать»⁴.

Примечательно, что всеобщее уважение прав человека в Заключительном акте определялось как «существенный фактор мира, справедливости и благополучия», обеспечивающий развитие дружественных отношений и сотрудничества между государствами⁵. В какой-то степени такая политизация

¹ См., напр.: Kelsen H. The law of the United Nations. — L., 1950; Drost P. H. Human rights as legal rights. — Leiden, 1951.

² См.: Епифанов А. Е. К вопросу о влиянии международного права на формирование механизмов защиты прав и свобод человека (вопросы теории и истории) // Вестник Южно-Уральского государственного университета. — Серия: Право. — 2015. — Т. 15. — № 2. — С. 16.

³ Курс международного права. В 7 томах. Т.2. Основные принципы международного права / Г. В. Игнатенко, Б. М. Карташкин и др. — М. : Наука, 1989. — С. 160.

⁴ Липкина Н. Н. Международно-правовое обязательство уважать права человека: основные элементы содержания и пределы // Журнал российского права. — 2014. — № 4. — С.112.

⁵ Хельсинский Заключительный акт 1 августа 1975 г. // Organization for Security and Cooperation in Europe [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39505?download=true> (дата обращения: 14.12.2016).

данного юридического начала объяснялась несколько идеалистическим стремлением творцов документа найти точку опоры и стабилизации международных отношений в условиях противостояния двух военных ядерных блоков и начинавшегося цивилизационного постколониационного разлома. Достаточно быстро при этом проявилось одно важное геополитическое последствие закрепленного вне международного договорного права принципа. Ссылки на него в своей критике официального политического курса достаточно активно стали использовать представители т. н. «диссидентского» правозащитного движения в СССР и странах Центральной и Юго-Восточной Европы. Существуют даже точки зрения, согласно которым «именно реализация принципа уважения прав и свобод человека на фоне проигрыша в экономическом соревновании в конечном счете явилась основной причиной краха политической системы и политического режима в СССР и в других социалистических государствах»¹.

Нормативное закрепление принципа уважения прав человека в качестве цементирующего начала для уже вступивших в силу международно-правовых актов в гуманитарной области и юридического ориентира для продолжения международного правотворческого процесса в данной сфере вполне логично стимулировало стремительное развитие его доктринальных трактовок и интерпретаций, в рамках которых можно выделить несколько взаимосвязанных тезисов современной международно-правовой теории прав человека, прежде всего:

- об императивном характере принципа уважения прав человека и юридическом характере обязательств государств, выраженных в договорной или иной международно-правовой форме, по уважению, обеспечению и защите прав и свобод человека;

- о необходимости совершенствовать национальное законодательство, приводить его в соответствие с нормами международного права в данной области на основе приоритета последнего;

- о логической «встроенности» принципа уважения прав человека в систему общих принципов международного права и недопустимости ссылки на него в целях нарушения других принципов (суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела государств и т.д.);

- об исключительной важности освобождения области международного сотрудничества по гуманитарным вопросам (прежде всего по вопросам фундаментальных прав и свобод человека) от какой бы то ни было идеологической индоктринации и политического ангажемента.

Последовательная интернационализация области защиты прав человека, развернувшаяся во второй половине XX в., совпала с появлением кон-

¹ Нефедов Б. И. Указ.соч. — С. 12.

цепции «трех поколений прав человека», которую в конце 70-х гг. сформулировал¹ и в 80-х гг. XX в. конкретизировал² французский юрист чешского происхождения Карел Вашак (Karel Vašák). Первые два «поколения» отражали радикальные модификации в общественном и политическом строе, происходившие внутри развитых стран Европы и Северной Америки в XVIII — первой половине XX вв. и выразившиеся в доктринальном обеспечении, нормативном закреплении фундаментальных личных, политических («первое поколение»), а также социальных, экономических и культурных («второе поколение») прав. Что касается «третьего поколения», то оно напрямую связано с прогрессивным развитием международного права во второй половине XX в. и включает в себя коллективные права: на развитие, на мир, независимость, самоопределение, избавление от колониального угнетения, на здоровую окружающую среду, на общее наследие человечества и т. д. В дальнейшем набор прав «третьего поколения» неоднократно уточнялся, в частности к ним относили права отдельных категорий индивидов³. Появились концепции «четвертого», «пятого» и даже «шестого» поколений⁴.

Довольно интересными представляются попытки отступить от традиционных критериев формирования представлений о правах человека, о необходимости существенно модернизировать «хрестоматийную концепцию поколений». Примером может быть «биэтическое направление», в рамках которого в ходе развернувшейся дискуссии были выделены личностные,

¹ Vasak K. A 30-year struggle. The sustained efforts to give force of law to the Universal Declaration of Human Rights // The Unesco Courier. — 1977. — November. — P. 29.

² См., напр.: The international dimensions of human rights / Karel Vasak General Editor. — Vol. 1. — Paris : UNESCO, 1982. — 755 p.

³ Поленина С. В. Права женщин в системе прав человека: международный и национальный аспект. — М., 2005. — С. 41.

⁴ См., напр.: Международная и внутригосударственная защита прав человека : учебник / под ред. Р. М. Валеева. — М. : Статут, 2011. — 830 с.; Поколения прав человека: основные этапы развития правовой идеи и правового института : учеб. пособие / под ред. А. Ю. Сунгурова. — СПб., 2007. — 224 с.; Рудинский Ф. М. Гражданские права человека: общетеоретические вопросы // Право и жизнь. — М., 2000. — № 31. — С. 18; Терновская Л. О., Гольдин Г. Г. Защита прав, свобод и интересов человека в международном праве: история, направления, формы : монография. — М. : Международный издательский центр «Этносоциум», 2015. — 428 с. и др.

или соматические, права¹, поставлен вопрос о наличии «соматических гарантий» конституционных прав². С. И. Глушкова считает, что «можно говорить о следующих новых поколениях прав человека: экологические, информационные, личностные, соматические, гендерные, биотехнологические»³.

Несмотря на некоторую схоластичность и умозрительность концепции «поколений прав», она, тем не менее, достаточно ясно дает представление о том, что развитие нормативного закрепления содержания субъективных прав, а также средств и способов их защиты тесно связано с появлением и развитием международно-правовых стандартов в области прав и свобод человека. По выражению известного советского юриста-международника Г. И. Тункина, в область защиты прав человека произошло «вторжение» международного права⁴. А. И. Ковлер подчеркнул исключительную значимость процесса интернационализации прав человека: «Человеческая личность больше не замкнута правовыми рамками государства. Человек разрывает цепи государства, как раньше он разрывал цепи общины, рода, племени — его правовое бытие приобретает мировое измерение. Права человека становятся глобальным мерилom права»⁵.

Официальной доктриной международного права в области прав человека является универсализм, получивший нормативное закрепление в актах и программных документах ООН. Так, в частности, Всеобщая декларация прав человека 1948 г. определила «всеобщее понимание характера... прав и свобод» как обстоятельство, имеющее огромное значение для выполнения обязательств государств по реализации принципа уважения прав человека⁶. Венская декларация и Программа действий, принятая на Всемирной конференции по правам человека 11—25 июня 1993 г., прямо указала на то, что

¹ См., напр.: Крусс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. — 2000. — № 10. — С. 43; Ковлер А. И. Антропология права. — М.: НОРМА-ИНФА-М, 2002. — 480 с.

² См.: Лаврик М. А. К теории соматических прав человека // Сибирский юридический вестник. — 2005. — № 3. — С. 16—26; Он же. Соматические права в Российской Федерации: конституционные основания, действующее законодательство и практика реализации // Сибирский юридический вестник. — 2006. — № 2. — С. 40—54; Он же. Гарантии конституционных прав человека: соматический аспект : дис. ... канд. юрид. наук. — Иркутск, 2006. — 232 с.

³ Глушкова С. И. К вопросу о новых подходах в исследовании прав человека // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. — Серия: Юридические науки. — 2010. — № 14. — С. 23.

⁴ Тункин Г. И. Теория международного права. — М.: Международные отношения, 1970. — С. 93.

⁵ Ковлер А. И. Указ. соч. — С. 375.

⁶ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 12.12.2016).

«все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны. Международное сообщество должно относиться к правам человека глобально, на справедливой и равной основе, с одинаковым подходом и вниманием. Хотя значение национальной и региональной специфики и различных исторических, культурных и религиозных особенностей необходимо иметь в виду, государства, независимо от их политических, экономических и культурных систем, несут обязанность поощрять и защищать все права человека и основные свободы»¹. Таким образом, международно-правовые акты, закреплявшие права и свободы, определялись как документы, унифицирующие их понимание на национальном уровне, прежде всего для соответствующей имплементации во внутригосударственное конституционное право. В научном сообществе универсализм прав человека на долгое время стал преобладающим концептом, используемым в качестве практически неопровержимой платформы для исследования развития международно-правового регулирования в области защиты прав человека.

Представляется, что в условиях достаточно ограниченного в первые четыре десятилетия существования ООН влияния стран «третьего мира» на международный правотворческий процесс универсализм прав и свобод был результатом своеобразного идеолого-правового компромисса между западными странами и СССР. Именно поэтому либерально-индивидуалистические и антропоцентричные по своей сути нормы о фундаментальных личных правах в первых важнейших всемирных международно-правовых актах были дополнены положениями о социально-экономических и культурных правах, традиционно являвшихся «краеугольным камнем» правового статуса личности в государственном праве СССР и других стран социализма. Таким образом, возник знаменитый «минимальный каталог» прав и свобод Международного билля, который не должен подвергаться содержательной деформации на уровне национальных законодательств стран мира, вне зависимости от их региональной, культурно-исторической, политической и иной специфики.

Вторая половина 80-х — начало 90-х гг. XX в. внесли существенные изменения в систему международных отношений. Кризис и развал биполярной модели мира, стремительно набиравшая темпы эмансипация в международной политике т.н. «развивающихся стран», в колоссальных масштабах развернувшаяся глобализация стимулировали критику официального универсализма международно-правовых норм в области прав человека. На уже упомянутой Всемирной конференции 1993 г. разгорелась дискуссия, в ходе которой представители некоторых, прежде всего африканских и азиатских, государств, выступили с идеей обновления международно-правовой док-

¹ Венская декларация и Программа действий. Принята на Всемирной конференции по правам человека, Вена, 25 июня 1993 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/viendec93.shtml (дата обращения: 12.12.2016).

трины прав человека, основными постулатами которой должны стать исключительная значимость региональной специфики понимания содержания прав и свобод, приоритет социально-экономических и культурных прав перед личными и политическими правами, определяющее значение принципа невмешательства во внутренние дела даже в случае грубых нарушений прав и свобод¹. В основе позиции этих стран лежит достаточно широко распространенное представление о том, что «современное международное право прав человека в большей мере ориентировано на западные страны, которые приняли систему ценностей христианской религии и в значительной степени испытали влияние римского права»².

К настоящему времени в юридических и иных гуманитарных науках сформировалось довольно представительное скептическое по отношению к принципу «всеобщего» характера прав человека направление культурного релятивизма (мультикультурализма), опорным постулатом которого является утверждение о необходимости совершенствования гуманитарного комплекса международно-правовых норм с учетом исторических, религиозных, культурных особенностей и локальных традиций развития неевропейских народов мира. В противном случае расширение действия международно-правовых стандартов в области прав человека в африканских и азиатских странах неизбежно и, по мнению наиболее радикальных «релятивистов», является актом «культурного империализма»³. Так, в частности, достаточно распространенной в настоящее время является идея расширения воздействия исламской концепции прав человека на международный правотворческий процесс в данной области⁴, апологеты которой убеждены в том, что «исламские ценности о правах и свободах человека настолько рациональны и совершенны, что их учет при разработке всеобщих международно-правовых документов пойдет во благо не только национальных государств, но и всего мирового сообщества»⁵.

¹ См.: Бахмин В. И. Вторая Всемирная конференция по правам человека // Московский журнал международного права. — 1994. — № 1. — С. 150.

² Международная и внутригосударственная защита прав человека : учебник / под ред. Р. М. Валеева. — М. : Статут, 2011. — С. 247.

³ Там же. — С. 248.

⁴ См., напр.: Аль-Али Насер Абдель Рахим. Универсализм и исламская концепция прав и свобод человека : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1999. — 26 с.; Магомедов А. М. Исламское право как фактор становления универсальной концепции прав человека // Евразийский юридический журнал. — 2011. — № 12 (43). — С. 45—47; Шихаб Абдул Карим Али. Права человека в международном и мусульманском праве: сравнительный анализ : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2000. — 27 с. и др.

⁵ См.: Сафаров Д. С. Права человека и глобализация в контексте исламской правовой культуры: история и современность : автореф. дис. канд. юрид. наук. — Душанбе, 2012. — С. 7.

Дискуссии между «универсалистами» и «мультикультуралистами» в отечественных общественных науках имеют некоторую специфику, обусловленную во многом как историческими особенностями России, так и сложностью трансформационных процессов, которые определяют ее развитие в последние 20-25 лет. Поэтому в постсоветской теории права человека рассматриваются так или иначе через политическую призму представителями обоих течений. Так, например, утверждения о практически полной «деидеологизации» сферы защиты прав человека после прекращения противостояния между капиталистическим Западом и социалистическим Востоком¹ регулярно сменяются призывами к более объективному пониманию особенностей восприятия этой сферы в силу специфики российской действительности (исключительной роли государства во всех областях общественной жизни, прежде всего в экономике), накладывающей, в свою очередь, неизгладимый отпечаток на социальную ментальность в России (невосприятие институтов частной собственности в традиционных для западноевропейской культуры формах, правовой нигилизм, выражающийся в безразличном, недоверчивом или пренебрежительном отношении к праву и государству)².

В качестве ответной реакции на критику со стороны «релятивистов» сторонники «универсализма» пытаются найти новые концептуальные построения. Так, среди западных ученых периодически возникают дискуссии относительно форм, средств, способов и результатов аккультурации неевропейскими народами в сфере защиты прав человека, акцентируется внимание на том, что существенное расхождение между ратификацией планетарных договоров и их реализацией в развивающихся странах не является непреодолимым препятствием к постепенному принятию всем миром универсальных стандартов в области фундаментальных прав и свобод человека³. Представители отдельных направлений западной правовой мысли, к примеру, выделенных Э. Ноймайером школ транснационального правового развития и либерализма, а также сторонники теории международной системы защиты прав человека полагают, что постепенная реальная универсализация международных стандартов прав человека вполне возможна в долгосрочной перспективе. Ключевыми гарантиями этого процесса они считают построение национальных моделей правового и демократического государства, а также деятельность межправительственных, прежде всего ООН,

¹ См.: Глухарева Л. А. Права человека: гуманитарный курс. — М., 2002. — С. 152.

² См.: Поленина С. В., Гаврилов О. А., Колдаева Н. П., Лукьянова Е. Г., Скурко Е. В. Воздействие глобализации на правовую систему России // Государство и право. — 2004. — № 3. — С. 14.

³ См.: Загоруйко К. Ф., Гудман Р., Джинкс Д. Неполная интернализация и соответствие праву прав человека // Права человека: законодательство и судебная практика : сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел правоведения; РАП. отв. ред. Е. В. Алферова, И. А. Конюхова — М., 2009. — С. 54—55.

и международных неправительственных правозащитных организаций (например, Amnesty International, Human Rights Watch и др.)¹.

Некоторые ученые полагают, что концептуальный компромисс возможен, если признать объективность «мультикультуралистских» трактовок содержания фундаментальных прав человека и прагматически сосредоточить внимание на необходимости универсализации их формы². Другие авторы убеждены, что основой для примирения противоположных точек зрения может быть признание несостоятельности европоцентристских теорий о правах человека как своеобразном даре цивилизованных народов развивающимся странам и утверждение о равенстве всех наций в стремлении к реализации прав человека³. В доктринальном отношении периодически возникают, в том числе и под влиянием последствий глобализационных процессов, установки на необходимость концептуального объединения различных научно-теоретических конструкций защиты прав человека в «фундаментальную и интегральную (в том числе междисциплинарную) науку прав человека»⁴.

Философские и культурологические дискуссии об универсальном характере международных документов в области прав человека, на наш взгляд, не должны оттеснять на второй план пережившую на рубеже тысячелетий второе рождение политическую проблему «гуманитарной интервенции», которая в современных условиях приобрела новые черты некой «цивилизационной миссии» отдельных государств не только в содействии распространению международных стандартов в области прав человека, но и в глобальной ответственности этих государств за их реализацию в национальных правовых системах, вплоть до возможности вооруженного вмешательства и нарушения государственного суверенитета, что совершенно справедливо можно трактовать как прямой удар по системе коллективной безопасности, сложившейся после Второй мировой войны⁵. Действительно, уже в конце прошлого века гуманитарное вмешательство было осуществлено в Либерии (1990), Ираке (1991, 1992), Сомали (1992), Боснии и Герцеговине (1992), Руанде (1994), Гамбии (1994), Косове (1999).

Идеологически ренессанс доктрины «гуманитарной интервенции» во многом связан с очередным мощным глобализационным всплеском право-

¹ Neumayer E. Do international human right treaties improve respect for human weights? // Journal of conflict resolution. — Ann Arbor, 2005. — Vol. 49, № 6. — P. 932—940.

² См.: Андреева Г. Н., Феррайоли Л. Универсализм фундаментальных прав и мультикультурализм // Права человека: законодательство и судебная практика: сб. науч. тр. / РАН. ИНИОН. Центр социальных науч.-информ. исслед. Отдел правоведения; РАП. отв. ред. Е. В. Алферова, И. А. Конюхова — М., 2009. — С.134

³ См., напр.: Baxi U. The future of human rights. — Oxford : Oxford univ. press, 2006. — XX, 339 p.

⁴ Глушкова С. И. Указ. соч. — С. 27.

⁵ См., напр.: Тарасова Л. Н. К дискуссии о правомерности гуманитарной интервенции // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 5: Юриспруд. — 2011. — № 1 (14). — С. 99—105.

защитного движения в условиях окончания «холодной войны» и появлением симптома геополитического однополярного главенства «демократического мира», ассоциируемого с США и их западноевропейскими союзниками. Одними из первых ее теоретизировали профессор международного права Марио Беттати и основатель международной неправительственной организации «Врачи без границ» Бернар Кушнер, написавшие в 1987 г. книгу «Обязанность вмешаться»¹, в которой вмешательство во внутренние дела суверенного государства для защиты прав человека трактовалось уже не как право, а как обязанность демократических государств. Более того, в конце XX — начале XXI вв. уже сама интернациональная неправительственная правозащитная активность стала во многом атрибутом стратегии глобального распространения демократии по западному образцу, которая, в свою очередь, породила системный феномен «бархатных», «цветных», «арабско-весенних» и иных революций. Что касается собственно понятия гуманитарной интервенции, то оно, по верному замечанию В. А. Карташкина, стало толковаться расширительно для оправдания «применения не только в случае нарушений прав человека, но и в целях ликвидации диктаторских режимов, пресечения терроризма, уничтожения ядерного, химического и бактериологического оружия»².

Международная практика первого десятилетия продемонстрировала весьма печальную тенденцию политизированного использования тезиса о необходимости защиты прав человека в условиях их массового нарушения для обоснования военного вмешательства с целью реализации исключительно национальных интересов ведущими геополитическими игроками. При этом декларируемая и широко пропагандируемая задача ликвидации последствий «гуманитарных катастроф» ни в одной стране, будь то Афганистан, Ирак или Ливия, не была решена, на что совершенно справедливо обращает внимание ряд исследователей, в том числе и представителей западной науки³.

Таким образом, сегодняшнее состояние теории международной защиты прав человека не демонстрирует ни логической системности, ни внутренней и внешней непротиворечивости. Правы, на наш взгляд, те исследователи, которые заявляют, что современный «транснациональный консен-

¹ Bettati M., Kouchner B. Le devoir d'ingérence. Peut-on les laisser mourir? — Paris : Denoël, 1987. — 300 p.

² Карташкин В. А. Права человека: международная защита в условиях глобализации. — М. : Норма : ИНФРА-М, 2011. — С. 225.

³ См., напр.: Kernot S. Humanitarian intervention: Human rights versus humanitarian assistance // Global change, peace & security. — Abington, 2006. — Vol. 18, № 1. — P. 40—55; Kuzth J. Humanitarian intervention after Iraq: Legal ideals vs. military realities // Orbis. — Philadelphia, 2006. — Vol. 50, № 1. — P. 87—101 и др.

сус вряд ли предполагает выработку космополитической модели прав человека»¹. В то же время, как кажется, определенным выходом из сложившейся ситуации может служить признание в качестве отправной точки юридического подхода к разноуровневому и дифференцированному характеру всей совокупности современных международно-правовых стандартов в области прав человека, пребывающих в настоящее время в весьма сложном системном соотношении.

В этой связи требует некоторого уточнения, на наш взгляд, сама категория «международных стандартов в области прав человека». В абсолютном большинстве справочников сам термин «стандарт» трактуется как бы с двух позиций: с одной стороны, как некий образец, эталон для понимания отличий и возможной корректировки сравнимого с ним объекта, а с другой стороны, как официальный документ, устанавливающий необходимые качественные характеристики². Самым распространенным в отечественной науке является суждение о том, что с точки зрения формы международно-правовой стандарт является нормой (источником) международного права, которая закрепляет некую модель поведения государств в области прав человека. При этом разброс содержательных нюансов данной категории значителен и отражает, как правило, специфику объекта научного анализа, осуществленного тем или иным ученым. Так, к примеру, по мнению одних исследователей, под международными стандартами следует понимать признанные с помощью консенсуального способа мировым сообществом нормы, являющиеся образцами для подражания³. Другие ученые считают, что они скорее представляют собой «ориентир, цель, к которой должны стремиться государства в процессе обеспечения прав человека»⁴.

Различна трактовка пределов международных стандартов в области прав человека. Некоторые ученые убеждены в том, что абсолютно все нормы международного права можно называть стандартами⁵, другие полагают, что необходима конкретизация типов международных документов, под которыми понимаются стандарты⁶. Существуют также попытки тракто-

¹ Шугуров М. В. Международное право прав человека: проблемы доктринального консенсуса // Международное публичное и частное право. — 2007. — № 5. — С. 10.

² См., напр.: Борисов А. Б. Большой экономический словарь. — М.: Книжный мир, 2003. — 895 с.

³ См.: Голубок С. А. Международно-правовые стандарты права на судебную защиту // Правоведение. — 2007. — № 1. — С. 113.

⁴ См.: Оганесян С. М. Понятие международных стандартов прав человека // Международное публичное и частное право. — 2008. — № 2. — С. 19.

⁵ Мюллерсон Р. А. Права человека: идеи, нормы, реальность. — М., 1991. — С. 31.

⁶ Международная и внутригосударственная защита прав человека: учебник / под ред. Р. М. Валеева. — М.: Статут, 2011. — С. 241—242.

вать международно-правовые стандарты в области прав человека как самостоятельный источник права, имеющий принципиальный характер¹. Имеется достаточно интересный подход, в соответствии с которым международно-правовые стандарты в области прав и свобод являются общепринятыми правилами поведения и могут содержаться в международно-правовых актах как обязательного, так и рекомендательного характера². Достаточно распространенным также является определение стандартов в качестве масштаба измерения во внутригосударственном законодательном регулировании, в том числе и вопросов защиты прав человека³.

В целом можно согласиться с утверждениями о том, что в международных документах применительно к сфере защиты прав человека сначала был применен термин «стандартные правила» — например, Минимальные стандартные правила обращения с заключенными, принятые Конгрессом ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями в 1955 году в Женеве⁴.

На наш взгляд, под международно-правовым стандартом в области прав и свобод человека следует понимать акт международного права, унифицирующий принципиальные по юридическому характеру и минимальные по содержанию нормы, являющиеся ориентиром для формирования внутригосударственного законодательства и правоприменительной практики в данной сфере. К международно-правовым стандартам относятся все действующие договоры в области прав человека, некоторые наиболее важные рекомендательные акты, которые формируют те или иные направления правовой политики в гуманитарных вопросах, а также отдельные международные правоприменительные акты, к примеру решения Европейского Суда по правам человека.

Объектами «стандартизации» международных актов являются содержание субъективных прав и свобод, правовая и социальная политика государства, правоприменительная практика, способы международного сотрудничества в данной области и т.д. Подавляющее большинство стандартов по своей юридической природе является международными обязательствами государств. Однако значительную часть их составляют своеобразные декларации намерений субъектов международного права в гуманитарной области

¹ См., напр.: Riedel E. Standards and Sources. Farewell to the Exclusivity of the Sources Triad in International Law? // *ES.IL.* — 1991. — № 2. — P. 58—85.

² См.: Коновалова И. А. Российское законодательство и международные нормы в области предупреждения правонарушений несовершеннолетних // *Административное и муниципальное право.* — 2008. — № 6. — С. 7.

³ См., напр.: Тиунов О. И. Международно-правовые стандарты как фактор глобализации правового пространства // *Московский юридический форум «Глобализация, государство, право, XXI век».* — М., 2004. — С. 156.

⁴ См.: Оганесян С. М. Понятие международных стандартов прав человека // *Международное публичное и частное право.* — 2008. — № 2. — С. 18.

(примером могут служить документы ОБСЕ) или «наставления» для внутригосударственных правоприменителей (например, Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г.¹). На наш взгляд, нет смысла расширительно трактовать международные стандарты как обязательства государства, распространяющиеся «и на способы реализации взятых обязательств, и на способы контроля за имплементацией норм и принципов прав человека»².

Несмотря на исключительно важную роль международно-правовых стандартов, их роль в вопросах защиты прав человека, на наш взгляд, нельзя переоценивать. Во-первых, они содержат лишь минимальные требования к государству в этой сфере, что не препятствует созданию более широкой и прочной внутригосударственной правозащитной платформы. Во-вторых, как и подавляющее большинство источников международного права, они имеют согласительную диспозитарную природу. В-третьих, в значительном большинстве из них, особенно на универсальном уровне, содержатся абстрактно-декларативные положения, которые трудно конкретизировать в международные обязательства государства. В-четвертых, абсолютное большинство из них не предполагает наличия четко оформленных механизмов международно-правовой ответственности в случае недостаточно полной реализации. Можно согласиться с мнением отдельных ученых о субсидиарной природе международно-правовых стандартов в области прав человека³, причем эту субсидиарность необходимо рассматривать не только применительно к их реализации во внутригосударственном праве, но и при установлении оптимального соотношения между универсальными и региональными источниками международного права в этой области.

Помимо того что международно-правовые стандарты в области прав человека имеют двухуровневую территориальную структуру (планетарного и регионального характера), по содержанию они подразделяются на акты, обеспечивающие общие права (например, Всеобщая декларация прав человека 1948 г.), права отдельных категорий индивидов (например, Конвенция о правах ребенка 1989 г.), коллективные права (например, Европейская рамочная конвенция о защите национальных меньшинств 1995 г.), а также

¹ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

² Шугуров М. В. Межгосударственные споры о толковании и применении конвенций по правам человека: ценностно-нормативный аспект // Международное публичное и частное право. — 2010. — № 1. — С. 38.

³ См.: Carozza P. G. Subsidiarity as structural principle of international human rights law // Amer. j. of intern. law. — Wash., 2003. — Vol. 97, № 38. — P. 38—79.

права личности в критических ситуациях, в которых они с большой вероятностью могут быть нарушены (например, Женевская конвенция о защите гражданского населения во время войны 1949 г.).

К важнейшим универсальным актам в области защиты общих фундаментальных прав и основных свобод человека относятся Всеобщая декларация прав человека и Международные пакты о правах человека, составляющие т. н. «Международный билль о правах и свободах».

Всеобщая декларация прав человека 10 декабря 1948 г.¹ была принята в качестве резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, и поэтому поначалу ее нормы рассматривались как рекомендательные. Однако с течением времени положения Всеобщей декларации прав человека благодаря конституционной практике государств стали восприниматься мировым сообществом как нормы международного современного обычая. Декларация стала документом, который определил основные направления правотворческого процесса в сфере защиты прав личности.

Характерными чертами Декларации являются:

- установление непосредственной связи между поддержанием международной стабильности, мира и справедливости в международных отношениях и признанием прав человека в качестве высшей цивилизационной ценности;

- определение в качестве неперемennого условия обеспечения прав человека власти закона, когда права человека гарантированы таким образом, «чтобы человек не был вынужден прибегать, в качестве последнего средства, к восстанию против тирании и угнетения»);

- постулат о неразрывном единстве Декларации и уставного требования к членам ООН по уважению и соблюдению прав человека.

В содержании Декларации можно выделить четыре группы прав и свобод. Первую группу составляют личные права и свободы личности, формирующие ее суверенитет. Во вторую группу вошли права гражданина, содержание и реализация которых в определенной степени зависит от характера устойчивой правовой связи индивида с государством. Третья группа представлена политическими правами и свободами. Четвертую группу составляют экономические, социальные и культурные права.

Международные пакты о правах человека 1966 г. органично связаны со Всеобщей декларацией прав человека 1948 г. Международный пакт о

¹ Всеобщая декларация прав человека. Принята резолюцией 217 А (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 10 декабря 1948 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/declhr.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

гражданских и политических правах¹ и Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах² были приняты 16 декабря 1966 г. и вступили в силу в 1976 г. В отличие от Всеобщей декларации эти документы изначально создавались в форме международных договоров, т.е. как юридически обязательные для их участников акты.

Соотношение пактов с Всеобщей декларацией определяется двумя основными направлениями нормативного развития.

Во-первых, пакты о правах человека развивают и конкретизируют положения Всеобщей декларации прав человека 1948 г. Так, к примеру, в ст. 8 Пакта о гражданских и политических правах уточнены нормы, запрещающие содержать кого-либо в подневольном состоянии. В частности, никто не должен принуждаться к принудительному или обязательному труду. Перечислены исключения, не подпадающие под понятие «принудительный и обязательный труд», — например, работы в местах лишения свободы на основании приговора суда.

Во-вторых, еще одним направлением международного правотворчества в области прав человека в период между принятием Всеобщей декларации и Международных пактов стало включение в Пакты 1966 г. абсолютно новых положений. Так, например, в ст. 14 Пакта о гражданских и политических правах подробно определены уголовно-процессуальные гарантии (не быть принуждаемым к даче показаний против самого себя или к признанию себя виновным; пользоваться бесплатной помощью переводчика и т. п.).

Несмотря на принципиально одинаковую юридическую природу обоих пактов, между ними существует различие по вопросу о форме выполнения государствами-участниками международных обязательств, вытекающих из их норм. Так, государства — участники Пакта о гражданских и политических правах взяли на себя обязательства немедленно приступить к реализации всех положений договора. Тогда как согласно Пакту об экономических, социальных и культурных правах от участников требуется постепенное принятие соответствующих мер для осуществления гарантируемых этим договором прав. Таким образом, выполнение обязательств по данному акту в полном объеме ставится в зависимость от ресурсов его участников, что является вполне логичным, учитывая специфику содержания социально-экономических прав. Некоторые авторы, преимущественно сторонники либерального направления юридической мысли, даже предлагают считать нормы Пакта об

¹ Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

² Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactecon.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

экономических, социальных и культурных правах «абстрактными», формулирующими цели, но не обязательства государств¹. Как кажется, отрицать юридическую природу Пакта недопустимо. На него, так же, как и на любой другой международный договор, распространяется действие принципа добросовестного соблюдения международных обязательств.

Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод 4 ноября 1950 г.², принятая в правовом поле Совета Европы, стала первым региональным актом, закрепившим каталог наиболее значимых прав и свобод личности и создавшим эффективный механизм контроля за соблюдением государствами-участниками своих обязательств в данной сфере.

В преамбуле Европейской конвенции в качестве одной из целей Совета Европы провозглашается «достижение большего единства между его членами», а также указывается, что одним из средств достижения этой цели «является поддержание и дальнейшее осуществление прав человека и основных свобод». Кроме того, участники Конвенции декларировали решимость «сделать первые шаги на пути коллективного осуществления некоторых из прав, сформулированных во Всеобщей декларации». Стремясь освободиться от некоторой объективной идеалистичности Всеобщей декларации (т.е. невозможности всеми государствами мира реализовать ее положения немедленно), авторы Конвенции избрали путь, при котором этот документ изначально задумывался как живой, постоянно развивающийся и обогащающийся организм. Это привело к тому, что, во-первых, количество гарантируемых прав в Конвенции гораздо меньше, нежели в универсальных документах, входящих в структуру Международного билля о правах; во-вторых, по мере развития конституционно-правовых систем государств-участников Конвенция с помощью протоколов постоянно расширяет перечень закрепленных в ней прав.

В структуре Европейской конвенции выделяются следующие нормативные блоки. Первый блок содержит ст. 1, которая фиксирует, что участники Конвенции берут на себя обязательство обеспечить «каждому лицу, находящемуся под их юрисдикцией, права и свободы, определенные в разделе I настоящей Конвенции». Во втором блоке (ст. 2—12 раздела I Конвенции, а также протоколы №1, 4, 6, 7, 13) сосредоточены права и свободы человека, обеспечение защиты которых взяли на себя участники Конвенции. В основном это права, составляющие сердцевину суверенитета личности. Третий блок (остальные статьи раздела I Конвенции, а также протокол

¹ См., напр.: O'Neill O. The dark side of human rights // Intern. affairs. — L., 2005. — Vol. 81, № 2. — P. 441.

² Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изменениями от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) ETS № 005 // Европейская конвенция о защите прав человека: право и практика [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.echr.ru/documents/doc/2440800/2440800-001.htm> (дата обращения: 18.12.2016).

№12), содержит общие положения, относящиеся к пользованию, защите и ограничениям закрепленных в Конвенции прав и свобод. Четвертый блок (раздел II Конвенции, а также протоколы №2, 11 и 14) содержит нормы, регулирующие статус организационно-контрольного механизма Конвенции, прежде всего положение и деятельность Европейского Суда по правам человека. В пятый блок вошли все остальные статьи основного текста Конвенции, которые определяют параметры действия данного международного договора (во времени, пространстве, механизм оговорок и т.д.).

Поскольку Европейская конвенция 1950 г. гарантировала лишь минимальный каталог личных и политических прав, 18 октября 1961 г. государства — члены Совета Европы в г. Турине подписали Европейскую социальную хартию, которая вступила в силу 26 февраля 1965 г.¹ Хартию, гарантирующую социальные и экономические права, вполне можно считать естественным дополнением к Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. Туринскую хартию дополнили три протокола: от 5 мая 1988 г., от 21 октября 1991 г., от 9 ноября 1995 г.

В 90-е гг. Совет Европы принял решение о реформировании Хартии. В конечном счете 3 мая 1996 г. открылась для подписания Пересмотренная европейская социальная хартия, вступившая в силу 1 июля 1999 г.² В этом документе с некоторыми поправками были сведены все субъективные права, которые гарантировались Туринской хартией и закреплялись в Дополнительном протоколе 1988 г., а также в него были включены некоторые новые права. Таким образом, в настоящее время действуют два акта: Туринская хартия с дополнениями и Пересмотренная европейская социальная хартия 1996 г. При этом считается, что Хартия 1996 г. в конечном итоге сменит Хартию 1961 г.

Пересмотренная хартия включает в себя шесть структурных блоков. В первом, включающем Преамбулу и часть I Хартии, определяются цели, к которым стремятся участники этого международного договора: достижение еще более тесного единства между государствами — членами Совета Европы путем защиты и осуществления идеалов и принципов, являющихся их общим наследием, и содействие их экономическому и социальному прогрессу. Второй блок (часть II) включает 31 статью, в которых содержатся основные экономические и социальные права (на восемь прав больше, чем в Хартии 1961 г.). В третьем блоке (часть III) закрепляется порядок принятия обязательств по Хартии 1996 г. и взаимосвязь ее с Хартией 1961 г.

¹ Европейская социальная хартия (с дополнительными протоколами ETS № 128) (ETS № 035) // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации [Электронный ресурс]. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/1902298> (дата обращения: 18.12.2016).

² Европейская социальная хартия (пересмотренная) (Страсбург, 3 мая 1996 г.) ETS № 163 // СПС «КонсультантПлюс». — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807/ (дата обращения: 18.12.2016).

Участникам договора предоставляется возможность выборочно подходить к определению экономических и социальных прав, обеспечение защиты которых для них является международным обязательством. Ст. А позволяет участникам Пересмотренной хартии 1996 г. выборочно подходить к определению экономических и социальных прав, имеющих для них обязательную силу. Однако государство — участник Пересмотренной хартии 1996 г. обязано считать себя связанным по крайней мере шестью из девяти статей («обязательные статьи») части II Пересмотренной хартии 1996 г. К этим «обязательным статьям» относятся: ст. 1 — право на труд; ст. 5 — право на организацию; ст. 6 — право на заключение коллективных договоров; ст. 7 — право детей и молодежи на защиту; ст. 12 — право на социальное обеспечение; ст. 13 — право на социальную и медицинскую помощь; ст. 16 — право семьи на социальную, правовую и экономическую защиту; ст. 19 — право трудящихся-мигрантов и их семей на защиту и помощь; ст. 20 — право на равные возможности и равное обращение в занятости и выбор рода занятий без дискриминации по признаку пола. Кроме того, необходимо, чтобы общее число «обязательных статей» и имеющих цифровое обозначение пунктов части II Пересмотренной хартии 1996 г. составляло не менее 16 статей (из 31) или 63, имеющих цифровое обозначение пунктов (из 83). В четвертом блоке (часть IV) регулируется статус органов и процедура контроля за исполнением государствами обязательств, сформулированных Хартией 1996 г., а также порядок подачи коллективных жалоб. В пятом блоке (часть V) урегулированы вопросы запрета дискриминации, освобождения от обязательств по Хартии 1996 г. в условиях чрезвычайных обстоятельств, внесения в нее поправок и т.д. В шестом блоке (часть VI) определен порядок международно-правового действия Хартии 1996 г. Ее денонсация возможна только по истечении пяти лет с момента вступления в силу для данного государства.

Помимо европейских договоров, содержащих стандарты важнейших прав человека, к настоящему времени практически во всех основных регионах планеты приняты аналогичные документы: Американская конвенция о правах человека 1969 г.¹, Африканская Хартия прав человека и народов 1981 г.², Всеобщая исламская декларация прав человека 1981 г.³, Арабская хартия

¹ Американская конвенция о правах человека (22 ноября 1969 г.) // Система ГАРАНТ. — URL: <http://base.garant.ru/2559460/#ixzz4bCcs8GQj> (дата обращения: 18.12.2016).

² Африканская Хартия прав человека и народов (26 июня 1981 г.) // Система ГАРАНТ. — URL: <http://base.garant.ru/2559460/#ixzz4bCcs8GQj> (дата обращения: 18.12.2016).

³ Всеобщая исламская декларация прав человека (19 сентября 1981 г.) // Система ГАРАНТ. — URL: <http://base.garant.ru/2559460/#ixzz4bCcs8GQj> (дата обращения: 18.12.2016).

прав человека 1994 г.¹, Конвенция СНГ о правах и основных свободах человека 1995 г.²

В мировом сообществе также создан комплекс документов, посвященных борьбе с массовыми нарушениями прав человека. В качестве наиболее ярких примеров можно привести Конвенцию о предупреждении преступления геноцида и наказании за него 1948 г.³, Международную конвенцию о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.⁴ и т.д. Особое значение в данной связи имеют договоры в области международного гуманитарного права, прежде всего Женевские конвенции 1949 г.⁵, обеспечивающие защиту прав гражданского населения, раненых, больных, потерпевших кораблекрушение, а также военнопленных в условиях вооруженных конфликтов.

Значительное место в международном праве прав человека занимают и акты о защите отдельных прав личности. Наиболее показательными в этой связи являются международные договоры, запрещающие пытки (Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих человеческое достоинство видов обращения и наказания 1985 г.⁶, Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего человеческого достоинства обращения или наказания 1987 г.⁷), конкретизирующие содержание фундаментальных прав в изменившихся в связи с социальным и

¹ Арабская хартия прав человека (15 сентября 1994 г.) // Система ГАРАНТ. — URL: <http://base.garant.ru/2559460/#ixzz4bCcs8GQj> (дата обращения: 18.12.2016).

² Конвенция Содружества Независимых Государств о правах и основных свободах человека" (заключена в Минске 26.05.1995 г.) // СПС «КонсультантПлюс». Официальный сайт компании — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807/ (дата обращения: 18.12.2016).

³ Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него. Принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1948 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

⁴ Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации. Принята резолюцией 2106 (XX) Генеральной Ассамблеи от 21 декабря 1965 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/raceconv.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

⁵ Женевские конвенции и протоколы к ним // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.un.org/ru/humanitarian/law/geneva.shtml> (дата обращения: 18.12.2016).

⁶ Конвенция против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания. Принята резолюцией 39/46 Генеральной Ассамблеи от 10 декабря 1984 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/torture.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

⁷ Европейская Конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания ETS № 126 (Страсбург, 26 ноября 1987 г.) (с изменениями и дополнениями) // Сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс]. — URL: <http://constitution.garant.ru/act/right/megdunar/1305480/> (дата обращения: 18.12.2016).

техническим прогрессом условиях (Европейская Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных 1981 г.¹, Европейская Конвенция о защите прав человека и человеческого достоинства в связи с применением биологии и медицины 1996 г.² и др.), а также целый ряд конвенций в области обеспечения трудовых прав индивида.

Основополагающие нормы, направленные на реализацию и защиту трудовых прав человека, помимо Пактов изложены в конвенциях Международной организации труда, в правотворческой деятельности которой можно выделить следующие направления: обеспечение свободы ассоциаций, защита от дискриминации в области труда; отмена принудительного труда, определение основных принципов социальной политики и социального обеспечения.

Несколько своеобразны документы в области прав человека, принимаемые в рамках ОБСЕ. Преимущественно они носят характер политических рекомендаций и не являются полноценными источниками международного права. Их положения, именуемые «договоренностями», играют роль, скорее, своеобразных ориентиров международной правовой политике в сфере защиты прав человека. Часто государства — участники ОБСЕ декларируют, что данные договоренности подлежат безусловному претворению в жизнь как односторонние международные обязательства. Данное специфическое направление международного нормотворчества в рамках ОБСЕ получило название «человеческое измерение».

Фундамент межгосударственного сотрудничества в сфере прав человека в рамках ОБСЕ был заложен в Заключительном акте 1975 г.³, в котором содержится специальный раздел «Сотрудничество государств в гуманитарной и других областях» (т.н. «третья корзина»).

В целом документы ОБСЕ:

- подчеркивают, что вопросы прав и свобод человека тесно связаны с общегуманитарными проблемами современности;
- указывают на тот факт, что обязательства в области прав человека не являются исключительной темой внутренней политики суверенных государств;

¹ Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных (Заключена в г. Страсбурге 28.01.1981) [Электронный ресурс]. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120807/ (дата обращения: 18.12.2016).

² Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (Овьедо, 4 апреля 1997 года) // Совет Европы [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007d004> (дата обращения: 18.12.2016).

³ Хельсинский Заключительный акт 1 августа 1975 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе. Официальный сайт [Электронный ресурс]. — URL: <http://www.osce.org/ru/mc/39505> (дата обращения: 18.12.2016).

- стимулируют присоединение к Международным пактам о правах человека тех участников ОБСЕ, которые к ним еще не присоединились;
- конкретизируют, детализируют и оформляют организационную направленность положений Международных пактов о правах человека;
- акцентируют внимание участников ОБСЕ на тесной взаимосвязи модели правового государства и эффективной реализации прав и свобод человека;
- конкретизируют специфику защиты прав отдельных групп населения, требующих более пристального внимания со стороны органов публичной власти и международных структур (например, рабочие-мигранты и национальные меньшинства).

Значительное место среди источников международного права прав человека занимают универсальные и региональные акты о защите прав отдельных категорий индивидов (женщин, детей, трудящихся-мигрантов и членов их семей, беженцев и т.д.). При этом необходимо учитывать, что эти документы не только конкретизируют соответствующие рамочные положения общих международных договоров о правах человека, но и содержат весьма важные новеллы.

После Второй мировой войны международная защита прав женщин приобрела всеобъемлющий характер. Ранее международными договорами затрагивались лишь отдельные аспекты положения женщины в обществе (борьба с проституцией, разрешение вопросов гражданства, охрана труда женщин и т. п.). Одним из первых комплексных международных договоров в этой области стала Конвенция о политических правах женщин 1953 г.¹ Документ устанавливает положение о том, что женщинам принадлежит право голосовать на всех выборах на равных с мужчинами условиях, без какой-либо дискриминации (ст. I).

Более широко к вопросу о защите прав женщин подходит Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин 1979 г.² В соответствии с этим документом государства-участники, осудив дискриминацию в отношении женщин во всех ее формах, согласились безотлагательно проводить политику ликвидации дискриминации в отношении женщин в наиболее уязвимых областях общественной жизни — политике, институтах гражданского общества, образовании, сфере занятости, браке и семье и т.д. С этой целью государства-участники обязались принять ряд мер,

¹ Конвенция о политических правах женщины. Принята резолюцией 640 (VII) Генеральной Ассамблеи от 20 декабря 1952 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/women_politrights.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

² Конвенция о ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин. Принята резолюцией 34/180 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1979 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/cedaw.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

в том числе включить принцип равноправия мужчин и женщин в свои национальные конституции или другое соответствующее законодательство и обеспечить с помощью закона и других средств практическое осуществление этого принципа.

Современная международная защита прав женщины в качестве нового направления предполагает все большую дифференциацию и конкретизацию связанных с ней проблем. Несмотря на кажущуюся очевидность необходимости принятия, некоторые договоры в данном направлении не всегда встречают однозначное одобрение со стороны государств. Примером может служить Конвенция Совета Европы о предотвращении и борьбе с насилием в отношении женщин и домашним насилием 2011 г.¹, дискуссии о целесообразности ратификации которой не прекращаются. На 1 ноября 2016 г. из 47 государств — членов Совета Европы ее ратифицировали 22 страны (Россия не присоединилась).

Одним из первых шагов в создании комплексной системы международно-правовых норм, регулирующих вопросы защиты прав детей стала Декларация прав ребенка, принятая 20 ноября 1959 г.² на очередной сессии Генеральной Ассамблеи ООН. Преамбула Декларации прав ребенка содержит ссылку на Устав ООН, Всеобщую декларацию прав человека 1948 г. и признает тот факт, что «ребенок, ввиду его физической и умственной неразвитости, нуждается в специальной охране и заботе, включая надлежащую правовую защиту как до, так и после рождения». Все 10 принципов Декларации направлены на удовлетворение особых нужд детей.

Современная стадия международного нормотворчества в области защиты прав детей и регулирования отношений с участием несовершеннолетних проходит под знаком спецификации международно-правовых стандартов. На нынешнем этапе начинается формирование целостной системы международно-правовых норм, посвященных исключительно несовершеннолетним. Это обусловлено прежде всего пониманием мировым сообществом важности и интернациональности проблемы позитивной социализации подрастающих поколений. В настоящее время ключевым международно-правовым актом в данной сфере является Конвенция о правах ребенка 1989 г.³,

¹ Конвенция Совета Европы по предотвращению и борьбе с насилием в отношении женщин и насилием в семье (Стамбул, 11 мая 2011 г.) ETS №210 // Совет Европы. [Электронный ресурс]. — URL: https://www.coe.int/t/t9/ETS/ETS_Nent/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/210 (дата обращения: 18.12. 2016).

² Декларация прав ребенка. Принята резолюцией 1386 (XIV) Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1959 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/childdec.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

³ Конвенция о правах ребенка. Принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи от 20 ноября 1989 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

состоящая из преамбулы, трех частей и 54 статей. Впервые в этом документе сделана попытка системно подойти к вопросам регулирования статуса несовершеннолетнего. Существенной его чертой является то, что в нем содержатся не просто декларативные нормы, раскрывающие содержание ключевых прав ребенка, но и конкретные обязательства государств по их надлежащему обеспечению и реализации.

Первая часть Конвенции (ст. 1—41) содержит нормы, касающиеся правового статуса ребенка и основных обязанностей субъектов, окружающих несовершеннолетнего, по обеспечению реализации его прав, а также создания благополучных для развития ребенка условий.

Второй Факультативный протокол к Конвенции от 25 мая 2000 г., касающийся участия детей в вооруженных конфликтах, закрепил обязательства государств-участников принимать все возможные меры для того, чтобы военнослужащие их вооруженных сил, не достигшие 18-летнего возраста, не принимали прямого участия в военных действиях (ст. 1), а также обеспечить, чтобы лица, не достигшие 18-летнего возраста, не подлежали обязательному призыву в их вооруженные силы (ст. 2). Первый Факультативный протокол к Конвенции от 25 мая 2000 г., касающийся торговли детьми, детской проституции и детской порнографии, в ст. 3 обязал государства-участники предусмотреть в своем уголовном законодательстве введение наказаний за соответствующие деяния и виды деятельности.

На региональном уровне в этой области действует Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений 2007 г.¹, которую подписали все государства — члены Совета Европы, а в 41 стране, включая Россию, договор был ратифицирован.

В конце XX в. мировое сообщество осознало всю важность проблемы, связанной с предупреждением преступности среди несовершеннолетних, ее профилактикой, спецификой всего процесса отправления правосудия в отношении лиц, не достигших по закону совершеннолетия, а также необходимостью защиты прав детей-преступников. Исходным и руководящим началом в этой связи стало понимание того, что дети в силу своего возраста и связанных с ним особенностей психики принадлежат к той части общества, которая чрезвычайно подвержена негативному воздействию окружающей среды.

Среди документов, касающихся вопросов отправления правосудия в отношении несовершеннолетних и предупреждения детской преступности, выделяются: Минимальные стандартные правила ООН об отправлении правосудия в отношении несовершеннолетних 1985 г. (Пекинские правила)²,

¹ Конвенция Совета Европы о защите детей от сексуальной эксплуатации и сексуальных злоупотреблений (Лансароте, 25 октября 2007 г.) // Система ГАРАНТ. — URL: <http://base.garant.ru/70359656/#ixzz4bDBQHiCn> (дата обращения: 18.12.2016).

² Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Приняты резолюцией 40/33 Генеральной Ассамблеи от 29 ноября 1985 года // Организация

Руководящие принципы ООН по предупреждению преступности среди несовершеннолетних 1990 г. (Эр-Риядские принципы)¹, Правила ООН, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы 1990 г.², Минимальные стандартные правила ООН о мерах, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила)³ и др.

Несмотря на то, что эти документы являются лишь авторитетными руководствами, в принципе ни к чему не обязывающими, они все же имеют определенное значение при решении тех или иных вопросов правовой защиты детей, нарушивших закон.

Весомую роль в защите прав ребенка были призваны сыграть и другие документы мирового сообщества, среди которых наиболее важными являются акты в области реализации социальной политики государства по отношению к несовершеннолетним.

Основным региональным актом в области создания механизма защиты прав ребенка является Европейская конвенция об осуществлении прав детей 1996 г.⁴ (Россия не ратифицировала). Ее специфика состоит в закреплении обязательств государств-участников по гарантиям процессуальных прав детей, а также в унификации процедуры обеспечения прав ребенка в судебном процессе как на национальном, так и на региональном европей-

Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/beijing_rules.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

¹ Руководящие принципы Организации Объединенных Наций для предупреждения преступности среди несовершеннолетних (Эр-Риядские руководящие принципы). Приняты резолюцией 45/112 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_deinquency_prevention.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

² Правила Организации Объединенных Наций, касающиеся защиты несовершеннолетних, лишенных свободы. Приняты резолюцией 45/113 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/juveniles_liberty.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

³ Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила). Приняты резолюцией 45/110 Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1990 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/tokyo_rules.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

⁴ Европейская конвенция об осуществлении прав детей ETS № 160 (25 января 1996 г.) // Консорциум кодекс. Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации. — URL: <http://docs.cntd.ru/document/901953345> (дата обращения: 18.12.2016).

ском уровнях. Среди других европейских актов в области защиты прав детей можно выделить Конвенцию об усыновлении детей 1967 г.¹, Конвенцию о правовом статусе внебрачных детей 1975 г.² и др.

Принципиальные установления, касающиеся защиты прав национальных меньшинств, закреплены в общих международных актах о правах человека. Причем спецификой их соответствующих норм является то, что в отношении этой категории населения речь идет о защите не только индивидуальных, но и некоторых коллективных прав. В соответствии со ст. 27 Международного пакта о гражданских и политических правах в тех странах, где существуют этнические, религиозные и языковые меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, исповедовать свою религию и исполнять ее обряды, а также пользоваться родным языком.

Документом ООН, полностью посвященным особым правам меньшинств, является Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам от 18 декабря 1992 г.³, в которой говорится, что «поощрение и защита прав лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам, способствуют политической и социальной стабильности государств, в которых они проживают».

Важнейшими региональными актами в области прав меньшинств являются Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств 1 февраля 1995 г.⁴ и по духу тесно связанная с ней Европейская хартия региональных языков и языков меньшинств 5 ноября 1992 г.⁵

¹ Европейская конвенция об усыновлении детей ETS № 058 (Страсбург, 24 апреля 1967 г.) // Система ГАРАНТ. — URL: <http://base.garant.ru/4089527/#ixzz4bDEviY6Y> (дата обращения: 18.12.2016).

² Европейская конвенция о правовом статусе внебрачных детей ETS № 085 (Страсбург, 15 октября 1975 г.) // Система ГАРАНТ. — URL: <http://base.garant.ru/2559460/#ixzz4bCcs8GQj> (дата обращения: 18.12.2016).

³ Декларация о правах лиц, принадлежащих к национальным или этническим, религиозным и языковым меньшинствам. Принята резолюцией 47/135 Генеральной Ассамблеи от 18 декабря 1992 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/minority_rights.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

⁴ Рамочная конвенция о защите национальных меньшинств ETS № 157 (1 февраля 1995 г.) // Совет Европы [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/treaty/157> (дата обращения: 18.12.2016).

⁵ Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств ETS №148 (Страсбург, 5 ноября 1992 г.) // Совет Европы [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.coe.int/ru/web/conventions/full-list/-/conventions/rms/090000168007c098> (дата обращения: 18.12.2016).

Коллективные права народов обычно определяют как «третье поколение прав человека» (наряду с «первым поколением» — гражданскими и политическими правами и «вторым поколением» — социально-экономическими и культурными правами). Основы из международно-правовых гарантий заложены в тех же международных документах, в которых закреплены индивидуальные права и свободы человека и гражданина. Это — Устав ООН, Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам 1960 г.¹, Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах 1966 г., Африканская Хартия прав человека и народов 1981 г. и ряд других документов.

К важнейшим неотъемлемым коллективным правам народов относятся право на существование, на самоопределение, на развитие, на благоприятную окружающую среду и т.д.

Реализация современных международных стандартов в области прав человека немыслима без надлежащего механизма контроля за соблюдением государствами взятых на себя в данной сфере договорных и иных обязательств. Международный контрольный механизм в области прав человека — это совокупность международных органов и учреждений, осуществляющих проверку и мониторинг обязательств субъектов международного права по обеспечению фундаментальных прав личности.

Особенностью международного контрольного механизма в области прав человека является то, что его структурные элементы связаны между собой только «горизонтально», т. е. совместными усилиями они призваны обеспечить реализацию главной цели — поддержание в эффективном состоянии сотрудничества субъектов международного права в гуманитарной сфере. В то же время «вертикальная» (в смысле иерархии взаимоотношений) взаимосвязь между элементами механизма проявляется не всегда, в отличие, например, от взаимоотношений между органами и учреждениями в рамках государственного механизма.

Контрольные механизмы в области прав человека существуют на двух уровнях международного сотрудничества — универсальном и региональном. Универсальный (планетарный) механизм обеспечивает международный контроль в гуманитарной сфере в пределах всего мирового сообщества. Важнейшую роль в его организации и функционировании принадлежит ООН, а также многосторонним международным договорам, которые по большей части иницируются и заключаются в правовом поле данной организации. Среди региональных контрольных механизмов следует отметить прежде всего органы и учреждения, функционирующие в Европе.

¹ Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. Принята резолюцией 1514 (XV) Генеральной Ассамблеи от 14 декабря 1960 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

Структуры, составляющие универсальный и региональный контрольные механизмы в области прав человека, можно разделить на две категории — консенсусные и административные органы и учреждения. Консенсусные структуры основаны на общем согласии участников, выраженном либо в договорной форме (чаще всего), либо в форме политических документов. Административные структуры созданы на основе резолюций международных организаций и не всегда предполагают единогласие членов данных организаций при принятии решений.

Некоторые международные органы и учреждения по защите прав человека, имея изначально консенсусный характер, тем не менее, включены в общую административную структуру определенной межправительственной организации, что предполагает их институализацию в отношениях с другими органами данной организации (например, Европейский Суд по правам человека).

Структурными составляющими контрольного механизма в области прав человека являются комитеты, рабочие группы, специальные докладчики и т. д. Лица, входящие в состав того или иного международного органа по правам человека, действуют в личном качестве, то есть не получают указаний от своих правительств и не отвечают перед ними за свою деятельность в составе этих структур. Такие органы могут быть как коллективными (комитеты, группы, и т. д.), так и единоличными (специальные докладчики). Коллективные органы принимают свои решения либо с помощью консенсуса, либо большинством голосов.

Универсальный контрольный механизм в области прав человека представляет собой целый комплекс органов и учреждений, функционирующих в рамках ООН и на основе важнейших универсальных международных договоров о правах человека.

Вопросы, касающиеся прав человека в ООН по большей части сосредоточены в Генеральной Ассамблее, Экономическом и социальном совете и Секретариате. Главная роль в решении вопросов, связанных с правами человека, принадлежит Генеральной Ассамблее (ГА) ООН. Как устанавливает ст.13 Устава ООН, ГА организует исследования и дает рекомендации в целях содействия международному сотрудничеству в области экономической, социальной, культуры, образования, здравоохранения и содействия осуществлению прав человека и основных свобод для всех без различия расы, пола, языка и религии. Большая часть вопросов по правам человека предварительно рассматривается Третьим комитетом Генеральной Ассамблеи (социальные, гуманитарные и культурные вопросы), который готовит по ним проекты резолюций, принимаемых ГА в конце ее очередной сессии. Она создает также вспомогательные органы по тем или иным проблемам в области прав человека (например, Специальный комитет по деколонизации, Специальный комитет против апартеида и т.д.).

Одним из главных органов ООН в гуманитарной области является Совет по правам человека. Важнейшими целями Совета являются содействие

всеобщему уважению и защите всех прав человека и основных свобод для всех без каких-либо различий и на справедливой и равной основе; рассмотрение ситуаций, связанных с нарушением прав человека, включая грубые и систематические нарушения, а также подготовка по ним рекомендаций; содействие эффективной координации и интеграции деятельности, касающейся прав человека, в рамках системы ООН. Совет является своеобразной палатой коллегиального обзора. Поэтому его главная задача состоит в оценке хода выполнения всеми государствами всех их обязательств в области прав человека.

Верховный комиссар ООН по правам человека — должностное лицо, которое несет основную ответственность за деятельность ООН в области прав человека. Полномочия Верховного комиссара не выходят за рамки общей компетенции Генеральной Ассамблеи ООН, ЭКОСОС и Совета по правам человека, а соответствующие правомочия выражаются, в частности, в решениях указанных органов.

В рамках ЭКОСОС на основании ст. 68 Устава ООН в 1946 г. в качестве одной из функциональных комиссий была учреждена Комиссия по положению женщин. В ее функции входит подготовка рекомендаций и докладов ЭКОСОС о поощрении прав женщин в политической, экономической, гражданской, социальной областях и в сфере образования, а также подготовка рекомендаций и предложений в отношении принятия мер по наиболее важным проблемам в области прав женщин с целью осуществления принципа равноправия женщин и мужчин.

Верховный комиссар ООН по делам беженцев выполняет обязанности по предоставлению международной защиты беженцам, правовое положение которых регулируется международными соглашениями, а также Уставом Международной организации по делам беженцев.

Помимо административных органов в системе ООН реализуется несколько программ в области прав человека, которые, в свою очередь, предполагают создание специальных фондов или иных структур. Примером может быть Детский фонд ООН (ЮНИСЕФ). Значителен также вклад в обеспечение международных гарантий в области прав человека специализированных организаций ООН, прежде всего Международной организации труда, Всемирной организации здравоохранения, Международной организации по вопросам науки, культуры и образования и т. д.

Конвенционные органы в области прав человека созданы на основе важнейших универсальных международных договоров. Их главной задачей является непрерывный мониторинг исполнения государствами-участниками обязательств, взятых ими в соответствующих международных соглашениях в области прав человека. Они юридически независимы от ООН и других международных организаций, однако фактически порой тесно с ними взаимодействуют, выполняя при них экспертные функции. Наиболее известными из таких органов являются:

- Комитет по правам человека, созданный в соответствии с Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 г.;
- Комитет по ликвидации расовой дискриминации, созданный в соответствии с Международной конвенцией о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г.;
- Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, созданный в соответствии с Международным пактом об экономических, социальных и культурных правах 1966 г.;
- Комитет против пыток, созданный в рамках Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания человека 1984 г.;
- Комитет по ликвидации всех форм дискриминации в отношении женщин, созданный в соответствии с Конвенцией о ликвидации всех форм дискриминации женщин 1979 г.;
- Комитет по правам ребенка, образованный согласно Конвенции о правах ребенка 1989 г. и др.

Европейский региональный контрольный механизм в области прав человека состоит из двух комплексов органов и учреждений, функционирующих в рамках Совета Европы и ОБСЕ. При этом если в рамках Совета Европы эти структуры имеют одновременно и административный, и конвенционный характер, то органы ОБСЕ являются только административными.

Важнейшим органом в области прав человека в правовом поле Совета Европы, безусловно, является Европейский Суд по правам человека (далее — Суд), деятельность которого определяется Европейской Конвенцией о защите прав человека и основных свобод 1950 г. (раздел II в редакции протокола №11 «О реорганизации контрольного механизма, созданного в соответствии с Конвенцией») и Регламентом.

Число судей, заседающих в Суде, равно числу государств — участников Конвенции. В настоящий момент Суд состоит из 47 судей. Судья избирается Парламентской Ассамблеей Совета Европы сроком на девять лет без права переизбрания из представленного государством списка, включающего трех кандидатов. После избрания перед вступлением в должность избранный судья приносит присягу или (по его выбору) торжественное заявление.

Кандидаты в судьи должны обладать безупречной моральной репутацией, соответствовать требованиям, необходимым для назначения на должности в высших судебных учреждениях в своих странах, или быть юристами, имеющими высокий международный авторитет (ст. 21 Конвенции). Помимо этого кандидаты в судьи должны свободно владеть одним из официальных языков Совета Европы — французским или английским, а также соответствовать максимальному возрастному пределу пребывания в должности европейского судьи — 70 лет. Судьи не представляют никакой страны, обязаны в своей деятельности руководствоваться исключительно

соображениями правосудия. Они не могут занимать никаких должностей, несовместимых с их независимостью и беспристрастностью или нагружающих их работой полную рабочую неделю.

В рассмотрении дела обязательно должен участвовать судья от государства — участника Конвенции, которое является ответчиком в данном деле. Если по уважительным причинам постоянный судья не может участвовать в рассмотрении конкретного дела или нескольких дел, то государство, от которого он избран, назначает лицо, выступающее в качестве судьи *ad hoc*.

Пленарные заседания являются высшим распорядительным органом Суда и включают в себя всех постоянных судей. Пленум принимает решения по всем организационным вопросам. Председатель Суда избирается на пленарном заседании на три года и может быть переизбран. Пребывание Председателя в должности не может превышать срок его судейских полномочий. По тем же правилам избираются два заместителя Председателя Суда. Председатель наделен организационно-управленческой, представительской и судебной функциями. Председатель вместе с заместителями и председателями Секций образует Бюро Суда.

Все судьи разделены по Секциям, которых должно быть не менее четырех. На 1 декабря 2016 г. в составе Суда было пять Секций. Срок полномочий — три года. Основным требованием к формированию Секций является сбалансированность по географическому и половому признаку. Помимо этого состав каждой Секции должен отражать различные правовые системы государств — участников Конвенции. Каждой Секцией руководит Председатель.

Суд, рассматривает поступившие жалобы в составе единоличного судьи, Комитетов из трех судей, Палат из семи судей и Большой Палаты из семнадцати судей. Единоличный судья, назначаемый Председателем после консультации с Бюро на 12 месяцев, имеет право окончательно решить вопрос о неприемлемости или исключении жалобы из списка рассмотрения. Когда Суд заседает в составе единоличного судьи, назначаются специальные докладчики, которые осуществляют свои функции под руководством Председателя и образуют подразделение Секретариата Суда.

В рамках Секций сроком на один год формируются Комитеты из трех судей, на которые возложены функции по изучению поданных жалоб на предмет их приемлемости.

В каждой Секции образуются Палаты в составе семи судей, которые рассматривают абсолютное большинство дел. В заседании Палаты обязательно участвуют Председатель Секции и судья, избранный от государства, выступающего стороной в деле. Если такой судья не является членом Секции, то он заседает в качестве члена Палаты *ex officio*.

Большая Палата в составе семнадцати судей формируется сроком на три года. В ее состав помимо постоянных судей обязательно входят Предсе-

датель Суда, его заместители и председатели Секций. Большая Палата рассматривает дела по межгосударственным и индивидуальным жалобам в тех случаях, когда Палата из семи судей уступает ей свою юрисдикцию (ст. 30 Конвенции). Основанием такой «уступки», как правило, является возникшая при рассмотрении конкретного дела настоятельная необходимость в решении вопросов права, связанная с толкованием Конвенции.

Секретариат является административным органом Суда. Из числа разнообразных его функций основной является так называемая «судебная». Ее основная особенность — значительная вовлеченность ведущих сотрудников аппарата в процесс рассмотрения дела и принятия решения. Именно поэтому руководитель аппарата называется не секретарем, а Грегье и избирается на пленарном заседании сроком на пять лет.

Жалобы в Суд могут быть межгосударственными и индивидуальными. Межгосударственные жалобы подаются государствами-участниками, индивидуальные — лицом, группой лиц, а также неправительственными организациями.

Успешность обращения в Суд определяется несколькими условиями: во-первых, четкость определения нарушенного права и состава нарушения; во-вторых, соблюдение формальных требований к оформлению жалобы; в-третьих, обоснованность жалобы доказательственной базой; в-четвертых, обеспеченность жалобы, по возможности, ссылками на предшествующие решения Суда.

Всего выделяют следующие условия приемлемости жалобы:

- обращение в Суд возможно только в случае нарушения прав, гарантируемых Конвенцией;
- обращения должны касаться обстоятельств, возникших после вхождения государства — ответчика в юрисдикцию Суда;
- нарушение права должно произойти на территории, которая находится под юрисдикцией Суда;
- жалоба подается только в отношении государства-участника Конвенции, но не частного лица;
- заявителем может быть только лицо, чье право непосредственно было нарушено;
- жалоба подается только в том случае, когда все эффективные средства правовой защиты, существующие в государстве — участнике Конвенции, были исчерпаны;
- обращение в Суд направляется не позднее 6 месяцев с момента принятия последнего судебного решения в государстве-ответчике;
- жалоба должна быть обоснованной, то есть именно заявитель обязан доказать нарушение его права со стороны государства-ответчика;
- жалоба не может быть анонимной;
- в жалобе не должны содержаться оскорбительные высказывания;
- не рассматриваются жалобы по одному и тому же нарушению, которые одновременно помимо Суда поданы в другие международные органы.

Рассмотрение жалобы в Суде условно можно разделить на три стадии: предварительная стадия, рассмотрение на предмет приемлемости и рассмотрение по существу. В рассмотрении жалобы по существу принимают участие заявитель и его адвокат, а также представитель государства, против которого рассматривается жалоба.

Решения Суда являются обязательными для государств-участников. Контроль за исполнением решений возложен на Комитет Министров Совета Европы. В части выплаты справедливой компенсации государства-ответчики обязаны исполнять решения Суда в трехмесячный срок с момента принятия решения.

Суд может также рекомендовать применить меры индивидуального или общего характера. К мерам индивидуального характера относятся, например, новое рассмотрение дела во внутренних судах или какая-либо другая мера, которая может восстановить нарушенное право. К мерам общего характера относятся изменение не соответствующего Конвенции внутригосударственного законодательства или судебной практики.

Многие другие конвенции, заключенные в правовом поле Совета Европы, посвященные защите некоторых фундаментальных прав человека или защите прав отдельных категорий индивидов, также предусматривают контроль в данной сфере межгосударственного сотрудничества. При этом возможны два варианта:

- во-первых, конвенция может содержать положения, наделяющие контрольными полномочиями непосредственно Комитет министров Совета Европы (примером может быть Рамочная Конвенция о защите национальных меньшинств от 1 февраля 1995 г.);

- во-вторых, конвенция может учреждать специальные структуры, контролирующие соблюдение государствами-участниками ее положений — Постоянный комитет (например, Европейская конвенция об осуществлении прав детей от 25 января 1996 г.), Правительственный комитет (например, Европейская социальная хартия (пересмотренная) 1996 г.), Европейский комитет (например, Европейская конвенция по предупреждению пыток и бесчеловечного или унижающего достоинство обращения или наказания от 26 ноября 1987 г.), Консультативный комитет (например, Конвенция о защите физических лиц при автоматизированной обработке персональных данных от 28 января 1981 г.) и т. д.

В рамках ОБСЕ важнейшими органами и учреждениями, занимающимися вопросами защиты прав человека являются Бюро по демократическим институтам и правам человека, Верховный комиссар по делам национальных меньшинств, Представитель по вопросам свободы средств массовой информации.

Международные контрольные механизмы в области прав человека функционируют, хотя и с меньшим эффектом, и в других регионах планеты.

Международные контрольные процедуры в области прав человека — порядок и способы анализа информации о выполнении государствами обязательств в области прав человека и реагирования на результаты такого изучения. В рамках одного и того же контрольного механизма могут использоваться разные процедуры:

- рассмотрение докладов государств о выполнении ими своих обязательств в этой области в соответствии с международными соглашениями (например, доклады в Комитет по правам человека на основании Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.);

- рассмотрение претензий государств друг к другу по поводу нарушения обязательств в данной области (например, процедура межгосударственной жалобы в Европейском Суде по правам человека);

- рассмотрение в политическом, административном, квазисудебном или судебном порядке жалоб и сообщений отдельных лиц, групп или неправительственных организаций на нарушения их прав государствами (например, индивидуальные жалобы в Европейском Суде по правам человека);

- изучение (расследование, исследование) ситуаций, связанных с предполагаемыми или установленными нарушениями прав человека (достоверно часто это процедура применяется в деятельности специальных миссий ОБСЕ);

- политическая процедура дачи рекомендаций органам государства (применяется в деятельности практически всех контролирующих органов и учреждений);

- исключение из международной организации, применение других политических санкций в случае массового нарушения прав человека каким-либо государством (примером может быть механизм, предусмотренный Уставом Совета Европы).

Согласно ч. 1 ст. 17 Конституции Российской Федерации, «в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права». В свою очередь, «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора» (ч. 4 ст. 15 Конституции РФ)¹.

Таким образом, современное международное право, несмотря на его очень серьезный системный и содержательный кризис (особенно в регулиро-

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31. — Ст. 4398.

вании средств и способов поддержания международной безопасности), продолжает оставаться в вопросах защиты прав человека моделирующим национальное законодательство инструментом. Не случайно, Российская Федерация является участником абсолютного большинства универсальных и региональных международных договоров в этой области.

Конституционный принцип приоритета международно-правовых норм обязывает имплементировать международные стандарты прав человека в отечественные правотворческую и правоприменительную системы, сформировать на их основе надлежащие внутригосударственные органические гарантии. В этой связи правоохранительным органам в целом и органам внутренних дел в частности придаются особые полномочия в области обеспечения, охраны и защиты прав и свобод человека. Основопологающим принципом, закрепленным в Федеральном законе «О полиции», является осуществление полицией деятельности «на основе соблюдения и уважения прав и свобод человека и гражданина» (ч. 1 ст. 5)¹. В то же время правовой основой этой деятельности выступают не только Конституция и законодательство России, но и непосредственно «общепризнанные принципы и нормы международного права, международные договоры Российской Федерации» (ч. 1 ст. 3). Все это обязывает сотрудника полиции знать основные международно-правовые стандарты в области прав человека, понимать характер их прямого действия, а также влияние на развитие отечественного законодательства, ведомственного правотворчества и правоприменительной практики в этой сфере.

На это же направлены международные рекомендательные нормы и руководства, адресованные национальной полиции. В Кодексе поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, принятом Генеральной Ассамблеей ООН в 1979 г., указано, что «при выполнении своих обязанностей должностные лица по поддержанию правопорядка уважают и защищают человеческое достоинство и поддерживают и защищают права человека по отношению ко всем лицам» (ст. 2)². Европейский кодекс полицейской этики 2001 г.³ в качестве одной из основных целей полиции в «демократическом обществе, регулируемом принципом верховенства права» устанавливает защиту и соблюдение основных прав и свобод человека «в том виде, в котором они закреплены, в частности, в Европейской конвенции о правах человека».

¹ О полиции : федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства Рос. Федерации. — 2011. — № 7. — Ст. 900.

² Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка. Принят резолюцией 34/169 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1979 года // Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. — URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/code_of_conduct.shtml (дата обращения: 18.12.2016).

³ Европейский Кодекс полицейской этики. Рекомендация Rec.(2001)10. Принята Комитетом министров Совета Европы 19 сентября 2001 г. // Организация по безопасности и сотрудничеству в Европе [Электронный ресурс]. — URL: <http://polis.osce.org/library/f/2687/1492/CoE> (дата обращения: 18.12.2016).

2.2. Специфика современного конституционно-правового закрепления прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации

Радикальные преобразования, затронувшие на рубеже XX—XXI вв. практически все сферы функционирования российских общества и государства, неизбежно потребовали существенных изменений и в правовом регулировании, в первую очередь, в его важнейшем отраслевом сегменте — конституционно-правовом. Безусловно, этот процесс не мог не затронуть и проблематику прав человека, которая приобрела принципиально новое звучание с принятием Конституции Российской Федерации 1993 года¹.

Под конституционно-правовыми принципами прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации понимаются основные начала, руководящие положения, которые определяют предоставление человеку и гражданину прав, свобод и исполнение ими обязанностей перед другими индивидами, коллективами, государством и обществом. Эти начала имеют юридический характер, они охраняются государством и правом, из них исходит более детальное регулирование правового статуса (правового положения) человека и гражданина².

Среди основных конституционных принципов прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации традиционно выделяются:

- 1) сочетание прав и обязанностей человека и гражданина, которые имеют не только права, но и несут обязанности перед другими индивидами, их коллективами, государством и обществом;
- 2) неотъемлемость основных прав и свобод и недопустимость их ограничения;
- 3) равноправие граждан в отношении их прав и обязанностей;
- 4) гарантированность прав и свобод человека и гражданина.

Сочетание прав и обязанностей имеет несколько сторон. Во-первых, конституционному праву личности, как правило, соответствует обязанность другой личности, государства или общества (например, право на пенсию и соответствующая обязанность государственных органов выплачивать ее от имени государства). Сказанное, однако, не означает, что такое соответствие обязательно во всех случаях. Например, право каждого определять и указывать свою национальную принадлежность (ч. 1 ст. 26 Конституции РФ) не влечет какой-либо обязанности со стороны других лиц, право на труд (ч. 3

¹ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 31 — Ст. 4398.

² Хозикова Е. С. Конституционно-правовое регулирование прав человека в Российской Федерации // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. — 20134. - № 4. — С. 42-46.

ст. 37 Конституции РФ) не влечет обязанности кого-либо предоставить каждому работу и т. д. Во-вторых, некоторые права могут выступать и как обязанности. Например, «забота о детях, их воспитание — равное право и обязанность родителей» (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ).

Принцип неотъемлемости основных прав и свобод и недопустимости их ограничения вытекает из признания прав и свобод неотчуждаемыми и принадлежащими каждому от рождения.

Конституция РФ закрепляет, что в Российской Федерации не должны издаваться законы, отменяющие или умаляющие права и свободы человека и гражданина (ч. 2 ст. 55 Конституции РФ). Кроме этого запрета на законодательное ограничение прав и свобод, Конституция РФ устанавливает важную норму о том, что они являются непосредственно действующими. Это означает, что конституционные права и свободы — основа соответствующих правовых предписаний в актах любого уровня и конституционные нормы могут быть основой решений судебных и иных государственных органов.

В охране правового статуса человека и гражданина имеет значение конституционная норма о том, что любые нормативные акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения (ч. 3 ст. 15 Конституции РФ).

Недопустимость ограничения прав и свобод вполне закономерно не означает отсутствия каких-либо пределов в их использовании. Ограничение должно основываться на соблюдении общепризнанных и естественных правил человеческого общежития.

В ст. 17 Конституции РФ предусматривается, что осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Из этого вытекает необходимость правомерного использования своих прав и свобод каждым человеком и гражданином, без нарушения предписаний закона, прежде всего Конституции РФ.

В определенных экстремальных ситуациях может возникнуть объективная необходимость временного ограничения конституционных прав и свобод. Конституция РФ строго оговаривает рамки, порядок и причины такого ограничения.

В ч. 3 ст. 55 Конституции РФ устанавливается, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Эта общая норма конкретизирована в ст. 56 Конституции РФ, фиксирующей допустимость отдельных ограничений прав и свобод в условиях чрезвычайного положения.

Определенные ограничения могут вводиться с обязательным указанием пределов и срока их действия. При этом не подлежат ограничению: право на жизнь, право на охрану достоинства личности, право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту чести и доброго имени, свобода совести, свобода вероисповедания, право на жилище, ряд прав, связанных с различными формами участия в судопроизводстве, и др.

Принцип равноправия — это главный принцип, характеризующий правовой статус человека и гражданина. В ст. 19 Конституции РФ выделены три основных его аспекта:

1) равенство всех перед законом и судом означает, что закон, его предписания в равной мере обязательны для всех его адресатов, что суд в равной мере доступен для всех и должен руководствоваться только законом, а не какими-либо посторонними соображениями и не принимать во внимание не предусмотренные законом обстоятельства, касающиеся обращающегося за судебной защитой или представшего перед судом за свои деяния (действия или бездействие).

Эти начала — важное условие обеспечения справедливости в пользовании человеком и гражданином своими правами и свободами, которые гарантированы при их нарушении судебной защитой. Рамки этой защиты в Конституции РФ и федеральном законодательстве неукоснительно расширяются. На конституционном уровне закреплена возможность обжалования в суд решений и действий (бездействия) органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц (ч. 2 ст. 46 Конституции РФ), что в советском законодательстве не предусматривалось;

2) равенство прав и свобод человека и гражданина означает, что они признаются за всеми в равной мере, не допускается дискриминация в пользовании правами и свободами по каким-либо основаниям, зависящим от естественных особенностей личности и ее социального статуса. Конституция РФ фиксирует широкий, причем не закрытый, перечень таких оснований.

Равенство прав и свобод признается независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, имущественного и должностного положения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным объединениям, а также других обстоятельств.

Равноправие Конституция РФ провозглашает как равенство возможностей, а не как фактическое равенство, которое в жизни реально недостижимо.

В социалистической теории весьма критически оценивалась трактовка равенства прав и свобод как юридически закрепляемого равенства возможностей. Упор делался на достижение фактического равенства, создание некоего усредненного общества, всеобщего уравнительного образа жизни.

Однако каждый человек в силу субъективных и объективных причин и обстоятельств по-разному реализует свои возможности, раскрывает свой

творческий потенциал, у людей неодинаковые способности к инициативной, самостоятельной деятельности, обеспечивающей соответствующий уровень жизни.

Естественно, что политика государства должна быть направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека, препятствующих значительному социальному расслоению общества, с использованием для этого как правовых, так и организационных средств;

3) в качестве особого аспекта равноправия Конституция РФ (ч. 3 ст. 19) выделяет равные права и свободы мужчины и женщины и равные возможности для их реализации, что полностью отвечает требованиям норм международного права.

Положение Конституции РФ о равных возможностях мужчины и женщины не может истолковываться, однако, абсолютно, что связано с физиологическими особенностями женского организма, функциями, которые женщины выполняют в семье, вследствие чего женщина нуждается в дополнительных гарантиях равенства. В связи с этим особое внимание должно уделяться вовлечению женщин в образовательный процесс и процесс профессиональной подготовки, в участие в общественно-политической и социально-культурной деятельности. С учетом этого в отраслевом законодательстве содержатся нормы о специальных мерах по охране труда и здоровья женщин, материальной и моральной поддержке материнства и детства, их пенсионному обеспечению и т. д.

Принцип гарантированности прав и свобод человека и гражданина получает правовое выражение в различных формах — и как общее начало реализации всего объема прав и свобод человека и гражданина, и как конкретные гарантии каждого права и каждой свободы в отдельности.

Как общее начало правового статуса человека и гражданина указанный принцип закреплён в ряде статей Конституции РФ. Так, в ст. 2 в качестве одной из основ конституционного строя устанавливается обязанность государства признавать, соблюдать и защищать права и свободы человека и гражданина. В ст. ст. 17, 19 предусмотрено, что в Российской Федерации гарантируются права и свободы человека и гражданина. Кроме этих общих норм о гарантиях, фактически каждое конкретное право и каждая конкретная свобода сопровождаются указанием на условия и способы их реализации.

Важное место в структуре правового положения (правового статуса) человека и гражданина занимают гарантии¹ конституционных прав и свобод, которые призваны обеспечить благоприятную обстановку для возможно полного претворения в жизнь прав и свобод.

¹ Толковый словарь В. И. Даля определяет гарантию (франц. *garantie*, от *garantir* — обеспечить, охранять) как «ручатство, обеспечение, заверение, безопасенье». См.: Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. — М.: Гос. изд-во иностр. и нац. слов, 1955. — Т. 1. — С. 283.

Полагаем, что под гарантиями конституционных прав и свобод человека и гражданина необходимо понимать общие условия и специальные (юридические) средства, обеспечивающие каждому человеку и гражданину фактическую возможность пользоваться конституционными правами и свободами и надежно охранять и защищать их.

Общие условия в данном случае включают в себя систему экономических, политических, социальных, культурно-духовных и иных отношений, декларируемых Конституцией РФ, без которых требования личности к обществу носили бы формальный характер. Так, в ч. 1 ст. 17 Конституции РФ закреплено, что в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией.

Специальные (юридические) средства — это закрепленные в законе способы, непосредственно обеспечивающие возможность правомерной реализации, охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации. Без них правовые нормы сами по себе бессильны и не могут быть применены и реализованы на практике.

При всей значимости правового закрепления гарантий прав и свобод для их воплощения в жизнь требуются многие условия, в том числе лежащие за рамками права: экономические, политические и др.

Принято выделять общие и юридические гарантии. Такое деление можно считать общепризнанным, хотя многие исследователи выделяют еще один вид гарантий — организационные, которые характеризуют организационную деятельность государственных органов, общественных организаций по обеспечению реализации прав и свобод человека и гражданина.

Общие гарантии представляют собой систему различных видов общественных отношений, условий и факторов, способствующих наиболее эффективной реализации прав и свобод человека и гражданина. Как правило, в юридической литературе система общих гарантий прав и свобод человека и гражданина представлена тремя видами: социально-экономическими, политическими и идеологическими (духовными) гарантиями¹. Это действительно те основы, которые раскрывают сущность общественного строя. Некоторые ученые характеризуют такие гарантии как «материальные гарантии прав»².

Социально-экономические гарантии предполагают наличие у общества, коллектива, к которому принадлежит лицо, у государства, наконец, у самой личности необходимой материальной базы для осуществления прав и свобод и выполнения обязанностей. Эта группа гарантий для своей реализации требует также успешно развивающейся экономики, достаточных

¹ См.: Фарбер И. Е., Ржевский В. А. Вопросы советского конституционного права. Выпуск 1. — Саратов, 1967. — С. 25; Эбзеев Б. С. Советское государство и права человека. — Саратов. — 1986. — С. 69.

² Баглай М. В., Габричидзе Б. Н. Конституционное право Российской Федерации. — М., 1996. — С. 225.

средств у государства, необходимых государственных (в том числе силовых) рычагов, социальной стабильности в обществе. В современной России социально-экономическая обстановка пока не предоставляет достаточных материальных гарантий для полного осуществления прав и свобод и выполнения конституционных обязанностей (например, Российское государство не может гарантировать необходимый уровень собираемости налогов, выполнение одной из важнейших конституционных обязанностей, особенно важных для подъема экономики).

Политические гарантии — соответствующим образом ориентированная политика государства, ее направленность на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека; устойчивость политических структур, их способность к достижению гражданского согласия, исключающего дестабилизацию в обществе; должный уровень политической культуры и политического сознания граждан; борьба с бюрократизмом государственного аппарата, с коррупцией и другие политико-организационные факторы¹.

Идеологические гарантии включают в себя систему идей, взглядов, культурных ценностей, основанных на вере в добро и справедливость: это общественная сознательность и образованность человека и гражданина. К числу этих гарантий относятся: идеологическое многообразие, запреты на монополизацию идеологии, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, общедоступность и бесплатность основного общего и среднего профессионального образования, свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества и т. д. Претворение в жизнь вышеназванных гарантий ведет к повышению уровня культуры и сознательности, а также к росту уважения каждого человека, пониманию его ценности, того, что реализация основных прав и свобод может быть достигнута лишь при исполнении возложенных на гражданина обязанностей уважать права других граждан и интересы государства. Особая роль принадлежит правосознанию, одной из функций которого является создание атмосферы безусловного осуждения всяких нарушений основных прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, для основных прав и свобод человека и гражданина общие гарантии имеют следующее значение: чем совершеннее система экономических, политических и культурно-духовных (идеологических) отношений в обществе, тем меньше совершается в нем правонарушений, в том числе и тех, которые посягают на основные права и свободы человека и гражданина.

Наличие общих гарантий является необходимым, но недостаточным условием реализации любого основного права человека и гражданина. Для

¹ См.: Зарицкий А. В. Гарантии прав личности при реализации юридической ответственности (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Коломна, 1999. — С. 17.

этого требуются специальные, то есть юридические гарантии, представляющие собой закрепленные в законодательстве средства, которые непосредственно обеспечивают правомерную реализацию, охрану и защиту основных прав и свобод человека и гражданина. Юридические гарантии со стороны общества и государства нужны как для того, чтобы основные права и свободы не нарушались, так и для того, чтобы они осуществлялись (реализовывались).

В системе гарантий основных прав и свобод человека и гражданина юридические гарантии занимают ведущее место, что обусловлено их конкретным характером, правовым закреплением, наличием санкций за их неисполнение. Юридические гарантии охватывают все стороны обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина, поэтому построение системы этих гарантий дает возможность увидеть недостатки, противоречия, пробелы в правовом регулировании сферы отношений, связанных с тем социальным благом, которое предоставляет это право. В Конституции РФ эти гарантии закреплены в ст. ст. 45—54¹.

В юридической литературе в зависимости от критерия, положенного в основу классификации, выделяют несколько видов юридических гарантий основных прав и свобод человека и гражданина:

1. По степени общности: а) гарантии, закрепленные в Конституции РФ, текущем законодательстве и в актах органов государственного управления; б) общие гарантии, относящиеся ко всем правам и свободам и к каждому праву и свободе в отдельности, а также специальные гарантии, обеспечивающие реализацию конкретных прав и свобод.

2. По функциям: а) гарантии реализации и гарантии охраны и защиты прав и свобод; б) стимулирующие, правообеспечительные и превентивно-охранительные; в) средства, обеспечивающие возможность осуществления прав, и средства, с помощью которых обеспечивается их охрана.

3. По отраслевому признаку: государственно-правовые, административно-правовые, уголовно-правовые, уголовно-процессуальные.

Неодинаковы субъекты юридических гарантий. Прежде всего таким субъектом выступает государство. Оно создает условия для осуществления прав и свобод и выполнения обязанностей (например, с одной стороны, органы правопорядка охраняют законную демонстрацию от нападений оппозиции или преступных элементов, а с другой — государственные органы проводят призыв в армию, обеспечивая выполнение конституционной обязанности граждан). Государство вправе применять к человеку и гражданину, коллективу

¹ Автор рассматривает эту группу юридических гарантий как права-гарантии или как права и свободы в сфере правосудия. См.: Киричёк Е. В. Конституционные права и свободы человека и гражданина в России: теория и практика, история и современность, проблемы и перспективы: монография. Изд. 2-е, перераб. и доп. — Тюмень: филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2014. — С. 61.

(например, религиозной секте), юридическому лицу, своему органу или должностному лицу меры принуждения, если эти субъекты препятствуют кому-либо в осуществлении конституционных прав и свобод или выполнении обязанности (например, нарушают свободу передвижения граждан).

В ст. 45 Конституции РФ записано, что государственная защита прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации гарантируется. Роль государства как главного гаранта прав и свобод вытекает и из содержания ст. 2, 17, 19 и др. Конституции РФ. Она осуществляется через систему государственных органов. В ст. 18 установлено, что права и свободы человека и гражданина определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Субъектом гарантий может стать общественное объединение или коллектив, в котором лицо трудится. Коллектив может, например, защищать (на общественных началах) своего члена в суде, если нарушены его права и свободы, может морально побуждать выполнять свои обязанности (например, заботиться о нетрудоспособных родителях).

Юридические гарантии конституционных прав и свобод и меры воздействия для выполнения обязанностей по отношению к самому себе или иным субъектам может использовать сама личность, ссылаясь на ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, которая гласит: «Каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом» (например, человек может обратиться в суд, а может использовать нормы Уголовного кодекса РФ о необходимой обороне при посягательствах на него и т. д.).

Общие и юридические гарантии тесно взаимосвязаны между собой. Так, нельзя рассматривать юридические гарантии в отрыве от идеологических гарантий. Их взаимная связь проявляется в следующем. Чем выше уровень духовной культуры граждан, их идейность, тем нетерпимее они относятся к нарушению прав и свобод человека и гражданина¹. Более того, юридические гарантии направлены на свободное и поступательное развитие человека и гражданина. Социально-нравственное направление реализации правовых норм приобретает в обществе все большее значение, отражая процесс постепенного преобразования правовых норм в нормы общественного саморегулирования².

Итак, особенность применения юридических гарантий — это и есть гарантированность конституционных прав и свобод человека и гражданина в их взаимосвязи, единстве, равенстве, без чего невозможна подлинная реальная свобода индивида в обществе и государстве. Не все правовые нормы являются юридическими гарантиями конституционных прав и свобод человека

¹ См.: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. — М.: Норма, 2008. — С. 166; Каламкарян Р. А. Юридические гарантии прав личности в Российской Федерации (по материалам «круглого стола») // Государство и право. — 2000. — № 11. — С. 95—107.

² См.: Тихомиров Ю. А. Теория закона. — М., 1982. — С. 241.

и гражданина, а лишь те из них, которые содержат определенные средства и способы, с помощью которых достигается беспрепятственное пользование конституционными правами и свободами, их надежная охрана и защита.

Переходя к непосредственному рассмотрению актуальных проблем конституционного закрепления прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, мы последовательно рассмотрим закрепление в отечественном конституционном праве: 1) личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина; 2) политических прав и свобод граждан; 3) социально-экономических и культурных прав и свобод.

Личным (гражданским) правам и свободам в единой системе конституционных прав и свобод человека и гражданина принадлежит особая роль. Они возглавляют всю систему прав и свобод человека и гражданина (ст. ст. 20 — 29 Конституции РФ). Подобное положение в отечественном конституционном законодательстве они занимали далеко не всегда¹. В советское время, в условиях господства идеологии государственного патернализма, приоритет отдавался социально-экономическим правам. И это не случайно: тоталитарный режим, устанавливая безраздельные контроль и опеку над личностью, принимал на себя заботу о предоставлении членам общества определенного минимума материальных благ и социальных услуг, но взамен отнимал у человека его личную свободу. Поэтому во всех ранее действовавших советских конституциях личные права и свободы закреплялись на последнем месте в общей системе конституционных прав и свобод и в предельно ограниченном объеме².

В настоящее время данной проблеме придается большое значение. Появились работы, где затрагиваются различные аспекты личных (естественных) прав и свобод человека и гражданина. В частности, данными проблемами занимались такие ученые, как В. Н. Бутылин, В. С. Нерсисянц, Д. А. Керимов, А. С. Мордовец, В. Н. Карташов, Ю. И. Гревцов, А. В. Малько, Н. И. Матузов, Е. А. Лукашева, Н. С. Малеин, Р. О. Халфина и др.³

На различных этапах возникновения этих прав и свобод они призваны были ограждать человека и гражданина от незаконного вторжения государства в сферу личной свободы. Однако в дальнейшем для осуществления личных

¹ См.: Рассказов Л. П., Упоров И. В. Естественные права человека : учебное пособие. — СПб., 2001. — С. 96.

² См.: Бондарь Н. С. Права человека и Конституция России: трудный путь к свободе. — Ростов н/Д., 1996. — С. 158.

³ См.: Рафиева Л. К. Честь и достоинство как правовая категория // Правоведение. — 1966. — № 2. — С. 60; Малеина М. Н. О праве на жизнь // Государство и право. — 1992. — № 2. — С. 50—59; Линник Л. Н. Конституционное право на жизнь: введение в теорию. — Чебоксары, 1995; Крусс В. И. Личностные («соматические») права человека в конституционном и философско-правовом измерении: к постановке проблемы // Государство и право. — 2000. — № 10. — С. 49; Селихова О. Г. Конституционно-правовые проблемы осуществления права индивидов на свободу и личную неприкосновенность : дис. ... канд. юрид. наук. — Екатеринбург, 2002.

прав и свобод недостаточно было пассивной обязанности государства воздерживаться от вмешательства в сферу свободы человека и гражданина. Выявилась потребность содействовать в осуществлении прав и свобод индивида. Это значит, что недостаточно установить прямые запреты, оберегающие сферу личной свободы и частной жизни от противоправных и произвольных попыток ее ущемления, в том числе со стороны государства. Необходимы его активные действия для реализации прав и свобод человека и гражданина. Такая позиция, распространенная во второй половине XX в., нашла выражение, в частности, в решениях Европейского суда по правам человека¹.

Конституция Российской Федерации закрепила систему личных (гражданских) прав и свобод в полном соответствии со Всеобщей декларацией прав человека 1948 года², Международным пактом о гражданских и политических правах 1966 года³, другими актами о правах человека. На международно-правовом уровне соответствующая группа прав определяется в качестве «гражданских» прав и свобод. Такое их наименование определяется тем, что именно эти права наиболее полно характеризуют положение человека в гражданском обществе с точки зрения гарантирования каждому человеку как члену гражданского общества невмешательства государства в сферу частных интересов личности, защиты ее жизни и здоровья, личной неприкосновенности и безопасности и т. п. В нашем же законодательстве, а также в отечественной юридической литературе соответствующая группа прав чаще всего определяется как «личные» права. Эти два понятия, таким образом, можно рассматривать как тождественные.

При всем многообразии и различии нормативного содержания каждого в отдельности личного (гражданского) права им присущи и следующие общие характеристики как единой группе прав и свобод:

во-первых, эти права и свободы являются по своей сущности правами и свободами человека, т.е. каждого, и не связаны напрямую с принадлежностью к гражданству определенного государства;

во-вторых, эти права и свободы неотчуждаемы и принадлежат каждому от рождения;

в-третьих, эти права и свободы необходимы для охраны жизни, свободы, достоинства человека как личности и т. д.⁴

Основное назначение личных прав и свобод заключается в том, чтобы обеспечить личную свободу, независимость человеческой индивидуальности. Именно личная свобода лежит в основе всей системы личных прав. При

¹ См.: Права человека / отв. ред. Е. А. Лукашева. — М., 1999. — С. 143.

² См.: Всеобщая декларация прав человека // Российская газета. — 1995. — 5 апреля. — № 67.

³ См.: О гражданских и политических правах: международный пакт от 16 декабря 1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.

⁴ См.: Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России : учебник. 3-е изд., перераб. и доп. — М., 2002. — С. 259.

этом следует учитывать, что понятие «личная свобода» не тождественно понятию «свобода личности». Последнее понятие значительно шире, объемнее по своему содержанию, чем первое. Личная (индивидуальная) свобода, то есть возможность беспрепятственного выбора различных вариантов поведения в сфере национальных, нравственно-этических, религиозных и других отношений, где индивид выступает не как труженик или общественно-политический деятель, а как биосоциальное существо. Они являются естественными и неотчуждаемыми, принадлежат каждому человеку независимо от его гражданства, национальной или иной принадлежности.

Первым и основным неотчуждаемым правом каждого человека является право на жизнь, закрепленное в статье 20 Конституции РФ, которая исходит из положений статьи 6 Международного пакта о гражданских и политических правах, где сказано: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни». Значение конституционного закрепления этого права для российской правовой системы трудно переоценить. Данная норма уже стала предметом исследования многих отечественных ученых¹.

Однако неполнота большинства исследований в этой области проявляется в том, что норма о праве на жизнь рассматривается в отрыве от других конституционных положений, регламентирующих целостность и морально-этическое благополучие человека. К тому же сам механизм реализации конституционного права на жизнь содержит ряд спорных моментов, требующих нестандартных юридических решений. Что же такое жизнь? Жизнь, согласно словарю Д. Н. Ушакова, — это «существование вообще, бытие в движении и развитии. Состояние организма в стадии роста, развития и разрушения. Время от рождения до смерти человека или животного»². В течение многих лет ведутся дискуссии и высказываются различные мнения по поводу объема и содержания этого права. Одни утверждают, что началом жизни человека следует считать его пребывание в утробе матери, другие же — момент рождения. Конституция Российской Федерации охраняет жизнь человека и тем самым создает предпосылку для соблюдения основных прав и свобод человека и гражданина. Все люди являются носителями права на жизнь. Напротив, *nasciturus*, еще не рожденный плод, не является правоспособным (см. ч. 2 ст. 17 ГК РФ³) и поэтому не может счи-

¹ См.: Ковалев М. И. Право на жизнь и на смерть // Государство и право. — 1992. — № 7. — С. 68—75; Перевозчикова Е. В. Конституционное право на жизнь и репродуктивные права человека : дис. ... канд. юрид. наук. — Казань, 2006.

² Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. — М. : «Альта-Принт»; Дом. XXI век, 2008. — Т. VIII. — С. 220-221.

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (в ред. от 3 июля 2016 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

таться носителем основных прав, свобод и обязанностей. Поэтому мы считаем, что человеческая жизнь начинается с момента рождения¹ и сохраняет свое значение вплоть до смерти человека. Однако до сих пор не прекратились дискуссии по вопросу о том, в какой момент наступает смерть. Он приобрел особую актуальность в связи со все более расширяющейся практикой трансплантации человеческих органов, их клонирования и других форм воздействия на анатомию и физиологию человека, а также использованием психотропных средств. В связи с этим правильно было бы использовать медицинскую точку зрения о смерти человека как «гибели мозга», то есть под смертью понимать тот момент, когда констатируется гибель всего головного мозга.

Конституционное установление права на жизнь логически означает юридическое закрепление права человека на смерть. Распоряжение своей жизнью по аналогии с вещами невозможно. Тем не менее человек в состоянии распорядиться ею несколькими своеобразными способами. Во-первых, он вправе выбрать такие виды деятельности, которые связаны с повышенным риском наступления смерти, — спасатели, альпинисты, минеры и др. Во-вторых, в современном мире значительное число людей сводит счеты с жизнью путем самоубийства. Такой способ решения индивидуальных проблем не преследуется законом, хотя и осуждается обществом в целом и отдельными общественно-политическими и религиозными движениями².

Очевидно, раз право на жизнь относится к числу личных прав человека, его реализация осуществляется им индивидуально и самостоятельно, независимо от воли других. Более того, Декларация прав человека и гражданина, утвержденная Постановлением Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г., содержала норму, к сожалению, утраченную в связи с принятием действующей Конституции России: «Никто не может быть произвольно лишен жизни»³. Это означает, что вопрос жизни и смерти юридически должен решаться человеком индивидуально, без участия иных лиц. Исключение составляет смертная казнь, представляющая собой юридически определенный предел действия права на жизнь и один из видов кары, реакции общества на преступные действия, совершенные виновным лицом⁴. Во

¹ В Германии преобладает другой принцип: жизнь человека начинается с момента оплодотворения яйцеклетки семенем (См.: Сборники решений Федерального Конституционного суда ФРГ. — 9, 1; 88, 203).

² См.: Романовский Г. Б. Право на жизнь и право на самоубийство // Медицинское право. Юрист. 2003. — № 1. — С. 38—42.

³ О Декларации прав и свобод человека и гражданина : постановление Верховного Совета РСФСР от 22 ноября 1991 г. № 1920—1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. — 1991 — № 52. — Ст. 1865.

⁴ См.: Дмитриев Ю. А. Защита конституционных прав граждан в уголовной и конституционной юстиции // Государство и право. — 1999. — № 6. — С. 38—40.

всех остальных случаях вмешательство других лиц в самостоятельное решение человеком вопроса жизни и смерти следовало бы признать юридически недопустимым.

Несмотря на настойчивые высказывания ряда научных и общественных деятелей в пользу эвтаназии, если речь идет об избавлении человека по его просьбе от невыносимых и неизлечимых страданий, а также несмотря на попытки отдельных врачей и юристов провести эту идею на практике, она не воспринята отечественным законодательством¹. Оно не предусматривает возможность оказания содействия добровольному уходу из жизни независимо от мотивации. Поэтому лица, виновные в соответствующих действиях, привлекаются к ответственности за преступления против жизни больных. Вместе с тем по прямому указанию уголовного закона сострадание является мотивом, существенно смягчающим ответственность виновного². Согласно п. «д» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ «смягчающими обстоятельствами признаются: ... д) совершение преступления в силу стечения тяжелых жизненных обстоятельств либо по мотиву сострадания»³.

Законодательство РФ устанавливает в отношении некоторых категорий граждан обязанность бережно относиться к своей жизни (и здоровью). Так, согласно п. 9 ч. 1 ст. 36 Федерального закона от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений» «подозреваемые и обвиняемые обязаны не совершать умышленных действий, угрожающих собственной жизни и здоровью»⁴.

Законодательство отражает ряд мер, охраняющих жизнь человека: установление наказания за убийство, обеспечение гарантий уголовного преследования за преступления против жизни, а также принятие исполнительной властью и правоохранительными органами предупредительных и защитных действий в случае непосредственной опасности для жизни человека.

¹ См.: Чернышев Ю. А. Активная и пассивная эвтаназия // Юридические науки. — 2007. — № 2 (24). — С. 59—60; Кручиненская М. А. Эвтаназия как преступление // «Черные дыры» в российском законодательстве. — М., 2007. — № 5. — С. 262, 263; Караваев Н. В. Субъективное право на жизнь и эвтаназия // Актуальные проблемы юридической науки и правоприменительной практики. — 2007. — Ч. 1. — С. 199—207; Чернышева Ю. А. Эвтаназия: прошлое, настоящее, будущее // Закон и право. — 2008. — № 5. — С. 54; Волженкин Б. В., Каторин П. Ф. Эвтаназия в России: опыт социологических исследований // Право: теория и практика. — 2008. — № 2(103). — С. 27—30.

² См.: Дмитриев Ю. А., Шленева Е. В. Право человека в Российской Федерации на осуществление эвтаназии // Государство и право. — 2000. — № 11. — С. 52—59.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 22.11.2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

⁴ О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений : федеральный закон от 15 июля 1995 г. № 103-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 29. — Ст. 2759.

Покушение на жизнь человека — социально опасное деяние, которое карается действующим уголовным законодательством. Но убийство другого человека — не всегда преступление. Если оно совершается в ходе вооруженного конфликта между государствами, военнослужащие каждой из сторон получают официальное поощрение к убийству: тем самым они исполняют свой патриотический долг. Любой человек вправе применить насилие к другому человеку и даже лишить его жизни, если это диктуется условиями необходимой обороны.

Пределы, установленные ст. 55 Конституции РФ в осуществлении основных прав, не могут затрагивать право на жизнь. Никакой общественный интерес не может законно оправдать убийство человека, который не представляет собой угрозы для жизни других людей. Единственно допустимыми исключениями из общего правила охраны жизни человека являются те, которые установлены в ч. 2 ст. 2 Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод¹, а так как Российская Федерация ратифицировала эту Конвенцию, то данное правило, согласно ч. 4 ст. 15 Конституции РФ, применяется в российском праве.

Ч. 2 ст. 2 данной Конвенции устанавливает, что убийство человека с необходимым применением силы законно только в трех исключительных случаях: защита граждан от незаконного применения насилия, при проведении организованного ареста или для пресечения побега арестованного, для подавления незаконного мятежа и беспорядков.

Охрана права на жизнь представляет одну из основных задач уголовного законодательства. Именно нормы об ответственности за убийство открывают Особенную часть Уголовного кодекса, чем подчеркивается приоритетность этой задачи. Как особо тяжкие преступления рассматриваются и преступления против мира и безопасности человечества, связанные с производством или распространением оружия массового поражения, использованием запрещенных средств и методов ведения войны, геноцидом, которые рассчитаны на полное или частичное уничтожение населения или какой-либо его группы.

Наибольшая угроза жизни и безопасности человека и гражданина возникает при попытках насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, захвата или присвоения власти, вооруженного мятежа, массовых беспорядков, террористических актов и др. (ст. 3 Федерального конституционного закона «О чрезвычайном положении» от 30 мая 2001 г.²). Государство гарантирует безопасность своим гражданам в обстоятельствах, устранение которых невозможно без применения крайних мер,

¹ Конвенция о защите прав человека и основных свобод (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

² О чрезвычайном положении : федеральный конституционный закон от 30 мая 2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 3.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 23. — Ст. 2277.

путем введения чрезвычайного или военного положения. Военное положение на территории Российской Федерации или в отдельных ее местностях в соответствии с Федеральным конституционным законом «О военном положении» от 30 января 2002 г. может вводиться указом Президента Российской Федерации в случае агрессии против Российской Федерации или непосредственной угрозы агрессии¹.

Содержание ч. 2 ст. 20 Конституции Российской Федерации не противоречит действующим международно-правовым документам ООН, которые, ориентируя страны мирового сообщества на постепенное ограничение и отмену наказания в виде смертной казни, исходят из того, что решение этих вопросов находится в компетенции национального законодательства. Так, ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах предусматривает, что в странах, в которых допускается применение смертной казни, она должна назначаться лишь за самые тяжкие преступления; в этой же связи указывается на гарантии против необоснованного применения смертной казни и на необходимость применения к осужденным амнистии, помилования, смягчения наказания, как и на недопустимость применения смертной казни к несовершеннолетним и женщинам в состоянии беременности.

При вступлении в Совет Европы Россия взяла обязательство в течение трех лет отменить смертную казнь, заменив ее пожизненным заключением, а до этого ввести мораторий на ее применение. Дело в том, что хотя основной текст Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод допускает возможность применения судами смертной казни в случаях, исчерпывающе предусмотренных законом (ст. 2), но дополнительный протокол № 6 к этой Конвенции предусматривает, что государства — члены Совета Европы отменяют смертную казнь, сохраняя возможность ее применения в законе только в военное время.

Как известно, 29 октября 2009 года в Конституционный Суд РФ поступило ходатайство Верховного Суда об официальном разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда РФ от 2 февраля 1999 года № 3-П². Оно касается вопроса о том, может ли в России с 1 января 2010 года назначаться в качестве наказания смертная казнь. В силу неотложности и чрезвычайной значимости поставленного вопроса данное

¹ О военном положении : федеральный конституционный закон от 30 января 2002 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 12.03.2014 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 5. — Ст. 375.

² По делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 УПК РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях» в связи с запросом Московского городского суда и жалобами ряда граждан : постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 г. № 3-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 6. — Ст. 867.

ходатайство было рассмотрено во внеочередном порядке. Слушание дела состоялось 9 ноября 2009 года в открытом пленарном заседании, на котором Конституционный Суд РФ высказал свою позицию относительно данного вопроса: «Российская Федерация связана обязательством не предпринимать действий, которые искажают суть Протокола № 6, пока она официально не выразит свое намерение не быть его участником. К этому обязывает статья 18 Венской конвенции о праве международных договоров¹. Поэтому Россия с 16 апреля 1997 года не может ни назначать наказание в виде смертной казни, ни исполнять его.

Поэтому введение 1 января 2010 г. суда присяжных на всей территории Российской Федерации не создало возможности назначения смертной казни.

С учетом положений п. 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П в системе действующего правового регулирования в результате длительного моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права человека не быть подвергнутым смертной казни. В результате продолжительного по времени действия моратория на применение смертной казни сформировались устойчивые гарантии права не быть подвергнутым смертной казни и сложился легитимный конституционно-правовой режим, в рамках которого, с учетом международно-правовых обязательств, взятых на себя Россией, происходит необратимый процесс, направленный на отмену смертной казни как исключительной меры наказания. Положения о смертной казни исходят из трактовки ее как исключительной меры наказания, носящей временный характер («впредь до ее отмены») и допускаемой лишь в течение определенного переходного периода, т. е. на реализацию цели, закрепленной статьей 20 (часть 2) Конституции Российской Федерации. Это означает, определил Конституционный Суд РФ, что исполнение данного Постановления в части, касающейся введения суда с участием присяжных заседателей на всей территории России, не открывает возможности применения смертной казни, в том числе по обвинительному приговору, вынесенному на основании вердикта присяжных заседателей².

¹ Венская конвенция о праве международных договоров // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1986. — № 37. — Ст. 772.

² См.: О разъяснении пункта 5 резолютивной части Постановления Конституционного Суда Российской Федерации от 2 февраля 1999 года № 3-П по делу о проверке конституционности положений статьи 41 и части третьей статьи 42 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, пунктов 1 и 2 Постановления Верховного Совета Российской Федерации от 16 июля 1993 года «О порядке введения в действие Закона Российской Федерации «О внесении изменений и дополнений в Закон РСФСР «О судостроительстве РСФСР», Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР, Уголовный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях»: определение Конституционного Суда Российской Федерации от 19 ноября 2009 г. № 1344-О-Р // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2009. — № 48. — Ст. 5867.

Тем не менее, вопрос, касающийся реализации права человека на жизнь носит очень сложный и многогранный характер и до тех пор, пока будут сторонники и противники смертной казни, он будет носить открытый характер.

В Конституции фиксируется право каждого на достоинство (ст. 21). Достоинство, согласно словарю С. И. Ожегова, Н. Ю. Шведовой, — «положительное качество. Совокупность высоких моральных качеств, а также уважение этих качеств в самом себе»¹. Защиту человеческого достоинства, как и жизни, не принято ставить в зависимость от общественной значимости личности, возраста, пола, убеждений и т. п. Употребление в ст. 21 Конституции РФ термина «ничто» означает, что никакие обстоятельства, в том числе отрицательная оценка личности в общепризнанном понимании, психическая болезнь, чрезвычайное положение, война и т. п., не могут служить основанием для умаления достоинства. Но вопрос о признаках отнесения данного права к числу естественных в отечественной конституционно-правовой науке является дискуссионным. Тезис о возникновении у человека ряда прав в момент его рождения выделяли: С. Е. Вицин, В. С. Нерсисянц, Ц. Я. Ямпольская, М. Н. Малеина, Н. И. Матузов, К. Б. Ярошенко и ряд других авторов.

Иное мнение у Л. К. Рафиевой, отмечавшей: «...Существование любого неимущественного права, в том числе права на... достоинство, связано с определенным юридическим фактом, при отсутствии которого невозможно возникновение этого права. Другое дело, что юридический факт в данном случае обладает определенной спецификой. Не подлежит никакому сомнению, что такого рода фактом не может быть признан факт рождения». Этим автором утверждается, что юридическим фактом, порождающим право на достоинство, может быть только появление у человека способности совершать «социально значимые поступки», т.е. осознавать себя как личность; тут же, однако, указывается, что невозможно точно указать момент времени, когда он (юридический факт) появляется. Противоречивость данной позиции видится в следующем. Справедливо замечая, что содержание достоинства как блага непрерывно развивается и что оно не может быть одинаковым у всех людей, Л. К. Рафиева ошибается, делая вывод о невозможности соответствующего «тождества содержания права» на указанное благо. Содержание права на достоинство, в отличие от блага в виде достоинства, не может быть разным; как и всякое субъективное право, оно одинаково у всех без исключения людей, что, собственно, и составляет конституционный принцип равенства перед законом (ст. 19 Конституции РФ). А

¹ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. — М. : Азбуковник, 1999. — С. 177.

само благо «не входит и не может входить в содержание субъективного права; последнее означает лишь возможность пользования благом»¹.

Разумеется, достоинство осознается, понимается человеком по достижении определенного возрастного периода (как правило, подросткового). Однако данное обстоятельство отнюдь не означает, что, например, малолетний, не осознающий своего «я», или душевнобольной, не осознающий своих действий, не имеют права на человеческое достоинство. Для указанной категории лиц, как и для всякого представителя человеческого рода, «безусловным и непререкаемым должно стать право <...> жить в условиях, достойных человеческой природы»².

Подобная мысль выражена также в ряде правовых документов. Так, ст. 1 Всеобщей декларации прав человека гласит: «Все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах ...». О достоинстве, присущем ребенку, свидетельствуют положения Конвенции о правах ребенка (Нью-Йорк, 20 ноября 1989 г.)³. В Семейном кодексе РФ⁴ прямо указывается, что ребенок имеет право на уважение его человеческого достоинства (ст. 54), а способы воспитания детей должны исключать пренебрежительное, жестокое, грубое, унижающее человеческое достоинство обращение (ст. 65).

Наконец, о принадлежности неотчуждаемых прав человека с момента рождения говорится в Конституции Российской Федерации (ст. 17), ГК РФ (ст. 150). Таким образом, можно констатировать, что здесь важен не факт осознания достоинства, а сам факт существования человека.

За посягательство на достоинство личности может наступать как уголовная (ст. 128.1 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за клевету), административная (ст. 5.61 КоАП РФ, устанавливающая административную ответственность за оскорбление⁵), так и гражданско-правовая ответственность (ст. 151 ГК РФ — за действия, оскорбляющие достоинство человека, он вправе требовать по суду денежной компенсации нанесенного морального вреда). Если сведения, порочащие честь и достоинство личности, опубликованы в средствах массовой информации, то в соответствии со

¹ Матузов Н. И. Личность, права, демократия (теоретические проблемы субъективного права). — Саратов, 1972. — С. 125.

² Мальцев Г. В. Новое мышление и современная философия прав человека // Права человека в истории человечества и в современном мире. — М., 1989. — С. 30.

³ Конвенция о правах ребенка // Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. — 1990. — № 45. — Ст. 955.

⁴ Семейный кодекс Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (в ред. от 30.12.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 1. — Ст. 16.

⁵ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (в ред. от 22.11.2016) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (Ч. 1). — Ст. 1.

статьями 43—46 Закона РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года № 2124-1 он может требовать опровержения и материальной компенсации за нанесенный вред¹.

Обладание достоинством выступает как субъективное право, потому что принадлежит субъекту как его носителю и открывает перед ним определенную правовую возможность, использование которой зависит лично от него. Но субъективное право обладать достоинством предполагает не только гарантию государства обеспечивать это право, но и обязанность других лиц не предпринимать никаких действий для умаления достоинства данного человека.

Одним из значимых является конституционное право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22), которое не только создает условия, необходимые для всестороннего удовлетворения запросов личности, но и обеспечивает демократическое развитие общества. Право на свободу и личную неприкосновенность по своей значимости для осуществления всех остальных конституционных прав человека и гражданина сопоставимо только с правом на жизнь. В отсутствие свободы провозглашение любых прав лишено смысла. Слово «свобода» — одно из наиболее употребляемых в Главе 2 Конституции РФ, которая так и называется: «Права и свободы человека и гражданина». Однако, если можно так выразиться, в статье 22 речь идет о свободе свобод.

Свобода — это независимость человека, возможность проявления человеком своей воли, возможность действовать в соответствии со своими целями и интересами на основе познания и соблюдения законов развития природы и общества. Согласно ст. 1 Всеобщей декларации прав человека «все люди рождаются свободными и равными в своем достоинстве и правах». А по справедливому высказыванию русского писателя М. Алданова, «свобода выше всего, эту ценность нельзя принести в жертву ничему другому; никакое народное волеизъявление, никакой плебисцит, никакое голосование в парламенте ее отменить не вправе: есть вещи, которые “народ” у “человека” отнять не может»².

«Неприкосновенный», согласно словарю С. И. Ожегова, — это «сохраняемый в целости, защищенный от всякого посягательства со стороны кого-нибудь»³. Исходя из этого, под личной неприкосновенностью следует понимать гарантированную государством личную безопасность и свободу человека, состоящую в недопущении постороннего вмешательства во все сферы жизнедеятельности индивида.

¹ О средствах массовой информации: закон Российской Федерации от 27 декабря 1991 г. № 2124-1 (в ред. от 03.07.2016) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 7. — Ст. 300.

² Алданов — М. Ульмская ночь. — М., 1996. — С. 243.

³ Ожегов С. И. — Словарь русского языка. — М., 1978. — С. 373.

Личная неприкосновенность не может нарушаться даже из самых добрых побуждений. Так, например, медицинская и психиатрическая помощь по общему правилу должны оказываться только с согласия пациента. Однако возможны ситуации, когда в связи с совершением преступления или административного правонарушения личная неприкосновенность должна быть нарушена сотрудниками правоохранительных органов, осуществляющими, например, задержание или личный обыск. Основания для таких «необходимых» нарушений личной неприкосновенности и их процедура детально регламентированы нормами КоАП РФ и УПК РФ, отступление от которых недопустимо.

Неправомерное посягательство на личную неприкосновенность может повлечь за собой дисциплинарную, административную или уголовную ответственность, а также возмещение вреда, причиненного подобными действиями, в гражданско-правовом порядке.

Кроме того, каждый гражданин наделен правом защищать свою личную неприкосновенность от общественно опасных посягательств путем причинения вреда посягающему, если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны (ст. 37 УК РФ).

К сожалению, сегодня в законодательстве нет четкого определения этого права (личной неприкосновенности), что превращает его в нечто абстрактное, дающее возможность произвольного толкования и может служить препятствием к его активному использованию. «Вместо логической увязки основных элементов права на личную неприкосновенность, законодатель пошел по традиционному пути, отождествив содержание этого конституционного права с одной из его гарантий — судебным порядком ареста и заключения под стражу»¹.

Важное значение имеет конституционное закрепление права каждого на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну, защиту своей чести и доброго имени (ч. 1 ст. 23 Конституции РФ).

Конституционное право на неприкосновенность частной жизни предполагает, что человек вправе строить свою жизнь, организовывать свой досуг и т. д. так, как он сам считает нужным. Важно лишь, чтобы поступки, совершаемые им в частной жизни, не противоречили действующему законодательству, не ограничивали законных прав, свобод и интересов других лиц и не представляли опасности для окружающих.

В качестве одной из гарантий неприкосновенности частной жизни можно рассматривать конституционное право на личную и семейную тайну. Такая тайна может касаться самых различных сведений о жизни отдельного человека или целой семьи, разглашения которых в силу каких-то причин не

¹ Опалева А. А. Институт личной неприкосновенности (Теоретико-правовые проблемы). — М. : Академия управления МВД России, 2008. — С. 268—269.

желают этот человек или эта семья: фактов биографии, имущественного положения, состояния здоровья, характера взаимоотношений с другими людьми и т.п. Ибо тайна — это и есть «нечто неразгаданное, еще не познанное. Нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет. Скрытая причина чего-нибудь». Вместе с тем, сведения о совершенном, но нераскрытом преступлении не могут рассматриваться в качестве охраняемой законом личной тайны. Вместе с тем, если за совершенное некогда преступление человек уже понес наказание, он, как представляется, вправе претендовать на нераспространение этой своей тайны.

Гарантией неприкосновенности частной жизни, сохранения личной и семейной тайны призвана служить и норма, закрепленная в части 1 статьи 24 Конституции РФ, согласно которой сбор, хранение, использование и распространение информации о частной жизни лица без его согласия не допускается. В случаях, когда сбор такой информации осуществляется на законных основаниях, важно, чтобы она не стала достоянием посторонних лиц, а надлежащим лицом использовалась по прямому назначению.

Конституция фиксирует право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений (ч. 2 ст. 23). Ограничение этого права допускается только на основании судебного решения. Нормативные акты гарантируют соблюдение тайны переписки, телефонных переговоров, телеграфных сообщений, устанавливают юридическую ответственность за нарушение такой тайны. Лишь в установленных законом случаях при соблюдении определенного порядка государственные органы могут знакомиться с корреспонденцией граждан.

Существенный компонент свободы человека — неприкосновенность жилища. В ст. 25 Конституции РФ установлено, что жилище неприкосновенно. Никто не имеет права проникать в него против воли проживающих в нем лиц, иначе как в случаях, установленных федеральным законом, или на основании судебного решения. Неприкосновенность жилища — не только самостоятельное конституционное право человека и гражданина, но и важнейшая гарантия права на неприкосновенность частной жизни, поскольку жилище — это одно из основных мест, где проходит частная жизнь каждого человека. Аналогичная норма содержится в ст. 3 Жилищного кодекса РФ: «Жилище неприкосновенно. Никто не вправе проникать в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан иначе как в предусмотренных настоящим Кодексом целях и в предусмотренных другим федеральным законом случаях и в порядке или на основании судебного решения»¹.

Основным способом нарушения неприкосновенности жилища, запрещенным Конституцией России, является проникновение в него вопреки воле проживающих там лиц. Такое проникновение может выражаться не

¹ Жилищный кодекс РФ от 29 декабря 2004 г. № 188-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2005. — № 1 (Ч. 1). — Ст. 14.

только в тайном, открытом, обманном или насильственном вторжении с любой целью в чужое жилище, но и в отказе покинуть его лицами, которые вошли в жилище с согласия проживающих. Более того, как проникновение можно расценивать и прослушивание или наблюдение происходящего в чужом жилище с помощью тех или иных технических средств, как установленных в жилище, так и находящихся за его пределами.

Вместе с тем существуют ситуации, когда проникновение в жилище помимо воли проживающих там лиц признается правомерным. Согласно Конституции РФ это возможно: а) в случаях, установленных федеральным законом, или б) на основании судебного решения.

В соответствии с ч. 3. ст. 3 Жилищного кодекса РФ «проникновение в жилище без согласия проживающих в нем на законных основаниях граждан допускается в случаях и в порядке, которые предусмотрены федеральным законом, только в целях спасения жизни граждан и (или) их имущества, обеспечения их личной безопасности или общественной безопасности при аварийных ситуациях, стихийных бедствиях, катастрофах, массовых беспорядках либо иных обстоятельствах чрезвычайного характера, а также в целях задержания лиц, подозреваемых в совершении преступлений, пресечения совершаемых преступлений или установления обстоятельств совершенного преступления либо произошедшего несчастного случая».

Например, на основании Федерального закона «О полиции» от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ¹ и Федеральных законов «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 года № 40-ФЗ² и «Об оперативно-розыскной деятельности» от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ³ для обнаружения, пресечения или раскрытия преступления или задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления, возможно принудительное проникновение в чужое жилище. Основания для совершения таких действий перечислены непосредственно в названных законах.

Конституция РФ в ч. 1 ст. 26 признает право каждого свободно определять и указывать свою национальную принадлежность. Это означает самоидентификацию человека, связанную с осознанием им принадлежности к тому или иному этносу. Закреплено также положение и о том, что никто не может быть принужден к определению и указанию своей национальной принадлежности. Это, прежде всего, означает, что на свободу выбора гражданином своей национальности государство не должно влиять никоим образом.

¹ О полиции : федеральный закон от 7 февраля 2011 г. №3-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 7. — Ст. 900.

² О федеральной службе безопасности : федеральный закон от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ (в ред. 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 15. — Ст. 1269.

³ Об оперативно-розыскной деятельности : федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 33.

Национальность — это принадлежность человека к определенной исторически сложившейся устойчивой общности людей, образующейся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, литературного языка, особенностей культуры, психологии, традиций, обычаев, образа жизни. Отсюда национальность — явление, определяемое совокупностью целого ряда факторов, прежде всего языком, приверженностью к традициям и культуре определенного народа.

Совершенно оправданно, по мнению автора, деление конституционной формулировки на две составляющие: право каждого определять и право каждого указывать свою национальную принадлежность.

Право каждого определять свою национальную принадлежность рассматривают как элемент самоидентификации личности¹.

Это самоидентификация человека, связанная с осознанием им принадлежности к тому или иному народу (этносу), общности по причине духовной связи общим языком, культурой и т. д. По смыслу Конституции РФ, человек вправе определить свою национальную принадлежность независимо от этнонационального происхождения, хотя национальность родителей — доминирующий фактор в этом вопросе.

Рассматриваемое право относят (и вполне заслуженно, надо отметить) к основным законным интересам личности, т. е. тем интересам, благам и ценностям личности, которые находятся под защитой.

Автор с большей долей уверенности относит данное право к основополагающим принципам российского права и принципам правового положения человека и гражданина, нашедшим свое закрепление в общем виде в Конституции Российской Федерации (ст. ст. 17, 19, 21, 23, 26, 34—36 и др.) наравне с прямо закрепленными принципами социальной справедливости, равноправия граждан, единства прав и обязанностей, гуманизма и т.д.

В советский период в соответствии с Положением о паспортной системе в СССР 1974 г. национальная принадлежность человека определялась по национальности родителей, указанной в их паспортах. Если родители имели разную национальность, то при выдаче впервые паспорта по достижении 16 лет человек сам определял, какую из них вписать в паспорт. В дальнейшем запись о национальности изменению не подлежала. Графа «Национальность» являлась непременным атрибутом всякого рода анкет, иных регистрационных документов.

В настоящее время графа «Национальность» исключена из документационного оборота. Такая графа не предусматривается и в паспорте гражданина Российской Федерации. Впервые общемировая практика самоидентификации в России была применена во время Всероссийской переписи в

¹ См.: Губогло М. Н. К изучению идентичностей. Вопрос теории // Этническая мобилизация и межэтническая интеграция. — М., 1999. — С. 280—282.

2002 г.¹ Человек получил возможность добровольно самоопределиваться в национальной принадлежности. В результате вместо 126 национальностей на территории России было зафиксировано 176 этнических групп и народов. Были обнаружены новые малые народности Алтая, Дагестана, Удмуртии, Татарстана и др.²

С юридической точки зрения определение национальной принадлежности не влечет каких-либо правовых последствий, ибо национальность не может явиться основанием для предоставления лицу каких-либо особых привилегий. Конституция РФ (ст. 19) гарантирует равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от расы и национальности. Во исполнение этой нормы существует определенный правовой механизм гарантирования как на федеральном уровне, так и в субъектах Российской Федерации.

Большое значение имеет право на пользование родным языком, на свободный выбор языка общения, воспитания, обучения и творчества (ч. 2 ст. 26). «Любое лицо имеет право на национальную принадлежность» — этот принцип закреплён в ст. 15 Всеобщей Декларации прав человека. Это означает неотъемлемое право гражданина России пользоваться своим языком, где бы он ни находился, иметь равные языковые права независимо от происхождения, социального и имущественного положения, расовой и национальной принадлежности, пола, образования, отношения к религии и места проживания. Никто не вправе навязывать человеку использование конкретного языка помимо его воли.

Конституция России гарантирует сохранение и равноправие национальных языков, свободу выбора и использования языка общения, воспитания, обучения и творчества. Граждане РФ, относящие себя к определенным этническим общностям, имеют право на получение основного общего образования на национальном языке и на выбор языка воспитания и обучения в рамках возможностей, предоставляемых системой образования Российской Федерации.

В соответствии со статьей 5 Закона РФ «О языках народов Российской Федерации» от 25 октября 1991 года № 1807-1³ государство гарантирует гражданам Российской Федерации осуществление основных прав и свобод вне зависимости от их знания какого-либо языка.

¹ О Всероссийской переписи населения: федеральный закон от 25 января 2002 г. № 8-ФЗ (в ред. от 2.07.2013) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 4. — Ст. 252.

² См.: Сухова С. Лицо российской национальности. Интервью с В. Зориным // Итоги. — 2002. — 12 ноября. — С. 18.

³ О языках народов Российской Федерации : закон Российской Федерации (в ред. от 12.03.2014) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 50. — Ст. 1740.

Будучи национальным достоянием общества, язык охраняется и поддерживается государством. Языковая политика как одна из составных частей государственной политики направлена на обеспечение оптимального функционирования языков во всех сферах жизни общества, их дальнейшего развития и взаимодействия. Русский язык, выполняя интеграционную функцию, является важным средством укрепления государственности, обеспечения культурного и хозяйственного развития страны.

В Конституции фиксируется и такая важная сторона свободы человека, как право каждого, кто законно находится на территории Российской Федерации, на свободу передвижения, выбор места пребывания и места жительства (ч. 1 ст. 27) в пределах России¹. При этом каждый человек имеет право свободно выезжать за пределы Российской Федерации, а гражданин Российской Федерации — на беспрепятственное возвращение в Российскую Федерацию (ч. 2 ст. 27).

25 июня 1993 года был принят Закон РФ «О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации»². Закон впервые в российской законодательной практике установил не разрешительный, а регистрационный порядок выбора места жительства в пределах Российской Федерации. Основанное на этом законе постановление Правительства РФ от 17 июля 1995 г. № 713 «Об утверждении Правил регистрации и снятии с регистрации граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня должностных лиц, ответственных за регистрацию»³ детально излагает порядок учета места нахождения граждан, что необходимо для обеспечения условий реализации их прав и обязанностей. При этом в соответствии со ст. 62 Конституции Российской Федерации иностранные граждане и лица без гражданства, законно находящиеся на территории России, имеют право на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в том же порядке, кроме случаев, установленных федеральным законом и международным договором.

Право на свободу передвижения не ограничивается только перемещением гражданина на территории собственного государства, оно включает в

¹ Лимонова Н. А. Право граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства : учебное пособие / под ред. Т. Н. Радько — М., 2001. — С. 97.

² О праве граждан Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства в пределах Российской Федерации : закон Российской Федерации от 25 июня 1993 г. № 5242-1 (в ред. от 02.06.2016) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РФ. — 1993. — № 32. — Ст. 1227.

³ Об утверждении Правил регистрации и снятии с регистрации граждан Российской Федерации с регистрационного учета по месту пребывания и по месту жительства в пределах Российской Федерации и перечня должностных лиц, ответственных за регистрацию : постановление Правительства Российской Федерации от 17 июля 1995 г. № 713 (в ред. от 95.02.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 30. — Ст. 2939.

себя и право свободно посещать другие государства. Конституционное право граждан РФ покидать свою страну и беспрепятственно возвращаться в нее конкретизировано в Федеральном законе «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию» от 18 июля 1996 года № 114-ФЗ¹.

Право человека на свободу передвижения и выбор места жительства обеспечивается и важнейшими международными документами, участницей которых является и Российская Федерация. В частности, статья 12 Международного Пакта о гражданских и политических правах, предусматривает следующее:

1) каждому, кто законно находится на территории какого-либо государства, принадлежит в пределах этой территории, право на свободное передвижение и выбор места жительства;

2) каждый человек имеет право покидать любую страну, в том числе и свою собственную;

3) упомянутые выше права не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом, необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других и совместимы с признаваемыми в настоящем Пакте другими правами;

4) никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою собственную страну.

Аналогичным образом и статья 2 Протокола № 4 к Европейской Конвенции о защите прав человека и основных свобод гарантирует право на свободу передвижения и выбор места жительства на территории страны каждому, кто законно находится на ее территории.

В Российской Федерации каждому гарантируется свобода совести, свобода вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28 Конституции РФ). Возникающие в данной области правоотношения являются логическим следствием принципа светскости государства, провозглашенного в качестве одной из основ конституционного строя РФ в части 1 статьи 14 Конституции РФ, и регулируются Федеральным законом «О свободе совести и о религиозных объединениях» от 19 сентября 1997 года № 125-ФЗ².

¹ О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию : федеральный закон от 15 августа 1996 г. №114-ФЗ (в ред. от 06.07.2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации - 1996. - № 34. - Ст. 4029.

² О свободе совести и о религиозных объединениях : федеральный закон от 26 сентября 1997 г. № 125-ФЗ (в ред. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 39. — Ст. 4465.

Достижение свободы совести — неперенное условие на пути создания демократического общественного строя, потому что демократия включает в себя в качестве важнейшего средства защиты гражданина от господства любых учений, как материалистических, так и идеалистических.

Человек обладает правом иметь религиозные и иные убеждения, совершать определенные действия в соответствии с избранными убеждениями. Признание данного права свободно действовать в соответствии со своими убеждениями означает свободу быть членом уже существующих религиозных объединений, основывать новые, беспрепятственно осуществлять культовые обряды, издавать и распространять религиозную литературу, получать образование в религиозных учебных заведениях. С учетом развития нашего общества конкретизировано право не исповедовать никакой религии.

Закрепленная в части 1 статьи 29 Конституции РФ свобода мысли и слова является основополагающим правом в системе демократии, поскольку ее осуществление является одной из основных гарантий соблюдения других прав личности. Без возможности иметь доступ ко всем источникам информации гражданин не сможет свободно и в полном объеме пользоваться политическими правами. Право иметь свои собственные мысли, убеждения, мнения является неотъемлемым для каждой свободной личности. Никто без согласия человека не может вторгаться в эту глубоко личную, интимную сферу его жизни.

Свобода придерживаться любого мнения (свобода мысли) не означает свободу навязывать это мнение другим или публично выражать такое мнение, которое отвергает саму правовую свободу. Поэтому свободное выражение людьми своих мнений налагает и особые обязанности, и особую ответственность. Международная практика в интересах сохранения мира, безопасности, культуры выработала особые ограничения в пользовании данным правом. Ограничения предусмотрены статьей 19 Международного пакта о гражданских и политических правах и статьей 29 Всеобщей декларации прав человека, а также другими международными документами.

Необходимое ограничение свободы слова, введенное для защиты чести, достоинства и репутации гражданина, содержится в статье 5.61 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, которая предусматривает наказание за оскорбление, содержащееся в унижении чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме, а также в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или в средствах массовой информации. В соответствии с Законом Российской Федерации «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года № 2124-1 журналист обязан проверять достоверность сообщаемой им информации. Если у журналиста есть сомнения, он обязан перепроверить их хотя бы из двух независимых источников. К сожалению, журналисты далеко не всегда следуют этому правилу, дают непроверенную, искаженную информацию.

Клевета, содержащаяся в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации, является уголовно наказуемым деянием. В соответствии с Гражданским кодексом Российской Федерации лицо, в отношении которого в средстве массовой информации были распространены не соответствующие действительности сведения, ущемляющие его честь, достоинство или деловую репутацию, может, независимо от привлечения журналиста к уголовной ответственности, осуществлять защиту своих прав в порядке гражданского судопроизводства.

К названному праву тесно примыкает право каждого свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию любым законным способом (ч. 2 ст. 29). Перечень сведений, составляющих государственную тайну, определяется федеральным законом. Конституция гарантирует свободу массовой информации, провозглашает запрет цензуры. Важнейшей, наиболее массовой и действенной формой осуществления указанных выше прав можно назвать средства массовой информации — периодические печатные издания (газеты, журналы и т. д.), радио-, теле- и видеопрограммы, кинохронику, воздействующие часто на огромную аудиторию.

Средства массовой информации, выполняя информационную функцию, являются при этом и каналом выражения общественного мнения, и средством его формирования, и инструментом социального контроля гражданского общества над властью и государством. В соответствии со статьей 38 Закона РФ «О средствах массовой информации» от 27 декабря 1991 года № 2124-1 граждане имеют право на оперативное получение через средства массовой информации достоверных сведений о деятельности государственных органов, органов местного самоуправления, организаций, общественных объединений, их должностных лиц. Государственные органы, органы местного самоуправления, организации, общественные объединения, их должностные лица предоставляют сведения о своей деятельности средствам массовой информации по запросам редакций, а также путем проведения пресс-конференций, рассылки справочных и статистических материалов и в иных формах.

Воспринимая идею неотъемлемых прав человека и существования определенных границ человеческой свободы, конституции и уставы субъектов федерации провозглашают признанные федеральной Конституцией права и свободы в сфере личной жизни: равенство всех перед законом и судом, равенство всех в правах и свободах независимо от обстоятельств при-

родного и социального характера, в том числе равноправие мужчин и женщин (ст. 17 Конституции Республики Бурятия¹, ч. 1 ст. 20 Конституции Республики Дагестан², ч. 1 ст. 13 Устава Кемеровской области³). Особо устанавливается право каждого на такие высшие ценности сообщества людей, как жизнь, здоровье, достоинство личности, свобода, личная неприкосновенность, неприкосновенность частной жизни, личной и семейной тайны, жилища (ст. 18—21 Конституции Республики Бурятия, ч. 1 ст. 9 Устава Алтайского края⁴, ч. 2 ст. 5 Устава Курской области⁵, ст. ст. 20, 22 Устава Новосибирской области).

В некоторых конституциях и уставах находят отражение личные права и свободы, уже хорошо известные на протяжении XX в.: право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений, право на запрет сбора, хранения, использования и распространения информации о частной жизни лица; право на определение и указание своей национальной принадлежности, пользование родным языком и языком общения; право каждого законно находящегося на территории субъекта федерации свободно передвигаться, выбирать место пребывания и жительства, выезжать за пределы субъекта федерации и России (ст. ст. 22, 24 и 25 Конституции Республики Бурятия, ст. 17 Конституции Республики Саха (Якутия)⁶, ст. 22 и 23 Конституции Республики Хакасия⁷).

Важное значение имеет провозглашение свободы совести и вероисповедания: права свободно исповедовать любую религию, в основе которой нет идей человеконенавистничества, национальной и расовой розни, либо не исповедовать никакой; выбирать, иметь и распространять религиозные

¹ Конституция Республики Бурятия от 22 февраля 1994 г. (в ред. от 27.11.2015 г.) // Бурятия. — 1994. — 9 марта.

² Конституция Республики Дагестан от 10 июля 2003 г. (в ред. от 04.12.2015 г.) // Собрание законодательства Республики Дагестан. — 2003. — № 7. — Ст. 503.

³ Устав Кемеровской области от 9 апреля 1997 г. № 282-ОЗ (в ред. от 08.07.2015 г.) // Кузбасс. — 1997. — 11 июня.

⁴ Устав (Основной Закон) Алтайского края от 5 июня 1995 г. № 3-ЗС (в ред. от 01.12.2015) // Алтайская правда. — 1999. — 20 октября.

⁵ Устав Курской области : закон Курской области от 2 октября 2001 г. № 67-ЗКО (в ред. от 16.09.2013) // Сборник законодательства Курской области. — 2001. — № 4.

⁶ Конституция (Основной закон) Республики Саха (Якутия) от 4 апреля 1992 г. № 908-ХП (в ред. от 15.06.2016 г.) // Якутия. — 2002. — 12 ноября.

⁷ Конституция Республики Хакасия от 25 мая 1995 г. (в ред. от 08.04.2015) // Вестник Хакасии. — 1995. — № 25.

или иные убеждения и действовать в соответствии с ними при условии соблюдения закона (ст. 34 Конституции Республики Алтай¹, ст. 32 Конституции Кабардино-Балкарской Республики², ст. 25 Конституции Карачаево-Черкесской Республики³).

Особое место в общей системе конституционно закрепленных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации принадлежит политическим правам и свободам (ст. ст. 30—33 Конституции РФ). Наряду с гражданскими правами и свободами, политические права принадлежат к первому поколению прав человека и гражданина. Именно эти две группы прав были провозглашены буржуазно-демократическими революциями и получили юридическое признание в первых конституционных актах США, Франции и других государств в качестве естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека и гражданина. Не случайно и на международно-правовом уровне гражданские и политические права закрепляются в едином документе — Международном пакте о гражданских и политических правах 1966 года, а наряду с другими политические права закрепляются во Всеобщей декларации прав человека 1948 г.

Основная особенность политических прав и свобод заключается в том, что они самым непосредственным образом связаны с организацией и осуществлением политической власти в государстве, характеризуют положение личности в политических отношениях и обладают ярко выраженным политическим содержанием. Все это позволяет выделить следующие наиболее общие характеристики политических прав и свобод граждан России: во-первых, политические права и свободы являются средством реализации народовластия в Российской Федерации; во-вторых, политические права и свободы являются способом привлечения каждого гражданина к участию в реализации как государственной власти, так и местного самоуправления; в-третьих, в отличие от гражданских (личных) прав и свобод, которые принадлежат каждому человеку как биосоциальному существу и члену гражданского общества, политические права, как правило, принадлежат только гражданам данного государства. Эти права позволяют участвовать в управлении государственными делами, в формировании органов государственной власти и органов местного самоуправления.

На первом месте в общей системе политических прав и свобод стоит право каждого на объединение, включая право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов. Свобода деятельности общественных

¹ Конституция Республики Алтай (Основной Закон) от 7 июня 1997 г. (в ред. от 07.07.2015) // Звезда Алтая. — 1997. — 11 июля.

² Конституция Кабардино-Балкарской Республики от 1 сентября 1997 г. № 28-РЗ (в ред. от 23.04.2014) // Кабардино-Балкарская правда. — 1997. — 9 сентября.

³ Конституция (Устав) Карачаево-Черкесской Республики от 5 марта 1996 г. (в ред. от 27.12.2013) // Сборник законов и постановлений КЧР. — 1995—1999. — Часть I.

объединений гарантируется (ст. 30). Указанное право является основополагающим условием существования демократического общества. Естественно, в эпоху господства тоталитаризма в нашей стране такое право, несмотря на юридическое закрепление, фактически не существовало.

Теперь право каждого на объединение получило дальнейшее развитие и конкретизацию в Федеральных законах «Об общественных объединениях» от 19 мая 1995 года № 82-ФЗ¹, «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» от 12 января 1996 года № 10-ФЗ², в которых учтены соответствующие международные стандарты. Именно конституционное право на объединение лежит в основе свободного образования партий, многопартийности или политического плюрализма.

Это право означает беспрепятственную возможность для людей, законно находящихся на территории Российской Федерации, объединяться по интересам и целям. Иностранные граждане и лица без гражданства имеют равные права с гражданами Российской Федерации в сфере реализации данного права, за исключением случаев, установленных федеральным законом или международными договорами Российской Федерации.

Вмешательство органов государственной власти в деятельность общественных объединений не допускается. Все общественные объединения независимо от их организационно-правовых форм равны перед законом.

Конституция РФ закрепляет и право граждан Российской Федерации собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирование (ст. 31). На реализацию данного права направлен Федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»³.

Право на проведение публичных мероприятий — одно из важнейших политических прав граждан Российской Федерации, так как в России, судя по тексту статьи 31 Конституции, иностранные граждане и лица без гражданства таким правом не обладают, что не свидетельствует о какой-либо дискриминации. Такое ограничение конституционной свободы проведения публичных мероприятий только российскими гражданами не противоречит Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в которой статья 16 действительно разрешает вводить ограничения в отношении

¹ Об общественных объединениях : федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 82-ФЗ (в ред. от 02.06.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 21. — Ст. 1930.

² О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности: федеральный закон от 12 января 1996 г. № 10-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 3. — Ст. 148.

³ О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях : федеральный закон от 19 июня 2004 г. № 54-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 25. — Ст. 2485.

иностранных граждан. Каждое государство само определяет, каков режим пребывающих на ее территории неграждан.

Осуществление права собираться мирно и без оружия, проводить митинги, уличные шествия, демонстрации и пикетирование не должно нарушать права и свободы других лиц. Запрещается использование этого права для насильственного изменения конституционного строя, разжигания расовой, национальной, классовой, религиозной ненависти, для пропаганды насилия и войны. Такие ограничения вытекают из положений статей 13 и 29 Конституции РФ и Декларации прав и свобод человека и гражданина. Мирное проведение публичных мероприятий предполагает, что они не должны угрожать общественному порядку и общественной безопасности, нормальному функционированию предприятий, учреждений и организаций, мешать работе пассажирского транспорта.

Статья 7 Федерального закона «О статусе военнослужащих» от 27 мая 1998 года № 76-ФЗ¹ предусматривает, что «военнослужащие вправе в свободное от исполнения обязанностей военной службы время мирно, без оружия участвовать в собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетировании, проводимых вне территории воинской части».

В служебное время военнослужащие принимают участие в собраниях и общественных мероприятиях в порядке, предусмотренном общевоинскими уставами Вооруженных Сил Российской Федерации. Закон запрещает участие военнослужащих в забастовках.

Одним из важнейших политических прав и свобод является право граждан Российской Федерации участвовать в управлении делами государства как непосредственно, так и через своих представителей (ч. 1 ст. 32 Конституции РФ). Здесь указаны и главные формы осуществления этого права: 1) непосредственно (непосредственная демократия) и 2) через представителей (представительная демократия). К формам непосредственной демократии относятся следующие права: на участие в референдуме, на петиции (коллективные и индивидуальные обращения в государственные органы), на манифестации, пассивное избирательное право. К формам представительной демократии относятся: активное избирательное право, право на объединение, поскольку при реализации этих прав граждан участвует в управлении через избираемых им представителей. Однако некоторые категории граждан не имеют права избираться и быть избранными. Например, граждане, признанные судом недееспособными, а также содержащиеся в местах лишения свободы по приговору суда, занимающие какую-либо государственную должность, имеющие какой-либо выборный мандат или определенное занятие. Так, в соответствии с ч. 3 ст. 4 Федерального закона

¹ О статусе военнослужащих : федеральный закон от 27 мая 1998 г. № 76-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 22. — Ст. 2331.

Российской Федерации «О прокуратуре Российской Федерации» от 17 января 1992 г. № 2202-1¹ прокуроры не могут быть членами выборных и иных органов, образуемых органами государственной власти и органами местного самоуправления.

П. 1 ч. 3 ст. 3 Закона Российской Федерации «О статусе судей в Российской Федерации» от 26 июня 1992 г. № 3132-1² запрещает судье замещать иные государственные должности, должности государственной службы, муниципальные должности, должности муниципальной службы, быть третейским судьей, арбитром. Несоблюдение этого требования может повлечь за собой прекращение полномочий судьи.

Конституцией РФ закреплено право граждан Российской Федерации на равный доступ к государственной службе (ч. 4 ст. 32), согласно которому каждый гражданин должен без какой бы то ни было дискриминации и без необоснованных ограничений допускаться в своей стране на общих условиях равенства к государственной службе. Очевидным пробелом Конституции является отсутствие в ней такой же нормы, относящейся к муниципальной службе. Хотя, впрочем, такие нормы имеются в Федеральном законе от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ «О муниципальной службе в Российской Федерации»³, предметом регулирования которого являются отношения, связанные с поступлением на муниципальную службу граждан Российской Федерации, граждан иностранных государств — участников международных договоров Российской Федерации, в соответствии с которыми иностранные граждане имеют право находиться на муниципальной службе, прохождением и прекращением муниципальной службы, а также с определением правового положения (статуса) муниципальных служащих.

Федеральным законом от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ «О системе государственной службы Российской Федерации»⁴ в соответствии с Конституцией Российской Федерации определяются правовые и организационные основы системы государственной службы Российской Федерации (государственной гражданской, военной и правоохранительной служб), в том числе системы управления государственной службой Российской Федерации. Приняты Федеральные законы «О государственной гражданской службе Российской

¹ О прокуратуре Российской Федерации : федеральный закон от 17 января 1992 № 2202-1 (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 47. — Ст. 4472.

² О статусе судей в Российской Федерации : федеральный закон от 26 июня 1992 г. № 3132-1 (в ред. от 03.07.2016) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 30. — Ст. 1792.

³ О муниципальной службе в Российской Федерации : федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ (в ред. от 30.06.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2007. — № 10. — Ст. 1152.

⁴ О системе государственной службы Российской Федерации : федеральный закон от 27 мая 2003 г. № 58-ФЗ (в ред. от 13.07.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2003. — № 22. — Ст. 2063.

Федерации»¹ и «О воинской обязанности и военной службе»². Вместе с тем до сих пор без должного законодательного внимания остается правоохранительная служба, что, безусловно, отрицательно сказывается на процессе реформирования правоохранительной системы Российской Федерации.

Установлено право граждан Российской Федерации на участие в отправлении правосудия (ч. 5 ст. 32). Носителями судебной власти являются исключительно граждане Российской Федерации, имеющие в соответствии с Конституцией РФ право на участие в отправлении правосудия. Это право может быть реализовано путем занятия судебных должностей, а также участия в отправлении правосудия в качестве заседателя (присяжного, арбитражного³).

Все судьи Российской Федерации обладают единым статусом и различаются между собой только полномочиями и компетенцией, которые установлены Законом Российской Федерации от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации», Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»⁴, Федеральным конституционным законом от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ «О судах общей юрисдикции в Российской Федерации»⁵, Федеральным конституционным законом от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»⁶, Федеральным конституционным законом от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации»⁷, Федеральным конституционным законом от 23 июня

¹ О государственной гражданской службе Российской Федерации : федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. — № 31. — Ст. 3215.

² О воинской обязанности и военной службе : федеральный закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ (в ред. от 04.07.2016 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 13. — Ст. 1475.

³ О присяжных заседателях федеральных судов общей юрисдикции в Российской Федерации : федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 113-ФЗ (в ред. от 04.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 34. — Ст. 3528; Об арбитражных заседателях арбитражных судов субъектов Российской Федерации: федеральный закон от 30 мая 2001 г. № 70-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 23. — Ст. 2288.

⁴ О судебной системе Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 05.02.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 1. — Ст. 1.

⁵ О судах общей юрисдикции в Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 7 февраля 2011 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 21.07.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 7. — Ст. 898.

⁶ О Конституционном Суде Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 14.12.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 13. — Ст. 1447.

⁷ О Верховном Суде Российской Федерации: федеральный конституционный закон от 5 февраля 2014 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 15.02.2016) // Российская газета. — 2014. — 7 февраля.

1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»¹. Судьи в Российской Федерации независимы, несменяемы, неприкосновенны.

В целях обеспечения участия граждан Российской Федерации в управлении делами государства и в местном самоуправлении, а также следуя необходимости создания гарантий защиты прав личности в ее взаимоотношениях с государством в лице носителей публичной власти, Конституция Российской Федерации закрепляет право граждан Российской Федерации обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления (ст. 33), которое в совокупности с другими элементами правового статуса личности позволяет гражданам выразить свое отношение к деятельности публичной власти, свои потребности (как личные, так и публичные) в эффективной организации государственной и общественной жизни, выступает средством осуществления и охраны прав и свобод граждан и одновременно — через выявление конкретных проблем и возможных путей их решения — способом оптимизации деятельности органов публичной власти.

Сегодня с уверенностью можно сказать, что это единственное право, посредством реализации которого можно оградить все остальные права от их нарушения, а если они нарушены, то прибегнуть к их восстановлению.

Долгое время основным нормативным правовым актом, регулирующим вопросы, связанные с обращениями граждан, являлся Указ Президиума Верховного Совета СССР «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан» от 12 апреля 1968 г. № 2534-VII². Несовершенство действующего законодательства послужило основанием для принятия Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации»³. Под обращением гражданина, данный Федеральный закон понимает направленные в государственный орган, орган местного самоуправления или должностному лицу в письменной форме или в форме электронного документа предложение, заявление или жалобу, а также устное обращение гражданина в государственный орган, орган местного самоуправления. Статья 33 Конституции РФ устанавливает в качестве субъектов обращения только граждан Российской Федерации, которые имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в органы публичной власти. В данном случае

¹ О военных судах Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1999. — № 26. — Ст. 3170.

² О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан : указ Президиума ВС СССР от 12 апреля 1968 г. № 2534-VII (утратил силу) // Ведомости Верховного Совета СССР. — 1968. — № 17. — Ст. 144.

³ О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации: федеральный закон от 2 мая 2006 г. №59-ФЗ (в ред. от 03.11.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 19. — Ст. 2060.

напрашиваются, по меньшей мере, два вопроса: 1. Могут ли иностранные граждане и лица без гражданства, законно находящиеся на территории Российской Федерации, реализовывать право на обращение? 2. Обладают ли данным правом объединения граждан, включая юридические лица, а также осуществляющие публично значимые функции государственные и муниципальные учреждения и иные организации? И если да, то в какой мере?

Ответ на эти вопросы можно найти в Постановлении Конституционного Суда РФ от 18 июля 2012 г. № 19-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области»¹. В частности (касается первого вопроса), Конституционный Суд Российской Федерации отметил, что «законодательную основу регулирования правоотношений, связанных с реализацией гражданами Российской Федерации конституционного права на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления, образует Федеральный закон «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации», который определяет права и обязанности участников соответствующих отношений как на государственном, так и на муниципальном уровне, базовые гарантии, порядок рассмотрения обращений граждан.

Закрепляя принцип свободной и добровольной реализации гражданами Российской Федерации права на обращение и одновременно недопустимость нарушения при осуществлении данного права прав и свобод других лиц, названный Федеральный закон содержит требования, направленные на защиту чести и достоинства личности, охрану общественных отношений в сфере рассмотрения обращений граждан (часть 2 статьи 2, часть 3 статьи 11 и др.). Исходя из того, что Конституция Российской Федерации признает высшей ценностью человека и закрепляет права и свободы человека и гражданина, т.е. физических лиц, в нем дано расширительное толкование статьи 33 Конституции Российской Федерации, непосредственно закрепляющей право на обращение только за гражданами Российской Федерации, и установлен единый порядок рассмотрения обращений граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства (части 1 и 3 статьи 1)».

Что касается второго вопроса, то здесь налицо категорическая позиция Конституционного Суда РФ «признать взаимосвязанные положения части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке

¹ По делу о проверке конституционности части 1 статьи 1, части 1 статьи 2 и статьи 3 Федерального закона «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в связи с запросом Законодательного Собрания Ростовской области : постановление Конституционного суда Российской Федерации от 18 июля 2012 г. № 19-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 31. — Ст. 4470.

рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 19 (часть 1), 30, 33, 45, 55 (часть 3) и 76, в той мере, в какой они — в силу неопределенности нормативного содержания, порождающей на практике неоднозначное их истолкование и, соответственно, возможность произвольного применения, — препятствуют распространению положений данного Федерального закона на отношения, связанные с рассмотрением органами государственной власти и органами местного самоуправления обращений объединений граждан, включая юридические лица, а также рассмотрению обращений осуществляющими публично значимые функции государственными и муниципальными учреждениями и иными организациями, в том числе введению законом субъекта Российской Федерации положений о возможности рассмотрения обращений такими учреждениями и организациями».

В данном случае федеральному законодателю ничего не остается, как, исходя из требований Конституции Российской Федерации и с учетом данного Постановления Конституционного Суда РФ, урегулировать порядок рассмотрения обращений объединений граждан и юридических лиц государственными органами и органами местного самоуправления, а также гарантии рассмотрения обращений граждан государственными учреждениями и иными организациями, осуществляющими публично значимые функции.

Итак, право на обращение гарантировано Конституцией РФ и Федеральным законом от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации». За нарушение законодательства об обращениях граждан Конституция РФ не предусматривает никаких санкций, однако они отражены в отраслевом законодательстве (административном, уголовном). Безусловно, обращения граждан — это комплексный институт. Его нельзя рассматривать только с позиций конституционного права, поскольку обращения могут быть направлены в различные органы публичной власти, государственные органы, правоохранительные и др. Кроме того, и административные процедуры различаются по своей последовательности, сущности и количеству, а за нарушения законодательства об обращениях граждан может наступать административная, уголовная, дисциплинарная ответственность.

Анализ регионального законодательства позволяет сделать вывод о том, что праву граждан на обращение в субъектах РФ не уделяется должного внимания. Свидетельство тому — практически повсеместное отсутствие на региональном уровне законов об обращениях граждан. После принятия Федерального закона об обращениях граждан на уровне регионов происходит отмена действующих нормативных правовых актов об обращениях граждан. Представляется, что такой подход регионального законодателя должен быть пересмотрен. Необходимо продолжать повсеместное принятие соответствующих законов, поскольку, как показывает практика муниципальных обра-

зований, соответствующее законодательство способствует эффективной работе с обращениями граждан. Помимо этого необходимо совершенствовать положения Федерального закона от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» в части, касающейся видов и форм обращений.

Таким образом, закрепленное в статье 33 Конституции Российской Федерации и отвечающее международно-правовым стандартам право граждан Российской Федерации на обращение в государственные органы и органы местного самоуправления является важным средством осуществления и защиты прав, свобод и законных интересов граждан, одной из форм их участия в управлении делами государства и в местном самоуправлении, инструментом взаимодействия личности и публичной власти и потому в силу статей 2, 15, 17, 18 и 45 Конституции Российской Федерации должно обеспечиваться законодателем, который обязан установить эффективный механизм его реализации и защиты.

Конституции и уставы подавляющего большинства субъектов федерации устанавливают общепризнанные демократические права и свободы в сфере политического волеизъявления граждан, участия их в управлении делами государства. Закрепляя исходное положение о том, что единственным источником государственной власти в субъекте федерации являются проживающие на его территории граждане Российской Федерации (ч. 1 ст. 1 Устава Московской области¹, ч. 1 ст. 4 Устава Санкт-Петербурга²), конституции и уставы логично устанавливают и право граждан на различные формы — прямые (посредством референдума и свободных выборов) и не прямые (посредством своих представителей) — управления государственными делами субъекта федерации и делами муниципальных образований. Так, Устав Свердловской области³ содержит норму, согласно которой народ участвует в создании и реформировании органов государственной власти и органов местного самоуправления в соответствии с Конституцией Российской Федерации, федеральными законами, Уставом Свердловской области и законами Свердловской области (ч. 2 ст. 3). В целом созвучно с Конституцией РФ и федеральными законами провозглашение субъективного активного и пассивного избирательного права на выборах депутатов представительных (законодательных) органов государственной власти и глав исполнительных органов государственной власти субъектов федерации, депутатов и должностных лиц местного самоуправления. Согласно ч. 2 ст. 20

¹ Устав Московской области : закон Московской области от 11 декабря 1996 г. № 55/96-ОЗ (в ред. от 18.10.2016) // Подмосковные известия. — 1996. — 18 декабря.

² Устав Санкт-Петербурга от 28 февраля 1998 г. (в ред. от 25.05.2016) // Вестник Законодательного Собрания Санкт-Петербурга. — 1998. — № 5—6.

³ Устав Свердловской области : закон Свердловской области от 23 декабря 2010 г. № 105-ОЗ: (в ред. от 17.10.2016) // Собрание законодательства Свердловской области. — 2011. — № 12 (2010). — Ст. 1914.

Устава Приморского края «Граждане в соответствии с федеральными законами и законами Приморского края имеют право избирать и быть избранными в органы государственной власти Приморского края и органы местного самоуправления, а также участвовать в референдуме Приморского края, местном референдуме»¹.

Новеллой российского конституционного законодательства стало закрепление права граждан на информированность о деятельности государственных и муниципальных органов. В связи с этим вызывают интерес некоторые положения ст. 19 Устава Мурманской области²: «1. Каждый имеет право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять любым законным способом информацию о деятельности органов государственной власти области, органов местного самоуправления и соответствующих должностных лиц. 2. Органы государственной власти Мурманской области и органы местного самоуправления, их должностные лица обязаны обеспечить каждому возможность ознакомления с документами и материалами, непосредственно затрагивающими его права и свободы, если иное не предусмотрено федеральными законами или законами Мурманской области». Устав Воронежской области (ст. 11)³ содержит положения, согласно которым «правовые акты органов государственной власти Воронежской области, органов местного самоуправления, образованных на территории Воронежской области, не содержащие информации, которая согласно законодательству Российской Федерации отнесена к категории информации ограниченного доступа, являются открытыми и доступными для ознакомления. Органы государственной власти Воронежской области и органы местного самоуправления формируют общедоступные фонды официальной информации. <...> Информация о назначении на должность и освобождении от должности руководителей исполнительных органов государственной власти Воронежской области, избрании (переизбрании) руководителей Воронежской областной Думы, о проведении конкурсов на замещение вакантных должностей гражданских служащих публикуется в средствах массовой информации». В Ивановской области гарантируется право на получение информации о деятельности органов государственной власти области, в частности: «Каждый имеет право на доступ к информации о деятельности органов государственной власти Ивановской области, не обосновывая необходимость ее получения. Ограничение доступа к информации допускается

¹ Устав Приморского края : закон Приморского края от 06 октября 1995 г. № 14-КЗ (в ред. от 03.11.2015) // Устав Приморского края. — 1995. — 16 октября.

² Устав Мурманской области от 26 ноября 1997 г. (в ред. от 25.12.2015) // Мурманский Вестник. — 1997. — 6 декабря.

³ Устав Воронежской области : закон Воронежской области от 7 июня 2006 г. (в ред. от 18.07.2016) // Собрание законодательства Воронежской области. — 2013. — № 28. — Ст. 870.

только в случаях, предусмотренных федеральными законами. Органы государственной власти Ивановской области обеспечивают по запросам граждан бесплатный доступ к нормативным правовым актам Ивановской области в установленном порядке. Ивановская областная Дума и Правительство Ивановской области ежегодно обнародуют отчеты о своей деятельности» (ст. 12 Устава Ивановской области¹).

Широкое распространение получило закрепление права личного, индивидуального либо коллективного обращения с заявлениями, жалобами и предложениями (петиционное право) в органы государственной власти субъекта федерации, органы местного самоуправления или к их должностным лицам с установлением сроков рассмотрения подобных петиций (ст. 40 Конституции Республики Алтай, ст. 37 Конституции Кабардино-Балкарской Республики, ст. 26 Устава Томской области, ст. 14 Устава Новосибирской области).

В конституциях и уставах находят также отражение традиционные политические права и свободы, среди которых свобода печати, массовой информации (ст. 42 Конституции Республики Татарстан², ст. 29 Устава Кемеровской области); право граждан собираться мирно, без оружия, проводить собрания, митинги и демонстрации, шествия и пикетирования (ст. 43 Конституции Республики Татарстан, ч. 4 ст. 14 Устава Алтайского края); право каждого (чаще всего лишь граждан) на объединение, т. е. образование политических, экономических, культурных, религиозных и иных общественных организаций в соответствии с федеральными законами и законами субъектов федерации (ст. 30 Конституции Республики Марий Эл³, ч. 3 ст. 14 Устава Алтайского края). При закреплении права на объединение некоторые субъекты федерации идут дальше соответствующих положений Конституции РФ. Например, Устав Алтайского края оговаривает, что иностранные граждане и лица без гражданства на территории Алтайского края могут принимать участие в деятельности общественных объединений в соответствии с федеральным законом (ч. 3 ст. 14). Устав Кемеровской области (ч. 1 ст. 27) провозглашает право на свободное объединение в общественные объединения не каждого человека, а лишь граждан (это противоречит в известной мере ст. 30 Конституции РФ), в то же время четко предписывает, что «в соответствии с Конституцией Российской Федерации и федеральным законодательством в Кемеровской области не допускается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на

¹ Устав Ивановской области : закон Ивановской области от 18 февраля 2009 г. № 20-ОЗ (в ред. от 07.07.2016) // Собрание законодательства Ивановской области. — 2009. — № 7(427).

² Конституция Республики Татарстан от 6 ноября 1992 г. (в ред. от 22.06.2012) // Республика Татарстан. — 2002. — 30 апреля.

³ Конституция Республики Марий Эл от 24 июня 1995 г. (в ред. от 31.07.2014) // Марийская правда. — 1995. — 7 июля.

насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни, осуществление экстремистской деятельности».

Социально-экономические и культурные права и свободы (ст. ст. 34—44 Конституции РФ) определяют правовое положение человека и гражданина в социально-экономической и духовной сферах общества и государства. Определяя их место и роль в общей системе прав и свобод человека и гражданина, необходимо учитывать, что для международного права и для национальных правовых систем современных демократических государств характерно отношение к правам человека как единому комплексу. Не может быть более важных и менее важных прав и свобод человека и гражданина. Все они по-своему необходимы, являются жизненно важными. Выделение же определенной группы прав и свобод в качестве ведущей, главной неизбежно ведет к недооценке, умалению роли других. Об этом свидетельствует и наш исторический опыт, когда в теории и практике советского конституционализма безусловный приоритет отдавался социально-экономическим правам в ущерб гражданским и политическим. Это вытекало из советской социалистической концепции прав человека и гражданина. Как отмечает В. М. Курицын, эта концепция исходила из того, что «именно социально-экономические права составляют реальный фундамент осуществления политических и личных прав»¹. Классическая же теория и практика буржуазного конституционализма исходили из того, что качествами основных прав человека обладают лишь гражданские и политические права и свободы; что же касается социально-экономических и культурных, то они в лучшем случае рассматривались в виде «программных установок законодателя». Потребовался достаточно длительный исторический процесс, чтобы социально-экономические права получили признание в качестве основных прав и свобод человека и гражданина и вошли в единую систему как права и свободы второго поколения.

В настоящее время социально-экономические и культурные права и свободы имеют всеобщее признание, в том числе и на международном уровне. Они нашли свое отражение во Всеобщей декларации прав человека от 10 декабря 1948 г., Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах от 16 декабря 1966 г.², а также в иных международно-правовых актах по правам человека.

По своему юридическому содержанию данные права неодинаковы. Некоторые (например, право частной собственности), по существу, являются бесспорными правами прямого действия, другие (право на отдых или

¹ Курицын В. М. История отечественного государства и права. — М., 2004. — С. 66.

² Об экономических, социальных и культурных правах: международный пакт от 16 декабря 1966 г. // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. — 1994. — № 12.

на социальное обеспечение) представляют собой субъективные права, конкретное содержание которых вытекает из действующего отраслевого законодательства, третьи (право на труд, на жилище и др.) порождают для государства только общую обязанность проводить политику содействия в их реализации. Различия в юридическом содержании порождают различную степень массовости пользования этими правами — те из них, которые лучше обеспечены, проявляют свое жизненное значение, а другие остаются на бумаге. Важная особенность этой группы прав состоит в том, что они закрепляются за каждым человеком, т. е. не зависят от гражданства их субъектов. Закрепление некоторых прав: на образование - ст. 43 Конституции РФ, на участие в культурной жизни — ст. 44 Конституции РФ, прав, связанных с взаимоотношениями детей и родителей — ст. 38 Конституции РФ — увязано с прямым установлением соответствующих обязанностей¹.

Учитывая все многообразие и неоднородность данной группы прав и свобод, закрепленных в Конституции 1993 года (ст. ст. 34—44 Конституции РФ), их можно представить в виде системного единства.

1. Экономические права и свободы, обеспечивающие свободу предпринимательской и иных форм экономической и трудовой деятельности: право частной собственности (ч. 1 ст. 35 Конституции РФ) и ее наследования (ч. 4 ст. 35 Конституции РФ); право свободного владения, пользования и распоряжения землей и другими природными ресурсами (ст. 36 Конституции РФ); право на свободу предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ); право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию (ч. 1 ст. 37 Конституции РФ); право на труд и на вознаграждение за труд (ч. 3 ст. 37 Конституции РФ).

2. Социальные права и свободы, гарантирующие человеку и гражданину достойную жизнь и защиту от негативных факторов рыночной системы: право на гарантированный минимальный размер оплаты труда (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ); право на защиту от безработицы (ч. 3 ст. 37 Конституции РФ); право на государственную защиту материнства, детства и семьи (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ); право на государственную поддержку отцовства, инвалидов и пожилых граждан (ч. 2 ст. 7 Конституции РФ); право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей (ст. 39 Конституции РФ); право на жилище (ч. 1 ст. 40 Конституции РФ), на получение жилища малоимущими гражданами бесплатно или за доступную плату (ч. 3 ст. 40 Конституции РФ); право на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ), включая бесплатную медицинскую помощь в государственных учреждениях здравоохранения (ст. 41 Конституции РФ); право на отдых (ч. 5 ст.

¹ См.: Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник для юридических вузов и факультетов. Изд. 2-е, изм. и доп. — М., 1999. — С. 221.

37 Конституции РФ); право на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии (ст. 42 Конституции РФ).

3. Социально-культурные права и свободы, способствующие свободному развитию человека и гражданина: право на индивидуальные и коллективные трудовые споры, включая право на забастовку (ч. 4 ст. 37 Конституции РФ); право на образование (ч. 1 ст. 43 Конституции РФ), на общедоступность и бесплатность дошкольного, основного общего и среднего профессионального образования (ч. 2 ст. 43 Конституции РФ); право на бесплатное получение на конкурсной основе высшего образования (ч. 3 ст. 43 Конституции РФ); свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ); свобода преподавания (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ); право на доступ к культурным ценностям, на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры (ч. 2 ст. 44 Конституции РФ); право на охрану интеллектуальной собственности (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ).

Важнейшим из этих прав является право каждого на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом экономической деятельности (ст. 34 Конституции РФ). Речь идет о свободе экономической деятельности, что является экономической базой гражданского общества или экономической базой частной жизни людей, на основе которой и для обеспечения которой создается вся политическая система и государственная власть со всеми ее институтами и рычагами управления. Свобода сама по себе и экономическая свобода в частности не могут быть безграничными, иначе они могут трансформироваться в свою противоположность. Заслугой Карла Маркса как экономиста остается то, что он показал, каким образом свободная конкуренция капиталов приводит к возрастанию концентрации материальных средств, используемых в экономической деятельности и, в конечном счете, в результате образования преобладающих монополий, ведет к нарушению ее собственных правил. Сохранение свободного рынка обосновывает государственное ограничение свободы отдельных лиц в их деятельности на рынке по своему усмотрению¹.

Предпринимательство как инициативная самостоятельная деятельность граждан и их объединений, направленная на получение прибыли, после долгих лет запрета было легализовано в нашей стране Законом РСФСР «О предприятиях и предпринимательской деятельности» от 25 декабря 1990 года². Вместе с тем статья, предусматривающая уголовную ответственность

¹ См.: Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина» / под ред. К. А. Экштайна. — М., 2000. — С. 216—217.

² О предприятиях и предпринимательской деятельности : закон РСФСР от 25 декабря 1990 г. № 445-1 (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. — 1990. — № 30. — Ст. 418.

за частнопредпринимательскую деятельность и коммерческое посредничество, была исключена из Уголовного кодекса РСФСР только год спустя — Законом РСФСР от 5 декабря 1991 года № 1981-1¹, а уголовная ответственность за спекуляцию отменена еще полутора годами позже — Законом РФ от 1 июля 1993 года № 5304-1². Поэтому трудно переоценить важность придания праву на занятие предпринимательством конституционного статуса.

В Конституции РФ говорится о предпринимательской и иной экономической деятельности. «Экономическая деятельность» — более широкое понятие, чем «предпринимательская деятельность». Всякая предпринимательская деятельность является экономической, но не всякая экономическая деятельность — предпринимательской. Экономическая деятельность, выходящая за рамки предпринимательства, может быть определена как деятельность человека, не направленная непосредственно на получение прибыли, но предполагающая использование его способностей и имущества для удовлетворения своих материальных потребностей и интересов (творчество писателя, художника, изобретателя; инвестирование сбережений; ведение подсобного хозяйства, не носящее товарного характера, и т. д.)³.

Любая экономическая, в том числе предпринимательская, деятельность должна осуществляться в определенных правовых рамках, предусмотренных действующим законодательством. Выход за эти рамки может повлечь за собой гражданско-правовую, административную и даже, при наличии предусмотренных в УК РФ условий, уголовную ответственность.

Признается и охраняется законом право частной собственности (ч. 1 ст. 35 Конституции РФ). Особое значение этого права определяется тем, что только оно может быть базой для реализации экономической свободы личности, для воплощения в жизнь права на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной не запрещенной законом деятельности, предоставленного каждому человеку статьей 34 Конституции РФ.

Содержание права частной собственности раскрывается в части 2 статьи 35 Конституции РФ как право лица владеть, пользоваться и распоряжаться принадлежащим ему имуществом единолично либо совместно с дру-

¹ О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс РСФСР, Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР и Кодекс РСФСР об административных правонарушениях : закон РСФСР от 5 декабря 1991 г. № 1982-1 (утратил силу) // Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. — 1991. — № 52. — Ст. 1867.

² О внесении изменений и дополнений в законодательные акты Российской Федерации в связи с упорядочением ответственности за незаконную торговлю : закон Российской Федерации от 1 июля 1993 г. № 5304-1 (в ред. от 26.12.2008) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1993. — № 32. — Ст. 1231.

³ Комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Ю. В. Кудрявцева. — М., 1996. — С. 146

гими лицами. При этом владение предполагает фактическое обладание имуществом, пользование — извлечение из имущества той или иной пользы, обусловленной его потребительскими свойствами, а распоряжение — возможность отчуждения имущества посредством продажи, мены, дарения или иным способом.

Ошибочным является понимание под правом частной собственности только индивидуального права одного человека. В Конституции РФ не случайно говорится о реализации этого права как единолично, так и совместно с другими лицами.

Важнейший законодательный акт России, регулирующий отношения частной собственности, — Гражданский кодекс РФ (далее ГК РФ). Именно в ГК РФ раскрывается содержание права собственности, определены основания его приобретения и прекращения, названы средства (способы) защиты. За нарушение права частной собственности действующим российским законодательством наряду с гражданско-правовой предусмотрена административная и уголовная ответственность.

В рамках современного отраслевого законодательства, регулирующего вопросы наследования (часть 3 ГК РФ), принципиально важным является закрепление гарантии права наследования имущества, принадлежащего лицу на праве частной собственности, в части 4 статьи 35 Конституции РФ.

Статья 36 Конституции РФ — это прямое продолжение статьи 35, так как в ней закреплено право граждан и их объединений иметь в частной собственности землю и другие природные ресурсы.

Специфика этих объектов частной собственности, послужившая причиной выделения их в отдельную статью, заключается в том, что именно они являются основой жизни и деятельности народов, проживающих на соответствующей территории (ч. 1 ст. 9 Конституции РФ).

Согласно Конституции РФ «владение, пользование и распоряжение землей и другими природными ресурсами осуществляется их собственниками свободно». А это означает, что земля, как и любое имущество, может не только наследоваться, но и продаваться, сдаваться в аренду и т.д. При этом государство предъявляет собственникам земли и других природных ресурсов только два требования. Свободно реализуя право собственности, они не должны:

- 1) наносить ущерб окружающей среде;
- 2) нарушать права и законные интересы иных лиц. Других ограничений действующим российским законодательством не предусмотрено.

Часть 1 статьи 37 Конституции РФ провозглашает свободу труда, которая заключается в праве каждого человека свободно распоряжаться своими способностями к определенному роду занятий. Человек самостоятельно решает вопрос о своей трудовой деятельности. Свобода труда предполагает не только право распоряжаться своими способностями, но и право не заниматься трудовой деятельностью, так как Конституция РФ 1993 года не

предусматривает обязанность трудиться, а в части 2 статьи 37 закрепляет положение о запрете принудительного труда, которое в соответствии с Конвенцией Международной организации труда № 29 «О принудительном или обязательном труде» от 28 июня 1930 года означает «всякую работу или службу, требуемую от какого-либо лица под угрозой какого-либо наказания, для которой это лицо не предложило добровольно своих услуг»¹. В то же время Конвенция указывает перечень работ, не являющихся принудительными (обязательная военная служба, выполнение гражданских обязанностей, работа по приговору суда, работа в условиях чрезвычайных обстоятельств, мелкие работы общинного характера).

Конституция РФ провозглашает Россию социальным государством, одной из главных задач которого является охрана труда и здоровья людей. Социальный характер Российского государства обусловил включение в статью 37 положения о том, что «каждый имеет право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены, на вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, а также право на защиту от безработицы». Аналогичное положение предусмотрено также в международно-правовых документах. В частности, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах провозглашает право каждого на справедливые и благоприятные условия труда. Детальная регламентация этих вопросов в нормативных актах является своего рода гарантией реализации нормы части 3 статьи 37 Конституции РФ.

По вопросам регулирования трудовых прав граждан субъекты Российской Федерации вправе принимать законы и иные нормативные правовые акты, не противоречащие положениям ст. 37 Конституции РФ и конкретизирующим ее федеральным законам, поскольку трудовое законодательство находится в совместном ведении России и ее субъектов. В них они могут устанавливать более льготные условия труда по сравнению с предусмотренными федеральным законодательством².

Конституция РФ признает также право на индивидуальные и коллективные трудовые споры (ч. 4 ст. 37 Конституции РФ) с использованием установленных Трудовым кодексом Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ³ способов их разрешения, включая право на забастовку.

¹ Относительно принудительного или обязательного труда : конвенция № 29 Международной организации труда // Ведомости ВС СССР — 1956. — № 13. — Ст. 279.

² См.: Научно-практический комментарий к Конституции Российской Федерации / отв. ред. В. В. Лазарев. — 2-е изд., доп. и перераб. — М., 2001. — С. 188.

³ Трудовой кодекс Российской Федерации от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 1 (Ч. 1). — Ст. 3.

Забастовка при наличии коллективного трудового спора является незаконной, если она была объявлена без учета сроков, процедур и требований, предусмотренных настоящим Кодексом (ст. 413).

В соответствии с частью 5 статьи 37 Конституции РФ каждый имеет право на отдых. Право на отдых является неотъемлемым и одним из основных прав человека согласно ст. 24 Всеобщей декларации прав человека. Данное право гарантируется установленными законом продолжительностью рабочего времени, выходными и праздничными днями, оплачиваемым ежегодным отпуском и регулируется трудовым законодательством. Эти гарантии предоставляются только работающим по трудовому договору, поскольку принцип свободы труда не позволяет государству регулировать рабочее время лиц, не работающих по найму.

Конституция РФ устанавливает государственную защиту материнства, детства, семьи (ч. 1 ст. 38 Конституции РФ). Защита материнства и детства, семьи носит комплексный социально-экономический характер и осуществляется путем принятия разнообразных государственных мер поощрению материнства, охране интересов матери и ребенка, укреплению семьи, ее социальной поддержке, обеспечению семейных прав граждан. Забота о детях их воспитание рассматриваются как равные права и обязанности родителей (ч. 2 ст. 38 Конституции РФ).

Среди социальных прав важное место занимает гарантированное право на социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях установленных законом (ст. 39 Конституции РФ). Содержание этого права сводится к гарантированной возможности получать государственные пенсии и социальные пособия. Аналогичная норма содержится в Международном пакте об экономических, социальных и культурных правах, в соответствии с которым признается право каждого человека на социальное обеспечение, включая социальное страхование.

Реализация этого права связана с развитием системы социального обеспечения, целью которого является поддержание прежнего минимума тех, кто нуждается в социальном обеспечении. В этом должно принимать участие не только государство, но и общество в целом. Многое зависит от условий жизни самого общества, от того, в какой мере оно обеспечено ресурсами на цели социального обеспечения, дополняющими средства, выделяемые для этой цели государством.

Развитие государственной системы социального обеспечения является необходимым направлением социальной политики, т. к. она выступает как гарантия реализации конституционного права граждан РФ на материальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей и в иных случаях.

Нельзя отрицать тот факт, что проводимые в стране реформы подчас усиливают проблему социальной защищенности населения. Такие явления,

как безработица, бедность — реальность в нашем обществе. Именно поэтому роль государства в социальном обеспечении граждан — определяющая. Эту роль можно объяснить следующим: уровень жизни граждан — это показатель уровня развития самого государства.

Закрепляется право каждого на жилище (ст. 40 Конституции РФ) — одно из самых необходимых фундаментальных прав. Конституционное право на жилище означает гарантированную для каждого гражданина РФ возможность быть обеспеченным постоянным жилищем. Оно подкреплено следующими конституционными положениями:

- во-первых, тем, что, никто не может быть произвольно лишен жилища;
- во-вторых, тем, что органы государственной власти и местного самоуправления поощряют жилищное строительство, создают условия для осуществления права на жилище;
- в-третьих, предоставлением жилища малоимущим и иным указанным в законе гражданам, нуждающимся в нем (бесплатно или за доступную плату) из государственных, муниципальных и других жилищных фондов в соответствии с установленными законом нормами.

В числе важнейших социальных прав — право каждого на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41 Конституции РФ). Под охраной здоровья понимается система мер политического, экономического, правового, социального, научного, медицинского, в том числе санитарно-противоэпидемического (профилактического), характера, осуществляемых органами государственной власти Российской Федерации, органами государственной власти субъектов Российской Федерации, органами местного самоуправления, организациями, их должностными лицами и иными лицами, гражданами в целях профилактики заболеваний, сохранения и укрепления физического и психического здоровья каждого человека, поддержания его долголетней активной жизни, предоставления ему медицинской помощи.

Право граждан на медицинскую помощь входит в состав права на охрану здоровья. Порядок обеспечения граждан медицинской помощью регламентирован в Федеральном законе от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации»¹, Федеральным законом от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации»². Государство гарантирует гражданам защиту от любых форм дискриминации, обусловленной наличием у них каких-либо заболеваний.

¹ Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации : федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.

² Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 ноября 2010 г. № 326-ФЗ (в ред. 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2010. — № 49. — Ст. 6422.

Медицинская помощь представляет собой комплекс мероприятий, направленных на поддержание и (или) восстановление здоровья и включающих в себя предоставление медицинских услуг.

Следующее конституционное право — это право каждого на благоприятную окружающую среду, право на достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного здоровью или имуществу экологическим правонарушением (ст. 42 Конституции РФ).

Законодательство в области охраны окружающей среды основывается на Конституции Российской Федерации и состоит из Федерального закона от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды»¹, других федеральных законов, а также принимаемых в соответствии с ними иных нормативных правовых актов Российской Федерации, законов и иных нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации.

Право человека на благоприятную окружающую среду носит естественный характер и относится к числу основополагающих прав. В современных условиях идет обострение экологического состояния общества, что выражается в негативном воздействии окружающей природной среды на человеческий организм, поэтому человек нуждается в гарантиях обеспечения со стороны государства права на благоприятную и безопасную окружающую среду.

Как и право на жизнь, право на окружающую среду обуславливает существование отдельного человека и общества в целом, и поэтому относится к правам как индивидуальным, так и коллективным.

По имеющимся данным, 20—30% заболеваемости населения непосредственно связано с нарастающим негативным воздействием окружающей среды. Эти данные свидетельствуют об остроте и актуальности проблемы защиты конституционного права каждого на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением.

Большое значение имеет конституционное закрепление права каждого на образование (ч. 1 ст. 43 Конституции РФ). Образование — основа всякого организованного общества. Являясь естественным правом человека, оно имеет целью удовлетворение потребности человека в информации.

Гражданам Российской Федерации гарантируется возможность получения образования независимо от пола, расы, национальности, языка, происхождения, места жительства, отношения к религии, убеждений, принадлежности к общественным организациям (объединениям), возраста, состояния здоровья, социального, имущественного и должностного положения, наличия судимости.

Ограничения прав граждан на профессиональное образование по признакам пола, возраста, состояния здоровья, наличия судимости могут быть установлены только законом.

¹ Об охране окружающей среды: федеральный закон от 10 января 2002 г. № 7-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 2. — Ст. 133.

Государство обеспечивает гражданам право на образование путем создания системы образования и соответствующих социально-экономических условий для получения образования.

Конституция РФ и Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ¹ «Об образовании в Российской Федерации» гарантируют гражданам Российской Федерации общедоступность и бесплатность в соответствии с федеральными государственными образовательными стандартами дошкольного, начального общего, основного общего и среднего общего образования, среднего профессионального образования, а также на конкурсной основе бесплатность высшего образования, если образование данного уровня гражданин получает впервые.

В целях реализации права на образование граждан, нуждающихся в социальной поддержке, государство полностью или частично несет расходы на их содержание в период получения ими образования. Категории граждан, которым предоставляется данная поддержка, порядок и размеры ее предоставления устанавливаются федеральными законами для федеральных государственных образовательных организаций, законами субъектов Российской Федерации для образовательных организаций, находящихся в ведении субъектов Российской Федерации, и муниципальных образовательных учреждений.

Государство создает гражданам с ограниченными возможностями здоровья, то есть имеющим недостатки в физическом и (или) психическом развитии, условия для получения ими образования, коррекции нарушений развития и социальной адаптации на основе специальных педагогических подходов, а также оказывает содействие в получении образования гражданами, проявившими выдающиеся способности, в том числе посредством предоставления им специальных государственных стипендий, включая стипендии для обучения за рубежом. Критерии и порядок предоставления таких стипендий устанавливаются уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

В Российской Федерации гарантируется закрепленная Конституцией РФ (ч. 1 ст. 44 Конституции РФ) свобода литературного, художественного, научного, технического и других видов творчества, преподавания. Закон охраняет интеллектуальную собственность². Свобода творчества включает в себя возможность защиты моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, интеллектуальной собственностью.

¹ Об образовании в Российской Федерации : федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 273-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2012. — № 53 (Ч. 1). — Ст. 7598.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2006. — № 52 (Ч. 1). — Ст. 5496.

Конституция РФ предусматривает право каждого на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ч. 2 ст. 44 Конституции РФ). Это право связано с обеспечением доступности достижений культуры для всех граждан.

В «Основах законодательства Российской Федерации о культуре» от 9 октября 1992 г. № 3612-1 закреплено положение о том, что права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений (ст. 9)¹.

В Российской Федерации культурная деятельность является неотъемлемым правом каждого гражданина независимо от национального и социального происхождения, языка, пола, политических, религиозных и иных убеждений, места жительства, имущественного положения, образования, профессии или других обстоятельств.

Права человека в области культурной деятельности приоритетны по отношению к правам в этой области государства и любых его структур, общественных и национальных движений, политических партий, этнических общностей, этноконфессиональных групп и религиозных организаций, профессиональных и иных объединений.

Каждый человек имеет право на все виды творческой деятельности в соответствии со своими интересами и способностями. Право человека заниматься творческой деятельностью может осуществляться как на профессиональной, так и на непрофессиональной (любительской) основе.

Каждый человек имеет право на свободный выбор нравственных, эстетических и других ценностей, на защиту государством своей культурной самобытности.

Каждый человек имеет право на приобщение к культурным ценностям, на доступ к государственным библиотечным, музейным, архивным фондам, иным собраниям во всех областях культурной деятельности. Ограничения доступности культурных ценностей по соображениям секретности или особого режима пользования устанавливаются законодательством Российской Федерации.

Лицам, не достигшим восемнадцати лет, гарантируется право бесплатного посещения музеев один раз в месяц. Порядок бесплатного посещения музеев устанавливается уполномоченным Правительством Российской Федерации федеральным органом исполнительной власти.

¹ Основы законодательства Российской Федерации о культуре : постановление Верховного Совета Российской Федерации от 9 октября 1992 г. № 3612-1 (в ред. от 28.11.2015) // Ведомости Съезда народных депутатов Российской Федерации и Верховного Совета Российской Федерации. — 1992. — № 46. — Ст. 2615.

Каждый человек без ограничения возраста имеет право на гуманитарное и художественное образование, на выбор его форм и способов в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании.

Граждане имеют право создавать ассоциации, творческие союзы, гильдии или иные культурные объединения в порядке, определяемом законодательством об общественных объединениях, вывозить за границу с целью экспонирования, иных форм публичного представления, а также с целью продажи результаты своей творческой деятельности в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации, осуществлять культурную деятельность в зарубежных странах, создавать организации культуры на территории других государств, если последнее не противоречит законодательству этих государств.

В конституциях и уставах субъектов РФ права и свободы человека и гражданина в сфере экономической, социальной и культурной жизни имеют немаловажное значение. Во многом это обусловлено достижениями предыдущей советской эпохи; утверждением новых принципов хозяйствования и социального развития; своеобразием социально-экономического и культурного положения субъектов федерации; соотношением социально-политических сил в отдельных регионах.

Соответственно конституционное (уставное) законодательство устанавливает неприкосновенность собственности в любых ее формах, недопустимость прекращения прав собственника или ограничения права собственности, кроме предусмотренных федеральным законом случаев, а также гарантирует право наследования. Никто не может быть лишен своего имущества иначе, как по решению суда; принудительное отчуждение имущества для государственных нужд может быть произведено только при условии равноценного возмещения (ст. 42 Конституции Республики Алтай, ст. 39 Конституции Кабардино-Балкарской Республики, ст. 32 Конституции Карачаево-Черкесской Республики).

Нередко в конституциях и уставах повторяются и положения федеральной Конституции о свободе хозяйственной инициативы, экономической или предпринимательской деятельности при одновременном запрете органам государственной власти соответствующего субъекта федерации и органам местного самоуправления вводить не предусмотренные законами федерации и ее субъектов ограничения (ст. 66 Устава Омской области, ст. 13 Устава Амурской области¹, ст. 7 Устава Астраханской области², ст. ст.

¹ Устав (Основной Закон) Амурской области : закон Амурской области от 13 декабря 1995 г. № 40-ОЗ (в ред. от 05.09.2016) // Амурская правда. — 1995. — 20 декабря.

² Устав Астраханской области : закон Астраханской области от 9 апреля 2007 г. № 21/2007-ОЗ (в ред. от 02.02.2016) // Сборник законов и нормативных правовых актов Астраханской области. — 2007. — № 18.

67, 68 Устава Ханты-Мансийского автономного округа¹, ст. 13 Устава Ямало-Ненецкого автономного округа²). В субъектах федерации преимущественно не декларируется право на труд, что было характерно для конституционного законодательства советского периода. Ориентируясь на Конституцию РФ (ч. 1 ст. 37), они провозглашают лишь право на свободный труд (ст. 36 Конституции Республики Ингушетия³, ч. 1 ст. 37 Конституции Республики Северная Осетия — Алания⁴, п. 1 ч. 2 ст. 10 Устава Алтайского края), охрану труда (ст. 69 Устава Челябинской области⁵).

Важное значение придается защите прав потребителей, праву каждого на здоровую окружающую среду (ст. ст. 22 и 23 Устава Хабаровского края⁶, ст. ст. 21, 25 Устава Кемеровской области, ст. ст. 69—71 Устава Челябинской области, Устав Ханты-Мансийского округа содержит целую главу «Природные ресурсы и охрана окружающей среды в Ханты-Мансийском Автономном Округе — Югре» (глава 14). Среди социальных прав особое значение отводится праву на достойные условия жизни, охрану труда и вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда, праву на индивидуальные и коллективные трудовые споры с использованием предусмотренных федеральным законом способов их разрешения, праву на отдых и пособие по безработице (ст. 34 Конституции Республики Адыгея⁷, ч. 2 ст. 6 Конституции Удмуртской Республики⁸, ст. 40 Устава Камчатского края⁹). Самостоятельное закрепление находит универсально звучащее право на социальную защиту, социальную поддержку и социальное обслуживание (ст. 18 Устава Хабаровского края, ст. 18 Устава Кемеровской области).

¹ Устав (Основной Закон) Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 26 апреля 1995 г. № 4-ОЗ (в ред. от 20.02.2014) // Собрание законодательства Ханты-Мансийского автономного округа. — 2000. — № 10. — Ст. 722.

² Устав (Основной Закон) Ямало-Ненецкого автономного округа от 28 декабря 1998 г. № 56-ЗАО (в ред. от 21.12.2015) // Ведомости Государственной Думы Ямало-Ненецкого автономного округа. — 1998. — № 10/1.

³ Конституция Республики Ингушетия от 27 февраля 1994 г. (в ред. от 13.04.2016) // Сборник Конституций субъектов федерации «Конституции Республик в составе Российской Федерации». — 1995. — Выпуск 1.

⁴ Конституция Республики Северная Осетия — Алания от 12 ноября 1994 г. (в ред. от 04.12.2013) // Северная Осетия. — 2013. — 17 декабря.

⁵ Устав (Основной Закон) Челябинской области : закон Челябинской области от 25 мая 2006 г. № 22-ЗО (в ред. от 31.03.2016) // Южноуральская панорама. — 2006. — 16 июня.

⁶ Устав Хабаровского края от 30 ноября 1995 г. № 150 (в ред. от 03.02.2016) // Тихоокеанская звезда. — 1996. — 13 января.

⁷ Конституция Республики Адыгея от 10 марта 1995 г. (в ред. от 07.10.2016) // Ведомости ЗС (Хасэ) - Парламента РА. — 1995. — № 16.

⁸ Конституция Удмуртской Республики от 7 декабря 1994 г. № 663-ХП (в ред. от 14.10.2015) // Известия Удмуртской Республики. — 1994. — 21 декабря.

⁹ Устав Камчатского края от 4 декабря 2008 г. № 141 (в ред. от 27.04.2016) // Официальные ведомости. — 2008. — 11 декабря.

Одновременно в ряде субъектов федерации фиксируется право адресной социальной защиты граждан в связи с особенностями природно-климатического (Ямало-Ненецкий и Ханты-Мансийский автономные округа) и техногенного положения на их территории.

Так, Устав Алтайского края устанавливает право на дополнительную социальную защиту жителей Алтайского края, подвергшихся радиационному воздействию вследствие ядерных испытаний на Семипалатинском полигоне (ст. 12).

Заметное место в конституциях и уставах отводится также праву на охрану здоровья и медицинскую помощь, защиту материнства и детства, праву родителей на воспитание детей и право нетрудоспособных родителей на заботу о них со стороны трудоспособных детей, праву на образование, научные исследования и использование духовных ценностей (ст. 79 Устава Ханты-Мансийского автономного округа, ст. 70. Устава Ямало-Ненецкого автономного округа, в Уставе Свердловской области содержится глава 15 «Социальная защита населения, защита семьи, материнства, отцовства и детства, охрана и укрепление здоровья граждан, охрана окружающей среды»). В отдельных конституциях (уставах) с целью подтверждения значимости прав граждан оговаривается, что любое ограничение их устанавливается исключительно законом либо запрещается (ст. 20 Конституции Республики Северная Осетия — Алания, ст. 14 Устава Ставропольского края¹).

Субъекты федерации учитывают и защищают интересы национальных меньшинств, в том числе коренных малочисленных народов. Им, как правило, уставы и конституции предоставляют дополнительные права (Устав Ханты-Мансийского автономного округа (ч. 2 ст. 2), Устав Ямало-Ненецкого автономного округа (ст. 8), Устав Камчатского края (ст. 3)).

Права и свободы в сфере правосудия. На наш взгляд, данная группа прав и свобод человека и гражданина имеет немаловажное значение в общей системе прав и свобод, провозглашенных в Конституции Российской Федерации (гражданских (личных), политических, социально-экономических и культурных). Такая роль прав и свобод человека и гражданина в сфере правосудия определяется следующими факторами:

- во-первых, они направлены на охрану и защиту других прав и свобод;
- во-вторых, они нередко выступают как права-гарантии, то есть выполняют гарантирующие функции по отношению к другим правам и свободам;
- в-третьих, последовательная реализация соответствующих прав и свобод — важное условие (гарантия) осуществления и всех других прав и свобод человека и гражданина;
- в-четвертых, они выступают в качестве инструмента утверждения гуманизма и социальной справедливости.

¹ Устав (Основной Закон) Ставропольского края: закон Ставропольского края от 12 октября 1994 г. № 6-кз (в ред. от 02.12.2015) // Ставропольская правда. — 1994. — 14 октября.

Конституция РФ (ст. 45) закрепляет право каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. При этом государственная защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется.

В Российской Федерации, как и в любом другом правовом демократическом государстве, устанавливается система государственной защиты прав и свобод российских граждан. Она включает в себя перечень государственных органов, обладающих определенной законом компетенцией по защите прав и свобод граждан. Установление такого рода государственных органов, их компетенции определяют особенности государственного устройства исторические традиции, международный опыт, требования, вытекающие из международных договоров и соглашений Российской Федерации.

В защите прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации участвуют все ветви государственной власти — законодательная, исполнительная, судебная, каждая из них самостоятельно и в пределах очерченной законом компетенции.

В ч. 2 ст. 45 Конституции Российской Федерации воплощено положение Итогового документа Венской встречи представителей государств — участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе¹ о том, что необходимо уважать право граждан самостоятельно или совместно с другими вносить активный вклад в развитие и защиту прав и свобод человека. Государственная защита не исключает права каждого защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом.

Гражданин вправе обращаться во все те государственные органы и органы местного самоуправления, в компетенцию которых входит защита прав и свобод человека и гражданина, с требованием защитить свои права и свободы. Это не исключает обращения с жалобами во все другие государственные органы и общественные организации, в средства массовой информации, которые должны разрешаться в установленном порядке.

Важное значение имеет провозглашение в Конституции РФ (ст. 46) гарантированного права на судебную защиту.

Конституция Российской Федерации гарантирует судебную защиту прав и свобод каждому гражданину РФ, иностранному гражданину и лицу без гражданства в соответствии с положением ст. 8 Всеобщей декларации прав человека, устанавливающей право каждого человека «на эффективное восстановление в правах компетентными национальными судами в случае нарушения его основных прав, предоставленных ему Конституцией и законом». Речь в данном случае идет о судебной защите всех прав и свобод человека и гражданина, закрепленных как в Конституции, так и в других нормативных актах

¹ Итоговый документ Венской встречи 1986 года представителей государств—участников Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе // Действующее международное право. — Т. 1. — М. : Московский независимый институт международного права, 1996. — С. 83—91.

Российской Федерации. Кроме того, каждый имеет право обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если есть международный договор Российской Федерации, учреждающий международно-правовой механизм защиты прав и свобод человека, и если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты. Таким образом, Российская Федерация дополняет внутригосударственные способы судебной защиты международными способами защиты прав и свобод для каждого лица, находящегося под юрисдикцией Российской Федерации.

Судебная защита в Российской Федерации осуществляется всеми судами, создание и функционирование которых предусмотрено Конституцией Российской Федерации и Федеральным конституционным законом от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации».

Конституция РФ (ст. 47) устанавливает право каждого на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. Обвиняемый в совершении преступления имеет право на рассмотрение его дела судом с участием присяжных заседателей в случаях, предусмотренных федеральным законом. В сущности, это означает создание универсальной процессуальной нормы, которая, как и другие конституционные нормы, имеет прямое действие в сферах правового регулирования уголовно-процессуального, гражданского процессуального и арбитражного процессуального законов.

Ориентируя на необходимость учета в любом случае при определении подсудности права каждого на рассмотрение его дела соответствующим судом. Конституция РФ тем самым на высшем законодательном уровне создает конкретные процессуальные условия для обеспечения лицу его права на реальный доступ к правосудию. А это, в свою очередь, является одной из предпосылок обеспечения другого конституционного права — права на судебную защиту.

Конституция РФ (ст. 48) фиксирует право-гарантию каждого на получение квалифицированной юридической помощи. Кроме того, данная статья гарантирует при совершении преступлений возможность привлечения адвоката в любое время с момента задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения и обеспечивает одинаковую юридическую защиту для всех в ней нуждающихся независимо от их экономического положения, а в случаях, предусмотренных законом, юридическая помощь оказывается бесплатно.

Ценность гарантии, закрепленной в ч. 1 ст. 48, состоит не столько в том, что каждый может сослаться на предоставляемое Конституцией РФ право бесплатной юридической помощи, сколько в том, что законодательство, регламентирующее предоставление такой помощи, может быть оспорено на предмет соответствия Конституции РФ, если эта помощь окажется неэффективной¹.

¹ См.: Лейбо Ю. И., Толстопятенко Г. П., Экштайн К. А. Научно-практический комментарий к главе 2 Конституции Российской Федерации «Права и свободы человека и гражданина». — М., 2000. — С. 321.

В квалифицированной юридической помощи нуждаются различные субъекты общественных отношений: граждане, государственные, общественные, частные, акционерные и другие организации. Однако, учитывая, что данная статья находится в главе 2 Конституции РФ «Права и свободы человека и гражданина», можно сделать вывод, что она ориентирует на обеспечение юридической помощью физического лица.

В Российской Федерации на конституционном уровне провозглашена презумпция невиновности (ст. 49 Конституции РФ), причем в такой форме, которая вполне соответствует общепризнанным международно-правовым нормам, содержащимся в ст. 11 Всеобщей декларации прав человека и ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах.

Часть 1 ст. 49 Конституции РФ прежде всего оберегает от преждевременного признания (и даже констатации) виновности в совершении преступления лица, в отношении которого вынесено постановление о привлечении его в качестве обвиняемого. Презумпция невиновности, следовательно, прежде всего адресована органам расследования и суду, но обязательна также для всех других учреждений, организаций и граждан. В сфере уголовно-процессуальных отношений — это гарантия прав обвиняемого (подозреваемого).

Из презумпции невиновности вытекает обязанность лиц, осуществляющих расследование или судебное рассмотрение уголовного дела, строго обеспечивать выполнение требований закона о полноте, всесторонности и объективности исследования обстоятельств дела. Это — одна сторона действия презумпции невиновности. В практическом плане не менее важна другая сторона ее действия, состоящая в реальном обеспечении обвиняемому (подозреваемому) права на защиту. Обязанности одних (тех, кто доказывает виновность лица) должно соответствовать право других противостоять обвинению, защищаться от него.

Конституция РФ в ч. 1 ст. 50 предусматривает охранительное право от возможного вмешательства государства. С точки зрения процессуального права принцип *ne bis in idem*, то есть никто не может быть наказан за одно и то же преступление многократно, является ограничением судопроизводства. Он обеспечивает правовую силу вынесенного приговора, гарантирует правовую безопасность и защищает индивидуальную свободу: отдельное лицо охраняется от повторного уголовного преследования. Кроме того, каждый осужденный имеет право на пересмотр его дела вышестоящим судом, а также просить о помиловании или смягчении его наказания (ч. 3 ст. 50 Конституции РФ). В соответствии со ст. 89 Конституции РФ правом на помилование наделяется Президент РФ, а если речь идет о помиловании целых групп осужденных лиц или преступников, то данным правом в соответствии со ст. 103 Конституции РФ в рамках права на амнистию обладает Государственная Дума РФ.

Огромную роль в регулировании прав человека имеет установленное Конституцией РФ (ст. 51) право свидетельствовать или не свидетельство-

вать против себя самого, своего супруга и близких родственников, круг которых определяется федеральным законом (свидетельский иммунитет). Данная статья распространяет свое действие не только на обвиняемых в совершении преступления, но также на свидетелей и потерпевших, а содержащиеся в ней правила могут быть распространены на производство об административных правонарушениях и по гражданским делам¹.

Конституция РФ (ст. 53) утверждает право жертв преступлений и злоупотреблений со стороны органов государственной власти на обращение в суд. Проблема защиты жертвы преступлений — одна из центральных проблем уголовного права, уголовной политики, законодательства. В России прямыми жертвами преступлений ежегодно становятся около двух миллионов граждан, хотя статистика этих данных не отражает. С учетом латентной преступности жертв преступлений значительно больше. Вот почему правовая защита указанных лиц — важная, постоянная, крупная по масштабу задача.

Конституция РФ (ст. 53) закрепляет право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц. При этом обязанности по возмещению вреда от указанных действий несет государство. Приведенному конституционному положению соответствует ст. 1069 ГК РФ², согласно которой подлежит возмещению вред, причиненный в результате незаконных действий (бездействия) государственных органов, органов местного самоуправления либо должностных лиц этих органов, в том числе в результате издания не соответствующего закону (или иному правовому акту) акта государственного органа или органа местного самоуправления. Как установлено той же ст. 1069 ГК РФ, вред возмещается за счет соответственно казны Российской Федерации, казны субъекта Российской Федерации или казны муниципального образования. Вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред (ч. 1 ст. 1064 ГК РФ).

Статья 53 Конституции РФ охватывает не только общую форму ответственности, предусмотренную ст. 1069 ГК РФ³, но и установленную федеральным законом специальную форму ответственности за причинение

¹ О некоторых вопросах применения судами Конституции Российской Федерации при осуществлении правосудия : постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 31 октября 1995 г. № 8 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — № 1. — 1996.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (в ред. от 23.05.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 5. — Ст. 410.

³ По жалобе открытого акционерного общества «Большевик» на нарушение конституционных прав и свобод положениями статей 15, 16 и 1069 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 20 февраля 2002 г. № 22-О // Экономика и жизнь. — 2002. — № 16.

вреда незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда (ст. 1070 ГК РФ). Возмещение такого вреда производится «за счет казны Российской Федерации или казны муниципального образования в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом» (ч. 1 ст. 1070 ГК РФ)¹.

В сфере правосудия большое значение имеют также следующие конституционные положения: Закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон (ст. 54 Конституции РФ). Речь в данном случае идет о принципе законности преследования лиц, совершивших правонарушение.

Запрет обратной силы отягчающего ответственность закона является правилом, которое следует из требования правовой безопасности. Данное наиважнейшее требование неукоснительно соблюдается законодателем в правовом государстве. Смысл его состоит в следующем: каждый в любой момент должен отдавать себе отчет в том, какие последствия для его действий предусмотрены в законодательстве.

Обратная сила закона имеет место в том случае, если закон предусматривает правовые последствия применительно к обстоятельствам дела, которое уже было завершено до момента вступления закона в силу. В принципе, обратная сила закона в прямом смысле не допускается.

Только соображения общего блага могут в других отраслях права и в исключительных случаях допускать обратную силу закона. Обязательным условием при этом служит четкое постановление об обратной силе соответствующего закона и соблюдение запрета чрезмерных действий. Дополнительно следует установить, не нарушаются ли в результате обратного действия закона права и свободы человека и гражданина.

Конституции и уставы субъектов Российской Федерации также не остались в стороне в деле провозглашения прав-гарантий в сфере правосудия.

Так, например, нашли свое закрепление право каждого на защиту своих прав и свобод, а также прав и свобод других лиц всеми не запрещенными законом способами (ст. 28 Устава Оренбургской области², ст. 13 Устава Новосибирской области, ст. 19 Устава Приморского края, п. 1 ч. 1);

¹ По жалобе гражданки Аликиной Татьяны Николаевны на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда Российской Федерации от 4 декабря 2003 г. № 440-О // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2004. — № 7. — Ст. 596.

² Устав (Основной Закон) Оренбургской области : закон Оренбургской области от 20 ноября 2000 г. № 724/ 213-ОЗ (в ред. от 26.10.2016) // Оренбуржье. — 2014. — 16 января.

права каждого на возмещение государством (муниципальным образованием) вреда, причиненного незаконным действием или бездействием органов государственной власти, местного самоуправления или их должностных лиц (ст. 27 Устава Оренбургской области, ст. 24 Устава Томской области¹); гарантируется право на получение квалифицированной юридической помощи (п. 3 ч. 1 ст. 19 Устава Свердловской области, ст. 51 Конституции Республики Башкортостан², в ст. 11 Устава Брянской области³ указано, что данная помощь в порядке и в случаях, предусмотренных федеральным законодательством и законами Брянской области, оказывается бесплатно).

Конституция Республики Башкортостан (ст. 59) содержит норму, согласно которой «закон Республики Башкортостан, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет. Никто не может нести ответственность за деяние, которое в момент его совершения не признавалось правонарушением. Если после совершения правонарушения ответственность за него устранена или смягчена, применяется новый закон».

В Новосибирской области гражданам обеспечивается судебная защита прав и свобод и квалифицированная юридическая помощь в установленных федеральным законом формах, в том числе путем создания Уставного суда Новосибирской области и должностей мировых судей Новосибирской области (ст. 13 Устава Новосибирской области⁴).

Таким образом, приведенная выше универсальная классификация является, на наш взгляд, начальной базой, фундаментом для последующей более дифференцированной систематизации, необходимой для понимания того, что же может охранять, обеспечивать государство и его органы.

Все права человека являются универсальными, незаменимыми, взаимосвязанными и взаимозависимыми. Каждый человек должен пользоваться не только гражданскими, политическими и социально-экономическими правами и свободами, но и правами и свободами в сфере правосудия и другими правами и свободами. Поскольку, как известно, идеал свободной личности, независимой от страха и нужды, может быть осуществлен только в том случае, если государством будут созданы такие политические и социально-экономические условия, при которых каждый сможет пользоваться всеми своими правами.

¹ Устав (Основной Закон) Томской области от 26 июля 1995 г. № 136 (в ред. от 15.05.2015) // Официальные ведомости Государственной Думы Томской Области (сборник нормативных правовых актов). — Спецвыпуск. — 2002.

² Конституция Республики Башкортостан от 24 декабря 1993 г. № ВС-22/15 (в ред. от 04.03.2014) // Ведомости Государственного Собрания, Президента и Кабинета Министров Республики Башкортостан. — 2003. — № 1(157). — Ст. 3.

³ Устав Брянской области : закон Брянской области от 20 декабря 2012 г. № 91-3 (в ред. от 06.04.2015) // Официальная Брянщина. — 2012. — 21 декабря.

⁴ Устав Новосибирской области : областной закон Новосибирской области от 18 апреля 2005 г. № 282-ОЗ (в ред. от 27.09.2016) // Ведомости Новосибирского областного Совета депутатов. — 2005. — № 16.

Глава 3

СОВРЕМЕННЫЙ ОРГАНИЗАЦИОННО-ПРАВОВОЙ МЕХАНИЗМ ОБЕСПЕЧЕНИЯ, ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВ И СВОБОД ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

3.1. Конституционно-правовой анализ понятий «обеспечение», «реализация» («осуществление»), «охрана» и «защита» в контексте прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации

Права и свободы человека и гражданина в современном мире выступают необходимым инструментом цивилизованного взаимодействия между людьми и государством.

В настоящее время идея развития Российской Федерации как правового государства, ее взаимоотношений с обществом определяется не только особенностями реализации прав и свобод человека и гражданина, но и эффективной системой их охраны и защиты. Тем более что за последние годы активного развития социально-экономических и политических реформ в России сформированы достаточные условия для реализации основ демократического правового государства и гражданского общества.

Конституция РФ 1993 г. закрепляет широкий круг прав и свобод. Построенная на принципах демократии, гуманизма, разделения властей, она сформировала такую основу государственного обеспечения прав и свобод человека и гражданина, где органы власти и местного самоуправления обязаны придерживаться концептуальной основы российской Конституции — закрепление прав и свобод человека в качестве высшей ценности (ст. 2 Конституции РФ). От их должного обеспечения и соблюдения зависит формирование гражданского общества и правового государства в целом. Приоритетной задачей российского государства остается создание дополнительных гарантий и качественных механизмов реализации прав и свобод личности.

С одной стороны, рассмотрение вопроса реализации прав человека, их охраны и защиты обусловлено признанием их в качестве основы конституционного строя и высшей ценности государства. Данное положение нашло свое продолжение во второй главе Конституции РФ. С другой стороны, российские демократы проявляют все большую активность в части развития демократических основ и построения правового государства.

Не случайно, Е. А. Лукашева, изучая особенности развития теории правового государства, отметила: «Идея развития полноценного правового государства неотделима от принципа неотъемлемости основных, неотчуждаемых, естественных прав человека. Правовое государство, ставя во главу такой принцип, тем самым приобретает качество ориентирующего начала для законодателя... Правовое государство есть форма ограничения притязаний власти правами и свободами человека. Права и свободы индивида — важнейший противовес всецелости государственной власти, призванный

обеспечить ее ограничение и самоограничение. Поэтому приоритет прав человека по отношению к государству будет первичным определяющим, системообразующим признаком правового государства, с которым связаны иные его признаки, служащие осуществлению свободы и прав человека: построение государственной и общественной жизни на принципах права, разделение властей, взаимная ответственность индивида и государства»¹.

Как подчеркивает И. И. Котляр, основополагающим принципом правового государства является принцип неотчуждаемости прав и свобод человека. Реализация его является условием утверждения правовой формы и правового характера отношений между публичной властью и подвластными как субъектами права.²

Потому идея развития учения о правах человека характеризуется таким важным обстоятельством, как научное понимание идей равенства, неотчуждаемости в правовом отношении человека и государства и утверждение этих принципов в жизни общества. Но, чтобы должным образом реализовать эти принципы, необходимо создать реальные возможности обеспечения охраны и защиты прав человека.

Следовательно, обязательными атрибутивными элементами в познании сущности правового государства являются должное обеспечение прав человека и их защита. Без признания прав человека и эффективно организованной их защиты не мыслится правовое государство как таковое.

Признание прав человека Российской Федерацией в 1991 г. — эпохальный исторический выбор в пользу правового государства, нерасторжимого единства прав человека и их защиты. Закрепление такого принципа на конституционном уровне означает прежде всего его ориентирующее значение в деятельности органов государства, а также служит основой в совершенствовании действующей системы прав и свобод личности в условиях развития демократических основ общества. «По своей природе авторитет государства вторичен. И если не признается высшая ценность человека и гражданина, то не может быть и речи о признании ценности самого государства... Задача государства — защищать человека как данность, а не формировать или преобразовывать его в духе надуманных идеалов»³. Для российской правовой системы это означает необходимость существенной переориентации всего законодательства, всей системы правового регулирования⁴.

¹ Лукашева Е. А. Общая теория прав человека. — М. : Норма, 1996.

² См.: Котляр И. И. Права человека : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. — М. : Тесей, 2002. — С. 101.

³ Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право РФ. Изд. 2-е, перераб. и доп. — М., 2001. — С. 51.

⁴ См.: Гусев А. Д. О правах человека и гражданина // Социально-гуманитарные знания. — 2000. — № 3.

В настоящее время проблема должной реализации основных прав и свобод остается сложной. Возникает много вопросов, связанных с самой защитой и охраной прав и свобод человека, как в теоретическом, так и в практическом плане. К сожалению, среди должностных лиц и населения широкое распространение получил правовой нигилизм.

Профессор М. В. Баглай справедливо отмечает: «...Прямые нарушения конституции редко сопровождаются какими-либо санкциями против нарушителей. Правовой нигилизм — тяжелое наследие ушедшей тоталитарной системы... Пытаться устранить все коллизии — это все равно, что устранить жизнь, но определить пути их мирного преодоления на перспективу — важная задача науки и практики конституционного права»¹. Главная опасность правового нигилизма в том, что он, подобно вирусу, внедряется и поражает духовные, нравственные, культурные устои общественного бытия. Морально-правовые ценности становятся аморфными, утрачивают адекватность общечеловеческим идеалам, что ведет к снижению предупредительной силы закона. Это, в свою очередь, мешает принятию своевременных правильных решений по вопросам, возникающим у граждан в различных социальных и правовых сферах деятельности.

Исследователи в области правового нигилизма утверждают, что первоначальным источником его проявления является внутренний конфликт у определенной части населения между несогласием с предложенным законопроектом и внешней необходимостью соблюдения уже принятого нормативно-правового акта. Он может выражаться в нескольких вариантах: либо в виде прямого преднамеренного нарушения правовых норм, либо несоблюдения и неисполнения правовых норм, когда субъекты (граждане, должностные лица, государственные органы, общественные организации) не соотносят свое поведение с требованиями правовых норм, либо издания правовых актов, противоречащих Конституции, либо нарушения прав человека².

Конечно, в науке конституционного права России проделана большая работа в части изучения прав и свобод человека. Это дает возможность продолжать поиск путей совершенствования правозащитных механизмов реализации таких прав, адекватных и доступных процедур, прибегая к которым человек действительно может почувствовать себя, по конституционному определению, «высшей ценностью»³. Однако не только факт наличия правового нигилизма в обществе ведет к затруднению осуществления прав и

¹ Баглай М. В. Конституционное право РФ. — М. : Норма, 1997. — С. 32.

² См.: Баранов П. П. Профессиональное правосознание работников органов внутренних дел. — М., 1991. — С. 83—86; Общая теория государства и права. Академический курс. Т. 2. — С. 386—458.

³ См.: Мархгейм М. В. Защита прав и свобод человека и гражданина в современной России: системная конституционная модель, проблемы ее функционирования и совершенствования : монография. — Ростов-на-Дону : Ростиздат, 2005. — С. 7.

свобод. Да и в самой правоприменительной деятельности порой присутствуют факты их нарушения представителями власти. Это ведет к формированию недоверия индивидов к государству¹. Нередко возникают такие ситуации, когда власть не следует ей же принятым принципам, допускаются нарушения законности. Либо сами люди при осуществлении своих прав и свобод не всегда достаточно объективно соотносят их с правами и свободами других людей, подчас ущемляя или нарушая их. Это неизбежно приводит к возникновению конфликтов и противостоянию интересов. Указанные обстоятельства являются еще одной причиной для защиты прав и свобод человека не только от органов власти, но и от самого общества².

Например, социологические исследования, проведенные специалистами АНО «Левада-Центр», показали, у что населения присутствует достаточно невысокий уровень доверия к институту власти³. Тогда как верно отмечается, что «именно от государства во многом зависят и настрой граждан, и их патриотизм, и мотивации на лучшие ценности и установки»⁴.

Основная причина, по мнению исследователей, кроется в халатности отношения чиновников к своим должностным обязанностям. По результатам опроса было установлено, что власть в настоящее время оторвана от людей по мнению 61% опрошенных, тогда как лишь 35% респондентов выразили свое согласие с тем, что институт власти с уважением относится к обществу. 49% респондентов согласились с тем, что «чиновники не допускают граждан до принятия важных решений». Появлению таких установок у граждан во многом способствует чувство незащищенности от произвола власти, а сложившееся в государстве отношение к людям в различных сферах их деятельности (правовой, социальной) по большей части воспринимается как уже вошедшее в привычку, но несправедливое. При этом граждан, при столь низкой оценке демократических основ, продолжают убеждать, что они живут в подлинно правовом демократическом государстве⁵.

Подобное развитие событий ведет к отдалению Российской Федерации от такого конституционного качества государства, как правовое (ст. 1 Конституции РФ). Соответственно, ослабляются его возможности в развитии действенных и надежных гарантий обеспечения прав человека. Поэтому

¹ См.: Беспалова М. А. Правовое закрепление государственного суверенитета в современных европейских странах : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2014.

² См.: Никитяева В. В. Конституционное правосознание: вопросы теории и практики / под ред. засл. юриста РФ, д-ра юрид. наук, проф. Т. Д. Зражевской. — Воронеж : Научная книга, 2005. — С. 87, 88.

³ См.: Козин С. В. Отношение граждан Российской Федерации к институту власти // Политология. Социология. — 2016. — № 30 (февраль) [Электронный ресурс]. — URL: <http://sci—article.ru/stat.php?i=1454580513> (дата обращения: 10.10.2016).

⁴ Козин С. В., Кольцов П. М., Емцева Т. Е. Профессиональная социальная работа с молодежью в РФ // Электронный периодический рецензируемый научный журнал SKI—ARTICLE.RU. — 2015. — № 25 (сентябрь). — С. 73—82.

⁵ См.: Козин С. В. Указ. соч.

в настоящее время одно из ведущих мест в отечественной юридической науке отводится научным теоретико-правовым исследованиям в области защиты и охраны прав и свобод личности в России.

Защита прав и свобод человека и гражданина является как конституционно-правовой, так и международно-правовой обязанностью государства.

С одной стороны, ведущий принцип, закрепленный в ст. 2 Конституции РФ, получил свое развитие в нормах главы второй Конституции. Помимо Конституции РФ на идею защиты и охраны прав человека ориентировано и текущее законодательство. Примером тому являются Гражданский кодекс РФ¹, Гражданский процессуальный кодекс РФ², Уголовный кодекс РФ³, Уголовно-процессуальный кодекс РФ⁴, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях⁵ и ряд других федеральных конституционных и федеральных законов, подзаконных актов органов государственной власти, субъектов РФ.

С другой стороны, поскольку Россия стремится к построению подлинно правового государства, общепризнанные международные принципы и нормы, охватывающие права и свободы личности, должны развиваться и во внутреннем законодательстве. Не случайно законодатель прямо предусмотрел в Конституции РФ норму о том, что общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются частью ее правовой системы. Если международным договором установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора (ч. 4 ст. 15). Закрепление этого принципа на конституционном уровне означает, что Российская Федерация включилась в общемировой процесс сотрудничества в области прав человека. Тем более, что при продолжающейся интеграции России в мировое сообщество все больше усиливается тенденция сближения внутригосударственного и международного права, что в особой степени затрагивает сферу прав человека. На международном уровне после принятия Устава ООН

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (с изм. от 2.10.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1994. — № 32. — Ст. 3301.

² Гражданско-процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2014 г. № 138-ФЗ (с изм. от 3.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2002. — № 46. — Ст. 4532.

³ Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 06.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.

⁴ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 01.09.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 52 (ч.1). — Ст. 4921.

⁵ Кодекс об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 № 195-ФЗ (с изм. от 03.10.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2001. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

(Сан-Франциско, 25 июня 1945 г.) был разработан и утвержден ряд международных актов в области прав человека. В частности, Международный билль о правах человека, включающий в себя Всеобщую декларацию о правах человека (1948)¹, Международный пакт об экономических и социальных правах (1966)², Международный пакт о гражданских и политических правах (1966)³, Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах (1966), второй Факультативный протокол к Международному пакту о гражданских и политических правах, направленный на отмену смертной казни.

Центральное место занимают Пакты о правах человека 1966 года⁴, Европейская конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября, 1950 г.)⁵. Важное значение имеет Декларация о правах человека 1948 года, которая формально не является международным договором, но перечисляет принципы и нормы, ставшие общепризнанными.

Для контролирования выполнения государствами обязательств по защите прав человека в рамках ООН действуют конвенционные органы по правам человека. Для этой цели создано семь комитетов (в соответствии с основными международными договорами ООН по защите прав человека). В частности, это Комитет по правам человека, Комитет по расовой дискриминации, Комитет по ликвидации дискриминации в отношении женщин, Комитет по экономическим, социальным и культурным правам, Комитет против пыток, Комитет по правам ребенка, Комитет по защите всех трудящихся мигрантов и членов их семей и Комитет по правам лиц с ограниченными возможностями.

Следует отметить, что важной особенностью Конституции РФ 1993 г. стало признание естественно-правовой природы прав человека, которые принадлежат ему от рождения и неотчуждаемы (ч. 2 ст. 17). Соответственно, в связи с этим конституционным положением повысилась ответственность государства в обеспечении соблюдения и защиты прав граждан, но одновременно и ограничилась его роль в их установлении. Подобное конституционное положение, по мнению В. Я. Кикотя, является неременным важным ориентирующим началом в осуществлении своей деятельности органами государственной власти и управления, органами местного самоуправления,

¹ Международная защита прав и свобод человека : сборник документов. — М. : Юридическая литература, 1990. — С. 14—20.

² Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.

³ Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.

⁴ Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.

⁵ Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 2. — Ст. 163.

поскольку. В качестве содержательного элемента неотчуждаемости прав и свобод человека называется недействительность отказа от них¹.

Кроме того, специфика конституционной защиты прав и свобод человека и гражданина состоит в так называемом программном характере Конституции Российской Федерации. «В Российской Федерации на высшем уровне — уровне конституционного регулирования — закреплены основные начала формирования общества и государства, определены приоритетные направления их развития, где в ранг высшей ценности возведен человек, его права и свободы. Целеполагающее воздействие Конституции РФ направлено, прежде всего, на обеспечение защиты прав человека во всех естественных ипостасях — и как биологического существа, и как личности, и как гражданина своего государства. Именно в таком ключе человек является обладателем всего спектра естественных и позитивных прав»². По утверждению Ю. А. Тихомирова, в главном документе Российского государства функция защиты прав и свобод человека находит свое предназначение, поскольку «публичное право устанавливает механизм и процедуры юридической защиты всех субъектов права»³.

Для постижения особенностей реализации охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина требуется осмысление этих феноменов.

Существует несколько научных подходов к определению понятий «обеспечение прав», «реализация (осуществление) прав», «охрана прав» и «защита прав», подчас противоположных и взаимоисключающих. До сих пор отсутствует четкая трактовка этих определений. Это обстоятельство препятствует более качественному усвоению названных правовых явлений, что в итоге снижает эффективность, научную и практическую значимость исследований правоведов и в конечном итоге ведет к неправильной оценке данных терминов на уровне субъектов Российской Федерации, в частности, при формировании собственного законодательства⁴.

Для того чтобы дать сущностное определение понятиям «охрана прав» и «защита прав», доказать их неоднозначность и свойственную им определенность, прежде всего необходимо установить лексическое содержание (смысл) определяемых терминов.

¹ См.: Кикоть В. Я. Комментарий к ст. 2 // Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под общ. ред. В. Д. Карповича. — М. : Юрайт-М; Новая правовая культура, 2002; Комментарий к ст.17 // Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Л.А. Окунькова. — М. : БЕК, 1994.

² Мархгейм М. В. Указ. соч. — С. 10.

³ Тихомирова Ю. А. Публично-правовое регулирование: динамика сфер и методов // Журнал российского права. — 2001. — №5. — С. 5.

⁴ Киричёр Е. В. Конституционные права и свободы человека и гражданина в России: теория и практика, история и современность, проблемы и перспективы : монография. — Тюмень: Филиал Московского института государственного управления и права в Тюменской области, 2012. — 201 с.

Согласно «Толковому словарю» В. Даля «защита» — это «заступничество, покровительство»¹. С. Ожегов в «Словаре русского языка» слово «защита» толкует по-иному: «защита — это то, что защищает, служит обороной». Если в первом случае защита — это деятельность каких-либо субъектов, то во втором случае защита — это все то, что служит охране и обороне: действия, предметы, орудия, механизмы. Чтобы уточнить содержание термина «защита», обратимся к толкованию глагола «защищать». По Ожегову, защищать — «охраняя, оградить от посягательств, от враждебных действий, от опасности; предохранить, обезопасить от чего-нибудь». Из приведенного толкования следует: «защита» и «охрана» — тождественные понятия.

На законодательном уровне термин «защита» трактуется по-разному. В нормативных актах² и официальных документах она рассматривается в сопряжении с чем-либо или с кем-либо. Например, конституционные нормы, закрепляющие право на объединение, включают право создавать профессиональные союзы для защиты своих интересов (ст. 30); материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ст. 38); государственная защита прав и свобод человека и гражданина гарантируется (ст. 45); защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации и т.д.

В научной литературе термины «охрана» и «защита» имеют различное толкование.

Одна группа ученых считает данные понятия (категории) тождественными³, синонимами; другая — разграничивает исследуемые понятия, наделяя их самостоятельным смыслом и содержанием⁴; третья — соотносит указанные понятия как часть и целое, ставя их в зависимость друг от друга.

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. — М., 1965. — Т. I. — С. 668.

² См., напр.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Рим, 4 ноября 1950 г.) (с изм. и доп. от 21 сентября 1970 г., 20 декабря 1971 г., 1 января, 6 ноября 1990 г., 11 мая 1994 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — №2. — Ст. 163; Распоряжение Президента РФ от 22 декабря 1999 г. №502-рп «Об обеспечении социальной защиты детей из семей беженцев и вынужденных переселенцев» // Собрание законодательства РФ. — 1999. — №52. — Ст. 6392; Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 9 декабря 1998 г. №3344-II ГД «О необходимости усиления мер по социально-правовой защите детей и молодежи» // Собрание законодательства РФ. — 1998. — №52. — Ст. 6356; Федеральный закон от 24 ноября 1995 г. №181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации» (с изм. и доп. на 25 декабря 2015 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1995. — №48. — Ст. 4563.

³ См.: Ростовщиков И. В. Права личности в России: их обеспечение и защита органами внутренних дел. — Волгоград, 1997. — С. 77—92; Боброва Н. А. Гарантии реализации государственно-правовых норм. — Воронеж, 1984. — С. 95.

⁴ См.: Воеводин Л. Д. Конституционные права и обязанности советских граждан. — М., 1972. — С.111; Корешкова И. Н. Конституционные права и свободы советских граждан и их развитие в текущем законодательстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М.,

Например, С. С. Алексеев, Н. В. Витрук, А. П. Смирнов, В. А. Тархов утверждают, что категории «защита права» и «охрана права» тождественны, являются синонимами и взаимозаменяют друг друга. В одной из своих работ Н. В. Витрук, охрану описывает как деятельность, связанную с устранением препятствий в осуществлении прав и обязанностей, борьбу с неисполнением обязанностей и злоупотреблением правом, профилактику и предупреждение нарушений прав и обязанностей, а защита, по его мнению, наступает тогда, когда есть неисполнение обязанности или злоупотребление правом, а также когда возникает препятствие к их осуществлению либо налицо спор о наличии самого права или обязанности¹.

Особенность позиции Н. В. Витрука состоит в том, что, выделяя и определяя оба эти явления — и защиту и собственно охрану, — он, тем не менее, считает, что они составляют единое целое, которое называется «охраной (защитой) прав и обязанностей», а термины «охрана» и «защита» употребляет как синонимы.

Примерно такой же позиции придерживается и Л. Д. Воеводин. Он пишет: «Охрана основных прав граждан заключается не только и не столько в защите от возможных нарушений, сколько в обеспечении условий и средств для фактического пользования ими каждым <...> гражданином», то есть под «охраной» понимает и «охрану», и «защиту».

С. С. Алексеев под защитой права понимает государственную принудительную деятельность, направленную на осуществление «восстановительных» задач. К таким задачам он относит правовосстановительную и правообеспечительную.

Правовосстановительная задача состоит в возможности реализации субъектом права своих правомочий. При этом большинство правовосстановительных мер реализуется действиями обязанного лица, направленными на предоставление субъективной возможности управомоченному лицу. Не так часто правовосстановление осуществляется путем вынесения компетентным субъектом правоприменительного акта. Например, в ч. 2 ст. 42 УПК РФ перечислено двадцать одно право потерпевшего. Из всего этого перечня восемнадцать прав восстанавливаются активными действиями должностных лиц. Для восстановления права иметь представителя и права поддерживать обвинение, помимо действий должностных лиц необходима возможность самостоятельно реализовать свои субъективные права. Это право на определение представителя, право на выступление в судебных прениях. В шести случаях, необходимо вынесение актов применения права. В частности, в случае, если произошло нарушение права процессуальным доку-

1981. — С. 18—22; Тихонова Б. Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1972. — С. 11—15.

¹ См.: Витрук Н. В. Законность: понятие, защита и обеспечение // Общая теория права : курс лекций / под общ. ред. В. К. Бабаева. — Н. Новгород, 1993. — С. 528—529.

ментом, выносится акт применения права, целью которого является возвращение юридической возможности субъекта права осуществить свое нарушенное право. В этом смысле процедура реабилитации способствует восстановлению прав и свобод лица, необоснованно или незаконно подвергнутого преследованию (гл. 18 УПК РФ)¹.

Оправдательный приговор является классическим примером реабилитирующего акта. Оправдательный приговор — документ, констатирующий невиновность человека, — возвращает личность к обыденной жизнедеятельности. Поскольку оправдательный приговор выносится в центральной части судебного разбирательства, то именно на этой стадии судебного процесса реализуются принципы независимости судей и состязательности сторон².

Правообеспечительная задача выступает одновременно и как правоохранительная, целью которой является обеспечение реализации юридических обязанностей, поддержание порядка. При этом охранительные правоотношения, по мнению С. С. Алексеева, начинают формироваться с момента правонарушения, а с их помощью начинают действовать меры юридической ответственности и защиты субъективных прав³.

Таким образом, С. С. Алексеев ставит как бы знак равенства между защитой и охраной прав, где защита субъективного права осуществляется государственными органами в рамках особых правоохранительных отношений.

В. А. Тархов допускает существование охраны и защиты прав при наличии угрозы нарушения прав, т.е. расширяет содержание понятия «защита прав». О. С. Иоффе «защиту» и «охрану» рассматривает как синонимы, которые представляют собой применение к нарушителю санкций. Различия между категориями трактуются как чисто терминологические⁴. А. В. Стремоухов, отождествляя данные понятия, говорит об их схожести, «близости», что совсем не исключает их содержательную индивидуальность, а также целевую оригинальность⁵.

Анализируя вышеприведенные позиции, другой исследователь в области охраны и защиты прав человека, А. П. Смирнов, полагает, что эти тер-

¹ См.: Тертычный Е. М. Институт реабилитации в уголовно-процессуальном праве России. // Сибирский юридический вестник. — 2009. — № 2. — С. 86—91.

² См.: Закиров А. Ф., Закирова Э. Ф., Процессуальные акты реабилитации как юридические основания возникновения права на восстановление чести и достоинства // Вестник Удмуртского университета. Правоведение. — 2005. — № 6. — С. 158.

³ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. — М., 1981. — Т. 1. — С. 280.

⁴ См.: Иоффе О. С. Новая кодификация советского гражданского законодательства и охрана чести и достоинства граждан // Советское государство и право. — 1962. — № 7. — С. 61—62.

⁵ См.: Стремоухов А. В. Правовая защита человека. — СПб. : Изд-во СПб ГУП, 2007. — С. 113.

мины употребляются подчас произвольно, без учета их лексического значения, что недопустимо в законотворчестве¹. Он отмечает, что общее в позициях этих ученых заключается в идентичности в рамках правоохранительных отношений. Однако, по мнению А. П. Смирнова, если В. А. Тархов допускает существование охраны и защиты прав в случае угрозы правонарушений, то С. С. Алексеев представляет охрану и защиту прав как восстановительную деятельность, чем ограничивает содержание понятия «охрана прав». В качестве обоснования своей позиции эти ученые указывают на отрасли публичного права. Например, в Кодексе Российской Федерации об административных правонарушениях защита прав регулируется ст. ст. 1.2, 1.3, 24.3, 25.3, 25.4². А охрана прав устанавливается также и ст. 1.2 КоАП РФ. Учитывая, что понятия «охрана прав» и «защита прав» используются в тексте одной и той же статьи, приведем дословно ее текст: «Задачами законодательства об административных правонарушениях являются защита личности, охрана прав и свобод человека и гражданина, охрана здоровья граждан, санитарно-эпидемиологического благополучия населения, защита общественной нравственности, охрана окружающей среды, установленного порядка осуществления государственной власти, общественного порядка и общественной безопасности, собственности, защита законных экономических интересов физических и юридических лиц, общества и государства от административных правонарушений, а также предупреждение административных правонарушений»³.

Исходя из положений приведенной статьи КоАП РФ, видно, что законодатель при ее составлении скорее руководствовался литературными приемами, чем не строгими правилами юридической техники, не допускающими смешения понятий в нормативных документах⁴. По мнению А. П. Смирнова, возникает противоречие между пониманием «защищенности» общественной нравственности и «охраняемости» общественного порядка. А отождествляя охрану и защиту прав, сторонники такой позиции, по сути, отказываются от более углубленного изучения этих юридических категорий, не учитывают их лексическую специфику, что, несомненно, сказывается на качестве законодательства⁵.

¹ См.: Смирнов А. П. Соотношение понятий «охрана прав» и «защита прав» // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 331. — С. 123.

² См.: Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 06.07.2016) (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2016) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.

⁴ См.: Смирнов А. П. Соотношение понятий «охрана прав» и «защита прав» // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 331. — С. 123.

⁵ См. там же. — С. 124.

Анализируя особенности отождествления охраны и защиты, целесообразно обратиться к их трактовке в законодательстве.

В законодательстве чаще всего понятие «защита» носит достаточно абстрактный характер и означает задачу государства, его органов защищать те или иные права, либо те или иные объекты, либо тех или иных субъектов права¹. Защита выступает моментом охраны, одной из ее форм, т.е. охрана — это установление общего правового режима, а защита — те меры, которые предпринимаются в случаях, когда права и свободы человека нарушены или оспорены. Поэтому Конституция России использует термин «защита» применительно к различным объектам правового воздействия: к самой Конституции (ст. 82), основам конституционного строя (ст. ст. 55, 56), к стране, Отечеству (ст. 59), национальным меньшинствам и малочисленным этническим общностям (п. «б» и «м» ст. 72), одной из форм осуществления власти народа — местному самоуправлению (ст. 133), денежной единице (ст. 75), формам собственности (ч. 2 ст. 8), правам и свободам человека и гражданина, его чести, доброму имени, нравственности, здоровью, законным интересам (ст. ст. 2, 23, 30, 37, 45, 61, 71, 72).

Отдельные нормативные акты указывают в качестве объекта защиты не какое-то субъективное право, а тот или иной объект тех или иных правоотношений. В этом случае термин «защита права» носит самый разноплановый характер, и поэтому под защитой права следует понимать защиту конституционных, субъективных прав и свобод, охраняемых законом интересов, права в целом.

Таким образом, при отождествлении таких понятий, как охрана и защита прав человека, ученые исходят из того, что меры защиты и меры охраны не встречаются в чистом виде, так как меры защиты в определенной степени выполняют функции охраны; слова же «охрана» и «защита» — этимологически близки, а как явления — равнозначны.

Другая группа ученых, например, такие как Н. И. Матузов, Э. П. Гаврилов, Н. С. Малеин, В. М. Капицын, вкладывают различие в эти понятия.

Так, Н. И. Матузов пишет: «Вообще охрана и защита субъективного права или охраняемого законом интереса — не одно и то же: охраняются они постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются. Защита есть момент охраны, одна из ее форм. Эти понятия не совпадают»².

Созвучна этому мнению позиция Э. П. Гаврилова, по мнению которого охрана есть необходимое условие установления общего правового режима, а защита — это такие меры, применение которых является важным

¹ См.: Ведяхин В. М. Меры защиты как правовая категория // Право и политика. — 2005. — № 5. — С. 83.

² Матузов Н. И. Правовая система и личность. — Саратов, 1987. — С. 130—131.

моментом в жизни каждого человека, когда его гражданские права нарушаются или оспариваются¹.

А. С. Мордовец утверждает, что охрана прав и свобод есть состояние правомерной реализации под контролем социальных институтов, но без их вмешательства. Меры защиты применяются тогда, когда осуществление прав и свобод затруднительно, но права и свободы еще не нарушены. Если права и свободы нарушены, то их нужно не защищать, а восстанавливать².

Более того, необходимо отметить, что «охрана прав» и «защита прав» — это явления, которые сопровождают человека и гражданина не только в процессе его жизнедеятельности, но и после его смерти. Об этом свидетельствует, например, Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ (в ред. от 23 июля 2013 г.) (ст. 1267)³, который провозглашает, что авторство, имя автора и неприкосновенность произведения охраняются бессрочно. Автор вправе в порядке, предусмотренном для назначения исполнителя завещания, указать лицо, на которое он возлагает охрану авторства, имени автора и неприкосновенности произведения после своей смерти. Это лицо осуществляет свои полномочия пожизненно. При отсутствии таких указаний или в случае отказа назначенного автором лица от исполнения соответствующих полномочий, а также после смерти этого лица охрана авторства, имени автора и неприкосновенности произведения осуществляется наследниками автора, их правопреемниками и другими заинтересованными лицами⁴.

Эту точку зрения (о разграничении понятий «охрана права» и «защита права») обобщила и проанализировала Б. Ю. Тихонова в своей диссертации. Она считает, что охрана прав и свобод — это совокупность различных взаимосвязанных между собой мер, осуществляемых органами государственной власти и общественными объединениями и направленных на предупреждение нарушений прав и свобод человека либо устранение препятствий, не являющихся правонарушениями, на пути осуществления его прав и свобод. Под защитой же она понимает принудительный в отношении обязанного лица законный способ восстановления нарушенного права человека либо самим управомоченным лицом, либо компетентными органами.

¹ См.: Гаврилов Э. П. Комментарий Закона РФ «Об авторском праве и смежных правах». — М., 1996. — С. 217.

² См.: Мордовец А. С. Социально-юридические механизмы обеспечения прав человека и гражданина. — Саратов, 1996. — С. 88.

³ Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (Ч. 1). — Ст. 5496; 2013. — № 30 (Ч. 1). — Ст. 4055.

⁴ Киричёк Е. В. Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: общетеоретические и практические проблемы : монография. — М. : ТЕЛЕР, 2014. — 189 с.

В юридической литературе «охрана прав» рассматривается и как система законодательства, органов государственной власти и управления, организаций, целью деятельности которых является исключение или уменьшение нарушения прав. Она состоит из нескольких элементов — нормативного, организационного, информационного, идентификационного. Самым широким по праву считается организационный элемент, поскольку включает в себя формы реализации права, правоприменительные органы. «Защита прав» означает действия, направленные на восстановление нарушенных прав, обеспечение компенсации физического, морального, материального и профессионального вреда, т.е. это акционный элемент (использование и применение права), исключающий бездействие, т.е. соблюдение запретов¹.

Для лучшего понимания данной позиции приведем пример. Право частной собственности охраняется законом (ст. 35 Конституции РФ). В данном случае охрана означает предотвращение каких-либо покушений на общественное отношение, т.е. собственнику предоставляется возможность свободно пользоваться, владеть и распоряжаться имуществом. Механизм защиты начинает действовать в случае посягательства на собственность.

Различие между охраной защитой прав человека проводит и Н. С. Малеин. По его мнению, охрана прав — понятие более широкое, чем защита, поскольку оно включает в себя все юридические правила по поводу определенного блага. Как защиту права Н. С. Малеин рассматривает предусмотренные в законе меры, когда право уже нарушено².

А. П. Сергеев проводит различие между узким и широким пониманием «охраны права»³. По его мнению, охрана права в широком смысле включает меры не только правового, но и экономического, политического, организационного и иного характера, направленные на создание необходимых условий для осуществления субъективных прав. К собственно правовым мерам охраны он относит все меры, с помощью которых обеспечивается развитие правоотношений в их нормальном, ненарушенном состоянии (например, закрепление гражданской право- и дееспособности субъектов, установление обязанностей и т.п.) и восстановление нарушенных или оспоренных прав и интересов.

В узком смысле «охрана» включает лишь предусмотренные законом меры, направленные на восстановление или признание прав и на защиту в

¹ См.: Капицын В. М. История, теория и защита прав человека : учебник. — М. : Московский университет потребительской кооперации, 2003. — С. 101.

² См.: Малеин Н. С. Охрана прав личности советским законодательством. — М., 1985. — С. 18, 19.

³ См.: Смирнов А. П. Соотношение понятий «охрана прав» и «защита прав» // Вестник Томского государственного университета. — 2010. — № 331. — С. 123—125.

случае их нарушения или оспаривания¹. Поэтому защита в понимании А. П. Сергеева является охраной в узком смысле слова.

Заслуживает внимания позиция С. Сабикенова, который рассматривает охрану, с одной стороны, как статическое явление, а с другой — как динамическое. Представляется верной позиция, согласно которой понятие «охрана» в юридическом смысле слова — это позитивное, статическое состояние норм права, направленных непосредственно на ограждение осуществления субъективных прав и законных интересов граждан от возможных нарушений. Из этого определения следует, что административно-правовая, уголовно-правовая и гражданско-правовая охрана прав и интересов граждан осуществляются вне конкретных правоотношений, поскольку нормы этих отраслей права до их нарушения находятся в позитивном состоянии, тогда как защита уже нарушенных прав и свобод всегда происходит в рамках конкретных правонарушений, возникновение которых нежелательно с точки зрения интересов как человека, так и государства.

Под охраной прав как динамическим явлением понимается «совокупность различных взаимосвязанных между собой мер, осуществляемых как государственными, так и общественными организациями, направленных на предупреждение правонарушений, устранение причин, их порождающих и способствующих, таким образом, нормальному процессу реализации гражданами своих прав, свобод и обязанностей»². Причем, как резонно замечает Б. Ю. Тихонова, охрана прав и свобод есть результат не только правоохранительной деятельности компетентных органов, но и других видов деятельности государственных органов и общественных организаций, в том числе правоисполнительной³. Помимо всего прочего охрана прав и свобод включает в себя такие средства, как контроль и надзор за соблюдением прав и свобод человека и гражданина⁴; предупреждение нарушений прав и свобод⁵; повышение правовой культуры.

Следовательно, отличительным признаком охраны является более широкий спектр социальных норм и форм ее осуществления, а именно если

¹ См.: Гражданское право / под ред. Ю. К. Толстого, А. П. Сергеева. — СПб., 1996. — Ч. 1. — С. 240.

² Тихонова Б. Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1972. — С. 13.

³ См.: Тарасова В. А. Охрана субъективных прав граждан в области пенсионного обеспечения // Советское государство и право. — 1976. — № 8. — С. 133.

⁴ См.: Витрук Н. В. Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан // Конституционный статус личности в СССР. — С. 217, 218; Зражевская Т. Д. Конституционные основы охранительного механизма в правовой системе социализма // Охранительный механизм в правовой системе социализма : сб. науч. тр. / под ред. Н. В. Витрука. — Красноярск, 1989. — С. 157—158.

⁵ См.: Витрук Н. В. Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан // Конституционный статус личности в СССР. — М., 1980. — С. 204.

защита прав и свобод реализуется только через правовые формы деятельности компетентных органов или уполномоченных лиц, то охрана прав и свобод осуществляется как посредством правовых, так и не правовых форм деятельности органов государственной власти, органов местного самоуправления, должностных лиц, а также общественных объединений. Если защита прав и свобод предполагает наличие и действие конкретных юридических гарантий, которые устанавливаются государством и закрепляются исключительно в правовых нормах, то меры охраны прав и свобод могут быть сосредоточены в различных социальных, в том числе и правовых, нормах.

Третья группа исследователей, В. А. Терехин, В. П. Волжанин, Л. Ю. Грудцына и др., придерживается точки зрения сопоставления защиты и охраны как части и целого.

На наш взгляд, определенный интерес вызывает позиция В. А. Терехина. В своих исследованиях при анализе понятий «защита» и «охрана» он исходит из соотношения их как части и целого. По мнению В. А. Терехина, защита представляет собой одну из форм охраны права, осуществляемой при нарушении (реальной угрозе нарушения) или оспаривании прав и свобод. Охрана же берет свое начало тогда, когда начинается установление общего конституционного правового режима прав и свобод¹.

В. П. Волжанин пишет, что защита прав — это реализация субъективного права независимо от воли обязанного лица в установленном законом порядке², т.е. в данном случае под защитой В. П. Волжанин понимает всю правоохранительную деятельность.

Представляет интерес и мнение Л. Ю. Грудцыной, которая пишет, что права и свободы охраняются перманентно, т.е. постоянно, непрерывно, продолжительное время. А защищаются они только тогда, когда произошло их действительное нарушение. Защита есть момент охраны, одна из ее форм³. В этом случае мы также можем говорить о соотношении данных категорий как части и целого.

Приведенное заключение дает возможность определить, что права и свободы охраняются постоянно, а защищаются только тогда, когда нарушаются, т.е. защита это один из моментов охраны, одна из ее форм⁴. Однако

¹ См.: Терехин В. А. Судебная власть в государственно-правовом механизме обеспечения прав и свобод граждан (вопросы теории и практики) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 2001. — С. 9.

² См.: Волжанин В. П. Формы защиты субъективных гражданских прав // Правоведение. — 1971. — № 6. — С. 85.

³ См.: Грудцына Л. Ю. Правовая природа институтов защиты и охраны прав человека в России. // Российская юстиция. — 2008. — № 2. — С. 59.

⁴ См.: Матузов Н. И. Правовая система и личность. — Саратов, 1987. — С. 131.

как охрана, так и защита конституционных прав и свобод личности обеспечивают её безопасность. Поэтому как охрана без защиты, так и защита без охраны теряет свой смысл¹.

Нельзя не отметить и позицию В. Н. Бутылина, рассматривающего охрану как элемент, основывающийся на идее взаимосвязанности мер, реализуемых либо осуществляемых государственными органами и общественными объединениями. При этом основополагающими целями этих мер являются предупреждение нарушений прав, устранение причин, способствующих их порождению, эффективная реализация личностью своих прав и свобод. Под защитой же данный автор понимает принудительный (в отношении обязанного лица) способ осуществления права, применяемый в установленном законом порядке компетентными органами в целях восстановления нарушенного права².

Примечательно, что такой подход поддерживается многими исследователями в области теории права. Так, по мнению А. М. Ларина, если исходить из общего смысла, то защита представляет собой противодействие незаконным нарушениям и ограничениям прав, свобод и интересов личности, предупреждение этих нарушений и ограничений, а также возмещение причиненного вреда в случае, если осуществить предупредительные меры или отразить нарушение и ограничение не удалось³.

А. С. Мордовец пишет, что охрана прав и свобод — это определенное состояние правомерной реализации прав и свобод, осуществляемой под контролем социальных институтов, но без их вмешательства, а защита — это мера, которая применяется в случаях затруднительного осуществления прав и свобод, когда они еще не нарушены. При нарушении же прав и свобод их нужно не защищать, а восстанавливать⁴.

В юридической литературе существуют мнения, согласно которым вообще отрицается необходимость использования этих терминов. Например, Т. Б. Шубина считает, что термин «охрана права» практически не имеет юридического значения, поскольку нечасто применяется в законодательстве. Иными словами, правовое регулирование общественных отношений, закрепление в правовых нормах тех или иных прав носит скорее общерегулятивный, чем правоохранительный, характер⁵.

¹ См. там же.

² См.: Бутылин В. Н. Институт государственно-правовой охраны конституционных прав и свобод граждан // Журнал российского права. — 2001. — № 12. — С. 32.

³ См.: Ларин А. М. Защита прав человека и гражданина в уголовном судопроизводстве // Общая теория прав человека / под общей ред. Е. А. Лукашевой. — М.: Норма, 1996. — С. 169.

⁴ См.: Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. — Саратов, 1996. — С. 88.

⁵ См.: Шубина Т. Б. Теоретические проблемы защиты права: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Самара, 1997. — С. 17.

Итак, анализ мнений ученых-правоведов о соотношении понятий «защита права» и «охрана права» показывает, что большинство исследователей под защитой права подразумевает меры, средства, направленные на восстановление нарушенного права или на предотвращение угрозы нарушения прав и законных интересов.

Исследователи понятия «правовая защита» рассматривают ее как в узком, так и в широком смысле слова, а также как межотраслевой институт системы российского права. Объясняется такая позиция тем, что правовая защита — это, прежде всего, совокупность взаимосвязанных юридических норм (институтов), содержащихся в различных отраслях права, но регулирующих относительно самостоятельную группу защитных отношений¹.

В широком смысле правовая защита — это система взаимосвязанных правовых форм деятельности органов государства и общественных объединений. В узком смысле она есть система взаимосвязанных, специально упорядоченных, следующих друг за другом операций, подчиненных общей цели и приводящих с помощью соответствующих приемов и средств к конкретному результату².

Правовую защиту Н. В. Витрук, А. В. Стремоухов рассматривают не только как деятельность компетентных органов, направленную на устранение препятствий в реализации правового статуса личности, восстановлении нарушенных прав и обязанностей и наказании виновных за правонарушение, но и деятельность самого лица, то есть самозащиту прав³. Самозащита играет немаловажную роль в организационно-правовом механизме обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Полагаем, что такой подход вполне оправдан, поскольку самозащита как конституционный вид деятельности осуществляется лицом в не запрещенных для этого формах, актуализирует выполнение соответствующими государственными органами вмененных им обязанностей.

Отметим, что самозащита в нашем государстве впервые была закреплена на конституционном уровне с принятием Конституции РФ 1993 г. (ч. 2 ст. 45). Провозглашением самозащиты как одного из гарантированных конституционных прав граждан одновременно воплощался и тезис Итогового документа Венской встречи представителей государств — участников Соевещения по безопасности и сотрудничеству в Европе: «Уважать право граж-

¹ См: Коровинских Д. С. Правовая охрана Конституции Российской Федерации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2005.

² См: Теория юридического процесса / под ред. В. М. Горшенева. — Харьков, 1985. — С. 8, 51—64.

³ См: Витрук Н. В. Общая теория правового положения личности. — М., 2008; Стремоухов А. В. Правовая защита человека. — СПб., 2007.

дан самостоятельно или совместно с другими вносить активный вклад в развитие и защиту прав и свобод человека»¹. Более подробно этот вопрос освещен в исследовании М. В. Мархгейм. Она пишет о различных формах самозащиты. Среди таких форм автор называет конституционные, обычные, специальные, нетипичные².

Следовательно, конституционную возможность самозащиты в юридическом смысле можно представить, как не запрещенные законом правозащитные требования и претензии лица, с одной стороны, и корреспондирующую им обязанность оказывать содействие в защите уполномоченными органами, с другой стороны, в соответствии с Конституцией РФ. Ряд конституционных требований лица, прибегнувшего к самозащите, должен быть удовлетворен без каких-либо усмотрений³.

В данном случае можно сослаться на позицию Т. Д. Зражевской, полагающей, что задачи укрепления законности и правопорядка невозможно решать исключительно мерами государственного принуждения и что совершенствование правоохраны требует постоянного социального контроля, укрепления дисциплины, воспитательно-правовой работы, использования не только ретроспективной, но и позитивной ответственности⁴. Ведь специфическая функция охраны состоит в ее превентивном характере, поскольку на всех стадиях ее существует возможность нарушения этого права. От эффективности охраны основных прав и свобод человека и гражданина зависит полнота реализации этих прав и свобод (например, право на жизнь, здоровье и физическую свободу и необходимость применения мер защиты данных прав и свобод). «Мудрый законодатель, — отмечает К. Маркс, — предупредит преступление, чтобы не быть вынужденным наказать за него»⁵.

Конституция РФ содержит целый ряд норм-предупреждений, в том числе охраняющих непосредственно права человека, и норм, закрепляющих основные формы защиты прав граждан. Например, «в Российской Федерации охраняются труд и здоровье людей» (ч. 2. ст. 7); «достоинство личности охраняется государством» (ч. 1 ст. 21); «право частной собственности охра-

¹ Итоговый документ Венской встречи 1986 г. представителей государств — участников совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, состоявшейся на основе положений заключительного акта, относящихся к дальнейшим шагам после совещания от 19 января 1989 г. // Гражданство и свобода передвижения : нормативные акты и документы. — М. : Юрид. лит., 1994. — С. 21.

² См.: Мархгейм М. В. Указ. соч. — С. 67—69.

³ См.: Мархгейм М. В. Указ. соч. — С. 68.

⁴ См.: Зражевская Т. Д. Конституционные основы охранительного механизма в правовой системе социализма // Охранительный механизм в правовой системе социализма : межвуз. сб. / под ред. Н. В. Витрука. — Красноярск, 1989. — С. 153.

⁵ Маркс К. Дебаты шестого рейнского ландтага (статья третья). Дебаты по поводу закона о краже леса // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. — М. : Политиздат, 1955. — Т. 1. — С. 131.

няется государством» (ч. 1 ст. 35); «каждый имеет право на охрану здоровья» (ч. 1 ст. 41); «интеллектуальная собственность охраняется законом» (ч. 1 ст. 44); «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом» (ст. 52); «Правительство Российской Федерации осуществляет меры по охране собственности и общественного порядка» (ч. 1 ст. 114); «государственная защита прав и свобод» (ч. 1 ст. 45); «местное самоуправление в Российской Федерации гарантируется правом на судебную защиту» (ст. 133); «каждый вправе защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом» (ч. 1 ст. 45); «в условиях чрезвычайного положения для обеспечения безопасности граждан и защиты конституционного строя» (ч. 1 ст. 56).

Термин «правовая охрана» также не раз привлекал внимание исследователей. Так, И. Ребане под правовой охраной в широком смысле понимает деятельность, которая направлена на обеспечение неприкосновенности правопорядка и соблюдения норм права. В этом смысле правоохрана совпадает с обеспечением режима законности. В более узком смысле правоохрана рассматривается как совокупность мер по предупреждению и пресечению правонарушений, мер по непосредственному принудительному осуществлению прав и, наконец, мер ответственности за посягательства на правопорядок¹.

Для обеспечения беспрепятственного пользования такими благами, как конституционные права и свободы, главное значение имеет деятельность по предупреждению посягательств на них. Ведь пресечение посягательства на такие конституционные права, как жизнь и здоровье, а также наказание за убийство или причинение телесных повреждений в качестве мер защиты, восстановить процесс пользования жизнью и полноценным здоровьем не могут. Хотя этот момент не умаляет роли защиты прав и свобод как стадии реализации. Основными условиями отнесения тех или иных мер к защите являются наличие нарушения прав и свобод или попытка их нарушить. А поскольку в любой момент осуществления прав и свобод возможно их нарушение, постольку необходима защита. Именно на стадии защиты нарушение должно быть ликвидировано, а право восстановлено².

Следовательно, в результате анализа таких категорий, как «охрана и защита» и «правовая охрана и защита», можно сказать следующее.

Во-первых, если охрана и защита — это правоприменительная деятельность, то правовая охрана и защита — это и правоприменительная, и правотворческая деятельность одновременно. Кроме того, правовая защита — это не только охрана и защита прав, но и дополнительная юридическая помощь

¹ См.: Ребане И. Убеждение и принуждение в деле борьбы с посягательствами на советский правопорядок. // Ученые записки Тартуского госуниверситета. — Вып. 182: Труды по правоведению. — Т. 5. — Тарту, 1966. — С. 72—73.

² См.: Бутылин В. Н. Государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан : монография. — Челябинск, 2001. — С. 69.

оказываемая человеку такими органами, как адвокатура, нотариат, общественные объединения, правительственные организации и учреждения.

Во-вторых, если правовая защита действует на всех стадиях проявления права — общего состояния, обладания и пользования (непосредственной реализации), то защита права лишь на стадии пользования.

В-третьих, «правовая охрана и защита» и «охрана и защита» прав имеют разные цели, а именно если первые направлены на обеспечение правовой защищенности человека в целом, то вторые призваны оградить от нарушения или восстановить конкретное нарушенное субъективное право.

В-четвертых, если охрана и защита права распространяются только на субъективное право, то правовая защита — на нормы права (объективное право)¹.

Таким образом, подводя итог вышеизложенному, можно сделать следующие выводы.

Во-первых, в теории права нет единого подхода к определению понятий и содержания таких категорий, как «защита права» и «охрана права». Если прибегнуть к буквальному толкованию смысла этих слов, то защита предполагает противодействие чьему-либо посягательству, в то время как охрана включает в себя систему предупредительных мер, которые не допустят таких посягательств.

Во-вторых, анализ Конституции РФ и действующего законодательства позволяет сделать вывод, что законодатель чаще использует термин «защита». Причем в понятие «защита» включается достаточно широкое содержание. Это позволяет нам сделать вывод, что законодатель не проводит четкой границы между данными понятиями, как это делается в научной литературе. Он использует тот или иной термин как синоним и учитывает лишь правильное лингвистическое построение конкретных статей, их четкое звучание и восприятие.

В-третьих, обеспеченная государством охрана прав и свобод личности без их защиты не имеет смысла для современной России, где все-таки еще высок уровень нарушений основных прав и свобод граждан.

В-четвертых, анализ различных точек зрения позволяет определить охрану как комплекс взаимосвязанных мер, осуществляемых государственными органами и общественными организациями, направленных на предупреждение нарушений прав, на устранение их причин и на обеспечение реализации личностью своих прав и свобод, а защиту как совокупность мер государственно-правового характера, принудительный (в отношении обязанного лица) способ осуществления прав, применяемый в установленном законом порядке компетентными органами (федеральными и региональ-

¹ См.: Конвенция о защите прав человека и основных свобод 1950 года // Действующее право в документах / под ред. В. Блищенко. — М., 1998. — С. 54.

ными (субъектов федерации)) органами местного самоуправления, должностными лицами, общественными объединениями и гражданами в целях восстановления нарушенного права, а также самозащиту прав самим лицом. Уяснение содержания понятий «охрана права» и «защита права» позволит решить еще одну важную общетеоретическую задачу — определить содержание понятия «юридические средства», совокупность которых и дает возможность эффективно осуществлять и государственную, и судебную, и в целом правовую защиту и охрану субъективных прав¹.

В-пятых, следует различать понятие «правовая защита» и «защита права». Правовая защита человека создает необходимую социально-правовую направленность поведения людей на реальное использование правовых средств защиты своих прав. Защита прав личности — это одна из юридических форм управления государством, направленная на обеспечение правовой защиты человека. Общая черта рассматриваемых явлений — наличие юридических механизмов, находящихся в распоряжении как государства, используемых им для позитивного воздействия и регулирования социальной сферы, так и человека, гарантирующих ему реальное, фактическое исполнение обязанности государства защищать права человека.

В свою очередь, правовая охрана представляет собой совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается выполнение всех правовых норм Конституции, строгое соблюдение режима законности, создание необходимых условий, развитие соответствующих гарантий, совершенствование государственно-правовых средств и методов обеспечения действия конституционных норм.

Таким образом, в заключение необходимо отметить, что от правильного и полного осмысления сущности и содержания таких понятий, как «охрана прав» и «защита прав», во многом зависят не только существование действенного организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, но и отношение общественности к государственно-правовой деятельности, престиж государственных органов и органов местного самоуправления в Российской Федерации. Этим обстоятельством объясняется то внимание, которое уделяется данным проблемам не только правозащитниками, но и специалистами в данной области.

¹ См.: Смирнов А. П. Указ. соч. — С. 125; Ануфриева Т. Н., Ходусов А. А. Уголовно-правовая защита прав и свобод личности : учебное пособие. — М. : Международный юридический институт, 2011. — С. 13.

3.2. Современный организационно-правовой механизм обеспечения, охраны и защиты конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации: понятие, признаки, структура

Эффективное обеспечение, охрана и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации объективно требуют их определенного институционально-организационного оформления, конструирования соответствующего механизма. При этом данная задача может быть решена более успешно в том случае, если столь многогранное правовое явление, обладающее разносторонними развитыми связями и занимающее определенное место в системе социальных ценностей, будет рассмотрено в качестве системы.

Как известно, отечественная юридическая наука активно пользуется понятием «механизм» для объяснения функционирования и развития конкретных правовых явлений, в том числе и непосредственно связанных со сферой прав и свобод человека и гражданина. При этом используется данное понятие зачастую не самостоятельно, а совместно с другими юридическими терминами. Примером могут служить такие категории, как «механизм правотворчества»¹, «механизм правоприменения»², «государственно-правовой механизм институализации профессиональной правоохранительной деятельности»³, «механизм осуществления гражданских прав и исполнения обязанностей»⁴, «механизм правового регулирования»⁵, «социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан»⁶, «социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина»⁷, «государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан»⁸, «механизм государственно-правового обеспечения

¹ См.: Ковачев Д. А. Механизм правотворчества социалистического государства. — М. : Юрид. лит., 1977. — 112 с.

² См.: Чванов О. А. Механизм правоприменения: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов, 1995. — 19 с.

³ См.: Числов А. И. Профессиональная правоохранительная деятельность : теоретико-правовое исследование : дис. ... д-ра. юрид. наук. 2000. — С. 222—267.

⁴ См.: Вавилин Е. В. Осуществление и защита гражданских прав. — М. : Волтерс Клувер, 2009. — С. 69—115.

⁵ См.: Алексеев С. С. Механизм правового регулирования // Право: азбука — теория — философия. — М. : Статут, 1999. — 712 с.; Алексеев С. С. Механизм правового регулирования в социалистическом государстве. — М. : Юрид. лит., 1966. — 187 с.

⁶ См.: Витрук Н. В. Социально-правовой механизм реализации конституционных прав и свобод граждан. — М. : Юрид. лит., 1980. — 256 с.

⁷ См.: Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина. — Саратов, 1996. — 287 с.

⁸ См.: Бутылин В. Н. Государственно-правовой механизм охраны конституционных прав и свобод граждан : монография. — М. : Академия управления МВД России, 2001. — 177 с.

прав и свобод личности»¹, «механизм социально-правовой защиты конституционных прав»² и др.

Совершенно очевидные терминологические разночтения можно, по нашему мнению, объяснить рядом обстоятельств. Во-первых, различными подходами к интерпретации правовых явлений. Во-вторых, простой небрежностью при формулировании определений. Все это, безусловно, требует более внимательного отношения к проблеме адекватности используемых дефиниций.

В наиболее типичном, прямом смысле сам термин «механизм» преимущественно применяется в естественных и технических науках. Любой механизм — это система взаимосвязанных и взаимодействующих частей, элементов при наличии, с одной стороны, внутренней упорядоченности и согласованности между ними, а с другой — дифференциации и относительной автономности. Механизм — это «внутреннее устройство, система функционирования чего-нибудь»³. Согласно словарю С. И. Ожегова, механизм — это «система, устройство, определяющее порядок какого-нибудь вида деятельности»⁴. Механизмом (от греч. *mechanē* — машина) также называют «систему тел, предназначенную для преобразования движения одного или нескольких тел в требуемые движения других тел»⁵. А. С. Мордовец отмечает, что «механизм есть способ функционирования, система средств взаимодействия». С позиции Р. Р. Алиуллова при характеристике термина «механизм» речь должна идти о «сложной системе элементов, обладающих структурно-функциональными параметрами, целевыми характеристиками, качественно взаимодействующими между собой на основе определенных принципов»⁶. Процесс (от лат. *processus* — продвижение) — ход, развитие какого-нибудь явления; последовательная закономерная смена состояний в развитии чего-нибудь⁷. Система (от лат. *systema* — соединение,

¹ См.: Анохин Ю. В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности: на материалах Российской Федерации : дис. ... д-ра. юрид. наук. — Саратов, 2007. — 465 с.

² См.: Глущенко П. П. Социально-правовая защита конституционных прав и свобод граждан (Теория и практика) : монография / под общ. ред. В. П. Сальникова. — СПб. : Издательство Михайлова В.А., 1998. — 441 с.

³ Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. — М. : Альта-Принт; Дом. XXI век, 2008. — Т. VIII. — С. 444.

⁴ Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В. В. Виноградова. — 4-е изд., доп. — М. : Азбуковник, 1999. — С. 354.

⁵ См.: Словарь иностранных слов. 8-е изд., стереотип. — М. : Русский язык, 1981. — 624 с.

⁶ Алиуллов Р. Р. Механизм управления органами внутренних дел (вопросы теории, методологии и практики) : дис. . д-ра. юрид. наук. — М., 2004. — С. 90.

⁷ См.: Ушаков Д. Н. Большой толковый словарь современного русского языка. — С. 824.

составленное из частей) — порядок, обусловленный правильным, закономерным расположением частей в определенной связи¹. Правовой — основанный на праве, отражающий нормы права². Правовой механизм, как отмечает К. В. Шундигов, «это необходимый и достаточный для достижения той или иной конкретной юридической цели (или системы целей) комплекс юридических средств, последовательно организованных и действующих поэтапно по определенной нормативно заданной схеме (процедуре)»³. Что касается понятия юридических (правовых) средств, то более совершенное, как представляется, определение сформулировано А. В. Малько и К. В. Шундиговым: «Юридические (правовые) средства — это совокупность правовых установлений (инструментов) и форм правореализационной практики, с помощью которых удовлетворяются интересы субъектов права и обеспечивается достижение социально-полезных целей»⁴.

Этимологически слово «организация», также лежащее в основе рассматриваемого механизма, означает организованность, планомерное, продуманное устройство, внутреннюю дисциплину. Организованный — планомерный, отличающийся строгим порядком⁵. Надо сказать, что организационные процессы проявляются во всех сферах деятельности человека — экономической, политической, социальной, культурно-духовной и др. В процессе своего развития человечество постоянно сталкивается с множеством различных проблем: классовая дискриминация, национализм, расизм, безработица, военные и социальные конфликты, природные и техногенные катастрофы, борьба с преступностью и т. д. При этом следует помнить, что любая проблема представляет собой совокупность более мелких по значимости, решение которых требует их четкого и объективного понимания, организации совместных усилий людей, определения эффективных путей их разрешения. Таким образом, процесс организации является первоочередным в человеческой истории, поскольку охватывает все области человеческой жизнедеятельности. «Всякая человеческая деятельность объективно является организующей или дезорганизующей. Это значит: всякую человеческую деятельность — техническую, общественную, познавательную, художественную — можно рассматривать как некоторый материал организационного опыта и исследовать с организационной точки зрения»⁶. Именно

¹ См. там же. — С. 958.

² См. там. — С. 764.

³ Шундигов К. В. Правовые механизмы как комплексные юридические средства: общетеоретический аспект // Вопросы теории государства и права : межвузовский сборник научных трудов / под ред. М. И. Байтина. — Саратов, 2003. Вып. 3 (13). — С. 96.

⁴ Малько А. В., Шундигов К. В. Цели и средства в праве и правовой политике. — Саратов, 2003. — С. 94—102.

⁵ См.: Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка: 80000 слов и фразеологических выражений. — С. 458.

⁶ Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. — М. : Экономика, 1989. — Кн. 1. — С. 112.

поэтому основное и доминирующее предназначение организационного механизма состоит в обеспечении целостности системы, ее единства посредством упорядоченности отдельных элементов в ее структуре, а также интеграции отдельных подсистем в единое целое¹. Сказанное позволяет сделать вывод о том, что с помощью этих свойств и качеств должно обеспечиваться: во-первых, рациональное распределение функций между элементами системы; во-вторых, определение необходимой ресурсной базы для эффективной реализации функций элементами системы; в-третьих, установление субординации в системе между ее первичными и вторичными элементами.

Процесс исследования отдельных правовых явлений возможен лишь на основе выяснения их связей с более общими категориями. В. И. Ленин писал: «...отдельное не существует иначе как в той связи, которая ведет к общему»². Более того, «хотя значение общего противоречиво, оно мертво, нечисто, неполно ..., но только оно и есть определенная ступень к познанию конкретного»³.

«Предметная сущность слова является единственной скрепой и основой всех бесконечных вариаций в значении слова и подлинным его осмыслением. Уничтожить ее — значит обесмыслить слово целиком, навсегда, ибо никакой другой его момент никогда не может конструировать самого предмета»⁴.

Как справедливо отмечает известный отечественный правовед П. П. Баранов, любая правовая конструкция, которую бездумно переносят на отечественную почву, неотделима от философской, юридической культуры определенного общества. Она — часть десятилетиями «притиравшегося» механизма, которая эффективно работает только в нем. Можно ли создать идеально функционирующий механизм из деталей, пусть даже превосходно сделанных, но от разных агрегатов? Причем, похоже, что детали эти берутся и соединяются вместе вообще без какого бы то ни было плана, едва ли не интуитивно»⁵.

Исходя из формулировок, данных в толковых словарях, организационно-правовой механизм прежде всего должен ассоциироваться с неким устройством, приводящим его в действие, а не с процессом, взаимодействием или способом.

¹ Кардашов Р. А. Организационный механизм органа внутренних дел и проблемы его формирования: дис. ... канд. юрид. наук. — М., 2007. — С. 70.

² См.: Ленин В. И. К вопросу о диалектике // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. Изд. 5-е. Т. 29. — М.: Политиздат, 1969. — С. 318.

³ Там же. — С. 252.

⁴ Лосев А. Ф. Философия имени. — М., 1990. — С. 50.

⁵ Баранов П. П. Философия права: наука и учебная дисциплина // Философия права как учебная и научная дисциплина: материалы всерос. науч.-практ. конф. — Ростов н/Д., 1999. — С. 50—51.

В целом с такой постановкой вопроса можно было бы согласиться. Вместе с тем, как представляется, подобная трактовка организационно-правового механизма не в полной мере отражает содержание всех его сущностных аспектов. Прежде всего, необходимо учитывать, что широко используемый в технических науках термин «устройство» не совсем удачно отражает взаимосвязи между различными структурными элементами, в силу чего практически не применяется учеными при рассмотрении правовых явлений. Действительно, если согласиться с мнением некоторых ученых (В. Н. Бутылин, А. С. Мордовец и др.), которые в число элементов механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина среди прочих включают субъекты (органы, должностные лица, организации и т. д.), то трудно представить себе их в качестве какого-либо устройства.

Более того, попытка раскрыть сущность понятия «организационно-правовой механизм» через «устройство» при всей внешней простоте имеет ряд смысловых недостатков, что в принципе затрудняет однозначное использование этого термина в дефиниции «организационно-правовой механизм». Само по себе «устройство» изначально ассоциируется с конструкцией с жестко заданными элементами. Известно, что в технических системах между различными элементами существуют жестко установленные качественные интегративные связи. Более того, в этих системах параметры взаимосвязей между отдельными структурными элементами настолько четко определены (строго заданы), что даже незначительные их отклонения от изначально заданных величин могут вызвать «сбой» в работе механизма, его дисфункциональность. Поэтому общеобязательным условием функционирования технических систем является соблюдение установленных параметров взаимосвязей между их элементами. В отличие от технических систем, в организационно-правовом механизме между различными его элементами отсутствуют жестко установленные параметры, что в принципе не позволяет нам рассматривать его в виде устройства, конструкции. Однако это вовсе не говорит о том, что элементы здесь располагаются как-то хаотично, произвольно. Организационно-правовой механизм как сложная, целостная, многосторонняя и многоуровневая система состоит из совокупности взаимосвязанных и взаимодействующих элементов, между которыми существуют структурно-функциональные связи. Именно они (связи) и обеспечивают выполнение только ему (механизму) присущих функций. Элементы, способы их взаимодействия в механизме должны гарантировать его качественную, целенаправленную работоспособность. Элемент организационно-правового механизма представляет собой его структурно-образующую часть, отличающуюся специфическими свойствами, самостоятельностью и выполняющую приданные ей функции. Особенности, место и роль каждого структурного элемента определяются целью и задачами организационно-правового механизма. Структура элемента механизма определяется таким образом, чтобы она соответствовала функции, возложенной на него,

и обеспечивала ее реализацию. Организационно-правовой механизм — это социальный механизм, для которого свойственна внутрисистемная изменчивость и подвижность. Следовательно, получить заранее запрограммированный результат здесь является гораздо более сложной задачей. В рассматриваемом механизме между элементами существуют жесткие интегративные связи (в техническом понимании). Действие механизма направленно на достижение определенной предполагаемой цели и носит вероятностный характер. В процессе обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина невозможно достижение заданной цели с математической точностью. Несмотря на это, организационно-правовой механизм всегда ориентирован на достижение конечного результата, что само по себе аспект исключительно положительный.

В юридической литературе понятие механизм иногда рассматривается как тождественное понятию процесс. Представляется, что данное положение не совсем верно, т. к. механизм может рассматриваться и как статическая, и как динамическая категория. При этом статическая (инструментальная) сторона показывает внутреннее строение этого целостного механизма, его отдельные элементы, взятые в единстве. Динамическая (функциональная) сторона определяет взаимообусловленное взаимодействие (функционалирование) всех структурных элементов (организационно-правовых средств), каждый из которых имеет свое функциональное предназначение, с целью создания оптимальных политических, экономических, социальных, духовных, правовых и иных условий для наиболее полного пользования человеком и гражданином социальными благами (эффективного обеспечения прав и свобод).

Условно соотношение этого процесса и искомого нами организационно-правового механизма, пользуясь механической аналогией, можно было бы сравнить с осуществлением движения механического транспортного средства и устройством механизма, приводящего его в движение (двигателем). Объединяющей основой этих двух категорий выступает механическое транспортное средство (комплексный механизм). При этом если движение является формой сущностного выражения данной конструкции, то двигатель должен быть рассмотрен как устройство, обеспечивающее данное функциональное проявление.

Каким бы сложным ни был вид механического транспортного средства, мы не включаем в понятие движения элементы механизма, приводящего его в движение. Двигатель и предназначен для приведения в движение механического транспортного средства, которое (движение) является результатом действия (работы) механизма (двигателя). Если быть предельно точным в техническом смысле, то «движение» и «двигатель», обеспечивающий движение, рассматриваются как самостоятельные понятия, но в рамках одного общего для них механизма (транспортного средства).

Здесь налицо очень тонкая грань взаимодействия. Она выражается в том, что механизм сам по себе бесполезен, если его функционирование не направлено на достижение целей, ради которых он создан. В данном случае любое транспортное средство ассоциируется с движением и предназначено для перевозки по дорогам людей, грузов или оборудования, установленного на нем¹. Соответственно, качество механизма зависит от статической (общего состояния статических элементов) и динамической (функциональной) сторон (K (качество механизма) = $CЭ$ (статические элементы) + $ДЭ$ (динамические элементы)).

Очевидно, что соотношения между элементами в технических системах в силу их визуализации легко поддаются логическому обоснованию, что в значительной степени упрощает исследование механизма, устройства и функционирования технических систем. Однако такое очевидное соотношение между структурными элементами, характерное для технических систем, отнюдь не всегда легко и просто просматривается при изучении правовых явлений и процессов. Здесь главная трудность заключается в том, что процесс познания правовых явлений всегда носит умозрительный характер. «Человеческий способ бытия включает в себя уразумение, осмысление, понимание этого бытия, себя и всего остального мира, себя в мире и мира в себе»². Вместе с тем от степени их познания и понимания сущность правовых явлений не изменяется. Обеспечительный (правоохранительный, правозащитный) процесс как ряд последовательно совершаемых функций служит средством материализации потенциала «системы» именно благодаря структурным элементам организационно-правового механизма (механизму охраны, механизму защиты и др.). Само обеспечение как вид осмысленной целенаправленной деятельности проявляется через последовательно выполняемые функции, которые в совокупности своей составляют обеспечительный процесс. Однако средством приведения его в движение может являться, например, механизм реализации. Посредством этого механизма в обеспечительном процессе достигается осуществление поставленных целей. Поэтому и сам организационно-правовой механизм находится в качественной функционально-структурной взаимосвязи с обеспечительным процессом. Механизм реализации, будучи элементом организационно-правового механизма, приводит в движение процесс (обеспечительный), который, по словам Ю. А. Тихомирова, «находится как бы в потенции»³.

¹ См.: О Правилах дорожного движения (вместе с «Основными положениями по допуску транспортных средств к эксплуатации и обязанности должностных лиц по обеспечению безопасности дорожного движения») : постановление Правительства Российской Федерации от 23 октября 1993 г. № 1090 (в ред. от 10.09.2016) // Собрание актов Президента и Правительства Российской Федерации. — 1993. — № 47. — Ст. 4531.

² Нерсисянц В. С. Философия права. — М., 1997. — С. 8.

³ Тихомиров Ю. А. Механизм управления в развернутом социалистическом обществе. — М., 1978. — С. 45.

Кроме того, в качестве дополнительного довода целесообразности включения процесса обеспечения в организационно-правовой механизм можно назвать тот факт, что этот процесс характеризует правовое явление (конституционные права и свободы), подлежащее обеспечению, целиком, начиная от целеполагания до достижения конечного результата реализации человеком и гражданином прав и свобод (т. е. действительного получения того блага, которое составляет содержание того или иного права либо свободы). Поэтому, как представляется, и сам механизм целеполагания также является составной частью рассматриваемого нами механизма.

Итак, сказанное позволяет сформулировать вывод, имеющий существенное значение. В частности, при определении элементного состава организационно-правового механизма следует исходить из субстанциональной (статической) либо функциональной (динамической) характеристики элементов, входящих в структуру данного механизма. А исходя из этого, процессы могут рассматриваться в качестве элементов этого механизма.

Исследование организационно-правового механизма только в статике не даст должных результатов. Только его функционирование обнажает соответствующие цели, роль и значение отдельных органов и составных частей¹. Поэтому представляется более рациональным подход, когда изучение столь сложной категории как понятие «организационно-правовой механизм», осуществляется с позиции именно функционального подхода. Это связано с тем, что организационно-правовой механизм предназначен для выполнения определенного набора функций. Еще В. И. Ленин писал, что характер организации любого учреждения естественно и неизбежно определяется содержанием деятельности этого учреждения².

Итак, процесс обеспечения (обеспечительный процесс) — это, как видится, во-первых, необходимый элемент организационно-правового механизма, имеющий временные характеристики и состоящий из отдельных стадий, а во-вторых, ход реализации системной функции обеспечения посредством деятельности субъектов обеспечения. Однако у этого явления нет субстанционального, жестко структурированного состояния. Напротив, элементы организационно-правового механизма должны обладать определенной субстанциональностью, осязаемой структурой, которые предназначены для выполнения определенных функций. Процесс обеспечения и организационно-правовой механизм соотносятся как часть и целое. Организационно-правовой механизм и процесс обеспечения предопределяют особенности друг друга. Всякие изменения в организационно-правовом механизме вызывают соответствующие изменения в обеспечительном процессе. В свою очередь, вариация обеспечительного процесса оказывает влияние на организационно-правовой механизм. Отдельные элементы могут входить в состав

¹ См.: Лазарев В. В. Теория государства и права. — М., 1992. — С. 57.

² См.: Ленин В. И. Что делать? Наболевшие вопросы нашего движения // Ленин В.И. Собрание сочинений. Изд. 5-е. — М. : Политиздат, 1963. — Т. 6. — С. 99.

структуры как обеспечительного процесса, так и организационно-правового механизма. В качестве таковых могут быть, например, функции, принципы. В силу этого иногда возникают трудности разграничения этих понятий, что приводит к смысловой путанице. Вместе с тем это не говорит о синонимичности (кажущемся тождестве) этих понятий, ибо был бы ли смысл их вообще разрабатывать и вводить в научный оборот.

В целом, как представляется, структуре организационно-правового механизма в современных правовых исследованиях уделено недостаточное внимание. Этому, как видится, есть два объяснения. Во-первых, это связано с разобщенностью и размытостью границ в понимании и истолковании организационно-правового механизма (многообразие взглядов, теорий, подходов, точек зрения, научных школ), а во-вторых, довольно часто достаточным считается исследование признаков данной правовой категории. Вместе с тем понятия «структура» и «признаки» нельзя считать тождественными, поскольку признаки — это достаточное условие, при котором можно сделать вывод о наличии явления в объективной реальности, в то время как структура — это относительно устойчивое единство элементов, которые зачастую определяют его сущность (инвариантный аспект системы). Инвариантность элементов проявляется в их универсальности и неизменяемости относительно структуры, постоянном существовании при любых внешних и внутренних преобразованиях¹.

Рассматривая механизм социально-правовой защиты прав и свобод личности, А. С. Мордовец в его структуру включает общественные нормы; правомерную деятельность субъектов прав человека и гражданина; гласность; общественное мнение; гарантии: общие, специальные (юридические) и организационные; процедуры; ответственность; контроль, включая международный. Автор в своей работе приходит к выводу, что механизм социально-юридической защиты прав и свобод человека и гражданина — это определенная система средств и факторов, обеспечивающих необходимые условия уважения всех прав и основных свобод человека и гражданина, вытекающих из достоинства, присущего человеческой личности и являющихся существенными для ее свободного и полного развития².

К. Б. Толкачев и А. Г. Хабибулин рассматривают компоненты механизма в виде двух подсистем: подсистемы обеспечения конституционных прав и свобод и подсистемы действий (актов поведения) граждан по пользованию благами, определенными личными конституционными правами и свободами. Причем каждая из подсистем со своей структурой, целями и задачами функционирования³.

¹ См.: Артеменков В. К. Инвариантные элементы структуры юридического лица как системной целостности // Журнал российского права. — 2012. — № 2. — С. 56.

² См. там же. — С. 85.

³ См.: Толкачев К. Б., Хабибулин А. Г. Органы внутренних дел в механизме обеспечения личных конституционных прав и свобод граждан. — Уфа, 1991. — С. 59.

И. В. Юсипова в структуре механизма обеспечения прав человека выделяет юридические и лингвистические элементы, а сам механизм обеспечения рассматривает в качестве компонента механизма правового регулирования¹.

В. Н. Бутылин, исследуя механизм государственно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина, считает, что он раскрывается через систему конституционно-правовых норм, структуру (субъекты, объекты, характер связей между ними), разнообразные политико-правовые, социально-экономические и социально-психологические факторы, формы и методы, способы, условия и средства осуществления конституционно-правовых норм в соответствии с установленными процедурами и принципами.

Своеобразный подход к механизму защиты прав и свобод человека и гражданина демонстрируют А. Н. Головистикова и Л. Ю. Грудцына, которые в качестве элементов называют формы защиты прав: государственная защита; защита прав и свобод органами местного самоуправления; защита прав и свобод общественными объединениями и профессиональными союзами, правозащитными организациями; самозащита прав гражданина; международно-правовая защита².

П. В. Анисимов и А. И. Рулев механизм защиты прав человека рассматривают в качестве структурной модели, включающей в себя десять компонентов: управомоченный субъект; правосознание управомоченного субъекта; нормативно-правовое основание; выбор способа защиты нарушенного права; действия управомоченного субъекта по защите нарушенного права; субъект, содействующий защите нарушенного права; компетенцию субъекта, содействующего защите права; правосознание лиц, содействующих защите права; действия органов или организаций, содействующих защите права; результат защиты права³.

Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, являясь сложным полиструктурным образованием, воздействует на регулируемые общественные отношения согласованно, через все образующие его элементы и их взаимосвязи. В этом наблюдается его сходство с механизмом правового регулирования, который представляет собой взятую в единстве систему правовых средств, при помощи которой обеспечивается результативное правовое воздействие на общественные отношения⁴. Сходство этих двух механизмов реализуется на

¹ См.: Юсипова И. В. Право и язык в механизме обеспечения прав человека : дис. ... канд. юрид. наук. — Владимир, 2008. — С. 36—53.

² См.: Головистикова А. Н., Грудцына Л. Ю. Права человека. — М., 2006. — С. 281.

³ См.: Анисимов П. В., Рулев А. И. Судебное толкование права в механизме защиты прав и свобод человека (проблемы теории и практики) : монография. — Волгоград : ВА МВД России, 2010. — С. 108—110.

⁴ См.: Алексеев С. С. Общая теория права. Курс в 2 томах. — М., 1992. — Т. 2. — С. 9.

стадии правового воздействия на общественные отношения (общего действия юридических норм, возникновения субъективных прав и юридических обязанностей (правоотношений), осуществлении прав и обязанностей).

Для того чтобы обеспечить перевод конституционных прав и свобод человека и гражданина из разряда возможностей, провозглашенных Конституцией Российской Федерации, в конкретные блага, как пишет А. В. Корнев, необходимо создать надежный конституционно-правовой механизм их обеспечения¹. Так, К. К. Гасанов конституционно-правовой механизм обеспечения основных прав и свобод человека и гражданина определяет как взятую в единстве систему взаимных конституционно-правовых средств, при помощи которых государство осуществляет юридическое воздействие на правоотношения между субъектами права в условиях признания, соблюдения и реализации прав и свобод человека и гражданина. То есть это вся совокупность юридических форм и средств (нормативных, процессуальных, институционных), позволяющих не допустить нарушений основных прав и свобод человека и гражданина, а в случае таковых эффективно восстановить нарушенные права и свободы².

В. И. Гойман механизм обеспечения определяет как «комплекс взаимосогласованных мер материально-технического, организационно-управленческого, идеологического (социально-психологического), и социально-юридического характера, осуществляемых государством, его органами и должностными лицами и имеющих своим назначением обеспечить реальное действие прав и свобод, то есть создать условия, при которых граждане, объединения и организации могут беспрепятственно и эффективно использовать предоставляемые им возможности для удовлетворения многообразных интересов и потребностей»³.

Конечно же, существуют и более лаконичные определения. Так, Ю. В. Анохин трактует механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности, как систему государственных и правовых средств и способов воздействия, способствующих воплощению прав и свобод личности в реальную действительность⁴. По мнению А. С. Мордовца, механизм обеспечения прав человека — это важнейшее средство, характеризующее социальные функции государства, их соответствие гуманным целям миро-

¹ См.: Корнев А. В. Государство, право, личность // Общая теория права и государства : учебник / под ред. В. В. Лазарева. — М., 2000. — С. 449, 450.

² См.: Гасанов К. К. Конституционный механизм защиты основных прав человека : монография. — М., 2004. — С. 197.

³ Гойман В. И. Обеспечение реализации закона в современных условиях // Советское государство и право. — 1991. — № 12. — С. 12—13.

⁴ См.: Анохин Ю. В. Механизм государственно-правового обеспечения прав и свобод личности (на материалах Российской Федерации) : дис. ... д-ра. юрид. наук. — Саратов, 2007. — С. 207.

вого сообщества. И хотя данные определения вполне имеют право на существование, они не содержат основных параметров рассматриваемого механизма, в них не дается целостного представления о нем.

Как видим, смысловая нагрузка термина «механизм» в научной литературе весьма неоднозначна, а порой и противоречива. Широкое применение данного термина еще не означает, что понятие «механизм» вообще и «организационно-правовой механизм» в частности в полной мере устоявшиеся. Более того, ситуация с трактовкой данного термина сложилась такая, что представляется уместным напомнить слова А. И. Герцена, который указывает на то, что есть вопросы, которых никто больше не касается не потому, что они решены, а потому что надоели; не сговариваясь, соглашаются считать их непонятными, лишенными интереса и молчать о них¹. На сей счет В. Ф. Сухарев совершенно справедливо отмечает, что действительно можно найти лишь единичные работы, в которых авторы касаются понятия «механизм» в объеме, достаточном для его конкретного исследования². Вместе с тем очевидно, что «механизм» представляет собой сложное, системное явление, в котором можно проследить прямые и обратные связи между его структурными элементами (например, между потребностями и конкретными видами деятельности по их удовлетворению). Поэтому независимо от всех иных особенностей и свойств, само отношение к организационно-правовому механизму должно предполагать его понимание как сложной, целостной, многосторонней и многоуровневой системы элементов, обладающих структурно-функциональными параметрами, целевыми характеристиками, качественно взаимодействующих между собой на основе определенных принципов.

Для ученых-конституционалистов представляет интерес тема средств обеспечения функционирования организационно-правового механизма, в связи с чем возникает вопрос о воздействии конституционных правоотношений на рассматриваемый механизм. Выделение конституционных правоотношений в качестве самостоятельного элемента организационно-правового механизма связано, как представляется, с последовательной реализацией идеи верховенства Конституции РФ, формированием правовой государственности и утверждением конституционной законности. Вместе с тем, как отмечает В. И. Крусс, и сегодня некоторые ученые пытаются вообще игнорировать факт существования конституционных отношений³. По происхождению конституционные правоотношения отражают состояние зако-

¹ См.: Герцен А. И. Собрание сочинений в трех томах. Т. 3. / под ред. В. П. Волгина — М., 1961. — С. 58.

² См.: Сухарев В. Ф. Организационный механизм органов внутренних дел : лекция. — М. : Академия управления МВД России. — 2002. — С. 9.

³ См.: Миронов Д. Н. Конституционные правоотношения: воздействие на правовую систему // Журнал российского права. — 2013. — № 12. — С. 33.

нодательства, т. к. каждый закон старается своеобразно регулировать общественные отношения. Более того, конституционные правоотношения отражают потенциал законодательства, ибо они связаны с деятельностью субъектов организационно-правового механизма.

Возникшие связи между субъектами механизма действуют в рамках правоотношений. Нормы, принципы, гарантии и др. элементы механизма в совокупности и в отдельности не только непосредственно, но и через интересы и потребности субъектов, особенности объектов и т. д. структурно-логически выражаются правоотношениями.

Все вышесказанное позволяет сделать ряд выводов (суждений) имеющих основополагающее значение для юридического обоснования организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Во-первых, представляется оправданным рассмотрение термина «организационно-правовой механизм» в широком и узком смыслах. Толкование некоторых понятий в широком (для передачи общего смысла его результативности) и узком смыслах достаточно часто применяется в отечественной юридической науке. Это имеет немаловажное значение и при уяснении сущности организационно-правового механизма.

Под организационно-правовым механизмом обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (в широком смысле) следует понимать сложную, целостную, многостороннюю и многоуровневую систему статических и динамических элементов (организационно-правовых средств), каждый из которых имеет свое функциональное предназначение, с помощью которых осуществляется целенаправленное, результативное воздействие на общественные отношения в сфере реализации (охраны и защиты) конституционных прав и свобод человека и гражданина, посредством взаимообусловленного, сбалансированного их функционирования (в т. ч. взаимодействия), с целью создания оптимальных политических, экономических, социальных, духовных, правовых и иных условий для наиболее полного пользования человеком и гражданином социальными благами (эффективного обеспечения прав и свобод).

Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (в узком смысле) — это совокупность статических элементов, способствующих эффективной реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

«Широкое» понимание отличается от «узкого» тем, что помимо статических элементов в своей структуре содержит и динамические, т. е. обеспечительный процесс.

Для создания комплексной концепции организационно-правового механизма, как видится, необходимо обратиться именно к широкому пониманию.

Во-вторых, многообразие различных точек зрения позволяет сделать вывод о том, что рассматриваемый механизм наряду с материальными и

процессуальными компонентами имеет статическую и динамическую стороны. При этом статическая (инструментальная) сторона показывает внутреннее строение этого целостного механизма, его отдельные элементы, взятые в единстве. Динамическая (функциональная) сторона определяет взаимообусловленное функционирование (в т. ч. взаимодействие) всех структурных элементов (организационно-правовых средств), каждый из которых имеет свое функциональное предназначение, с целью создания оптимальных политических, экономических, социальных, духовных, правовых и иных условий для наиболее полного пользования человеком и гражданином социальными благами (эффективного обеспечения прав и свобод).

Статическую сторону этого механизма составляют социальные нормы (нормативная основа); субъекты, объекты и характер связей между ними (правоотношения); гарантии; механизм реализации, включающий механизм охраны и механизм защиты прав и свобод; механизм юридической ответственности; механизм целеполагания, вне анализа и оценки которого нельзя ничего понять в управлении организационно-правовым механизмом обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина; специфические организационно-правовые средства (правовая культура, правовое сознание, законность, правопорядок).

Статическая сторона является основой (фундаментом) для динамической стороны организационно-правового механизма, ее предпосылкой. В структуре его динамической стороны лежит движение, т. е. обеспечительный процесс (процедура) функционирования, который и определяет взаимодействие статических элементов. Более того, действенность этого механизма (динамическая сторона) зависит от степени социально-правовой активности личности при решении экономических, политических, культурных и других задач, ее отношении к своим правам и свободам. Без этого гражданское общество не способно к качественному развитию, а правовое государство, как показала практика, остается за гранью своего предназначения.

В-третьих, все вышесказанное позволяет заключить, что:

— в основе определения механизма лежат организационно-правовые средства, являющиеся центральной частью (звеном) всех юридических (правовых) механизмов, свидетельствующие о целенаправленном, инструментальном характере организационно-правового механизма, рассчитанного на достижение конкретных результатов;

— структура организационно-правового механизма представлена элементами различного порядка (рода); в основном это элементы, имеющие юридический характер, вместе с тем в ряде случаев нельзя игнорировать наличие элементов (явлений) идеологического, психологического, социально-экономического и т. п. характера, которые с точки зрения инструментальной роли в рамках данного механизма имеют немаловажное значение.

Кроме всего прочего, достаточно очевиден тот факт, что элементы организационно-правового механизма расположены во времени асинхронно,

т. е. задействуются в определенной очередности, а сам механизм проходит в своем развитии ряд стадий, от начальной, на которой происходит определение институциональных (содержательных) основ действия механизма, до конечной, т. е. достижения ожидаемого результата.

В-четвертых, помимо выделения статической и динамической сторон механизма представляется целесообразным подразделить все его элементы на первичные и вторичные.

Первичные — это многочисленные субъекты организационно-правового механизма (государственные органы, органы местного самоуправления, должностные лица, негосударственные образования и др.).

Вторичные — это те элементы, которые носят вспомогательный характер и «обслуживают» первичные. Это не говорит о том, что эти элементы являются незначимыми или малозначимыми. В данном случае имеется в виду, что именно первичные элементы либо создают вторичные (например, социальные нормы), либо влияют на их качественное состояние (механизм реализации, включающий механизм охраны и механизм защиты прав и свобод; механизм юридической ответственности; механизм целеполагания; обеспечительный процесс; специфические организационно-правовые средства (правовая культура, правовое сознание, законность, правопорядок)), т. е. от качества первичных элементов зависит качество вторичных, но не наоборот.

В-пятых, конструктивное отношение к различным взглядам на организационно-правовой механизм, как представляется, должно исходить из того, что составляющие его механизмы (механизм реализации, включающий механизм охраны и механизм защиты прав и свобод; механизм юридической ответственности; механизм целеполагания), находясь в диалектической взаимосвязи между собой, не столько исключают друг друга, сколько дополняют, отражают его некоторые специфические свойства и особенности. При таком подходе важным аспектом анализа является соотношение общих признаков и элементов, присущих любому механизму, с теми из них, которые позволяют отличать различные механизмы по их качественным особенностям и чертам. И находятся эти механизмы между собой в соотношении общего и частного. А между общим и частным проявлением одного и того же явления, как показывают закономерности диалектики, очень много схожего¹. Они самым тесным образом связаны между собой. В то же время нельзя отрицать и тот факт, что организационно-правовой механизм имеет свои, только ему присущие признаки (черты), которые позволяют отличить, где речь идет о реально функционирующем механизме, а где — о его имитации.

¹ См.: Алексеев А. А. Философские основы теории развития. — М., 1982; Керимов Д. А. Философские основания политико-правовых исследований. — М., 1986; Панкин В. А. Теория познания. — М., 1993 и др.

Думается, что по причине многозначности изучаемого понятия есть смысл выделить его методологические признаки и признаки функционирования и развития. Если первые характеризуют сущностную характеристику и специфику структуры механизма, то последние связаны с его функционированием и развитием, а потому являются одновременно критериями эффективности механизма.

Среди методологических признаков сущности и структуры механизма выделим:

- признак системности — организационно-правовой механизм представляет собой сложное системное образование, множество элементов которого находятся в отношениях и связях друг с другом, образуя определенную целостность, единство. В рамках данного механизма формируются и функционируют субъекты правоохранительной и правозащитной деятельности, осуществляется в целом обеспечительный процесс; именно системность позволяет увидеть свойственные каждому структурному элементу системы особенности и «сосредоточить внимание на выявлении интегративных качеств, возникающих в результате их соединения в единое целое»¹;

- признак интегративности — характеризует целостность организационно-правового механизма, гармонизацию его элементов с учетом их сочетаемости и совместимости; сущность организационно-правового механизма как раз и заключается в том, что в нем интегрируется необходимая и достаточная совокупность элементов в целостное системное образование;

- признак сложности структуры — определяет всю совокупность элементов и связей организационно-правового механизма;

- признак многосторонности — характеризуется наличием статической и динамической сторон организационно-правового механизма;

- признак многоуровневости — определяет количество уровней (федеральный, региональный (межрегиональный) и местный); изменения которые влияют на всю уровневую систему; степень самостоятельности и взаимосвязи уровней организационно-правового механизма;

- признак иерархичности — показывает наличие в организационно-правовом механизме первичных и вторичных элементов;

- признак целенаправленности — характеризует и обуславливает необходимость наличия и достижения определенных целей организационно-правового механизма — создания оптимальных политических, экономических, социальных, духовных, правовых и иных условий для наиболее полного пользования человеком и гражданином социальными благами (эффективного обеспечения прав и свобод); не зря нами в качестве самостоятельного элемента организационно-правового механизма выделяется механизм целеполагания, ибо цель, являясь предметом стремления (то, что надо,

¹ Чхиквадзе В. М., Ямпольская Ц. А. О системе советского права // Советское государство и право. — 1967. — № 9. — С. 32.

желательно осуществить), выступает как единство мотивов, средств и результатов, а определение целей является необходимой предпосылкой эффективности функционирования рассматриваемого механизма; об эффективной движущей силе целей (соотношении между достигнутыми результатами и затраченными ресурсами) можно говорить только при одновременном наличии трех неперенных их свойств — взаимообусловленности, когда решения и действия, необходимые для достижения одной цели, способствуют реализации другой, адекватности — соответствия потребностям и интересам личности, общества и государства и результативности — оценки степени достижения желаемого и необходимого результата с учетом качественных и количественных показателей («цель — результат — расходы»); цели организационно-правового механизма не возникают сами по себе и не являются исключительно результатом целеполагания только лишь субъектов данного механизма — они проистекают в первую очередь из потребностей общества; в этой связи представляется оправданным выделить два вида общеорганизационных целей рассматриваемого механизма: 1) цели — задания, ориентации (тактические, оперативные), к которым относятся поручения, планы, общие интересы, реализуемые субъектами организационно-правового механизма, с учетом потребностей общества; 2) цели системы (главные — стратегические — комплексные) — достижение стабильности, упорядоченности ее функционирования;

- признак неаддитивности — определяет совместное функционирование разнородных, но взаимосвязанных и взаимодействующих элементов организационно-правового механизма, что создает качественно новые свойства целого (механизма), не сводящиеся к сумме свойств его элементов. Механизм не может быть познан и объяснен на основе одного лишь знания о его элементах. Неспособность понять взаимозависимость между элементами механизма отрицательно сказывается на его работоспособности;

- признак зависимости от факторов внешней и внутренней среды — показывает проявление свойств организационно-правового механизма в процессе функционирования в условиях внутренней и внешней среды.

В качестве признаков эффективности функционирования и развития (критерии эффективности организационно-правового механизма) выделим:

- признак (критерий) инерционности — обуславливает как характеристики устойчивости функционирования организационно-правового механизма, так и его изменчивости через определение состояния входных и выходных параметров;

- признак (критерий) инновационности — показывает способность организационно-правового механизма к обновлению (новаторскому совершенствованию, эволюционированию), обладающему высокой эффективностью;

- признак (критерий) синергичности — определяет способность достижения эффективности функционирования организационно-правового

механизма за счет объединенного действия его элементного состава, которое превосходит эффект каждого отдельно взятого элемента или их простой суммы («целое больше суммы его частей»);

- признак (критерий) перманентности — характеризует способность организационно-правового механизма непрерывно (постоянно) функционировать с заранее заданными параметрами;

- признак (критерий) адаптивности — характеризует способность организационно-правового механизма сохранять свою значимость в условиях приспособливания (адаптации) к изменениям внутренней и внешней среды;

- признак (критерий) управляемости (критерий системы управления организационно-правовым механизмом) — характеризует возможность перевести организационно-правовой механизм из одного состояния в другое. Качество управления, безусловно, зависит от качества субъектного состава. Несомненно, управлять организационно-правовым механизмом могут исключительно профессионалы, компетентные, подготовленные люди, обладающие соответствующими знаниями, умениями и владениями, занимающиеся юридической наукой, знающие особенности современной правозащитной и правоохранительной практики, имеющие определенный опыт политической и юридической деятельности. Иными словами, это люди с должным доктринальным, профессиональным правовым и политическим сознанием.

В-шестых, организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина предполагает установленную и внутренне согласованную последовательность применения организационно-правовых средств. Его задача — обеспечить достижение поставленной цели, т. е. добиться состояния организованности. С организационной точки зрения решение задачи независимо от ее конкретного содержания, будь то право, политика, экономика и т. п., сводится прежде всего к построению разного сочетания элементов, которое соответствовало бы наилучшему способу достижения поставленной цели¹. При этом организационный процесс «должен осуществляться без задержек, излишних временных разрывов и не выходить за пределы определенных временных границ»². На это же обстоятельство обращает внимание и Б. И. Пугинский, по мнению которого состояние организованности предполагает устранение либо сокращение временных разрывов между этапами работ или отдельными операциями и позволяет сделать деятельность (работу) по возможности непрерывной³.

Однако результатом организации является не только непрерывность деятельности (работы). Организационно-правовой механизм обеспечения

¹ См.: Алиев В. Г. Теория организации : учебник. 2-е изд., доп. и перераб. — М. : Экономика, 2003. — С. 415.

² Там же. — С. 215.

³ См.: Пугинский Б. И. Теория и практика договорного регулирования. — М. : Зерцало-М, 2008. — С. 46.

конституционных прав и свобод человека и гражданина, как уже было сказано ранее, явление системное, которому свойственна определенная структура, отражающая определенные взаимосвязи, взаиморасположение элементов системы, ее устройство, строение. Необходимость в организации такой системы возникает тогда, когда наличная комбинация элементов и связей не удовлетворяет организаторов — властных субъектов организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина. Решение организационной задачи сводится к установлению такого сочетания правовых связей между субъектами механизма, когда результат их взаимосвязанной деятельности, о чем уже говорилось, становится больше, чем сумма результатов деятельности каждого в отдельности. Поэтому состояние организованности механизма подразумевает выработку таких правил поведения, которые посредством установления правовых связей позволяют сложить «активности», т. е. полезные усилия субъектов, наиболее оптимальным и эффективным образом.

В-седьмых, помимо непрерывности организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина предполагает эффективное сочетание правовых связей. В свою очередь, эффективность правовых связей может быть достигнута только тогда, когда будут устранены препятствия для надлежащего функционирования данного механизма.

Эффективность реального функционирования организационно-правового механизма обеспечения прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации обеспечивается многоуровневой системой его построения, которая традиционно включает в себя международный и национальный (внутригосударственный) уровни.

Говоря о международном уровне, еще раз отметим, что, как уже отмечалось в соответствующих параграфах первой и второй глав, в различные исторические эпохи понятие, содержание и объем прав и свобод человека и гражданина не были одинаковыми. Еще сравнительно недавно права человека регулировались исключительно внутригосударственным правом. Государства — участники международных отношений исходили из того, что эти вопросы относятся к их внутренней юрисдикции.

В современном мире права и свободы человека и гражданина регулируются не только национальным, но и международным правом, причем роль международного права в последние годы неуклонно возрастает. Положения, отражающие достижения человеческой цивилизации в области уважения прав и свобод человека и гражданина, внесены во внутригосударственное законодательство различных стран мира, и Российская Федерация не является здесь исключением. Многие из государств, как и Россия, возложили на себя обязанности соблюдать, уважать и защищать человека, его права и свободы.

Границы внутренней юрисдикции государств исторически подвижны. Государства сами устанавливают пределы таких ограничений, подвергая международно-правовому регулированию те или иные вопросы внутренних отношений.

В ходе второй мировой войны со всей очевидностью обнаружилось, что недостатки в международном регулировании прав и свобод человека и гражданина. Ее опыт и итоги особенно ярко показали неразрывную связь между поддержанием международного мира и безопасности, с одной стороны, и соблюдением основных прав и свобод человека — с другой.

Создание ООН и принятие Устава¹ положили начало качественно новому этапу межгосударственных отношений в этой области. Устав ООН явился первым в истории международных отношений многосторонним договором, который заложил основы широкого развития сотрудничества государств по правам человека.

Как известно, ООН возникла в ответ на агрессию и преступления против человечности, совершенные фашизмом в годы второй мировой войны. «Специальное включение положения о развитии и поощрении уважения к правам человека и основным свободам для всех в число целей Организации Объединенных Наций объясняется, прежде всего, событиями, которые произошли непосредственно перед второй мировой войной и в ходе ее», — подчеркивается в исследовании ООН по правам человека.

В рамках ООН были приняты документы и решения, в которых подчеркивается юридический характер обязательств государств соблюдать основные права и свободы человека в соответствии с Уставом Организации. Так, в толкующей и развивающей Устав ООН Декларации Генеральной Ассамблеи о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами, 1970 г. подчеркивается, что «каждое государство обязано содействовать путем совместных и самостоятельных действий всеобщему уважению и соблюдению прав человека и основных свобод»².

Основные права и свободы должны соблюдаться повсюду — как на территориях независимых суверенных государств, так и на колониальных территориях. Устав в этом отношении не делает каких-либо различий. Конституция РФ (ч. 3 ст. 46) предусматривает право каждого обращаться в межгосударственные органы по защите прав и свобод человека, если есть международный договор Российской Федерации, учреждающий международно-

¹ Устав Организации Объединенных Наций от 26 июня 1945 г. // Международные акты о правах человека : сборник документов. — М., 2000. — С. 37—39.

² Декларация о принципах международного права, касающихся дружественных отношений и сотрудничества между государствами в соответствии с Уставом Организации Объединенных Наций от 24 октября 1970 г. // Международное публичное право : сборник документов. — Т. 1. — М. : БЕК, 1996. — С. 2—8.

правовой механизм защиты прав и свобод человека и гражданина и если исчерпаны все имеющиеся внутригосударственные средства правовой защиты.

Таким образом, Российская Федерация дополняет внутригосударственные способы судебной защиты международными способами защиты прав и свобод для каждого лица, находящегося под юрисдикцией Российской Федерации.

В силу правопреемства СССР в отношении Факультативного протокола к Международному пакту о гражданских и политических правах 1966 г.¹, Российская Федерация признала компетенцию Комитета ООН по правам человека принимать и рассматривать сообщения от лиц, находящихся под юрисдикцией Российской Федерации и считающих себя жертвами нарушений со стороны Российского государства каких-либо прав, зафиксированных в названном Международном пакте о гражданских и политических правах. Комитет сообщает свои соображения соответствующему государству-участнику и лицу (п. 4 ст. 5), однако эти соображения носят рекомендательный характер для судов и правоохранительных органов.

Вступление России в Совет Европы в 1996 году², подписание Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г.³ и ее ратификация вместе с Протоколами⁴ открывают отдельным лицам, группам граждан, неправительственным организациям возможность обращаться с индивидуальными жалобами о защите нарушенных прав и свобод, закрепленных в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, в Европейский Суд по правам человека. Процедура рассмотрения такого рода индивидуальных жалоб в Европейском Суде по правам человека достаточно сложна⁵.

¹ О гражданских и политических правах : международный пакт от 16 декабря 1966 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 1994. — № 12.

² О присоединении Российской Федерации к Уставу Совета Европы : федеральный закон от 23 февраля 1996 г. № 19-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 1996 г. — № 9. — Ст. 774; Чурилов А. Ю., Винокуров А. А. Охрана прав и свобод гражданина: обеспечение международных обязательств РФ // Законность. — 1997. — № 6; Берестнев Ю. Ю. Российская правовая система и Европейские стандарты // Российская юстиция. — 2001. — № 1; Горшкова С. А. Европейские нормы по правам человека и усилия России по их соблюдению // Журнал российского права. — 2001. — № 11.

³ Европейская Конвенция о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 г. ETS № 005 (с изм. от 13.05.2004) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 20. — Ст. 2143.

⁴ О ратификации конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней : федеральный закон от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 14. — Ст. 1514.

⁵ См.: Даниленко Г. М. Международная защита прав человека. Вводный курс : учебное пособие. — М., 2000. — С. 256; Туманов В. А. Европейский Суд по правам человека. — М., 2001. — С. 304

Вместе с тем во второй половине XX века возникли и получили развитие новые факторы, непосредственно оказывающие влияние на положение с правами и свободами человека и гражданина. Эти факторы не учитывались и не могли быть спрогнозированы составителями Всеобщей декларации прав человека. Это, в первую очередь, развитие транснациональных систем связи и коммуникаций, информационно-технологическая революция, угрозы естественной природной среде обитания и другие. Новым вызовом стала и активизация международного терроризма.

В то же время пока не разработаны международно-правовые принципы информационных и сопутствующих им прав и свобод человека и гражданина, таких, например, как свобода доступа к информационным технологиям и глобальной информационной среде, свобода от использования в незаконных целях личной и иной конфиденциальной информации, распространяющейся в компьютерных сетях, право на защиту от несанкционированного доступа к ней, а также механизмы защиты прав и свобод человека и гражданина.

Итак, основными направлениями международного сотрудничества в области прав и свобод являются:

- разработка рекомендаций относительно конкретных прав человека и основных свобод, которые подлежат уважению и соблюдению всеми государствами;
- разработка норм по человеческому измерению в рамках ОБСЕ;
- создание международных механизмов, обеспечивающих выполнение принятых государствами обязательств;
- заключение международных договоров о правах и свободах человека, в соответствии с которыми государства становятся юридически обязанными признать, предоставить и обеспечить зафиксированные этими документами права и свободы;
- реализация государствами — участниками договоров о правах человека мер внутригосударственного характера по выполнению взятых обязательств;
- международно-правовое регулирование и обеспечение коллективных прав народов.

В свою очередь, внутригосударственное обеспечение прав и свобод человека и гражданина осуществляется в Российской Федерации на трех подуровнях: федеральном, региональном (межрегиональном) и местном.

В Российской Федерации, как и в других государствах, сложилась и действует разветвленная система охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. Она включает в себя судебную и внесудебную охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Судебная охрана и защита обеспечивается деятельностью:

- федеральных судов, к ним относятся: Конституционный Суд Российской Федерации; Верховный Суд Российской Федерации, верховные

суды республик, краевые и областные суды, суды городов федерального значения, суды автономной области и автономных округов, районные суды, военные и специализированные суды, составляющие систему федеральных судов общей юрисдикции; арбитражные суды округов, арбитражные апелляционные суды, арбитражные суды субъектов Российской Федерации и специализированные арбитражные суды, составляющие систему федеральных арбитражных судов;

- судов субъектов Российской Федерации, к ним относятся: конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, мировые судьи, являющиеся судьями общей юрисдикции субъектов Российской Федерации.

Внесудебная охрана и защита прав и свобод человека и гражданина включает в себя:

- Президента Российской Федерации, который в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ч. 2 ст. 80) является гарантом прав и свобод человека и гражданина;

- институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, институт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, институты уполномоченных по правам человека и правам ребенка в субъектах Российской Федерации, институт полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах;

- Комиссию по правам человека при Президенте Российской Федерации, другие совещательные органы при Президенте Российской Федерации, созданные в целях оказания помощи в реализации его полномочий как гаранта Конституции РФ, прав и основных свобод человека и гражданина;

- Администрацию Президента Российской Федерации и Правительство Российской Федерации в сфере их функций по организации рассмотрения обращений граждан, охраны и защиты их конституционных прав и законных интересов;

- Центральную избирательную комиссию Российской Федерации, избирательные комиссии субъектов Российской Федерации, избирательные комиссии муниципальных образований, окружные избирательные комиссии, территориальные (районные, городские и другие) комиссии, участковые комиссии, обеспечивающие реализацию и защиту избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации;

- федеральные органы исполнительной и законодательной ветвей власти в сфере их функций по организации рассмотрения обращений граждан, охраны и защиты их конституционных прав и законных интересов;

– органы исполнительной и законодательной (представительной) ветвей власти субъектов Российской Федерации в сфере их функций по организации рассмотрения обращений граждан, охраны и защиты их конституционных прав и законных интересов¹;

– органы местного самоуправления в сфере их функций по организации рассмотрения обращений граждан, охраны и защиты их конституционных прав и законных интересов;

– прокуратуру Российской Федерации;

– Общественную палату Российской Федерации;

– неправительственные правозащитные организации и т.д.

Систему законодательства в области охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина на федеральном уровне образуют: Конституция РФ, имеющая высшую юридическую силу, которой не должны противоречить все другие правовые акты, принимаемые на территории России (ч. 1 ст. 15 Конституции РФ); федеральные конституционные законы, принимаемые в предусмотренных Конституцией РФ случаях и в особой процедуре и имеющие большую юридическую силу, нежели другие законы (ч. 3 ст. 76, ст. 108 Конституции РФ); федеральные законы; указы Президента РФ, которые не должны противоречить Конституции РФ и федеральным законам (ст. 90 Конституции РФ); постановления и распоряжения Правительства РФ, которые принимаются на основании и во исполнение Конституции РФ, федеральных законов и нормативных указов Президента РФ (ст. 115 Конституции РФ); нормативные акты министерств и ведомств, которые могут приниматься только в случаях, предусмотренных законом.

Конституция РФ определила структуру федеративного устройства и статус субъекта РФ, разграничила предметы ведения и полномочия между федеральными органами государственной власти и органами государственной власти субъектов РФ. Эти новые принципы построения российской государственности позволили субъектам РФ начать формирование собственных, относительно обособленных законодательных систем. Формирование законодательства субъектов РФ стало логичным продолжением строительства правовой системы Российской Федерации, которое рассматривается Конституцией РФ как атрибут их государственности (ч. 2 ст. 5 Конституции РФ). При этом правовые нормы субъектов РФ являются неотъемлемой частью российской правовой системы. Вместе с тем в Конституции РФ не решены еще многие вопросы правового статуса субъекта РФ, что может, по

¹ Для федеральных органов исполнительной и законодательной ветвей власти, а также законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации осуществление охраны и защиты конституционных прав и свобод граждан не является основной функцией. Их деятельность в сфере прав и свобод человека и гражданина можно определить как правообеспечение, т. е. создание условий, направленных на наиболее полную реализацию прав и свобод граждан, соответственно путем принятия законов и организации их исполнения.

мнению Н. С. Соколовой, повлечь за собой споры о порядке регулирования тех или иных общественных отношений и затормозить формирование и нормальное функционирование системы законодательства¹. С начала 1993 года прослеживается тенденция увеличения нормотворчества субъектов РФ, однако это не должно создавать проблем для правоприменения. Система законодательства субъектов РФ должна строиться на основе приоритетов Конституции РФ и других законодательных актов Российской Федерации.

Предметы ведения и полномочия между органами государственной власти Российской Федерации и субъектов РФ разграничиваются, согласно статье 11 Конституции РФ, иными положениями Конституции РФ, Федеративным договором и договорами о разграничении предметов ведения и полномочий. Согласно статье 73 Конституции РФ, субъекты РФ обладают всей полнотой государственной власти по предметам совместного ведения вне пределов ведения и полномочий Российской Федерации. Предметы ведения федерации и предметы совместного ведения федерации и ее субъектов прописаны достаточно подробно в статьях 71 и 72 Конституции Российской Федерации. Предметы ведения субъекта РФ можно представить как остаточную часть правового пространства. Поэтому многие субъекты РФ, стараясь более четко определить свои полномочия, выстраивали собственные модели взаимоотношений с федеральным центром, закрепляя их двусторонними договорами.

Применительно к нормотворчеству по вопросам совместного ведения Российской Федерации и ее субъектов и в соответствии с правилами применения действующего законодательства в случае наличия противоречия между федеральным законодательством и законом субъекта РФ предпочтение отдается федеральному закону (ч. 5 ст. 76 Конституции РФ). При осуществлении регулирования на уровне субъекта федерации недопустимо ограничение перечня и объема прав и свобод, а также снижение их гарантированной охраны и защиты по сравнению с федеральным уровнем. Это позволяет сохранить единый стандарт перечня и системы охраны и защиты прав и свобод граждан на всей территории России. Правовое регулирование субъектами федерации осуществляется по предметам совместного ведения в соответствии с федеральными правовыми актами: субъект федерации может принять опережающее правовое регулирование, но после принятия федерального законодательства по данному вопросу должен привести свое законодательство в соответствие с ним. Как отметил Конституционный Суд РФ в своем решении, «если субъект Российской Федерации не принял закона по вопросу, отнесенному к его компетенции федеральным законодателем в порядке осуществления полномочий по предметам совместного веде-

¹ Теория государства и права / под ред. Г. Н. Манова. — М., 1995. — С. 186.

ния, то федеральный законодатель в случае необходимости сам может осуществить правовое регулирование в этой сфере»¹. Совместное ведение предполагает разделение полномочий между органами государственной власти РФ и ее субъектов в соответствии с ч. 2 ст. 76 Конституции РФ. Самостоятельно субъект федерации может осуществлять правовое регулирование в пределах совместного или исключительного ведения. В последнем случае нормативные акты субъекта федерации имеют приоритет перед актами федерации (ч. 6 ст. 76 Конституции РФ). Федерация должна обеспечить соблюдение региональным законодателем при правовой регламентации сфер, непосредственно затрагивающих права и свободы человека и гражданина, следующего конституционного положения: на уровне субъекта федерации никоим образом не может быть ограничен объем предоставленных гражданину прав и свобод по сравнению с федеральным или международным законодательством, поскольку в соответствии с ч. 3 ст. 55 Конституции РФ ограничение прав и свобод человека и гражданина может вводиться только федеральным законом. Вместе с тем субъект федерации может расширить и дополнить по сравнению с федеральным уровнем объем гарантированных государством прав и свобод, например, установить дополнительные социальные льготы пенсионерам, инвалидам, предусмотреть более высокий стандарт бесплатного образования, предоставляемого гражданину, дополнить механизмы, призванные охранять и защищать права и свободы человека и гражданина. Последнее может проиллюстрировать учреждение в ряде регионов России института Уполномоченного по правам человека и Уполномоченного по правам ребенка.

Учреждение данных должностей — это еще один шаг на пути демократизации общественных и государственных отношений в России. Проведение преобразований в экономической и социальной сферах не может отодвинуть на второй план проблему правообеспечения, и Уполномоченный по правам человека в России является своего рода институциональным напоминанием о ее существовании и значимости. Функционирование этого института способствует формированию демократического правового государства, самодостаточного гражданского общества, состоящего из свободных индивидов, обладающих неотчуждаемыми правами.

Должность Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации учреждена в целях обеспечения гарантий государственной защиты прав и свобод граждан, их соблюдения и уважения государственными орга-

¹ По делу о проверке конституционности пункта 1 статьи 2 Федерального закона РФ от 26 ноября 1996 года «Об обеспечении конституционных прав граждан Российской Федерации избирать и быть избранными в органы местного самоуправления в связи с запросом Тульского областного суда»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 3 ноября 1997 г. № 15-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 45. — Ст. 5241.

нами, органами местного самоуправления и должностными лицами. Предполагается, что его деятельность поможет решить весьма важные проблемы страны, пресечь факты нарушения прав и свобод человека и гражданина. Поэтому формирование национальной внесудебной системы защиты прав человека предполагает необходимость учреждения должности Уполномоченного по правам человека, Уполномоченного по правам ребенка в каждом субъекте Российской Федерации.

Возможно, более четкое распределение полномочий между центром и субъектами федерации — одна из важнейших задач законодателя на настоящий момент. Для законодательного органа субъекта федерации необходимо более четко «определить, во-первых, объем законодательного регулирования по предметам совместного ведения, не допуская превышения или дублирования норм федеральных законов; во-вторых, обеспечить самостоятельное правовое регулирование “области” по предметам ее исключительного ведения»¹.

В действующем законодательстве четко не определены предмет и пределы осуществления правового регулирования субъектом федерации в области охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. Это приводит к тому, что часто принимается закон либо по вопросу, относящемуся к ведению федерации, например устанавливающий какие-либо ограничения прав граждан, либо определенные отношения остаются неурегулированными ни на одном уровне. В связи с этим важен мотив, отмеченный Конституционным Судом РФ в его решении: пределы усмотрения органов государственной власти субъектов федерации по вопросам своего ведения или совместного ведения могут быть «ограничены федеральным законодателем, исходя из интересов обеспечения прав граждан»². Сложившаяся ситуация ставит определенные трудности и перед судебными органами общей юрисдикции. При принятии решения по конкретному делу судья, оценивая нормативные акты, не может решать вопрос о том, принят ли нормативный акт в соответствии с разделением предметов ведения и полномочий между федерацией и субъектом федерации, поскольку этот вопрос отнесен к ведению Конституционного Суда РФ. И в то же время судья должен в максимально короткие сроки вынести решение в соответствии с законом, но будет ли это федеральный закон или акт субъекта федерации — неясно.

¹ Тихомиров Ю. А., Зражевская Т. Д. Правотворчество области как субъекта Российской Федерации // Государство и право. — 1997. — № 1. — С. 14.

² По делу о проверке конституционности отдельных положений п. 6 ст. 4, подпункта «а» п. 3 и п. 4 ст. 13, п. 3 ст. 19, п. 2 ст. 58 Федерального закона Российской Федерации от 19 сентября 1997 г. «Об основных гарантиях избирательных прав граждан и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 10 июня 1998 г. № 17-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1998. — № 25. — Ст. 3002.

Далее необходимо заметить, что, согласно Конституции РФ (п. «в» ч. 1 ст. 71), регулирование прав и свобод человека и гражданина относится к исключительному ведению Российской Федерации. Это прежде всего означает, что в государстве обеспечивается высший уровень их регулирования, а именно непосредственно Конституцией РФ — в главе 2 (Права и свободы человека и гражданина).

Конституционным принципом является также регулирование прав и свобод в форме закона. В главе 2 Конституции РФ, определяющей перечень признанных прав и свобод человека и гражданина, ссылки на соответствующие законы, которые должны быть приняты и применяться в процессе их реализации, имеются более чем в двадцати статьях. При этом отсутствие указанных законов не ограничивает прав и свобод, поскольку они являются непосредственно действующими. Субъекты федерации и муниципальные образования не вправе ограничивать круг прав и свобод человека и гражданина и их непосредственное действие. Конституция РФ запрещает применение любых нормативных правовых актов, затрагивающих права, свободы и обязанности человека и гражданина, если они не опубликованы для всеобщего сведения.

Конституция РФ не содержит четкого разграничения предметов ведения Российской Федерации и ее субъектов в этой сфере. В ведении Российской Федерации находятся регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина, гражданство в Российской Федерации, регулирование и защита прав национальных меньшинств (п. «в» ст. 71 Конституции РФ). Защита прав и свобод человека и гражданина, защита прав национальных меньшинств находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации (п. «б» ч. 1 ст. 72). Практически это означает, что, с одной стороны, федеральный уровень регулирования и защиты прав и свобод не может быть ни в какой форме умален субъектами федерации, а с другой, — что те же субъекты федерации несут конституционную обязанность защищать права и свободы любого человека и гражданина на своей территории, вправе расширять федеральные гарантии их защиты. В то же время Конституцией РФ определено, что защита прав и свобод человека и гражданина является обязанностью государства в целом, а также федеральных органов государственной власти — Президента Российской Федерации (ч. 2 ст. 80, ч. 1 ст. 82, ч. 2 ст. 85), палат Федерального Собрания (ст. ст. 102, 103, 106), Правительства Российской Федерации (ст. 114), органов государственной власти субъектов Федерации (п. «б» ч. 1 ст. 72, ст. 73, ч. 2 ст. 85), органов местного самоуправления (ч. 2 ст. 15, ч. 1 ст. 132). Исходя из этого, здесь требуется наиболее четкое разграничение полномочий федерации и ее субъектов, которое должно найти свое отражение в действующем законодательстве.

То есть деятельность федеральных и региональных органов власти при решении данных вопросов определенным образом совмещается. Она

совпадает по направлениям, способам и институтам, но различается по полномочиям и масштабам. Только на федеральном уровне, если исходить из ст. 71 Конституции РФ, возможно осуществление мер защиты национальных меньшинств путем имплементации соответствующих норм международного права в правовую систему России, установления дополнительных (исключительных) прав для представителей указанных общностей, уголовной ответственности за их ущемление и т. д. Однако субъекты федерации, если руководствоваться ст. ст. 5, 72, 73, 76 Конституции РФ, в целях защиты национальных меньшинств правомочны в пределах компетенции принимать законы и иные нормативные акты, гарантирующие равенство прав и свобод, возможность полноценного участия лиц, принадлежащих к названным общностям, в культурной, общественной и экономической жизни, а также в ведении публичных дел, особенно тех, которые затрагивают их интересы; создавать необходимые специализированные государственные органы, развивать институты самоуправления национальных меньшинств; участвовать в выработке федеральных законов и контроле за их исполнением.

В настоящее время сформировалось обширное региональное законодательство по вопросам защиты национальных меньшинств. При этом оно, по сути, является субфедеральным, т. е. в основном производно от федерального законодательства и соподчинено с ним, хотя и включает в себя отдельные нормы (например, в области административно-территориального устройства, некоторых сторон организации государственной власти), имеющие самостоятельное значение.

Указанная система региональных правовых актов разнообразна по формам (конституции, уставы, договоры, законы и иные нормативные акты). Однако половина из них приходится на Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий автономные округа. В некоторых из субъектов федерации национальные меньшинства вообще не упоминаются (например, в Брянской и Волгоградской областях) либо упоминаются однократно (в уставах или конституциях) в формулировках, тождественных тем, которые приводятся в Конституции Российской Федерации (Ставропольский край, Архангельская, Белгородская, Владимирская, Воронежская, Ивановская, Кировская, Курганская и другие области). Интенсивность правового регулирования рассматриваемых отношений обусловлена множеством факторов, действующих в том или ином сочетании. Вместе с тем отмечается определенная корреляция с:

- этничностью региона, о чем свидетельствует развитая нормативная база автономных округов — Ненецкого, Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого, — посвященная малочисленным народам;
- экономическим потенциалом; не случайно в Ханты-Мансийском и Ямало-Ненецком автономных округах, где экономические показатели одни

из самых высоких по стране, действует наиболее разветвленная система актов, гарантирующих права малочисленных народов Севера;

– направленностью федерального регулирования применительно к коренным малочисленным народам. Это, видимо, объясняет тот факт, что именно они (и прежде всего малочисленные народы Севера) получают необходимые региональные правовые гарантии.

Как видится, проблеме защиты прав коренных малочисленных народов необходимо уделять должное внимание. «Эта проблема, — как пишет Р. С. Мулукаев, — уходит в глубь истории. Это, можно сказать, историческая проблема. И прежде всего потому, что Россия изначально сложилась как полиэтническое, многонациональное государство»¹.

Существующая практика регионального законотворчества в области прав и свобод человека и гражданина дает примеры дополнительного гарантирования прав и свобод граждан и вместе с тем свидетельствует о прямом или косвенном их нарушении актами законодательных (представительных) органов субъектов федерации. Некоторые субъекты федерации достаточно активно используют возможность опережающего правового регулирования. Часть субъектов федерации оставляет без надлежащего правового регулирования вопросы, отнесенные к их исключительной компетенции или совместной с федерацией компетенции, в силу чего можно говорить о неисполнении государственными органами субъекта федерации обязанности защищать права и свободы человека и гражданина.

Приведенные выше ситуации свидетельствуют о серьезных недостатках в механизме охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина и налагают на федеральные органы государственной власти определенные обязанности по организации эффективного контроля за соблюдением прав и свобод человека и гражданина в процессе правотворческой деятельности государственных органов на уровне субъектов федерации и местного самоуправления.

Предпринимаемые сегодня меры по упрочению российского федерализма демонстрируют не только остроту проблемы приведения законодательства субъектов Российской Федерации в соответствие с Конституцией Российской Федерации, но и необходимость создания нового направления в деятельности Конституционного Суда Российской Федерации как специализированного органа, обеспечивающего высшую юридическую силу и верховенство федеральной Конституции по отношению к законодательству республик и регионов, а также подтверждает актуальность формирования конституционных (уставных) судов² в субъектах Российской Федерации как

1 Мулукаев Р. С. Исторический опыт защиты прав коренных малочисленных народов России // История государства и права. 2010. — № 3. — С. 2.

² См.: Конституционные и уставные суды субъектов Российской Федерации. Сравнительное исследование законодательства и судебной практики. Нормативные акты / отв.

специализированных органов, предназначенных осуществлять проверки соответствия законов субъекта Российской Федерации, нормативных правовых актов органов государственной власти субъекта Российской Федерации, органов местного самоуправления субъекта Российской Федерации конституции (устава) субъекта Российской Федерации, а также для толкования конституции (устава) субъекта Российской Федерации. «Федеральный интерес» к такому нововведению, как конституционные (уставные) суды субъектов Российской Федерации, неизбежен и продуктивен, поскольку указанные суды выполняют функции охраны не только конституций (уставов) республик (краев, областей), но прямо либо косвенно выступают хранителями общефедеральных конституционных норм и могли бы в большей мере привлекаться к выполнению роли гарантов Конституции РФ, прав и свобод человека и гражданина на территории каждого из субъектов федерации. По мнению автора, одной из причин, вызывающих «торможение» процессов учреждения конституционных (уставных) судов субъектов РФ является ч. 1 ст. 27 Федерального конституционного закона от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации»¹, где сказано, что субъекты РФ «могут» создавать конституционные (уставные суды), т. е. предусмотрена диспозитивная, а не обязывающая норма.

Непосредственное действие Конституции РФ, регулирование прав и свобод человека и гражданина федеральными законами зачастую не снимают необходимость детализации и конкретизации конституционных норм в нормативных актах органов исполнительной власти², поскольку именно в них определяется компетенция тех или иных органов, их взаимоотношения с гражданами. Хотя законодательная власть сохраняет за собой решающее влияние на выполнение государством своих обязанностей, происходит сближение и взаимодействие процессов нормотворчества и правоприменения. Часто применение нормы, принятой парламентом на уровне закона, становится возможным только после принятия конкретизирующего нормативного акта исполнительной власти, а также требует дальнейшей интерпретации вплоть до индивидуальных административных или судебных процедур. Отсюда необходимо включение других ветвей власти в процесс формирования правового поля в данной области.

ред. — М. А. Митюков. — М., 1999. — С. 480; Овсепян Ж. И. Становление конституционных и уставных судов в субъектах Российской Федерации (1990—2000 гг.). — М., 2001. — С. 672.

¹ О судебной системе Российской Федерации : федеральный конституционный закон от 31 декабря 1996 г. № 1-ФКЗ (в ред. от 05.02.2014) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 1. — Ст. 1.

² См., напр.: Хаманева Н. Ю. Защита прав и свобод граждан в сфере исполнительной власти в Российской Федерации : дис. ... д-ра юрид. наук. — М., 1997.

Если определение системы государственных органов, охраняющих права и свободы человека и гражданина, их компетенции, порядка деятельности, содержания принимаемых ими решений и ответственности за исполнение своих обязанностей одно из важнейших направлений законодательного регулирования, то основная функция исполнительной власти «состоит в осуществлении управленческой, организующей деятельности, направленной на исполнение правовых актов, принятых непосредственно народом или его представительным органом»¹. Эта функция определяет содержание и характер полномочий органов исполнительной власти по принятию нормативных актов. Модель действия на основе и во исполнение закона должна стать доминирующей на любом уровне исполнительной власти.

Обоснование модели организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и конституционной системы разграничения компетенции между федерацией и ее субъектами в части определения правового положения человека и гражданина показывает, что для законодательного регулирования положения человека и гражданина собственно в субъекте федерации остается незначительное пространство. Формально объем законодательства субъектов федерации в этой сфере должен определяться такими правилами, как недопустимость двойного федерального и регионального правового регулирования схожих общественных отношений, возможность установления субъектом федерации дополнительных прав и свобод человека и гражданина за счет собственных ресурсов, в том числе прав и свобод человека и гражданина, обусловленных региональными особенностями климатического, техногенного, национально-этнического, социального характера.

Анализируя особенности местного подуровня системы охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации, еще раз укажем, что Конституция РФ признает человека, его права и свободы высшей ценностью (ст. 2) и устанавливает, что права и свободы человека и гражданина являются непосредственно действующими и определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность не только органов государственной власти, но и местного самоуправления (ст. 18). Отсюда следует, что все органы и должностные лица местного самоуправления должны служить главной цели: обеспечению прав и свобод человека и гражданина, созданию всех необходимых условий для их реализации и защиты. Не случайно Президент Российской Федерации в своем Послании Федеральному Собранию (1 декабря 2016 г.) обратил внимание на то, что «люди рассчитывают, что им будут обеспечены широкие и равные возможности

¹ Ковачев Д. А. Принцип разделения властей в конституциях государств Восточной Европы // Конституционные реформы в странах Содружества. — СПб., 1993. — С. 122.

для самореализации, для воплощения в жизнь предпринимательских, творческих, гражданских инициатив, рассчитывают на уважение к себе, к своим правам, свободам, к своему труду»¹.

Конституционное закрепление прав и свобод человека и гражданина является гарантией свободы и гражданского общества и каждого человека от произвола государственной власти и власти органов местного самоуправления. Их основой является учение о свободе человека как о естественном состоянии человека. Свобода состоит в возможности делать все, что не приносит вреда другому. Свобода человека, следовательно, не может быть абсолютной, она ограничена таким же состоянием (свободой) других людей. Равенство возможностей для всех — основа свободы.

Из сформулированной в статье 18 Конституции Российской Федерации нормы-принципа вытекают обязанности органов и должностных лиц местного самоуправления при осуществлении своей компетенции исходить прежде всего из незыблемости, ненарушаемости и непосредственного действия основных конституционных и иных прав и свобод граждан как ведущих принципов своей деятельности. Они должны выступать главным ориентиром при принятии нормативных правовых актов органов и должностных лиц местного самоуправления и их правоприменительной практики. Если какие-либо положения акта органов и должностных лиц органов местного самоуправления прямо или косвенно ущемляют права человека, то этот акт подлежит отмене в соответствии с установленным порядком.

В соответствии со статьей 15 Конституции Российской Федерации любые нормативные правовые акты, затрагивающие права, свободы и обязанности человека и гражданина, не могут применяться, если они не опубликованы официально для всеобщего сведения. Это требование в полной мере распространяется и на акты органов и должностных лиц местного самоуправления. В тех муниципальных образованиях, где нет своих средств массовой информации, тексты решений должны вывешиваться на стендах в специально определенных местах, там, где обычно бывает многолюдно.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому судебную защиту прав и свобод (статья 46). Предметом обжалования в суд могут быть решения и действия (или бездействие) органов и должностных лиц органов местного самоуправления, а также официальная информация, послужившая основанием для совершения действия или принятия решения, в результате которых нарушены права и свободы гражданина. Порядок подобного обжалования регламентируется Кодексом административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ².

¹ Послание Президента Российской Федерации В.В. Путина Федеральному Собранию Российской Федерации от 1 декабря 2016 г. // Российская газета. — 2016. — 2 дек.

² Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 8 марта 2015 года № 21-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2015. — № 10. — Ст. 1391.

Конституция Российской Федерации закрепила, что Российская Федерация является социальным государством, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека (ст. 7). Это конституционное установление в полной мере относится к местному самоуправлению, к его органам и должностным лицам, обязанностью которых является забота о социальной справедливости, благополучии своих жителей, их социальной защищенности. В социальном государстве местное самоуправление тоже должно быть социальным. Это является правовым принципом местного самоуправления, одной из его правовых основ.

Одной из важнейших составляющих, обеспечивающих реализацию права человека на достойное существование, является создание условий для осуществления права на труд. Эта группа прав и свобод, закрепленная в статье 37 Конституции Российской Федерации, включает свободу труда, право на труд в условиях, отвечающих требованиям безопасности и гигиены; вознаграждение за труд без какой бы то ни было дискриминации и не ниже установленного федеральным законом минимального размера оплаты труда¹; право на защиту от безработицы; право на трудовые споры и разрешение их установленными законодательством способами, включая право на забастовку; право на отдых. Трудовые права и свободы защищают человека от произвола работодателей, дают ему возможность отстаивать свое достоинство и интересы.

В реализации этих прав активную роль должны играть органы местного самоуправления, к предметам ведения которых отнесено содействие занятости населения. Ведь свобода труда должна реально сочетаться с возможностью получения работы, которая для большинства трудоспособных граждан остается основным источником средств существования.

Правовую основу деятельности органов местного самоуправления в сфере содействия занятости населения составляет Закон Российской Федерации от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»².

Органы местного самоуправления вправе участвовать в организации и финансировании: проведения оплачиваемых общественных работ; временного трудоустройства несовершеннолетних в возрасте от 14 до 18 лет в свободное от учебы время, безработных граждан, испытывающих трудности в поиске работы, безработных граждан в возрасте от 18 до 20 лет из числа вы-

¹ О минимальном размере оплаты труда : федеральный закон от 19 июня 2000 г. № 82-ФЗ (в ред. от 02.06.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2000. — № 26. — Ст. 2729.

² О занятости населения в Российской Федерации : федеральный закон от 19 апреля 1991 г. № 1032-1 (в ред. от 09.03.2016, с изм. от 11.10.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 17. — Ст. 1915.

пускников образовательных учреждений начального и среднего профессионального образования, ищущих работу впервые; ярмарок вакансий и учебных рабочих мест, а также могут оказывать содействие органам службы занятости в получении достоверной информации о занятости граждан.

Решая эти жизненно важные задачи, органы местного самоуправления содействуют созданию на своей территории предприятий различных форм собственности, включая совместные предприятия с участием иностранных инвесторов. Особое внимание они должны уделять поддержке малого предпринимательства, крестьянских (фермерских) хозяйств, производственных и потребительских кооперативов, некоммерческих организаций, используя в этих целях такой финансовый инструмент, как налоговые льготы, и предоставляя иные льготы и преимущества (льготные кредиты, беспроцентные ссуды, краткосрочные займы и т. д.).

Другой стороной проблемы обеспечения достойной жизни является материальная поддержка лиц, не способных к труду или нуждающихся в материальной поддержке.

Конституция Российской Федерации гарантирует каждому социальное обеспечение по возрасту, в случае болезни, инвалидности, потери кормильца, для воспитания детей (ст. 39), а также закрепляет, что материнство и детство, семья находятся под защитой государства (ст. 38).

Наряду с государственными органами в этой работе участвуют и органы местного самоуправления. Они из собственных и привлеченных средств вправе назначать и выплачивать доплаты к пенсиям и пособиям. Их органы социальной защиты населения производят назначение, перерасчет, выплату и доставку государственных пенсий.

Муниципальные центры социального обслуживания, состоящие из комплекса различных учреждений, предоставляющих социальные услуги, призваны выявлять граждан, нуждающихся в социальном обслуживании, определять необходимые для них виды социальных услуг, обеспечивать их предоставление. При муниципальных центрах социального обслуживания могут создаваться: муниципальный жилищный фонд социального назначения, а также цеха, производственные мастерские, подсобные хозяйства, магазины, торгующие по льготным ценам, и т.д.

Финансирование муниципального сектора системы социального обслуживания осуществляется как за счет средств местных бюджетов, так и за счет дотаций из средств федерального бюджета и бюджетов субъектов Российской Федерации в соответствии с гарантированным государством перечнем социальных услуг. Помимо бесплатного социального обслуживания муниципальные социальные службы могут осуществлять услуги за плату.

Социальная сфера деятельности органов местного самоуправления включает в себя также вопросы жилья, образования, культуры, здравоохранения. Эта деятельность подчинена осуществлению гарантированных Конституцией Российской Федерации прав:

- на жилище (ст. 40);
- на охрану здоровья и медицинскую помощь (ст. 41);
- на благоприятную окружающую среду (ст. 42);
- на образование (ст. 43);
- на пользование учреждениями культуры, доступ к культурным ценностям (ст. 44).

Органы местного самоуправления должны поддерживать и поощрять разрешенную законодательством общественную и частную деятельность, способствующую удовлетворению многообразных потребностей человека, реализации его экономических и социально-культурных прав и свобод.

Органы местного самоуправления обеспечивают удовлетворение основных жизненных потребностей населения в сферах, отнесенных к ведению муниципальных образований, на уровне не ниже минимальных государственных социальных стандартов, выполнение которых гарантируется государством путем закрепления в доходы местных бюджетов отчислений от федеральных налогов и налогов субъектов Российской Федерации.

Одним из главных критериев оценки достигнутого в современном российском обществе уровня развития местного самоуправления является, безусловно, личностный критерий, который определяется, во-первых, полнотой прав и свобод человека и гражданина на муниципальном уровне его социального и правового положения и, во-вторых, реальностью соответствующих прав, степенью их гарантированности с точки зрения фактических возможностей человека участвовать в решении вопросов местного значения, пользоваться социально-культурными и иными благами местного общества.

В течение длительного времени федеральная власть практически не уделяла внимания проблемам местного самоуправления. В конечном итоге это непосредственно сказывается на уровне жизни населения муниципальных образований.

Одним из источников сложившейся ситуации является низкое качество законодательной базы местного самоуправления. Федеральный закон о местном самоуправлении и соответствующие акты субъектов федерации в малой степени согласованы как с реальным состоянием местного самоуправления, так и друг с другом. Одна из причин — нечеткость в разграничении полномочий с региональными органами власти, а также неопределенность, за что именно должны отвечать государственные органы, а за что — органы местного самоуправления. В этой связи необходимо законодательно уточнить само понятие и перечень вопросов «местного значения». Часть из них пересекается с задачами, которые выполняются федеральными и региональными органами государственной власти. Другие — требуют колоссальной материальной поддержки и могут быть успешно реализованы только при содействии субъектов федерации, а иногда и при прямой поддержке федерального центра.

В этом плане объективная оценка существующего положения заключается в том, что мы пока находимся лишь на начальных этапах формирования единой, целостной системы охраны, защиты и гарантирования фактических возможностей осуществления прав и свобод на уровне конкретных муниципальных образований, тем более в некоторых депрессивных регионах страны (например, Республике Дагестан, Республике Ингушетия), где сама перспектива местного самоуправления должна оцениваться на основе анализа реальных процессов социально-экономического и политического развития, а не идеальных моделей экономического самообеспечения и политической самоорганизации населения. Поэтому проблема охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина на муниципальном уровне должна рассматриваться в органическом единстве с общими закономерностями и состоянием экономических и политических преобразований, которые происходят в нашем обществе. Наиболее широко это должно быть представлено в уставах муниципальных образований. И это не случайно, так как именно данный уровень обеспечивает реальные возможности не только провозглашения, но и осуществления соответствующих прав и свобод. Их закрепление в единстве с темой муниципального гарантирования должно стать обязательным требованием, в частности, к уставам муниципальных образований. Показательно в этом плане, что, например, Устав города Тюмени, содержит специальную главу «Гарантии местного самоуправления в городе Тюмени. Ответственность органов и должностных лиц местного самоуправления города Тюмени» (глава XI)¹, где закрепляются правовые основы муниципальной политики в области обеспечения прав и свобод членов городского сообщества. Это говорит о том, что охрана и защита прав и свобод человека и гражданина происходит в тесном взаимодействии с государственными органами, учреждениями и предприятиями, расположенными на территории муниципального образования. Тем самым устанавливается принцип взаимодействия государственных и муниципальных органов в обеспечительном механизме прав и свобод человека и гражданина. Актуальность этого принципа определяется уже тем, что основная масса всех социальных льгот предоставляется на основе взаимодействия государственных бюджетов субъектов федерации и местных бюджетов муниципальных образований. Конкретные же формы и содержание такого взаимодействия различны применительно к механизму реализации и способам гарантирования отдельных прав и свобод. В одних случаях, когда, например, создание надлежащих гарантий реализации соответствующего права связано с финансовыми затратами прежде всего государственного (федерального или субъекта федерации) бюджета, деятельность муниципальных органов носит

¹ Устав муниципального образования городской округ город Тюмень (Устав города Тюмени) от 16 марта 2005 г. № 162 (в ред. от 24.12.2015) // Тюменский курьер. — 2005. — № 34.

дополнительный, субсидиарный характер. Примером являются права ветеранов, связанные с реализацией их льгот, установленных Федеральным законом от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах»¹. В других ситуациях, касающихся социальной защиты населения прежде всего за счет местного бюджета, напротив, деятельность органов местного самоуправления является основной.

При этом деятельность органов местного самоуправления по охране и защите прав и свобод человека и гражданина носит всеобъемлющий характер: она распространяется на все население страны, проживающее в их муниципальных образованиях, и на все права и свободы. Это обстоятельство получает в тех или иных формах и законодательное признание, в частности на уровне субъектов федерации.

Деятельность местного самоуправления в части гарантирования прав и свобод граждан распространяется, таким образом, на все основные сферы человеческой жизнедеятельности и способствует, в той или иной мере, формированию гарантий реализации всей системы конституционных прав и свобод — и социально-экономических, и политических, и, в определенной мере, личных (гражданских) прав и свобод человека и гражданина. Поэтому вполне оправданным является выделение особого вида гарантий — муниципальных гарантий прав и свобод человека и гражданина². По своей сущности они едины с государственными гарантиями в том, что, как и последние, представляют собой систему условий, обеспечивающих удовлетворение благ и интересов человека и гражданина. Но функциональное действие муниципальных гарантий имеет ограниченные пределы территориального распространения. Они действуют в рамках своих муниципальных образований и их основной функцией является исполнение обязательств местного самоуправления в сфере реализации прав и свобод человека и гражданина по месту жительства как члена местного сообщества.

Не случайно, что целый ряд статей Конституции РФ содержат положения, отражающие роль местного самоуправления в гарантировании конкретных прав и свобод (ч.ч. 2 и 3 ст. 40; ч.ч. 1 и 2 ст. 41; ч.ч. 2 и 3 ст. 43). Значение муниципальных гарантий прав граждан существенно повышается в современных условиях. Представляется, что основной задачей органов местного самоуправления должно стать обеспечение комплексного решения вопросов обслуживания населения и достижения тем самым политической и социальной стабильности в регионах посредством взаимосогласованных действий органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления. Одновременно большинство вопросов развития образования, здравоохранения и культуры, жилищного и

¹ О ветеранах : федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ (в ред. от 03.07.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 3. — Ст. 168.

² Мордовец А. С. Социально-юридический механизм обеспечения прав человека и гражданина / под ред. Матузова Н. И. — Саратов, 1996. — С. 169.

коммунального хозяйства, социально-бытового обслуживания населения и ряд других должны решаться на уровне органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Поэтому в деятельности органов местного самоуправления должна получать все более широкое распространение практика разработки и принятия муниципальных программ как комплексного, так и целевого характера. К первым относится, например, необходимая для всех муниципальных образований «Программа социальной защиты населения», которая должна носить долгосрочный характер и отражать весь спектр социальной политики муниципалитета, включая определение четких финансовых показателей реализации таких видов социальной защиты отдельных категорий населения, как денежная помощь; натуральная помощь (в виде продуктов и товаров первой необходимости); помощь использованием муниципальных льгот и услуг; гуманитарная и различные формы спонсорской помощи; консультативно-правовая помощь; содействие занятости населения и др.

Так, например, в целях обеспечения дополнительной социальной поддержки безработных граждан, сохранения мотивации к труду у лиц, имеющих длительный перерыв в работе или не имеющих опыта работы и испытывающих затруднение с трудоустройством, во исполнение ст. 24 Закона Российской Федерации от 19 апреля 1992 г. № 1032-1 «О занятости населения в Российской Федерации»¹, Постановления Правительства РФ от 14 июля 1997 г. № 875 «Об утверждении Положения об организации общественных работ»² необходимо на уровне конкретных муниципальных образований принимать акты соответствующих органов власти, касающиеся организации оплачиваемых общественных работ, таких, например, как:

- 1) строительство автомобильных дорог, их ремонт и содержание, прокладка водопроводных, газовых, канализационных и других коммуникаций;
- 2) проведение сельскохозяйственных мелиоративных (ирригационных) работ, работ в лесном хозяйстве;
- 3) заготовка, переработка и хранение сельскохозяйственной продукции;
- 4) строительство жилья, реконструкция жилого фонда, объектов социально-культурного назначения, восстановление историко-архитектурных памятников, комплексов, заповедных зон;
- 5) обслуживание пассажирского транспорта, работа организаций связи;

¹ О занятости населения в Российской Федерации : закон Российской Федерации от 19 апреля 1992 г. №1032-1 (в ред. от 09.03.2016, с изм. от 11.10.2016) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1996. — № 17. — Ст. 1915.

² Об утверждении Положения об организации общественных работ : постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 1997 г. № 875 (в ред. от 04.08.2015) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 29. — Ст. 3533.

- 6) эксплуатация жилищно-коммунального хозяйства и бытовое обслуживание населения;
- 7) озеленение и благоустройство территорий, развитие лесопаркового хозяйства, зон отдыха и туризма;
- 8) уход за престарелыми, инвалидами и больными;
- 9) обеспечение оздоровления и отдыха детей в период каникул, обслуживание санаторно-курортных зон;
- 10) организация сбора и переработки вторичного сырья и отходов;
- 11) проведение мероприятий общественно-культурного назначения (перепись населения, спортивные соревнования, фестивали и т. д.);
- 12) другие направления трудовой деятельности.

Степень гарантированности прав и свобод человека и гражданина — жителей сельских и городских поселений — является в этом плане важным показателем зрелости и уровня развития всей системы местного самоуправления. И наоборот: всякое ущемление местного самоуправления, подмена инициативы населения в самостоятельном решении вопросов местного значения является покушением не только на основы муниципальной демократии, но и на права и свободы членов местного сообщества.

Важная роль в системе муниципальных гарантий прав и свобод человека и гражданина принадлежит общественным правозащитным объединениям, в том числе регионального и местного значения. Излишняя политизация их деятельности привела к тому, что они чаще ориентируются на общегосударственные и даже международно-правовые масштабы своей деятельности, а не на решение конкретных правозащитных проблем в отдельном городе или деревне. Органы местного самоуправления призваны оказывать содействие и тесно взаимодействовать с правозащитным движением в процессе охраны и защиты прав и свобод своего населения.

Это имеет принципиальное значение, так как исторический опыт России свидетельствует, что в области охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина недопустима абсолютизация государственных средств. Наиболее целесообразно сочетание государственных, муниципальных и общественных начал в правозащитном механизме. Население муниципального образования вправе защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом (ч. 2 ст. 45 Конституции РФ).

Подлинная свобода человека и гражданина невозможна до тех пор, пока сами граждане, их самоуправляющиеся объединения и общественные формирования не получают широкие возможности для решающего влияния на обеспечение прав и свобод. Носителем же правозащитной самоорганизации населения может стать лишь демократическое, гражданское общество с развитыми началами местного самоуправления, формирование которого является первоочередной целью политических преобразований в России.

В этом находит свое отражение тот факт, что между местным самоуправлением и институтами прав и свобод человека и гражданина имеют

место самые тесные взаимозависимые, прямые и обратные связи. Поэтому одним из важных условий успешного осуществления реформы местного самоуправления должно стать дальнейшее развитие системы охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина на этом уровне.

Очевидно, что для решения этих проблем важное значение имело бы принятие единого нормативно-правового акта федерального уровня. С учетом специфики предмета его регулирования и самого места в общей системе законодательной основы местного самоуправления его можно было бы разработать и принять в форме федерального закона, имеющего, с одной стороны, общеобязательный характер и высшую юридическую силу, а с другой — само содержание и форма изложения которого подчеркивали бы его особую значимость в системе муниципального законодательства как документа, который должен получить свое развитие и конкретизацию в текущем законодательстве, прежде всего, субъектов федерации и муниципальных образований.

В предлагаемом документе целесообразно было бы закрепить прежде всего компетенцию органов местного самоуправления, систему гарантирования, ответственность органов и должностных лиц в случае неисполнения или ненадлежащего исполнения возложенных на них обязанностей по охране и защите прав и свобод человека и гражданина, что явилось бы правовой основой для более детального регулирования соответствующих вопросов на уровне регионального и местного нормотворчества. Предлагаемый нормативно-правовой акт позволил бы более последовательно реализовать конституционные начала разграничения предметов ведения и полномочий между федерацией и ее субъектами в области охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, для осуществления надлежащей охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина необходима более детальная их регламентация в отраслевом законодательстве. В связи с этим государство должно конкретно и понятно описать свои обязанности, а также обязанности органов государственной власти субъектов РФ и органов местного самоуправления и порядок их исполнения в правовых нормах. В противном случае «неопределенность норм <...> может привести к не согласующемуся с принципом правового государства произволу государственных органов и должностных лиц <...> и к нарушению равенства прав граждан перед законом»¹. Возлагая на себя определенные обязанности, государство должно как минимум создать необходимые условия для исполнения данной обязанности: предусмотреть процедуру, создать специальные органы, определить

¹ По делу о проверке конституционности Закона Санкт-Петербурга от 14 июля 1995 года «О ставках земельного налога в Санкт-Петербурге в 1995 году»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 8 октября 1997 года № 13-П // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1997. — № 42. — Ст. 4901.

степень, форму, да и саму возможность вмешательства государства в область свободы человека и гражданина.

Таким образом, необходимо отметить, что степень защищенности прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации и ее субъектах зависит от совершенства правовых механизмов их обеспечения, от экономического потенциала нашего общества. На современном этапе все это может быть осуществлено путем обеспечения первоочередности решения проблем законодательного регулирования конституционных прав, свобод и обязанностей граждан, средств и условий их обеспечения; совершенствования состава действующих конституционных прав и свобод человека и гражданина; развития системы конституционного надзора за созданием и реализацией государственными органами, должностными лицами и гражданами условий и средств обеспечения действия прав и свобод человека и гражданина в государстве. Реализация усилий и мер государственно-правового характера с учетом этих направлений деятельности позволит сформировать надежный и эффективный многоуровневый организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина как в Российской Федерации, так и в ее субъектах.

Заключение

В итоге проведенного исследования можно сформулировать некоторые выводы.

В условиях современной правовой действительности имеет место тенденция к чрезмерной идеологизации и политизации проблематики прав человека, ее использованию как инструмента для ведения информационного противоборства, что, безусловно, выводит права человека за пределы сферы собственно научного познания.

Как при проведении научных исследований, так и при осуществлении соответствующего правового регулирования и последующих актах реализации юридических норм, направленных на охрану и защиту прав и свобод человека, следует учесть, что тот стандарт прав человека, который, будучи закрепленным в нормах национального и международного права, в настоящее время претендует на статус общепризнанного, на практике является результатом сложного и неоднозначного эволюционного процесса. Процесс этот характеризуется как локальным накоплением количественных изменений в границах одного и того же подхода к данной проблематике, так и качественными скачками, знаменующими переход к её принципиально новому видению. На каждом этапе своего развития он имел специфические особенности, характерные для конкретных исторических эпох и для разных цивилизационных моделей. И потому осуществляемое с историко-правовых позиций исследование эволюции доктринального оформления прав и свобод человека и формирования институциональных механизмов их охраны и защиты имеет не только исключительно научно-теоретический, но и практико-ориентированный характер, позволяя более рельефно выявить сущность проблем, проявляющихся в данной сфере, в современную эпоху постмодерна.

Проблематика прав человека издавна приобрела многомерный, многоуровневый характер, трактуясь с позиций права, политики, религии, этики, философии и т.д.

Распад СССР и формирование рыночной экономики в Российской Федерации породили целый ряд новых проблем, связанных с реализацией, охраной и защитой прав и свобод человека и гражданина в нашей стране. Процесс интеграции прав человека в отечественное политико-правовое и социокультурное пространство оказался весьма непростым.

Современные проблемы России, как верно подметила Е. А. Лукашева, коренятся как в просчетах реформаторов рубежа XX—XXI вв., так и в многовековых традициях, и потому «было бы наивно предполагать, что, провозгласив права человека высшей ценностью, объявив Россию демократическим правовым и социальным государством, можно в кратчайшие исторические сроки сформировать то, на что у европейской цивилизации ушли

века»¹. Поэтому, несмотря на серьезные успехи в нормативном закреплении прав и свобод и формировании комплекса современных институтов, направленных на их охрану и защиту, по-прежнему продолжает оставаться весьма значимым тезис, зафиксированный еще в Декларации прав и свобод человека и гражданина 1789 г., о том, что «невежество, забвение прав человека или пренебрежение ими являются единственной причиной общественных бедствий и испорченности правительств»².

Исследование научной литературы по различным отраслям права и юридической практики свидетельствует о том, что в определении сущности «прав и свобод человека и гражданина» среди ученых и практиков нет единства. Они определяют их по-разному: как права, возможности, ценности, правомочия, потенции действий человека, как меру юридически возможного поведения и т. д.

Если в недавнем прошлом их определяли в качестве конституционных, основных, субъективных, то в настоящее время в все чаще используют формулировку «права и свободы человека и гражданина» либо «основные (конституционные) права и свободы». Признанные государством права и свободы человека и гражданина подразумевают определенную юридическую возможность выбора варианта поведения. Следовательно, «возможность» представляет собой исходный структурный элемент, дающий первоначальное представление о правах и свободах человека и гражданина.

Права человека происходят из естественного права, а права гражданина — из позитивного, хотя и те и другие носят неотъемлемый (неотчуждаемый) характер. Права человека являются первичными (исходными), они принадлежат всем индивидам с момента рождения независимо от принадлежности к гражданству определенного государства, а права гражданина закрепляются за лицом только в силу его принадлежности к государству (гражданства). Права гражданина являются по своей сути своеобразным ограничителем равенства между людьми, поскольку их лишаются лица, проживающие в государстве, но не имеющие его гражданства. Эти права обычно предоставляют гражданам возможность участия в государственных делах, в выборах органов государственной власти, допуска к государственной и муниципальной службе и т. д.

Права человека имеют сложную структуру: существуют определенные различия в понятиях «права человека» и «права гражданина», «права» и «свободы» человека, «основные (конституционные)» и «иные» права человека, «позитивные» и «негативные», «права индивида» и «коллективные права», «права российских граждан», «иностранцев граждан» и «лиц без гражданства», «материальные» и «процессуальные» права. Права человека различаются по времени возникновения («поколения прав человека»), по

¹ Лукашева Е. А. Российская цивилизация и права человека. — С. 130

² Декларация прав и свобод человека и гражданина 1789 г. // Французская Республика: Конституция и законодательные акты. — М., 1989. — С. 26—29.

сферам жизнедеятельности — личные (гражданские), политические, экономические, социальные и культурные права и свободы. Наряду с делением прав и свобод на «права и свободы человека» и «права и свободы гражданина», другой наиболее общей классификацией является деление всех прав на негативные и позитивные.

Как известно, основные фундаментальные права и вытекающие из них иные права и свободы обеспечивают различные сферы жизнедеятельности человека и гражданина: личную, политическую, социальную, экономическую, культурную. В соответствии с этим они и разграничиваются по категориям и наименованиям. Классификация всех прав и свобод человека и гражданина, так же как и их отраслевая классификация, не имеет автономного характера, а определяется научной дифференциацией права в целом.

Международно-правовую сущность института защиты прав человека недопустимо рассматривать вне контекста анализа взаимоотношений индивида и государства. Роль международного права сводится лишь к эпизодическому и попутному влиянию на национальные законы в данной области посредством формулирования международных обязательств государств отнюдь не в гуманитарной сфере. Что касается фиксированного в актах современного международного права каталога прав и свобод человека, то его формирование тесно связано с постепенным доктринальным и конституционным признанием автономии и суверенной самоценности человеческого существа, а также юридического партнерства общества и государства вследствие глубоких перемен, происходивших на протяжении столетий всемирной истории.

Формально-юридическое признание мировым сообществом прав человека как высшей ценности цивилизации выразилось после окончания Второй мировой войны в разворачивании с созданием ООН комплексного международного правотворческого процесса в данной сфере. Современный этап эволюции международно-правового регулирования вопросов защиты прав и свобод человека начался после окончания Второй мировой войны, и его характерные черты являются как следствием объективной логики гуманистических тенденций в цивилизационном развитии, так и атрибутом геополитической модели, сложившейся после образования ООН и в настоящее время хаотично модифицирующейся в контексте кризисных международных реалий. Это неизбежно приводит к необходимости рассматривать данный этап с двух позиций: с одной стороны, выясняя основные юридические параметры системы международных стандартов в области прав человека; с другой стороны, анализируя степень и характер воздействия на нее периодически осложняющейся во второй половине XX — начале XXI в. международной политической ситуации.

Нормативное закрепление принципа уважения прав человека в качестве цементирующего начала для уже вступивших в силу международно-

правовых актов в гуманитарной области и юридического ориентира для продолжения международного правотворческого процесса в данной сфере вполне логично стимулировало стремительное развитие его доктринальных трактовок и интерпретаций, в рамках которых можно выделить несколько взаимосвязанных тезисов современной международно-правовой теории прав человека, прежде всего:

- об императивном характере принципа уважения прав человека и юридическом характере обязательств государств, выраженных в договорной или иной международно-правовой форме, по уважению, обеспечению и защите прав и свобод человека;

- о необходимости совершенствовать национальное законодательство, приводить его в соответствие с нормами международного права в данной области на основе приоритета последнего;

- о логической «встроенности» принципа уважения прав человека в систему общих принципов международного права и недопустимости ссылки на него в целях нарушения других принципов (суверенного равенства, невмешательства во внутренние дела государств и т.д.);

- об исключительной важности освобождения области международного сотрудничества по гуманитарным вопросам (прежде всего по вопросам фундаментальных прав и свобод человека) от какой бы то ни было идеологической индоктринации и политического ангажмента.

Официальной доктриной международного права в области прав человека является универсализм, получивший нормативное закрепление в актах и программных документах ООН. Международно-правовые акты, закреплявшие права и свободы, определялись как документы, унифицирующие их понимание на национальном уровне, прежде всего для соответствующей имплементации во внутригосударственное конституционное право. В научном сообществе универсализм прав человека на долгое время стал преобладающим концептом, использующимся в качестве практически неопровержимой платформы для исследования развития международно-правового регулирования в области защиты прав человека. Кризис и развал биполярной модели мира, стремительно набиравшая темпы эмансипация в международной политике т. н. «развивающихся стран», в колоссальных масштабах развернувшаяся глобализация стимулировали критику официального универсализма международно-правовых норм в области прав человека.

Философские и культурологические дискуссии об универсальном характере международных документов в области прав человека, на наш взгляд, не должны оттеснять на второй план пережившую на рубеже тысячелетий второе рождение политическую проблему «гуманитарной интервенции», которая в современных условиях приобрела новые черты некой «цивилизационной миссии» отдельных государств не только в содействии распространению международных стандартов в области прав человека, но и

в глобальной ответственности этих государств за их реализацию в национальных правовых системах, вплоть до возможности вооруженного вмешательства и нарушения государственного суверенитета, что совершенно справедливо можно трактовать как прямой удар по системе коллективной безопасности, сложившейся после Второй мировой войны.

В настоящее время очевидна востребованность некоторого уточнения, на наш взгляд, категории «международных стандартов в области прав человека». На наш взгляд, под международно-правовым стандартом в области прав и свобод человека следует понимать акт международного права, унифицирующий принципиальные по юридическому характеру и минимальные по содержанию нормы, являющиеся ориентиром для формирования внутригосударственного законодательства и правоприменительной практики в данной сфере. К международно-правовым стандартам относятся все действующие договоры в области прав человека, некоторые наиболее важные рекомендательные акты, которые формируют те или иные направления правовой политики в гуманитарных вопросах, а также отдельные международные правоприменительные акты, к примеру решения Европейского Суда по правам человека.

Объектами «стандартизации» международных актов являются содержание субъективных прав и свобод, правовая и социальная политика государства, правоприменительная практика, способы международного сотрудничества в данной области и т.д. Подавляющее большинство стандартов по своей юридической природе являются международными обязательствами государств. Однако значительную часть их составляют своеобразные декларации намерений субъектов международного права в гуманитарной области (примером могут служить документы ОБСЕ) или «наставления» для внутригосударственных правоприменителей (например, Минимальные стандартные правила Организации Объединенных Наций, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила) 1985 г.). На наш взгляд, нет смысла расширенно трактовать международные стандарты как обязательства государства, распространяющиеся «и на способы реализации взятых обязательств, и на способы контроля за имплементацией норм и принципов прав человека».

Несмотря на исключительно важную роль международно-правовых стандартов, их роль в вопросах защиты прав человека, на наш взгляд, нельзя переоценивать. Во-первых, они содержат лишь минимальные требования к государству в этой сфере, что не препятствует создавать более широкую и прочную внутригосударственную правозащитную платформу. Во-вторых, как и подавляющее большинство источников международного права, они имеют согласительную диспозитарную природу. В-третьих, в значительном большинстве из них, особенно на универсальном уровне, содержатся абстрактно-декларативные положения, которые трудно конкретизировать в

международные обязательства государства. В-четвертых, абсолютное большинство из них не предполагает наличия четко оформленных механизмов международно-правовой ответственности в случае недостаточно полной реализации.

Реализация современных международных стандартов в области прав человека немыслима без надлежащего механизма контроля за соблюдением государствами взятых на себя в данной сфере договорных и иных обязательств. Международный контрольный механизм в области прав человека — это совокупность международных органов и учреждений, осуществляющих проверку и мониторинг обязательств субъектов международного права по обеспечению фундаментальных прав личности.

Особенностью международного контрольного механизма в области прав человека является то, что его структурные элементы связаны между собой только «горизонтально», т.е. совместными усилиями они призваны обеспечить реализацию главной цели — поддержание в эффективном состоянии сотрудничества субъектов международного права в гуманитарной сфере. В то же время «вертикальная» (в смысле иерархии взаимоотношений) взаимосвязь между элементами механизма проявляется не всегда, в отличие, например, от взаимоотношений между органами и учреждениями в рамках государственного механизма.

Под конституционно-правовыми принципами прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации понимаются основные начала, руководящие положения, которые определяют предоставление человеку и гражданину прав, свобод и исполнение ими обязанностей перед другими индивидами, коллективами, государством и обществом. Эти начала имеют юридический характер, они охраняются государством и правом, из них исходит более детальное регулирование правового статуса (правового положения) человека и гражданина.

Среди основных конституционных принципов прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации традиционно выделяются:

- сочетание прав и обязанностей человека и гражданина, которые имеют не только права, но и несут обязанности перед другими индивидами, их коллективами, государством и обществом;
- неотъемлемость основных прав и свобод и недопустимость их ограничения;
- равноправие граждан в отношении их прав и обязанностей;
- гарантированность прав и свобод человека и гражданина.

Все права человека являются универсальными, незаменимыми, взаимосвязанными и взаимозависимыми. Каждый человек должен пользоваться не только гражданскими, политическими и социально-экономическими правами и свободами, но и правами и свободами в сфере правосудия и другими правами и свободами. Поскольку, как известно, идеал свободной личности,

независимой от страха и нужды, может быть осуществлен только в том случае, если государством будут созданы такие политические и социально-экономические условия, при которых каждый сможет пользоваться всеми своими правами.

Права и свободы человека и гражданина в современном мире выступают необходимым инструментом цивилизованного взаимодействия между людьми и государством.

В настоящее время идея развития Российской Федерации как правового государства, ее взаимоотношений с обществом определяется не только особенностями реализации прав и свобод человека и гражданина, но и эффективной системой их охраны и защиты. Тем более что за последние годы активного развития социально-экономических и политических реформ в России сформированы достаточные условия для реализации основ демократического правового государства и гражданского общества.

Исследование юридического содержания понятий «обеспечение», «реализация» («осуществление»), «охрана» и «защита» в контексте прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации позволяет утверждать следующее:

1) в теории права нет единого подхода к определению понятий и содержания таких категорий, как «защита права» и «охрана права». Если прибегнуть к буквальному толкованию смысла этих слов, то защита предполагает противодействие чьему-либо посягательству, в то время как охрана включает в себя систему предупредительных мер, которые не допустят таких посягательств;

2) анализ Конституции РФ и действующего законодательства позволяет сделать вывод, что законодатель чаще использует термин «защита». Причем в понятие «защита» включается достаточно широкое содержание. Это свидетельствует о том, что законодатель не проводит четкой границы между данными понятиями, как это делается в научной литературе. Он использует тот или иной термин как синоним и учитывает лишь правильное лингвистическое построение конкретных статей, их четкое звучание и восприятие;

3) обеспеченная государством охрана прав и свобод личности без их защиты не имеет смысла для современной России, где все-таки еще высок уровень нарушений основных прав и свобод граждан;

4) различные точки зрения, высказываемые, главным образом, в отечественной юридической литературе, позволяют определить охрану как комплекс взаимосвязанных мер, осуществляемых государственными органами и общественными организациями, направленных на предупреждение нарушений прав, на устранение их причин и на обеспечение реализации личностью своих прав и свобод, а защиту как совокупность мер государственно-правового характера, принудительный (в отношении обязанного лица) способ осуществления прав, применяемый в установленном законом

порядке компетентными органами (федеральными и региональными (субъектов федерации)), органами местного самоуправления, должностными лицами, общественными объединениями и гражданами в целях восстановления нарушенного права, а также самозащиту прав самим лицом. Уяснение содержания понятий «охрана права» и «защита права» позволит решить важную общетеоретическую задачу — определить содержание понятия «юридические средства», совокупность которых и дает возможность эффективно осуществлять и государственную, и судебную, и в целом правовую защиту и охрану субъективных прав;

5) следует различать понятие «правовая защита» и «защита права». Правовая защита человека создает необходимую социально-правовую направленность поведения людей на реальное использование правовых средств защиты своих прав. Защита прав личности — это одна из юридических форм управления государством, направленная на обеспечение правовой защиты человека. Общая черта рассматриваемых явлений — наличие юридических механизмов, находящихся в распоряжении как государства, используемых им для позитивного воздействия и регулирования социальной сферы, так и человека, гарантирующих ему реальное, фактическое исполнение обязанности государства защищать права человека.

В свою очередь, правовая охрана в отличие от охраны права представляет собой совокупность юридических средств, при помощи которых обеспечивается выполнение всех правовых норм Конституции, строгое соблюдение режима законности, создание необходимых условий, развитие соответствующих гарантий, совершенствование государственно-правовых средств и методов обеспечения действия конституционных норм.

Таким образом, от правильного и полного осмысления сущности и содержания таких понятий, как «охрана прав» и «защита прав», во многом зависят не только существование действенного организационно-правового механизма обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина, но и отношение общественности к государственно-правовой деятельности, престиж государственных органов и органов местного самоуправления в Российской Федерации. Этим обстоятельством объясняется то внимание, которое уделяется данным проблемам не только правозащитниками, но и специалистами в данной области.

Эффективное обеспечение, охрана и защита конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации объективно требуют их определенного институционально-организационного оформления, конструирования соответствующего механизма. При этом данная задача может быть решена более успешно в том случае, если столь многогранное правовое явление, обладающее разносторонними развитыми связями и занимающее определенное место в системе социальных ценностей, будет рассмотрено в качестве системы.

Под организационно-правовым механизмом обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (в широком смысле) следует понимать сложную, целостную, многостороннюю и многоуровневую систему статических и динамических элементов (организационно-правовых средств), каждый из которых имеет свое функциональное предназначение, с помощью которых осуществляется целенаправленное, результативное воздействие на общественные отношения в сфере реализации (охраны и защиты) конституционных прав и свобод человека и гражданина посредством взаимообусловленного, сбалансированного их функционирования (в т. ч. взаимодействия) с целью создания оптимальных политических, экономических, социальных, духовных, правовых и иных условий для наиболее полного пользования человеком и гражданином социальными благами (эффективного обеспечения прав и свобод).

Организационно-правовой механизм обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина в Российской Федерации (в узком смысле) — это совокупность статических элементов, способствующих эффективной реализации конституционных прав и свобод человека и гражданина.

Для создания комплексной концепции организационно-правового механизма, как видится, необходимо обратиться именно к широкому пониманию.

При этом статическая (инструментальная) сторона показывает внутреннее строение этого целостного механизма, его отдельные элементы, взятые в единстве. Динамическая (функциональная) сторона определяет взаимообусловленное функционирование (в т. ч. взаимодействие) всех структурных элементов (организационно-правовых средств), каждый из которых имеет свое функциональное предназначение.

Статическую сторону этого механизма составляют:

- социальные нормы (нормативная основа);
- субъекты, объекты и характер связей между ними (правоотношения);
- гарантии;
- механизм реализации, включающий механизм охраны и механизм защиты прав и свобод;
- механизм юридической ответственности;
- механизм целеполагания, вне анализа и оценки которого нельзя успешно управлять организационно-правовым механизмом обеспечения конституционных прав и свобод человека и гражданина;
- специфические организационно-правовые средства (правовая культура, правовое сознание, законность, правопорядок).

Статическая сторона является основой (фундаментом) для динамической стороны организационно-правового механизма, ее предпосылкой. В

структуре его динамической стороны лежит движение, т. е. обеспечительный процесс (процедура) функционирования, который и определяет взаимодействие статических элементов. Более того, действенность этого механизма (динамическая сторона) зависит от степени социально-правовой активности личности при решении экономических, политических, культурных и других задач, ее отношения к своим правам и свободам. Без этого гражданское общество не способно к качественному развитию, а правовое государство, как показала практика, остается за гранью своего предназначения.

В Российской Федерации сложилась и действует разветвленная система охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина. Она включает в себя судебную и внесудебную охрану и защиту прав и свобод человека и гражданина.

Судебная охрана и защита обеспечивается деятельностью:

- федеральных судов (Конституционного Суда Российской Федерации; Верховного Суда Российской Федерации, верховных судов республик, краевых и областных судов, судов городов федерального значения, судов автономной области и автономных округов, районных судов, военных и специализированных судов, составляющих систему федеральных судов общей юрисдикции; арбитражных судов округов, арбитражных апелляционных судов, арбитражных судов субъектов Российской Федерации и специализированных арбитражных судов, составляющих систему федеральных арбитражных судов);

- судов субъектов Российской Федерации (конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации, мировых судей, являющихся судами общей юрисдикции субъектов Российской Федерации).

Внесудебная охрана и защита прав и свобод человека и гражданина предполагает соответствующую деятельность следующих субъектов:

- Президента Российской Федерации, который в соответствии с Конституцией Российской Федерации (ч. 2 ст. 80) является гарантом прав и свобод человека и гражданина;

- Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка, уполномоченных по правам человека и правам ребенка в субъектах Российской Федерации, полномочных представителей Президента Российской Федерации в федеральных округах;

- Комиссии по правам человека при Президенте Российской Федерации, других совещательных органов при Президенте Российской Федерации, созданных в целях оказания помощи в реализации его полномочий как гаранта Конституции РФ, прав и основных свобод человека и гражданина;

- Администрации Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации в сфере их функций по организации рассмотрения обращений граждан, охраны и защиты их конституционных прав и законных интересов;
- Центральной избирательной комиссии Российской Федерации, избирательных комиссий субъектов Российской Федерации, избирательных комиссий муниципальных образований, окружных избирательных комиссий, территориальных (районных, городских и других) комиссий, участковых комиссий, обеспечивающих реализацию и защиту избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации;
- федеральных органов исполнительной и законодательной ветвей власти в сфере их функций по организации рассмотрения обращений граждан, охраны и защиты их конституционных прав и законных интересов;
- органов исполнительной и законодательной (представительной) ветвей власти субъектов Российской Федерации в сфере их функций по организации рассмотрения обращений граждан, охраны и защиты их конституционных прав и законных интересов;
- органов местного самоуправления в сфере их функций по организации рассмотрения обращений граждан, охраны и защиты их конституционных прав и законных интересов;
- Прокуратуры Российской Федерации;
- Общественной палаты Российской Федерации;
- неправительственных правозащитных организаций и иных субъектов.

Система законодательства в области охраны и защиты прав и свобод человека и гражданина в соответствии с принципами построения национальной системы права имеет весьма разветвлённый характер.

Государственно-властные меры по охране и защите прав и свобод человека и гражданина в России весьма разноплановы и предполагают различные отраслевые юридические механизмы реализации. Значительное место в массиве первых занимают ограничения прав и свобод субъектов. По массовости применения со стороны органов и должностных лиц публичной власти ведущие места занимают меры административно-правового, уголовно-правового, уголовно-процессуального, гражданско-правового принуждения, а также меры дисциплинарного принуждения в системе отношений наёмного труда и в системе государственной и муниципальной службы.

Однако исходной правовой базой для подобного рода ограничений служат нормы конституционного права.

Вообще, конституционные ограничения — это установленные в Конституции РФ и конституциях (уставах) субъектов РФ границы, в пределах которых субъекты могут использовать свои права и свободы. Конституционные ограничения реализуются с помощью разнообразных правовых средств и имеют следующие признаки:

– связаны с неблагоприятными условиями (угрозой или фактическим лишением определённых ценностей) для осуществления собственных интересов субъекта, так как направлены на их сдерживание и одновременное обеспечение удовлетворения интересов противостоящей стороны, либо общественных интересов в охране и защите наиболее значимых общественных отношений (интересов правопорядка);

– информируют об уменьшении объёма возможностей, свободы, а значит и прав личности, сводят разнообразие в поведении индивида до определённого, допустимого уровня;

– отличаются от ущемлений, которые также являются специфическими ограничениями, но ограничениями противоправными, противозаконными, произвольными, то есть правонарушениями (конституционные же ограничения — законные, правомерные средства).

Цели ограничения прав и свобод субъектов сформулированы ч. 3 ст. 55 Конституции РФ: «Права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства».

В этом смысле значительную научную и практическую ценность имеют классификации конституционных ограничений прав и свобод субъектов. Наиболее значимые из них возможно провести по следующим основаниям:

1) в зависимости от ограничиваемых прав и свобод:

- ограничения гражданских и политических прав;
- ограничения экономических, социальных и культурных прав;

2) в зависимости от сферы действия:

– общие (распространяющиеся на все права и свободы, при условии, однако, действия запрета, установленного ч. 3 ст. 56 Конституции РФ, определяющего, в частности, что не подлежат ограничению права и свободы, предусмотренные следующими статьями Конституции РФ: ст. 20 (право на жизнь), ст. 21 (право на достоинство личности), ст. 23 (часть 1) (право на неприкосновенность частной жизни, защиту чести и доброго имени), ст. 24 (право на защиту информации о частной жизни), ст. 28 (свобода совести, вероисповедания), ст. 34 (часть 1) (право на свободное использование своих способностей и имущества для предпринимательской и иной экономической деятельности), ст. 40 (часть 1) (право на жилище), ст. 46 (право на судебную защиту прав и свобод), ст. 47 (право на рассмотрение юридического дела в том суде и тем судьёй, к подсудности которого оно отнесено законом), ст. 48 (право на получение квалифицированной юридической помощи), ст. 49 (право, непосредственно связанное с реализацией принципа презумпции невиновности), ст. 50 (право на пересмотр приговора, проше-

ние о помиловании или смягчении наказания), ст. 51 (право не свидетельствовать против себя, супруга и близких родственников), ст. 52 (право на охрану прав потерпевших от преступления), ст. 53 (право на возмещение государством вреда, причинённого незаконными действиями (бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц), ст. 54 (право, реализация которого непосредственно вытекает из конституционного запрета о том, что закон, устанавливающий или отягчающий ответственность, обратной силы не имеет);

– индивидуальные (распространяющиеся только на отдельные права и свободы);

3) с учётом уровней субъектов публичной власти, ограничивающих права и свободы граждан:

– государственные (федеральные, масштаба субъекта федерации);

– муниципальные;

4) по содержанию:

– финансово-экономические (запрет определённой экономической деятельности и пр.);

– личные (заключение под стражу и пр.);

– организационно-политические (отставка должностного лица и т.п.);

5) по способам осуществления:

– запреты;

– обязанности,

– приостановления;

– меры ответственности.

Современные теория и практика защиты прав человека и гражданина, безусловно, еще далеки от совершенства, требуют непрерывной оптимизации ресурсов, способов и средств повышения эффективности. Во многом это определяется общественно-политическими разломами, возникшими на рубеже тысячелетий. Представляется, что процесс дальнейшей гуманизации цивилизации будет разворачиваться в непосредственной зависимости от совершенствования понимания, закрепления и реализации прав человека, окончательного их превращения из юридической фикции в важнейший социальный инструмент, объединяющий человеческое общество.

Научное издание

Зражевская Татьяна Дмитриевна
Киричѐк Евгений Владимирович
Кирнос Андрей Викторович
Колесников Владимир Александрович

**Охрана и защита прав и свобод человека
в Российской Федерации**

Монография

Редактор Н.Ф. Палихова
Корректор А.С. Власова
Компьютерная верстка В.В. Павлов

Подписано в печать 20.12.2016. Формат 60×84¹/₁₆

Усл. печ. л. 15,58

Печать офсетная

Тираж 70 экз. Заказ № 71

Воронежский институт МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53

Типография Воронежского института МВД России
394065, Воронеж, просп. Патриотов, 53